

Annotation

Во второй части романа Дианы Гейблдон «Стрекоза в янтаре» героиня преодолевает разлуку во времени и козни врагов на пути к своему возлюбленному.

- [Диана Гэблдон](#)
  - [Часть пятая](#)
    - [Глава 30](#)
    - [Глава 31](#)
    - [Глава 32](#)
    - [Глава 33](#)
    - [Глава 34](#)
    - [Глава 35](#)
  - [Часть шестая](#)
    - [Глава 36](#)
    - [Глава 37](#)
    - [Глава 38](#)
    - [Глава 39](#)
    - [Глава 40](#)
    - [Глава 41](#)
    - [Глава 42](#)
    - [Глава 43](#)
    - [Глава 44](#)
    - [Глава 45](#)
    - [Глава 46](#)
  - [Часть седьмая](#)
    - [Глава 47](#)
    - [Глава 48](#)
    - [Глава 49](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

Диана Гэблдон
Стрекоза в янтаре. Книга 2

Часть пятая
Я ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ

Глава 30

ЛАЛЛИБРОХ

Это место было названо Брох Туарах в честь высокой каменной башни, построенной несколько веков назад. Она возвышалась над склоном горы, позади нашего имения. Люди, которые жили здесь, называли его «Лаллиброх». Насколько я понимаю, это должно было означать «Ленивая башня». Но это же равносильно тому, как сооружение цилиндрической формы окрестить «Башней, обращенной фасадом на север».

— Как может круглое здание смотреть на север? — спросила я, когда мы медленно ехали по узкой, извилистой каменистой тропе, поросшей вереском, — тропа была протоптана маралами, и ехать по ней можно было только цепочкой, друг за другом. — Но у башни не бывает же фасада.

— У нее есть дверь, — резонно возразил Джейми, — и она смотрит на север.

Он остановил свою лошадь у крутого обрыва спуска и свистнул, подавая какой-то сигнал лошадям, которых он вел за собой. Мускулистые четвероногие сразу же сбились в кучу, теперь их поступь изменилась, они осторожно вытягивали переднее копыто на несколько сантиметров вперед, ощупывая болотистую почву, сменившую каменистую тропу, и только после этого решались сделать очередной шаг. Лошади, купленные в Инвернесе, были крупными и красивыми. Выносливые маленькие пони, распространенные в горных районах Шотландии, больше бы подошли для этих дорог, но эти лошади, все кобылы, были предназначены для выведения лучшей породы, а не для работы.

— Ладно, — сказала я, переступая через маленькую канаву с водой, пересекающую оленью тропу. — Прекрасное объяснение. Но почему Лаллиброх? Почему башня называется ленивой?

— Она слегка отклонилась от центра, — ответил Джейми. Мне была хорошо видна его голова, чуть наклоненная вперед — он внимательно следил за дорогой, — и несколько прядей золотисто-рыжих волос, развеваемых полуденным ветерком. — Это трудно заметить сразу, но если взглянуть на нее с западной стороны, то можно заметить, что она слегка наклонилась к северу. А если смотреть из одной из щелей, расположенных над дверью на верхнем этаже, то не увидишь основания башни по той же самой причине.

— Полагаю, что в тринадцатом веке еще не знали об отвесах, —

заметила я. — Поэтому приходится только удивляться, что она до сих пор не упала.

— О, она падала, и не раз, — заметил Джейми, повышая голос из-за усиливающегося ветра. — Люди, жившие здесь, снова поднимали ее, поэтому она и находится сейчас в наклонном положении.

— Я вижу ее! Я вижу ее! — раздался из-за моей спины голос Фергюса, дрожащий от волнения. Ему было разрешено остаться в седле, так как его вес не слишком обременял лошадь. Оглянувшись назад, я увидела, как он прыгает в седле, крича и размахивая руками. Его лошадь, спокойная, терпеливая кобыла, была несколько озадачена необыкновенным поведением седока, но, по-видимому, не пыталась сбросить его в растущий вдоль дороги вереск. Фергюс все так же безумно любил лошадей и не мог упустить случай, чтобы не сесть в седло. Джейми, исполненный понимания и жалея парнишку — любителя лошадей, потакал ему, сажал его позади себя в седло во время своих дальних и близких поездок и разрешал ему кататься одному на каретных лошадях Джареда, больших и сильных, которые лишь удивленно прядали ушами в ответ на крики и пинки Фергюса.

Я напрягла зрение и посмотрела в направлении, куда он указывал. Он был прав. Сидя на лошади, он смог различить темный силуэт старинной каменной башни. Родовое имение, расположенное на более низком уровне, было еще труднее различить. Построенное из белого камня, оно отсвечивало на солнце, сливаясь с окружающими его ячменными полями, а кроме того, оно было скрыто от наших глаз деревьями, представляющими собой лесополосу, защищающую ячменное поле от ветра.

Я заметила, что Джейми тоже вытянул шею, и поняла, что он увидел свой дом. Он постоял с минуту молча, не двигаясь, лишь широко расправив плечи. Ветер трепал его волосы и яркий шотландский плед. Складки пледа вздувались на ветру, и казалось, что Джейми вот-вот поднимется над землей и станет радостно парить в вышине подобно воздушному змею. Это напомнило мне надувшиеся паруса кораблей, готовых покинуть Гавр. Я стояла на пристани, наблюдая суматоху, царящую при отплытии и прибытии кораблей. Чайки сновали среди мачт, пронзительно крича, и их рокочущие голоса сливались с голосами матросов.

Джаред Мунро Фрэзер стоял рядом со мной, с удовлетворением наблюдая за разгрузкой приплывшего по морю богатства, часть которого принадлежала ему. Среди пришвартованных у причала судов был и один из принадлежащих ему — «Портиа», который должен был доставить нас в Шотландию. Джейми сказал мне, что все корабли Джареда носили имена

его любовниц и были украшены похожими на них деревянными головками. Я щурилась от ветра, вглядываясь в деревянное изваяние на носу корабля, пытаюсь выяснить, правда ли это или Джейми просто подшутил надо мной. Если нет, решила я, то, по-видимому, Джаред щедро одаривал своих женщин.

— Я буду скучать о вас обоих, — произнес Джаред в четвертый раз за последние полчаса. Он действительно выглядел огорченным, даже его нос сейчас не был, по обыкновению, задорно задран вверх. Поездка его в Германию прошла удачно. На нем был шейный платок, заколотый булавкой с огромным бриллиантом, и роскошное бархатное пальто бутылочного цвета с серебряными пуговицами.

— Ну ладно. Хотя мне очень не хочется расставаться с вами, я не могу лишиться вас радости вернуться домой. Возможно, я навещу вас, дорогая. Давненько мне не случалось бывать в Шотландии.

— Мы тоже будем скучать по тебе, — сказала я вполне искренне. Здесь оставались и другие люди, по которым я буду скучать — Луиза, матушка Хильдегард, герр Герстман и, конечно же, мистер Раймон. Тем не менее мне не терпелось вернуться в Шотландию, в Лаллиброх. Мне вовсе не хотелось возвращаться в Париж, к тому же там жили люди, с которыми мне совершенно не хотелось встречаться. Король Людовик, например.

Или Карл Стюарт. Осторожные попытки Джейми выяснить настроение якобитов в Париже подтвердили правильность сложившегося у него впечатления. Небольшой всплеск оптимизма, вызванный хвастливыми заявлениями Карла по поводу «грандиозного предприятия», угас, и если вначале сторонники короля Джеймса сохраняли верность своему монарху, сейчас, по всей видимости, никаких решительных действий они предпринимать не станут.

Пусть Карл и пребывает по-прежнему в ссылке, подумала я, а наша ссылка закончилась. Мы возвращаемся домой.

— Багаж на борту, — пробасил грубый голос с шотландским акцентом прямо мне в ухо. — Капитан просит вас подняться на корабль. Сейчас начнется отлив, и мы отправимся в путь.

Джаред огляделся по сторонам, затем обратился к Муртагу:

— А где же Джейми?

Муртаг кивнул в сторону пирса:

— В таверне. Решил напиться до чертиков.

Когда встал вопрос о возвращении домой, я уже тогда с ужасом думала о мучениях Джейми во время путешествия через Ла-Манш, если не повезет с погодой. Сейчас он взглянул на небо, увидел пурпурный закат — верный

предвестник шторма, и, извинившись перед Джаредом, исчез.

Посмотрев в направлении, указанном Муртагом, я увидела Фергюса, сидящего на страже у входа в одну из таверн.

Джаред поначалу не поверил Муртагу, но, узнав, что таким образом его кузен надеется справиться с морской болезнью, весело рассмеялся:

— Вот оно что! Если мы немедленно отправимся за ним, он вошьет в себя по крайней мере на одну кварту меньше, и тогда с Божьей помощью сможет сам подняться по трапу.

— Зачем он это сделал? — сердито спросила я Муртага. — Я же сказала ему, что припасла на этот случай настойку опия. — Я похлопала по шелковому ридикюлю, который держала в руках. — Уж это точно свалило бы его с ног почище любого виски.

Муртаг усмехнулся:

— О да. Но он сказал, что если бы у него болела голова, он обязательно воспользовался бы твоим предложением. Но пить виски гораздо приятнее, чем это мерзкое черное снадобье. — Он кивнул на мой шелковый ридикюль, где я держала настойку, затем сделал знак Джареду: — Пойдем, поможешь мне.

Я сидела на койке в капитанской каюте и наблюдала за постепенно удаляющейся линией берега, голова мужа лежала у меня на коленях. Он чуть приоткрыл один глаз и посмотрел на меня. Я убрала тяжелую влажную прядь волос у него со лба. Запах виски и эля витал вокруг него.

— И на кого же ты будешь похож, когда мы прибудем в Шотландию, — сказала я.

Он приоткрыл другой глаз и уставился на скользящие по деревянному потолку полосы света. Затем обратил свои бездонные синие глаза на меня:

— Буду выглядеть не хуже, чем всегда.

Речь его была четкой и ясной. Он закрыл глаза, мягко отрыгнул, затем его длинное тело расслабилось, и он снова погрузился в глубокий сон.

Казалось, лошади испытывали такое же нетерпение, как и мы. Почувствовав близость и конюшни, и сытой еды, они прибавили шаг, наострив уши и высоко поднимая головы. Я тоже мечтала о том, что скоро наконец смогу вымыться и поесть, как вдруг моя лошадь, шедшая впереди, встала на дыбы.

Она заскользила, останавливаясь, копыта глубоко погрузились в красноватую пыль. Кобыла водила головой из стороны в сторону, храпя и фыркая.

— Эй, что с тобой? Или шлея попала под хвост? — Джейми сошел со своей лошади и быстро схватил мою под уздцы. Чувствуя, что ее широкая

спина дрожит и подергивается, я тоже спешила.

— Что это с ней? — Я с любопытством смотрела, как моя лошадь упирается, трясет гривой и таращит глаза. Другие лошади, как по команде, стали делать то же.

Джейми взглянул через плечо на пустынную дорогу:

— Она чувствует что-то неладное.

Фергюс приподнялся в подогнанных ему по росту стременах, приставил ладонь ко лбу козырьком и стал вглядываться в даль. Затем опустил руку, посмотрел на меня и пожал плечами. Я тоже пожала плечами.

Ничего такого, что могло бы испугать лошадь, не было видно. Дорога и поля вокруг были совершенно пустыни. Ближайшие деревья находились от нас не менее чем в ста ярдах. Еще дальше виднелась небольшая кучка камней. Это были, должно быть, остатки дымовых труб некогда стоявших здесь домов.

Волки редко водились в этих местах, и, конечно, ни лиса, ни барсук не могли испугать лошадь на таком расстоянии.

Оставив попытки заставить лошадь идти вперед, Джейми повел ее по кругу, она повиновалась, а затем охотно пошла назад, в противоположном направлении.

Джейми подал Муртагу знак отвести лошадей с дороги, затем вскочил в седло, наклонился вперед, вцепившись одной рукой в лошадиную гриву, понукая ее и что-то шепча ей на ухо. Она покорно дошла до места нашего последнего привала, но здесь остановилась, снова мелко подрагивая, и уже ничто на свете не могло заставить ее двигаться вперед.

— Ну ладно, — сказал Джейми, — иди, куда хочешь. — Он повернул лошадь, и она направилась к полю. Желтые колосья хлестали ее по животу, но она словно не замечала этого. Мы последовали за ними. Лошади спокойно шли вперед, время от времени лакомясь тучными колосьями.

Как только мы обогнули небольшой гранитный валун, я услышала впереди тревожный лай. Мы вышли на дорогу и увидели оцетинившуюся черную с белыми пятнами сторожевую собаку. Она таякнула несколько раз, и тут же из зарослей ольхи выскочила другая, очень похожая на первую, в сопровождении высокой, худощавой фигуры человека, завернутого в коричневый охотничий плед.

— Айен!

— Джейми!

Джейми бросил мне поводья моей лошади и поздоровался с зятем. Двое мужчин обнимались, хлопая друг друга по спине и смеясь. Успокоившиеся собаки прыгали вокруг них, виляя хвостами и путаясь в

ногах лошадей.

— А мы вас ждали только к завтрашнему утру, — проговорил Айен. Он так и сиял от радости.

— Нам споспешествовал попутный ветер, — объяснил Джейми. — Хотя, по правде говоря, сам-то я этого не чувствовал. Это Клэр мне сказала. — Он бросил на меня насмешливый взгляд.

Айен подошел пожать мне руку.

— Сношенька, — ласково сказал он после официального приветствия и широко улыбнулся. Его карие глаза светились добротой и симпатией. — Клэр! — Он с чувством поцеловал мне руку и продолжал: — А Дженни вовсю готовится к встрече, занимается уборкой и готовит. Сегодня вы наконец-то будете спать в своей постели. Она выбила и прожарила на солнце все матрацы.

— После трех ночей на море я усну и на полу, — сказала я. — Ну а как Дженни, дети, все здоровы?

— Да. И она ждет ребенка, — добавил он. — В феврале.

— Опять?! — одновременно воскликнули мы с Джейми, вогнав Айена в краску.

— Бог мой, ведь Мэгги нет еще и года, — укоризненно произнес Джейми. — Ты что, не можешь остановиться?

— Я?! — возмутился Айен. — Думаешь, это моя вина?

— Ну, если ты тут ни при чем, тебе следовало бы по крайней мере поинтересоваться, чья тут вина, — сказал Джейми, с трудом сдерживая улыбку.

Айен еще больше покраснел, и здоровый цвет лица в сочетании с гладко зачесанными каштановыми волосами делали его удивительно симпатичным.

— Черт возьми, ты же понимаешь, что я имею в виду. Два месяца я спал отдельно от нее, вместе с малышом Джейми, но затем Дженни...

— Ты хочешь сказать, что моя сестра распутница?

— Я хочу сказать, что она такая же упрямая, как и ее братец, и всегда добивается, чего хочет, — ответил Айен. Он сделал ложный выпад в сторону, затем назад и в шутку ударил Джейми в живот. Джейми со смехом ответил ему тем же.

— Как только вернусь домой, я помогу тебе держать ее в руках.

— Правда? — скептически улыбнулся Айен. — А я призову всех соседей в свидетели.

— Вы что, потеряли овец? — уже серьезно спросил Джейми, кивком указывая на собак и здоровенную клюку.

— Да, двенадцать ярок и барана, — горестно вздохнул Айен. — Это мериносы — собственное стадо Дженни. Она держит их ради шерсти. Баран оказался настоящим хулиганом. Сломал ворота. Я думал, что они где-нибудь здесь, в пшенице, но их нигде нет.

— Мы тоже их не встретили по пути, — заметила я.

— Да там их и не могло быть, — возразил Айен. — Ни одна скотина не пройдет мимо жилого дома.

— Дома? — переспросил Фергюс, сгорая от нетерпения поскорее прибыть на место. — Я не видел никакого дома, милорд. Только груды камней.

— Это все, что осталось от дома Макнаба, парень, — пояснил Айен. Он бросил быстрый взгляд на Фергюса, силуэт которого отчетливо вырисовывался на фоне предвечернего неба. — И я бы советовал тебе держаться подальше от того места...

Несмотря на жаркую погоду, мурашки поползли у меня по телу. Именно Рональд Макнаб выдал год назад Джейми английским стражникам. И погиб в тот же день, как только выяснилось, кто предатель. Он сгорел, насколько я помнила, в собственном доме, подожженном жителями Лаллиброха. Груда камней, мимо которой мы проезжали, казалась теперь надгробным памятником. Я проглотила горький комок, подкативший к горлу.

— Макнаб? — спокойно переспросил Джейми. Выражение его лица сразу же изменилось. — Ронни Макнаб?

Я рассказывала Джейми о предательстве Макнаба и о том, что он погиб, но ни словом не обмолвилась о причине его гибели.

Айен кивнул:

— Да. Он погиб здесь в ту же ночь, когда англичане схватили тебя, Джейми. Должно быть, соломенная крыша загорелась от искры, а вместе с домом сгорел и он. Ведь ты знаешь, он был большим любителем выпить. — Айен стойко выдержал взгляд Джейми, в котором не осталось и следа от шутливой задиристости.

— Вот оно что. А его жена и сын? — Выражение лица Джейми было таким же, как у Айена, — холодным и бесстрастным.

— Они остались в живых. Мэри Макнаб работает на кухне в доме, а Рэбби — в конюшне. — Айен невольно взглянул через плечо туда, где когда-то стоял дом Макнаба. — Мэри часто приходит на родное пепелище. Она — единственная в округе, кто бывает там.

— Наверное, она любила его? — Джейми повернулся и тоже посмотрел на пепелище. Я не видела его лица, но почувствовала по голосу

испытываемое им волнение.

Айен пожал плечами.

— Не думаю. Пьянчужкой, и к тому же задиристым, был этот Ронни. Даже его старой матери доставалось от него. Мне кажется, Мэри ходит сюда из чувства долга, помолиться о его душе, — добавил Айен.

— Понятно. — Джейми задумчиво помолчал с минуту. Потом забросил поводья за спину лошади и стал медленно подниматься вверх по холму.

— Джейми, — крикнула я ему вдогонку, но он уже энергично шагал вверх по дороге. Я протянула поводья моей лошади удивленному Фергюсу. — Оставайся здесь, с лошадьми, а я пойду с ним.

Айен хотел было отправиться вместе со мной, но Муртаг остановил его, и я пошла одна следом за Джейми.

У него были длинные ноги и уверенный шаг человека, привыкшего к лазанью по горам. Он дошел до просеки, где находился разрушенный дом, раньше, чем я успела его догнать. Он стоял там, где когда-то была наружная стена дома. Квадрат утрамбованной земли, служивший полом, порос густой свежей травой, казавшейся особенно яркой на фоне желтого ячменного поля. Следов огня почти не было видно. Несколько обгорелых деревяшек проглядывали сквозь траву возле каменного камина. Осторожно ступая и стараясь обходить стороной канавки, служившие когда-то основанием стен, Джейми принялся кружить возле каменного очага, трижды обошел его, каждый раз расширяя круги и забирая все левее и левее, чтобы сбить с толку дьявола, который мог следовать за ним.

Я стояла молча и ждала. Это была его сугубо личная акция, но я не могла оставить его одного, и хотя он не смотрел на меня, все же я знала, что он был рад моему присутствию.

Наконец Джейми остановился у груды камней. Положив на нее руку, он закрыл на минуту глаза, как будто бы читая молитву. Затем поднял с земли камень размером с кулак и осторожно водрузил его сверху, словно этот камень мог успокоить мятущуюся душу Рональда Макнаба. Он перекрестился, повернулся и пошел ко мне широким, уверенным шагом.

— Не оборачивайся, — спокойно сказал он, беря меня под руку и увлекая за собой.

Я не обернулась.

Джейми, Фергюс и Муртаг отправились с Айеном и собаками на поиски овец. Мне была предоставлена возможность одной с лошадьми добираться до дома. Хотя у меня не было достаточного опыта в обращении с лошадьми, я надеялась, что полмили как-нибудь смогу одолеть с ними,

если не случится ничего экстраординарного.

Этот наш приезд во многом отличался от нашего первого посещения Лаллиброха. Я была в тревоге перед будущим, Джейми — от воспоминаний о прошлом. Наше пребывание здесь было счастливым, но не безмятежным. Нам грозила опасность быть обнаруженными, а за этим мог последовать немедленный арест Джейми. Но сегодня, благодаря вмешательству герцога Сандрингема, Джейми прибыл сюда в качестве полноправного хозяина своего родового имения, а я — его законной жены. Тогда мы свалились как снег на голову, а сейчас — заранее известив о своем приезде, с соблюдением всех необходимых церемоний, с подарками из Франции для всех членов семьи.

Хотя я не сомневалась в уготованном нам теплом приеме, я невольно задумывалась над тем, как Айен и Дженни воспримут наше возвращение. В конце концов, ведь фактически они были хозяевами имения в течение последних нескольких лет после смерти отца Джейми и тех событий, в результате которых Джейми был объявлен вне закона, а затем и изгнан из страны.

Я поднялась с лошадьми на последний холм без каких-либо приключений. Лаллиброх лежал передо мной как на ладони. Тем временем на краю неба стали собираться грозовые тучи. Вдруг моя лошадь остановилась, тревожно попятилась и тихо заржала. Из-за угла дома выкатились два огромных, словно надутые шары, предмета. Они двигались над самой землей подобно тяжелым облакам.

— Стоять! — закричала я. — Тпру! — Лошади, все, как одна, стали пятиться и упираться. Я уже была близка к отчаянию. Вот будет дело, если весь табун купленных Джейми лошадей переломает себе ноги, да еще перед самым домом, подумала я.

Вдруг один из этих надувных предметов чуть приподнялся, затем распластался по земле, и я увидела Дженни Фрэзер Муррей. Она вылезала из-под огромной перины, которую тащила к дому.

Ни минуты не медля, она вскочила в седло ближайшей лошади и с силой ударила ее по бокам.

— Тпру! — скомандовала она. Лошадь тут же успокоилась. Чтобы успокоить других лошадей, уже не потребовалось особых усилий. Вскоре на помощь к нам подоспела еще одна женщина и мальчик лет десяти-десяти, который и повел опытной рукой остальных лошадей.

Я узнала в нем Рэбби, Макнаба-младшего, а женщина, несомненно, была его мать — Мэри. Суматоха и ржание лошадей, узлы и перины не давали возможности поговорить, но я улучила момент, чтобы как следует

поздороваться с Дженни. От нее пахло медом и корицей, чистой испариной от напряжения и неповторимым ароматом материнского молока. Мы крепко обнялись, воскрешая в памяти то тревожное прощание на опушке темного леса, когда я отправлялась на поиски Джейми, а она возвращалась к новорожденной дочери.

— Как маленькая Мэгги? — спросила я наконец, оторвавшись от нее.

Дженни изобразила счастливую гримасу, не в силах скрыть своей гордости.

— Только что начала ходить, а уже терроризирует весь дом. — Она оглянулась на пустынную дорогу. — Вы встретили Айена?

— Да. Джейми, Муртаг и Фергюс отправились с ним искать овец.

— Пусть лучше мочит их, чем нас, — сказала Дженни, указывая на небо. — Дождь начнется с минуты на минуту. Пусть Рэбби отведет лошадей в конюшню, а ты помоги мне, пожалуйста, с матрацами, иначе сегодня будем спать на мокрых.

Мы развили бурную деятельность, и когда пошел дождь, уже сидели в гостиной, распаковывая пакеты, которые мы привезли из Франции, одновременно любуясь маленькой Мэгги, ее голубыми глазками и пушистыми волосиками. Ее старший брат, Джейми, был уже четырехлетним крепышом. Искренне восхищаясь малышами и наблюдая, как Дженни время от времени ласково касается рукой их круглых головок, я невольно испытывала приступы острой боли.

— Ты что-то сказала о Фергюсе, кто это? — спросила Дженни.

— Фергюс? — Я запнулась, не зная, как отрекомендовать его. Для карманного вора вряд ли найдется работа на ферме. — Джейми взял его под свою опеку.

— Да? — Дженни призадумалась, а потом объявила свое решение: — Ну тогда, думаю, он может спать на конюшне. — Она взглянула на окно, которое заливали потоки дождя, и продолжала: — Надеюсь, они не долго будут искать овец. Я приготовила вкусный обед, и мне не хочется, чтобы он переставал.

Вскоре действительно стемнело, и Мэри Макнаб накрыла на стол. Это была маленькая, хрупкая женщина с темно-каштановыми волосами и настороженным взглядом. Тревожное выражение на ее лице тут же сменилось улыбкой, когда Рэбби вернулся из конюшни и направился на кухню, сердито вопрошая, когда же наконец будет обед.

— Когда вернутся мужчины, милый. Ты же знаешь. А сейчас пойд и умойся.

Когда же мужчины вернулись, стало ясно, что они больше нуждаются

в мытье, чем Рэбби. Продрогшие, насквозь промокшие, в грязи по колено, они медленно вошли в гостиную. Айен стащил с себя плед и повесил его сушиться у камина. От жаркого огня от пледа тут же повалил пар. Фергюс, ошеломленный первым знакомством с фермерской жизнью, просто сел там, где стоял, и бессмысленно уставился в пол.

Дженни взглянула на брата, которого не видела почти год. Оглядев его с головы, мокрой от дождя, и до ног, заляпанных грязью, она указала рукой на дверь.

— Выйди и сними обувь, — твердым голосом прика зала она. — И если тебе придется побывать в поле, не забудь помочиться на дверной косяк при возвращении. Таким образом ты отвадишь от дома привидения, — пояснила она мне тихо, бросив быстрый взгляд на дверь, за которой только что скрылась Мэри Макнаб.

Джейми, который уже успел повалиться в кресло, открыл один глаз и бросил на сестру хмурый взгляд:

— Я высадился на берегу Шотландии чуть живой, четырехдневные скитания в пути основательно подорвали мои силы, я уже готов переступить порог дома, чтобы помочиться горло, но тут мне велят отправиться на поиски каких-то овец и обшарить все окрестности, утопая по колено в грязи... И вот, когда я уже наконец здесь, ты заставляешь меня снова отправиться на холод — писать на дверной косяк. Ха! — И он опять закрыл глаза, сложил руки на груди и уселся поудобнее в кресло, всем своим видом демонстрируя протест против такого обращения.

— Джейми, дорогой, — сладким голосом пропела сестра. — Ты хочешь есть, или мне отдать твой обед собакам?

Какое-то время Джейми сидел неподвижно, прикрыв глаза. Затем, присвистнув, покорно поднялся на ноги. Он шутливо толкнул плечом Айена, и они отправились за дверь следом за Муртагом, который был уже на улице. Проходя мимо сонного Фергюса, Джейми схватил его за руку, поднял на ноги и потащил за собой.

— Добро пожаловать домой, — угрюмо сказал Джейми и, бросив тоскливый взгляд на очаг и виски, снова нырнул в ночную темень.

Глава 31

ВЕСТИ ИЗ ПАРИЖА

После отнюдь не триумфального возвращения в Лаллиброх вскоре все благополучно устроилось. Джейми с головой окунулся в хозяйственные дела, будто никуда и не уезжал. Я тоже легко адаптировалась к фермерскому быту. Была ранняя осень, с частыми дождями, чередующимися с теплыми, солнечными днями, от которых становилось светло на душе.

Жизнь на ферме была ключом, полным ходом шла уборка урожая и подготовка к предстоящей зиме. Лаллиброх — довольно глухое место даже по меркам горных районов Шотландии. Оно фактически было оторвано от внешнего мира, но почту нам все же доставляли. Внешний мир казался чем-то нереальным, словно бы я никогда не танцевала в зеркальных залах Версаля. Но письма напоминали мне о Франции. Перед моим мысленным взором вставали улица Тремолин с тополиными деревьями, я слышала звон церковного колокола в «Обители ангелов».

У Луизы родился ребенок — мальчик. Ее письма, изобилующие восклицательными знаками, были полны описаниями ее божественного Генри или его отца, мнимого или настоящего, не имеет значения.

В письме Карла Стюарта, пришедшем на месяц позже, ничего не говорилось о ребенке, но, по словам Джейми, оно было более невразумительным, чем обычно, полным неясных планов и смутных надежд.

Граф Мар писал серьезно и рассудительно, но его недовольство Карлом было очевидным. Красивый Принц ведет себя оскорбительно. Груб. и придиричив по отношению к самым верным своим сторонникам, не ценит своих истинных приверженцев, оскорбляет их, болтает всякий вздор и — как можно было понять, читая между строк, — основательно пьет.

Матушка Хильдегард писала время от времени лаконичные, но вместе с тем насыщенные информацией письма, видимо с трудом улучая для этого момент среди своих многочисленных повседневных дел и обязанностей. Каждое письмо неизменно кончалось одними и теми же словами: «Бутон тоже шлет свои наилучшие пожелания».

Мистер Раймон ничего не писал, но мне часто приходили посылки без обратного адреса и без подписи. В посылках содержались необычные вещи: редкие травы и мелкие граненые кристаллы, а также набор гладких

камней размером с ноготь большого пальца Джейми в форме диска. На каждом была вырезана крошечная фигурка с надписью сверху или с обратной стороны. И еще там были кости — палец медведя с сохранившимся кривым когтем, позвоночник маленькой змейки, натянутый на кожаный ремешок так, что она казалась живой, а также целая связка зубов, начиная от круглых коротких, которые, по словам Джейми, могли принадлежать тюленю, и длинных, скошенных по бокам, они скорее всего принадлежали когда-то оленю, и, наконец, зубы, подозрительно напоминающие коренные зубы человека.

Время от времени я брала эти таинственные, необычные вещи и носила в кармане. Мне было приятно перебирать их, словно играя. Они были старинными. Я знала об этом. Они остались еще со времен римлян. А может быть, были даже еще более древними. И, глядя на маленькие фигурки, вырезанные на них — неважно, кто их вырезал, — я понимала, что тот человек хотел придать им магическую силу. Были ли они подобны травам, приносящим практическую помощь людям, или только символами, подобными каббалистическим знакам, я этого не знала. Они казались добрыми, и я носила их.

Кроме домашних дел, которые мне нравились больше всего, я получала огромное удовольствие от долгих прогулок по поместью. Отправляясь в очередное странствие, я всегда брала с собой большую корзину. И чего там только не было! Начиная с гостинцев для детей и кончая лекарствами, которые необходимы для лечения болезней, порожденных бедностью и отсутствием гигиенических навыков, а врачей от Форт-Уильяма на севере до Инвернесса на юге практически не было. Некоторые заболевания, такие, как, например, кровоточивость и воспаление десен, являющиеся признаком начинающейся цинги, я умела лечить. Другие болезни мне были неподвластны.

Я пощупала лоб Рэбби Макнаба. Жесткие волосы у висков были влажны, рот открыт, и пульс едва слышен.

— Сейчас ему лучше, — сказала я. Его мать понимала это и без меня. Он лежал, разметавшись во сне. Щеки порозовели от тепла горящего камина. Тем не менее она стояла, склонившись над постелью сына, не отрывая от него глаз. Она поверила в то, что видела собственными глазами, только после того, как я подтвердила это. Ее поникшие плечи, скрытые шалью, постепенно расправились.

— Спасибо Святой Деве, — пробормотала Мэри Макнаб, истово молясь, — и вам, миледи.

— Меня не за что благодарить, я ничего не сделала, — возразила я.

И это была суцая правда. Единственная услуга, оказанная мною, состояла в том, что мне удалось уговорить его мать оставить его в покое. И в самом деле, мне стоило немалых усилий убедить ее не давать ему снадобье, представляющее собой смесь отрубей с петушиной кровью, не махать у него перед носом сожженными перьями и не брызгать на него холодной водой. Ведь все эти средства ничуть не помогают при эпилепсии. Когда я пришла, Мэри громко стенала по поводу того, что никак не может напоить его ключевой водой из черепа самоубийцы, считая это средство самым эффективным из всех существующих на свете.

— Мне так страшно, когда он лежит вот так неподвижно, — говорила Мэри, с надеждой взирая на сына. — В прошлый раз я позвала к нему отца Макмуртри, и он долго молился и опрыскивал мальчика святой водой, чтобы изгнать дьяволов. Но ничего не получилось, они опять в него вселились. — Она взмахнула руками, как будто желая дотронуться до сына, но не посмела.

— Никакие это не дьяволы, — попыталась пояснить я. — Это болезнь, и к тому же не смертельная.

— Да, да, миледи, вы правы, — бормотала она, не желая мне противоречить, но вряд ли веря моим словам.

— Он непременно поправится, — не сдавалась я. — Ведь он всегда поправляется после таких приступов, не так ли? — Такие приступы начались у Рэбби два года назад. Возможно, из-за травмы головы, которую нанес ему отец. Но так как приступы случались редко, мать каждый раз страшно пугалась.

Она неуверенно кивнула:

— И еще я очень боюсь, когда при этом он бьется головой обо что попало.

— Да, это действительно опасно, — терпеливо объясняла я. — Поэтому в следующий раз проследи, чтобы он не повредил голову обо что-нибудь острое, и оставь его лежать — пусть все идет своим чередом, а когда он очнется, уложи его в постель, и пусть он спит. — Я понимала, что мои слова звучат не слишком убедительно и она нуждалась в каком-нибудь реальном подтверждении их правоты.

Я уже повернулась, чтобы уйти, и вдруг услышала, как звякнули камешки в кармане моей юбки. Тут меня и осенило. Я вытащила несколько мелких гладких камешков, из тех, что прислал мне Раймон. Выбрала один — молочно-белый халцедон с изображенной на нем крошечной фигуркой скорчившегося человека.

— Это защитит твоего сына от дьявола. Зашей это мальчику в

карман. — Я прочистила горло и добавила: — Не бойся, если даже у него и случится снова приступ, все закончится благополучно.

Я ушла, несколько смущенная, но в то же время и довольная — мать Рэбби была просто счастлива и не находила слов для выражения благодарности. Кто же я такая на самом деле — умелая целительница или заурядная шарлатанка? Как бы там ни было, но если даже я не смогу исцелить Рэбби, я по крайней мере помогу его матери обрести спокойствие. Исцеление зависит от самого больного, а не от врача. Это доказал мне на практике мистер Раймон.

Однажды я отправилась в свой очередной поход — на сей раз мне предстояло посетить две семьи, жившие на западной оконечности нашего поместья. У Кирбисов и Уэс-тон Фрэзеров все было нормально, и я сразу же пустилась в обратный путь. На вершине холма я присела под большим буковым деревом немного отдохнуть перед дальней дорогой. Солнце начинало клониться к закату, но еще не достигло макушек сосен, венчавших вершину горы Лалли-брох. Мир вокруг был полон волшебных красок осени.

Опавшие листья бука были холодными и скользкими. Но на дереве еще осталось много пожелтевших и покрасневших листьев. Я прижалась спиной к гладкому стволу дерева и закрыла глаза, неясно различая сквозь опущенные веки яркость спелого ячменного поля, переливающегося красно-желтым цветом.

В домах, которые я посетила, было душно. От спертых воздуха у меня заболела голова, и сейчас я сидела, глубоко вдыхая свежий, целительный воздух, и пыталась повторить то, что проделал со мной мистер Раймон в «Обители ангелов», а именно — исходя из собственных ощущений, представить себе, как выглядят мои внутренние органы, когда они функционируют нормально.

Я села, спокойно сложив руки на коленях, и прислушалась к биению собственного сердца. Сначала оно билось часто от напряжения при подъеме на холм, потом успокоилось и обрело нормальный ритм. Осенний ветерок играл моими кудряшками и охлаждал горящие щеки.

Закрыв глаза, я мысленно отправилась в странствие по собственному организму: от центра кровеносной системы — полого мышечного органа, разделенного на четыре камеры, темно-лиловая кровь по легочной артерии поступает в легкие, где кислород воздуха, аккумулирующийся в альвеолах, переходит в кровь, окрашивая ее в красный цвет, а двуокись углерода — из крови в воздух, а затем через дугообразную аорту по сложной системе кровеносных сосудов устремляется к различным органам, обеспечивая их

жизнедеятельность. Я совершила весь этот сложный путь вместе с непрерывным потоком крови, заново испытав ощущение полноты жизни и здоровья. И спокойствия.

Я сидела неподвижно, стараясь дышать размеренно. Я была вялой и уставшей, как после любовного акта. Тело расслабленно, губы слегка набухли, а прикосновение одежды к телу было подобно ласкающим движениям рук Джейми. И я не случайно вспомнила Джейми. Я всегда мысленно призывала его, когда была больна или расстроена. Его любовь была необходима мне, как воздух. Я грезилась о нем во сне и наяву. Мое тело вспыхнуло и запылало, и когда силы вернулись ко мне, я страстно возжелала близости с ним.

Головная боль постепенно прошла. Я еще посидела с минуту, дыша полной грудью. Затем встала и зашагала к дому.

У меня фактические никогда не было дома. Осиротев в пять лет, следующие тринадцать я провела со своим дядей Лэмом в палатках на пыльных площадках, в пещерах, в приспособленных под жилье отсеках пустых пирамид. Мой дядя Квентин Лэмбер Бошан, магистр естественных наук, доктор философии, член археологического общества и так далее — знаменитый археолог, предпринял множество археологических экспедиций, и результаты проведенных им раскопок сделали его имя известным всему миру задолго до того, как автомобильная катастрофа оборвала жизнь его брата, моего отца, и швырнула меня в его жизнь.

Не колеблясь, дядя решил отдать меня в пансион. Не склонная по натуре безропотно подчиняться судьбе, я категорически отказалась отправляться в какой бы то ни было пансион. Тогда дядя, разглядев во мне что-то, что действительно роднило меня с ним, избавил меня от общепринятого для детей моего образа жизни с определенным распорядком дня, предусматривающим занятия, чистые простыни и ежедневные ванны, и стал таскать с собой по всему свету.

Моя бродячая жизнь продолжалась и с Фрэнком, но теперь — по университетам, потому что раскопками на поприще истории обычно занимаются в кабинетах. Поэтому более спокойно, чем большинство людей, восприняла неудобства, связанные с войной, начавшейся в 1939 году.

Я переехала из снимаемой нами в то время квартиры в общежитие для медсестер при госпитале в Пемброке, а оттуда — в полевой госпиталь во Франции и затем снова в Пемброк уже перед окончанием войны. Потом последовали несколько коротких месяцев с Фрэнком, до того как мы отправились в Шотландию, чтобы заново обрести друг друга. Но мы

потеряли друг друга навсегда. Тогда я по глупости отправилась в злополучный круг из гигантских каменных столбов и шагнула в прошлое, ставшее моим настоящим.

Мне казалось странным и удивительным просыпаться в верхней спальне Лаллиброха рядом с Джейми и наблюдать, как первые лучи солнца касаются его лица. Чудом мне казалось и то, что он родился на этой кровати. Все звуки старого дома, от скрипа половиц до шагов рано поднимающейся горничной, или дождя, барабнящего по крыше, были знакомы ему с детства. Он так привык к ним, что уже не замечал, а для меня они были внове.

Его мать, Элен, посадила когда-то перед входом в дом розовый куст, цветущий осенью. Его нежный аромат достигал окна спальни. Казалось, что это она сама приходит сюда, чтобы благословить нас.

Сразу за домом простирался Лаллиброх, его поля и амбары, деревня и небольшие фермы. Джейми ловил здесь рыбу в горных речках, залезал на высокие дубы и лиственницы, срубал сухие сучья, служившие топливом для очага. Это была его родина.

Но он тоже не жил здесь постоянно. Арест, преследование за нарушение закона, неприкаянная солдатская жизнь... Снова арест, тюрьма и пытки, жизнь в изгнании, закончившаяся совсем недавно. Но здесь он прожил первые четырнадцать лет своей жизни. И даже в этом возрасте, когда его, по установившейся традиции, послали на два года к дяде по материнской линии, Дугалу Макензи, Джейми прекрасно сознавал, что он, как и подобает мужчине, вернется в Лаллиброх, чтобы обосноваться там уже навсегда, заботиться о процветании поместья и благополучии всех его обитателей, стать неотделимой их частью. Ему судьбой было назначено постоянство.

Но так случилось, что он оказался не только за пределами Лаллиброха, но и самой Шотландии. Джейми довелось общаться с королевскими особами, заниматься торговлей, оказаться в тюрьме за нарушение закона, испытать немало удивительных приключений, подвергнуться насилию и чудесным образом преодолеть все беды.

Спускаясь с холма, я увидела Джейми внизу. Он заделывал трещины в каменной ограде небольшого поля. На земле у его ног лежала пара кроликов, аккуратно выпотрошенных, но шкурки с них еще не успели снять.

— Дом для моряка — море, для охотника — зеленые холмы, — процитировала я, улыбаясь.

Он улыбнулся в ответ, вытер пот со лба, затем изобразил внезапный

страх:

— Не напоминай мне о море, Саксоночка. Я видел тут двух маленьких мальчишек, пускавших кораблики в пруду возле мельницы, так меня чуть не стошнило.

Я рассмеялась:

— Поэтому у тебя нет желания вернуться во Францию?

— О нет. Только не это. Не вернусь даже ради бренди. — Он положил последний камень поверх каменной ограды. — Ты домой?

— Да. Забрать кроликов?

Он покачал головой и нагнулся за ними:

— Не нужно. Я тоже иду домой. Айен попросил помочь ему с новым хранилищем для картофеля.

Через несколько дней в Лаллиброхе начнется уборка первого урожая картофеля, посаженного по моему настоятельному совету. Для его хранения строился погреб.

Глядя на картофельные поля, я испытывала противоречивые чувства. С одной стороны, густая сочная ботва вселяла надежду на хороший урожай, с другой стороны, я терзалась сомнениями, и меня охватывал панический страх при мысли о том, что питание шестидесяти семей будет зависеть от того, какие клубни окажутся на этих великолепных кустиках. Это по моему настоятельному совету поле, много лет подряд засеивавшееся ячменем, впервые было использовано под посадку картофеля — культуры, доселе неизвестной в северной Шотландии. Я знала, что со временем картофель станет одним из основных продуктов питания здесь, так как он менее капризен и более вынослив, чем овес и ячмень.

Я вычитала это давно в каком-то учебнике географии и теперь сознательно брала на себя ответственность за жизнь людей, которые будут есть картофель. Я спрашивала себя, можно ли привыкнуть к риску. Для Джейми, например, риск был вполне привычным делом. Он постоянно рисковал, словно бы так ему было назначено судьбой. Впрочем, с Джейми и впрямь все обстояло именно так.

— А что, погреб уже почти готов? — спросила я.

— Да, Айен уже поставил дверь, но в задней части погреба слишком мягкая земля, и протез Айена утопает в ней. — Обычно Айен не испытывал особых неудобств со своим деревянным протезом, который носил на правой ноге, но в некоторых случаях, как, например, сейчас, возникали затруднения.

Джейми обернулся и задумчиво посмотрел на горы у нас за спиной:

— Нужно успеть завершить рытье погреба и настелить верх до вечера.

На рассвете опять будет дождь.

Я проследила за его взглядом и ничего не увидела на склоне горы. Только траву и несколько деревьев да осколки гранита, проглядывающие сквозь траву.

— Откуда ты знаешь, что будет дождь?

Джейми улыбнулся:

— Видишь вон там невысокий дуб? И ясень рядом с ним?

— Вижу. Ну и что из этого?

— Обрати внимание на листья, Саксоночка. Видишь, они сейчас выглядят светлее, чем обычно. Когда в воздухе много влаги, листья дуба или ясени разворачиваются обратной стороной, и поэтому все дерево кажется значительно светлее, чем обычно.

— Предположим, это так. Особенно если ты знаешь, какой у дерева обычно цвет.

Джейми засмеялся и взял меня за руку:

— Возможно, я не обладаю тонким музыкальным слухом, но глаза у меня есть. И я видел эти деревья тысячу раз и при любой погоде.

От поля до дома было рукой подать, и мы шли молча, наслаждаясь мягким теплом полуденного осеннего солнца. Я носом вдохнула свежий воздух и согласилась с Джейми по поводу дождя. Все витавшие в воздухе запахи — от сосновой смолы до спелого зерна, смешанного с запахом пыли, — приобрели особую остроту. Я подумала, что мне следует самой научиться чувствовать ритмы, ароматы и картины Лаллиброха. Возможно, со временем я буду их различать так же хорошо, как Джейми. Я взяла его за руку и в ответ почувствовала мягкое пожатие его руки.

— Ты скучаешь по Франции, Саксоночка? — вдруг спросил он.

— Нет, — не задумываясь, ответила я. — А почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечами, не глядя на меня:

— Просто я подумал, какая ты красивая, когда увидел тебя спускающейся по холму с корзиной в руках. Солнце золотило твои волосы, и у тебя был такой вид, словно ты выросла здесь и никогда не уезжала отсюда. А затем мне вдруг в голову пришла мысль, что Лаллиброх не совсем подходящее место для такой женщины, как ты. Здесь жизнь простая, не та, что была у тебя во Франции, и нет даже интересной работы, такой, как в «Обители ангелов». — Он робко, искоса взглянул на меня. — Боюсь, со временем тебе наскучит здесь.

Я помолчала немного, прежде чем ответить, как будто бы сама никогда об этом не думала.

— Со временем, — многозначительно повторила я. — Джейми, я

много чего видела за свою жизнь и много где побывала. Там, откуда я пришла, было много такого, чего мне порой не хватает. Мне хотелось бы проехать в омнибусе по Лондону или поднять телефонную трубку и поговорить с кем-нибудь, кто находится далеко-далеко. Мне хотелось бы отвернуть кран и чтобы из него потекла горячая вода, вместо того чтобы носить воду из колодца и греть ее на огне. Я хотела бы иметь все это, но коль скоро это невозможно, я принимаю все как должное. Что же касается роскошной жизни, то я в ней не нуждалась, даже когда имела ее. Красивая одежда — это очень приятно, но если при этом необходимо постоянно следовать строгому этикету, терпеть интриги, и злословие, и скучные вечеринки... нет, тогда и она не нужна мне. Лучше я буду жить, как захочу, и буду говорить, что захочу.

Он рассмеялся, а я снова взяла его за руку.

— Что же касается работы, у меня и здесь ее хватает. — Я кивком указала на корзину с травами и лекарствами, которая была у меня в руке. — Я чувствую, что нужна здесь. И если я скучаю по матушке Хильдегард и другим своим друзьям, то хотя здесь и нет телефона, зато время от времени приходят письма. — Я остановилась, держа его за Руку и глядя на него снизу вверх. Солнце садилось, освещая лишь одну сторону его лица. — И потом, Джейми, единственное, чего я хочу, это всегда быть рядом с тобой. Больше мне ничего на свете не надо.

Он стоял с минуту молча, затем наклонился и нежно поцеловал меня в лоб.

— Забавно, — сказала я, когда мы миновали вершину небольшого холма и стали спускаться к дому. — Я как раз собиралась задать тебе те же самые вопросы. Счастлив ли ты здесь после той жизни, которую вел во Франции.

Он улыбнулся в ответ и задумчиво посмотрел на трехэтажный дом из белого камня, отливающий золотом в лучах заходящего солнца.

— Но ведь здесь мой дом, Саксоночка. Мое место здесь.

Я мягко коснулась его руки:

— Ты хочешь сказать, что это твое родовое поместье?

Он глубоко вздохнул и положил руку на деревянный забор, огораживавший ближайшее к дому поле.

— Не совсем так, Саксоночка. По праву этот дом должен был принадлежать Уилли. Если бы он был жив, я бы скорее всего стал солдатом, а может быть, купцом, как Джаред.

Уилли, старший брат Джейми, умер от оспы, когда ему было одиннадцать лет, и таким образом наследником Лаллиброха стал его

младший брат, шестилетний Джейми.

Он передернул плечами, как бы пытаясь освободиться от тесной рубашки. Это был характерный для Джейми жест в минуты душевной тревоги и сомнений. Я уже многие месяцы не замечала его.

— Уилли умер. А я стал лэрдом. — Он взглянул на меня, слегка смутившись, потом полез в свою кожаную сумку и вынул из нее маленькую змейку, искусно вырезанную из вишневого дерева. Змейку вырезал Уилли и преподнес ее Джейми в день рождения. Сейчас змейка лежала у него на ладони. Головка змейки была повернута назад, как будто она удивленно рассматривала свой хвост. Джейми задумчиво погладил змейку. От прикосновения дерево зашевелилось, переливаясь мягким светом.

— Я иногда мысленно беседую с Уилли, — сказал Джейми, слегка подбрасывая змейку на руке. — Если бы ты был жив, брат, и был бы лэрдом, ты вел бы хозяйство, как я, или как-то иначе? — Он взглянул на меня и слегка покраснел. — Это очень глупо с моей стороны, а?

— Нет. — Я коснулась гладкой головки змеи кончиками пальцев.

С дальнего поля послышался чей-то звонкий смех. Он прозвучал в вечернем воздухе подобно тронутой ветром струне.

— Я часто делаю то же самое... — мягко сказала я после короткой паузы. — Разговариваю с дядей Лэмом. Или с родителями. Особенно с мамой. Я не очень часто думала о ней, когда была маленькой, только иногда видела во сне какую-то ласковую, нежную женщину с приятным певучим голосом. Но во время болезни, когда у меня был жар... порой мне казалось, что она со мной рядом. — Меня захлестнула внезапно нахлынувшая волна горестных воспоминаний. Воспоминаний о потерях, совсем недавних и давнишних.

Джейми нежно коснулся моего лица, смахнув слезинку, появившуюся в уголке глаза.

— Мне порой кажется, что мертвые так же любят нас, как мы любим их, — тихо сказал Джейми. — Пойдем, Саксоночка. Прогуляемся перед обедом.

Он обнял меня за плечи, плотно прижав к себе, и мы медленно пошли вдоль забора. Сухая трава шуршала у нас под ногами.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, Саксоночка, — продолжал Джейми. — Иногда где-нибудь в поле или на ферме я вдруг слышу голос отца, хотя в тот момент даже и не думаю о нем. Мне кажется, я слышу, как он разговаривает с кем-то, смеется или успокаивает лошадь у меня за спиной. — Он улыбнулся и кивнул в сторону пашни, расстилавшейся перед нами. — Как ни странно, чаще всего я слышу его голос именно здесь.

— Правда, и что же он говорит?

— Обычно «если ты проходишь мимо, Джейми, остановись и постой здесь», что-то в этом роде.

Мы засмеялись и остановились, облокотившись о забор. Джейми провел рукой по ветхому дереву:

— Лагая через забор, мы постоянно загоняли себе занозы, так что приходилось просить миссис Крук или Дженни вытащить их, а заодно и выслушать очередную нотацию.

Я посмотрела в сторону дома, где уже зажгли свечи В окнах кухни виднелись фигуры хлопотавших на кухне миссис Крук и горничных, занятых приготовлениями к обеду. Вдруг в одном из окон гостиной четко обозначился силуэт высокой, статной мужской фигуры. Это был Айен. Он постоял минуту, затем задернул занавеси.

— Я всегда радовался, когда Айен был рядом, — сказал Джейми, продолжая смотреть в сторону дома. — Особенно когда нас заставляли за какой-нибудь проказой, а потом всыпали за это.

— На миру и смерть красна, — заметила я с улыбкой.

— Отчасти. Я не чувствовал себя таким уж чудовищным нечестивцем, когда мы бедокурили вдвоем, тяжесть вины делилась на двоих. Но главное, потом, когда дело доходило до разборок, я мог целиком положиться на него — чего-чего, а шуму будет с избытком.

— Ты хочешь сказать, что он плакал и оправдывался?

— Да он не просто плакал. Он выл и вытворял что-нибудь совершенно невероятное, так что и мне уже тоже не было стыдно плакать.

Стало довольно темно, и я не видела лица Джейми, но тем не менее уловила тот характерный жест плечами, с которым говорилось чуть выше.

— Я изо всех сил крепился, стараясь не плакать, но мне не всегда это удавалось. Если отец считал, что я заслужил порку, он осуществлял ее тщательно, как делал любую другую работу, да и у отца Айена была тяжелая рука.

— Послушай, — сказала я. — Мне вдруг пришло в голову: а почему отец порол тебя именно здесь, у забора? Разве мало места в доме или на ферме?

Джейми помолчал с минуту, потом снова передернул плечами:

— Я никогда не спрашивал его об этом. Но думаю, в данном случае в его поведении было нечто от короля Франции.

— Короля Франции?! — удивленно воскликнула я.

— Ну да, — сухо пояснил Джейми. — Своеобразный ритуал, наподобие того, как тот умывается, одевается, карает и так далее. Но так

или иначе, весьма неприятно стоять перед одним из фермеров и объяснять, за что тебе предстоит порка по голой заднице.

— Бедняжка, — сочувственно проговорила я, — наверное, он поступал так потому, что тебе предстояло в будущем стать лэрдом. Он, так сказать, играл на публику?

— По-видимому, так. И еще он хотел показать всем, что превыше всего ставит справедливость.

Глава 32

ЩЕДРОЕ ПОЛЕ

Поле было распахано обычными рядками с глубокими бороздами между ними. Высота рядков достигала мужского колена, поэтому пахарь, прокладывая бороздку, одновременно разбрасывал семена рукой по рядкам. Такой способ был привычен для посева овса и ячменя, поэтому, казалось, не было необходимости изобретать какой-то иной при посадке картофеля.

— Тут сказано «сажать в лунку», — говорил Айен, окидывая взором бескрайнее картофельное поле, — но я думал, что рядки тоже подойдут. Но, видимо, полагается сажать в лунку для того, чтобы завязывающиеся клубни не сгнили в воде.

— Звучит убедительно, — согласился Джейми. — Судя по всему, это никак не повредит ботве. А сказано там, как выкапывать картофель?

Решив заняться выращиванием картофеля в крае, где о нем не имели ни малейшего представления, Айен, руководствуясь здравым смыслом, направил в Эдинбург письмо с просьбой выслать ему семена картофеля и руководство по посадке и сбору урожая. В ответ он получил известную книгу сэра Уолтера О'Баннона Рейли «Научное руководство по сельскому хозяйству для фермеров», где картофелю как культуре, получившей в последнее время распространение, в Ирландии, была отведена небольшая глава.

Айен держал этот увесистый том под мышкой, — Дженни говорила мне, что, отправляясь на картофельное поле, он всегда берет с собой эту книгу на случай, если у него возникнут по ходу дела какие-либо теоретические или практические проблемы. Вот и сейчас, держа фолиант раскрытым на левой руке, он отыскал в своем спорране очки, которыми пользовался во время чтения. Это были маленькие стеклянные кружочки в проволочной оправе, они когда-то служили еще его покойному отцу. Обычно Айен носил их на кончике носа, что делало его похожим на серьезного молодого аиста.

— Собирать урожай следует в пору, когда появляются зимние гуси, — читал он, затем поверх очков осматривал картофельное поле, как бы ожидая, что вышеупомянутые гуси вот-вот замелькают среди грядок.

— Зимних гусей? — Джейми, нахмурившись, заглянул в книгу из-за плеча Айена. — Каких гусей он имеет в виду? Диких? Да они здесь гнездятся у нас круглый год. Нет, что-то не то.

Айен пожал плечами:

— Может, в Ирландии они появляются только зимой. Или, может быть, он имеет в виду каких-то ирландских гусей, а не диких?

Джейми фыркнул:

— Нам от этого не легче. А есть в этой книге какие-нибудь действительно полезные сведения?

Вокруг нас собралась целая толпа батраков, привлеченная интересом к этому новейшему руководству по сельскому хозяйству.

— Не следует копать картофель, если земля сырая, — торжественно цитировал Айен, игнорируя еще более громкое фырканье Джейми.

— Мм... — бормотал про себя Айен. — Гниение картофеля, колорадский жук, — у нас тут никаких жуков — думаю, нам просто повезло, — картофельная ботва... о нет, здесь есть совет, что делать, если ботва вянет. Болезни картофеля — чтобы установить диагноз, необходимо взглянуть на клубни. Семена картофеля, хранение картофеля... — У Джейми иссякло терпение, он отошел от Айена, упер руки в бока.

— Научное руководство... — Он обвел медленным взглядом поле, поросшее буйной ярко-зеленой ботвой. — Слишком научное, чтобы понять, когда этот чертов овощ созреет...

Фергюс, который, как обычно, ходил по пятам за Джейми, оторвал взгляд от медленно ползущей у него по руке гусеницы и неожиданно спросил:

— А почему бы вам не выкопать один куст и не посмотреть, что там?

Джейми с минуту молча смотрел на Фергюса. Потом слегка приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но передумал. Потом мягко потрепал Фергюса по голове и направился к вилам, стоявшим у забора.

Батраки, все мужчины, помогавшие сажать картофель, а затем окучивавшие его под руководством Айена и в соответствии с рекомендациями сэра Уолтера, сгруппировались вокруг, чтобы увидеть результаты своего труда.

Джейми выбрал самый большой и пышный куст у края поля и осторожно нацелил вилы в то место, где, по нашему единодушному мнению, должны находиться клубни. Затаив дыхание, он водрузил ногу на вилы и слегка нажал. Вилы легко вошли в темную влажную почву.

Я замерла на месте. От результатов этого эксперимента зависела репутация не только сэра Уолтера О'Баннона Рейли, но и моя собственная.

По мнению Джейми и Айена, урожай ячменя в этом году был ниже обычного, хотя для Лаллиброха его было вполне достаточно. Впрочем, еще один неурожайный год мог бы привести к заметному истощению наших

запасов. Лаллиброх считался относительно благополучным хозяйством, но только в сравнении с другими хозяйствами горной Шотландии. Если же эксперимент с картофелем удастся, то обитателям Лаллиброха будет гарантирована сытая жизнь по крайней мере на ближайшие два года.

Джейми еще поднажал на вилы, земля расступилась, зеленый куст ботвы пошел вверх, и мы воочию увидели щедрость земли.

Множество крупных клубней, уродившихся на одном-единственном кусте, вызвало всеобщее ликование и восторг. Айен и я опустились на колени и принялись руками выбирать клубни, оставшиеся в земле.

— Получилось! — снова и снова повторял Айен, вытаскивая из земли картофелину за картофелиной. — Вы только взгляните на нее! Видите, какая она крупная!

— Да, а вот эта! — восторженно восклицала я, отыскивая все новые и новые клубни. Некоторые из них размером превосходили сложенные вместе два моих кулака.

Через некоторое время в корзине уже лежали штук десять очень крупных картофелин, штук двадцать пять картофелин средней величины и множество помельче — размером с мяч для гольфа.

— Как думаешь, — задумчиво вопрошал Джейми, любясь только что обретенным нами богатством, — приступать нам к уборке урожая или пусть еще подрастет немного? Может, есть смысл подождать до холодов?

По привычке Айен полез за очками, но, вспомнив, что книга сэра Уолтера осталась по другую сторону забора, не стал водружать их себе на нос.

— Нет, думаю, не надо, — отвечал Айен. — Здесь говорится, что мелкие клубни можно использовать на следующий год для посадки, вместо семян. А у нас как раз много такой мелочи. — Он улыбнулся мне счастливой улыбкой, прядь его густых каштановых волос упала на лоб, одна щека была вымазана грязью.

Жена одного из батраков склонилась над корзиной и стала внимательно рассматривать ее содержимое. Затем потрогала клубни рукой.

— Вы говорите, что их можно будет есть? — Ее лицо выражало сомнение. — Но я не понимаю, как же ее можно смолоть в ручной мельнице, чтобы потом добавлять в муку для выпечки хлеба или в крупу для каши.

— Думаю, что молоть картофель, и тем более в ручной мельнице, нельзя, миссис Мurreй, — вежливо заметил Джейми.

— Вы так считаете? — Женщина критически оглядела содержимое корзины. — Что же тогда с ней делать?

— Ну, вы должны будете... — начал было Джейми, но сразу умолк. Мне показалось, скорей всего и не только показалось, так оно и было на самом деле, что Джейми никогда не видел, как готовят картофель, хотя много раз ел его во Франции. Я прятала улыбку, наблюдая, как беспомощно смотрит он на покрытый землей клубень, осторожно поворачивая его в руках. У Айена был такой же растерянный вид. Что же касается сэра Уолтера, то он, несомненно, был полным профаном в области приготовления картофельных блюд.

— Картофель можно испечь, — вновь пришел на помощь Фергюс, вынырнув из-под руки Джейми. Он аппетитно облизнул губы, глядя на картофель. — Его можно положить на горячие угли и испечь. А потом есть с солью, но еще лучше с солью и маслом, если оно у вас найдется.

— Масло у нас найдется, — облегченно вздохнул Джейми. Он бросил картофелину миссис Муррей, словно ему не терпелось поскорее избавиться от нее. — Вы сможете ее испечь, — объяснил Джейми.

— А еще ее можно сварить, — добавила я. — Или приготовить пюре, размяв ее в горячем виде и смешав с молоком. Или пожарить на сковороде. А кроме того, ее можно порезать кусочками и положить в суп. Суп от этого станет вкуснее. Картофель — универсальный овощ.

— Об этом и в книге говорится, — радостно подтвердил Айен.

Джейми с улыбкой взглянул на меня:

— А ты мне никогда не говорила, что умеешь готовить, Саксоночка.

— Я не стала бы этого утверждать, но сварить картошку я, наверное, смогла бы.

— Вот и хорошо, — заключил Джейми, бросив взгляд в сторону крестьян и их жен, которые передавали картошку из рук в руки, рассматривая ее весьма подозрительно.

Он громко хлопнул в ладони, желая привлечь внимание присутствующих.

— Сегодня у нас ужин будет здесь, в поле, — объявил он. — Том и Уилли пойдут со мной за дровами для костра. Миссис Уилли, можно воспользоваться вашим большим котлом? О, конечно же, кто-нибудь из мужчин поможет принести его сюда. А ты, Кинкейд, — Джейми повернулся к молодому парню и махнул в сторону небольшой кучки батраков, расположившихся под деревьями, — пойди и объяви всем остальным: сегодня на ужин будет картофель. Итак, с помощью Дженни и других женщин я из десяти ведер молока, взятых после вечерней дойки, трех кур, пойманных в курятнике, и четырех дюжин крупного лука-порея, выдернутого в огороде, сварила суп и нажарила картошки для хозяина

Лаллиброха и его жителей.

Солнце уже опустилось за горизонт, когда еда была готова, но небо все еще светилось отблесками пунцово-золотистых лучей, пронизывающих густую зелень сосен, растущих на высоком холме.

Когда суп был разлит по чашкам, а картошка разложена по тарелкам, среди крестьян возникла некоторая заминка, но праздничная атмосфера, созданию которой в немалой степени способствовало виски домашнего приготовления, развеяла сомнения, и вскоре все жители Лаллиброха с удовольствием поглощали неведомые доселе блюда.

— Доркас, не кажется тебе, что вкус у этой картошки немного странный? — спросила некая женщина своего соседа.

— Есть немного, — ответил он, — но хозяин съел уже штук шесть картофеля, и с ним пока ничего не случилось.

Мужчины и дети приняли новую пищу с восторгом, особенно после того, как по моему совету добавили в нее масло.

— Мужчины съедят и лошадиный навоз, если сдобрить его маслом, — заметила Дженни. — Что еще нужно мужчинам? Только набить живот да где-нибудь притулиться, чтобы выспаться после пьянки.

— Хорошо же ты думаешь о нас с Джейми, — поддел ее Айен.

Дженни махнула половником в сторону мужа и брата, сидящих рядом на земле:

— А вы двое вовсе и не мужчины.

Лохматые брови Айена поползли вверх, Джейми был удивлен не меньше:

— Не мужчины? Тогда кто же?

Дженни с улыбкой повернулась к ним, белые зубы блеснули при свете костра. Она погладила Айена по голове и, поцеловав в лоб, сказала:

— Вы мои сладкие.

После ужина один из мужчин запел. Другой достал деревянную флейту и стал ему аккомпанировать. Нежные звуки флейты разносились в ночи далеко окрест. Прохладным, безветренным вечером было приятно сидеть, завернувшись в пледы и одеяла, у костра в тесном семейном кругу. После того как сварили еду, в костер подбросили дров, и он запылал ярким пламенем.

Айен пошел за очередной охапкой дров, а маленькая Мэгги забралась к матери на колени, совершенно вытеснив своего старшего брата. Через минуту послышался голос Джейми:

— У тебя что, муравьи в штанах? Поэтому ты не можешь посидеть спокойно?

Маленький Джейми тем временем подбежал ко мне и стал карабкаться ко мне на колени. Замечание Джейми было встречено веселым смехом, а малыш все никак не мог уговориться. Тогда Джейми вдруг подхватил племянника и, повалив на землю, затеял с ним возню. Джейми сорвал пучок травы и сунул его малышу за шиворот, чем вызвал необычайный восторг мальчика.

— Ну а теперь пойд и помучь немного свою тетю, — сказал Джейми, вдоволь навозившись с мальчуганом.

Маленький Джейми снова проворно вскарабкался ко мне на колени, не переставая хихикать и заигрывать с большим Джейми. Наконец он успокоился, насколько это возможно для шустрого четырехлетнего мальчугана. Я вытащила пучок травы у него из-за ворота рубашки.

— Как вкусно ты пахнешь, тетушка, — сказал он, упираясь мне в подбородок темноволосой кудрявой головкой.

— Спасибо, — сказала я. — Ты, наверное, опять проголодался?

— Да, дай мне молока. — Я придвинула к себе глиняный кувшин, заглянула в него, собираясь наполнить чашку, но его оказалось мало, поэтому я напоила ребенка прямо из кувшина. Отвалившись от кувшина, маленький Джейми вдруг сник, и я почувствовала, как тело его сделалось вдруг горячим, как это бывает перед глубоким сном в раннем детстве. Я укрыла мальчика полрой своего плаща и стала медленно покачивать, стараясь попадать в ритм песни, которую распевали у костра. Моя рука ласково касалась маленьких, круглых и твердых, как мрамор, ягодиц ребенка.

— Уснул? — Очертания головы и плеч Джейми-старшего смутно вырисовывались в свете костра. Огонь поблескивал на эфесе его шпаги и отсвечивал медью в волосах.

— Да. По крайней мере, не ерзает, так и кажется, что держишь на коленях огромный кусок ветчины.

Джейми засмеялся было, но сразу смолк. Я почувствовала, как напряглась его ладонь, поглаживавшая мою руку, и ощутила тепло его тела сквозь складки пледа. Ночной ветерок развеивал мои волосы, я смахнула рукой упавшую мне на лицо прядь и обнаружила, что маленький Джейми был прав: мои руки действительно пахли луком и маслом с картофелем. Спящий ребенок был довольно тяжелый, и вскоре у меня онемела левая нога. Я попыталась переменить позу, но вдруг услышала негромкий голос Джейми:

— Не двигайся, Саксоночка. — Голос его звучал ласково и нежно. Я замерла на месте и сидела так до тех пор, пока он не тронул меня за плечо.

— Все в порядке, Саксоночка, — сказал он, улыбаясь. — Ты такая красивая при свете костра, и волосы твои, развевающиеся на ветру, прекрасны. Мне хотелось запечатлеть этот вечер в памяти навсегда.

Я повернулась к нему, радостно улыбаясь. Ночь была темной и холодной. Вокруг было много людей, но нам казалось, что мы одни в целом мире. Нам было светло и тепло рядом друг с другом.

Глава 33

УЗЫ БРАТСТВА

Фергюс из молчаливого наблюдателя постепенно превратился в полноправного члена нашего клана. Он нашел себе работу по вкусу — на конюшне — вместе с Рэбби Макнабом.

Будучи на год или два младше Фергюса, Рэбби был одного роста с худощавым Фергюсом. Вскоре мальчики стали неразлучными друзьями, если не считать случаев, когда ссорились, а это происходило два-три раза в день, и тогда они были готовы убить друг друга. После того как однажды утром их ссора перешла в кулачный бой, сопровождающийся пинками, в результате чего мы лишились двух кастрюль сливок, предназначавшихся для приготовления сметаны, терпение Джейми иссякло, и он решил всерьез заняться ими. С непреклонным видом схватив провинившихся за шиворот, он повел их в амбар и, я полагаю, отбросив все свои сомнения относительно целесообразности телесных наказаний, задал им хорошую трепку. Через некоторое время он вышел из амбара, сокрушенно покачивая головой и застегивая ремень, и отправился с Айеном в долину Брех Мордха. Мальчики появились спустя несколько минут после него, понурые, но снова — неразлучные друзья.

Они и в самом деле пребывали в таком подавленном состоянии, что разрешили маленькому Джейми находиться на конюшне, пока они занимались своей обыденной работой. Выглянув позже в окно, я увидела, как все трое играют во дворе в тряпичный мяч. Был холодный, морозный день, и выдыхаемый ими воздух облачком поднимался вверх.

— Какой замечательный у тебя малыш, — сказала я Дженни, перебиравшей содержимое своей корзины для рукоделия в поисках пуговицы. Она подняла голову, увидела, куда я смотрю, и улыбнулась:

— О да. Малыш Джейми — замечательный парень. — Она подошла ко мне, и мы вместе стали наблюдать за игрой ребят. — Он — точная копия своего отца, — с гордостью заметила Дженни. — Но мне кажется, он будет гораздо шире его в плечах. И высоким, как его дядя. Видишь, какие у него ноги?

Я подумала, что Дженни скорее всего права. Хотя Джейми был, в сущности, совсем маленьким — ему едва исполнилось четыре года, — у него были длинные ноги и широкие, мускулистые, хотя и по-детски, плечи. И широкая кость, как у старшего тезки.

Я наблюдала за тем, как маленький мальчик бросился к мячу, ловко схватил его и с силой швырнул в Рэбби Мак-наба, чуть не угодив ему в голову. Рэбби успел отскочить в сторону, что-то сердито крикнув.

— И есть еще кое-что, что делает его похожим на дядю, — сказала я. — Мне кажется, он тоже будет левшой.

— Боже мой! — воскликнула Дженни, с тревогой вглядываясь в своего отпрыска. — Надеюсь, что это не так, но, может быть, ты и права. — Она покачала головой, вздыхая.

— Сколько мучений вытерпел бедный Джейми из-за того, что родился левшой. Все считали своим долгом отучить его от этой привычки, начиная с родителей и кончая школьным учителем, но он был упрямый как пень. Все, кроме отца Айена, — добавила она после небольшой паузы.

— Он не считал это чем-то ужасным? — любопытствовала я. Мне было известно, что в прежние времена считалось, что родиться левшой — в лучшем случае означает просто быть несчастливым, а в худшем — это метка дьявола. С большим трудом Джейми научился писать правой рукой, так как в школе его нещадно пороли каждый раз за попытку писать левой.

Дженни снова покачала головой, черные волосы выбились из-под чепчика.

— Нет, он был мудрым человеком, старый Джон Муррей. Он говорил, что если Бог решил, что Джейми должен быть левшой, негоже противиться его решению и пытаться изменить свою судьбу. А как он владел мечом, наш старый Джон! Поэтому отец прислушался к его мнению и позволил Джейми учиться владеть левым ударом.

— А я думала, сражаться левой рукой Джейми научил Дугал Макензи, — сказала я. Мне было очень интересно узнать, как Дженни относится к своему дяде Дугалу.

Она кивнула и послунывила кончик нити, прежде чем быстро вдеть его в ушко иглы.

— Да, так оно и было, но уже позже, когда Джейми вырос и отправился в замок Дугала. Но первым его учителем был отец Айена. — Она улыбнулась, глядя на рубашку, лежавшую у нее на коленях.

— Помню, когда они были молодыми, старый Джон приказывал Айену всегда стоять справа от Джейми, чтобы суметь защитить его в бою. Айен очень серьезно относился к советам отца и считал своим долгом всегда находиться справа от Джейми. Да, действительно, старый Джон был мудрым человеком, — снова повторила она, откусывая лишнюю нить. — Долгое время никто не мог побороть их, даже люди Макнаба. Джейми и Айен оба были рослыми, сильными парнями, а когда они становились

рядом плечом к плечу, сокрушить их было довольно трудно, если даже численное превосходство оказывалось на стороне противника. — Она вдруг рассмеялась и заправила прядь волос за ухо. — Понаблюдай за ними, когда они шагают вдвоем по полю. Я думаю, у них это получается неосознанно, но Джейми всегда идет слева, Айен же — справа, как бы подстраховывая его.

Дженни приподнялась, чтобы глянуть в окно, забыв о рубашке, лежавшей у нее на коленях. Она теперь, вставая со стула, обычно поддерживала руками начавший увеличиваться живот.

— Надеюсь, на сей раз будет мальчик, — сказала она, глядя сверху вниз на своего первенца. — Левше или нет, но любому мужчине нужен брат, который может прийти на помощь в трудную минуту. — Я заметила, что Дженни задержала взгляд на фотографии, висевшей на стене, где совсем маленький Джейми стоял между колен своего старшего брата, Уилли. Оба мальчика были курносыми и очень серьезными. Рука Уилли покровительственно покоилась на голове младшего брата.

— Джейми повезло, что у него есть Айен, — заметила я.

Дженни отвела взгляд от фотографии и смахнула слезинку. Она была двумя годами старше Джейми и тремя годами младше Уилли.

— Да, ему повезло, да и мне тоже, — тихо сказала она, поднимая упавшую рубашку с пола.

Я взяла детский комбинезон, предназначенный для починки, и вывернула его наизнанку, чтобы зашить распоровшуюся пройму. На улице было довольно холодно, но разгорячившимся в игре ребятам, да и работающим мужчинам, было тепло. Окна быстро заиндевели от мороза, изолировав нас от внешнего мира. В гостиной было тепло и уютно.

— Раз уж мы заговорили о братьях, — сказала я, продолжая вдевать нитку в свою иголку, — то скажи мне, тебе часто приходилось видеть Дугала и Колама Макен-зи в детстве?

Дженни покачала головой:

— Я никогда в глаза не видела Колама. Дугал приезжал к нам раза два и даже привозил Джейми сюда, домой, на Новый год, но я не могу считать, что знала его. — Она живо взглянула на меня, и я прочитала в ее глазах любопытство. — Да ведь ты-то и сама их знаешь. Скажи, что представляет собой Колам Макензи? Мне всегда это было интересно, поскольку кое-что я слышала о нем случайно от гостей, но не от родителей. — Она помолчала немного, задумчиво наморщив лоб. — Хотя нет, я ошибаюсь. Однажды папа сказал что-то о нем. Это было как раз в тот день, когда Дугал уехал домой, забрав с собой Джейми. Папа стоял облокотившись о забор и

смотрел им вслед, а они быстро удалялись. Я подошла к нему, чтобы помахать Джейми рукой. Мне всегда становилось грустно, когда Джейми уезжал, потому что я не знала, когда он вернется. Итак, мы стояли и смотрели им вслед. Наконец отец выпрямился и сказал: «Да поможет Бог Дугалу Макензи, когда его брат Колам умрет». Потом он, казалось, вспомнил, что я рядом, быстро повернулся, улыбнулся мне и сказал: «Ну, милая, как там насчет обеда? И забудь о том, что ты сейчас услышала». Высоко поднятые черные густые, красиво очерченные брови выражали недоумение. А сейчас я все время слышу, да и все это уже знают, что Колам серьезно болен и Дугал фактически выполняет все обязанности главы клана — собирает ренту, разрешает споры и возглавит борьбу клана, если возникнет такая необходимость.

— Да, это так. Но... — Я помедлила, не зная, как лучше охарактеризовать это сугубо символическое родство. — Словом, — наконец сказала я с улыбкой, — однажды я случайно слышала, как они ссорились и Колам сказал, обращаясь к Дугалу: «Коль скоро у нас с тобой один член на двоих и одни мозги на двоих, я вполне счастлив обладать мозгами».

Дженни вдруг рассмеялась, удивленно уставившись на меня, затем удивление сменилось озорной улыбкой, и она стала необычайно похожа на Джейми.

— Вот оно что... Я тоже слышала, как однажды Дугал говорил о сыне Колама — маленьком Хемише, и в словах сквозила любовь и нежность скорее отца, нежели дяди.

— Ты делаешь поспешные выводы, Дженни, слишком поспешные. Чтобы разобраться в этом, мне потребовалось немало времени, и это при том, что я видела их каждый день.

Дженни скромно пожала плечами, но улыбка не сходила с ее губ.

— Я слушаю, что говорят люди. Что говорят и о чем умалчивают. А люди здесь, в горной Шотландии, иногда говорят ужасные вещи и, несомненно, любят посплетничать. — Она откусила нитку и снова обратилась ко мне: — Расскажи мне, пожалуйста, о Леохе. Говорят, он огромный, но все-таки не такой, как Бьюли или Кильварек.

Мы проговорили все утро, занимаясь починкой детской одежды, потом пряли шерсть и еще успели раскроить новое платье для Мэгги. Возгласы мальчиков за окном стихли, но послышались приглушенные голоса в доме и хлопанье дверей, — по-видимому, Фергюс с Рэб-би замерзли и пришли на кухню погреться.

— Наверное, сегодня будет снег, — проговорила Дженни, взглянув на окно. — Воздух насыщен влагой. Ты видела утром дымку над озером?

Я покачала головой:

— Надеюсь, снега не будет. В противном случае Джейми и Айену придется нелегко.

Деревня Брох Мордха находилась на расстоянии не более десяти миль от Лаллиброха, но дорога пролегла по скалистым, ступенчатым холмам и скорее напоминала оленью тропу.

Но, как назло, снег все же пошел вскоре после полудня и продолжался до самой ночи.

— Они остались в Брох Мордхе, — сказала Дженни, внимательно осмотрев затянутое черными облаками небо. — Не беспокойся о них. Они уютно устроились на ночлег у кого-нибудь из местных жителей. — Она ободряюще улыбнулась мне, закрывая ставни. Неожиданно откуда-то снизу донесся отчаянный вопль. Дженни подобрала подол своей длинной ночной рубашки и поспешила вниз. — Спокойной ночи, Клэр. Приятных тебе сновидений, — успела она крикнуть на ходу.

Обычно я спала хорошо. Несмотря на холодный сырой климат, в доме было тепло и уютно, благодаря добротной постройке дома, пуховым матрацам и одеялам. Но сегодня мне было беспокойно без Джейми. Кровать казалась слишком широкой и неудобной, ноги мерзли, их сводило судорогой.

Я легла на спину, закрыла глаза и, глубоко, размеренно дыша, попыталась представить, что Джейми здесь, рядом со мной, в надежде, что это поможет мне уснуть. Наверное, я и в самом деле уснула. Громкий крик петуха заставил меня подскочить в постели, как будто у меня под кроватью взорвался динамит.

— Идиот! — прошептала я, не в силах преодолеть волнение. Я подошла к окну и распахнула ставни. Снег прекратился, но небо из края в край по-прежнему было затянуто серыми облаками. Внизу в курятнике снова раздался крик петуха.

— Да замолчи же ты, пернатый ублюдок! Сейчас глубокая ночь. — Крик петуха прорезал тишину ночи и замер где-то в горах. Потом заплакал ребенок, и Дженни принялась шепотом его утешать.

— Ты кричишь в неподходящее время, — сказала я невидимому нарушителю спокойствия. Ответа не последовало, видимо, петух понял, что ошибся, поэтому я закрыла ставни и снова легла в постель.

Однако сон не шел. Смутная тревога нарушила ход моих мыслей и не давала возможности сосредоточиться. Тогда я решила заглянуть внутрь себя, сосредоточиться на своих внутренних органах в надежде, что это поможет мне расслабиться и уснуть.

И в самом деле помогло. Когда мои мысли блуждали где-то около поджелудочной железы, я услышала сквозь дрему шаги маленького Джейми, прошлепавшие через холл к материнской спальне.

Проснувшись среди ночи по нужде, он часто, не сознавая, что надо всего-навсего сесть на горшок, пускался в длинное странствие из детской вниз по лестнице в родительскую спальню.

Отправляясь в Лаллиброх, я задавалась вопросом, не возникнет ли у меня сложностей во взаимоотношениях с Дженни и не стану ли я завидовать ее плодовитости. Возможно, я и завидовала бы, если бы не видела воочию всех трудностей материнства.

— Ведь твой ночной горшок стоит рядом с кроватью, — слышала я раздраженный голос Дженни у дверей моей спальни, когда она вела маленького Джейми назад, в детскую. — Ты, наверное, даже наткнулся на него, когда шел ко мне. Почти каждую ночь ты приходишь ко мне, чтобы пописать в мой горшок. Зачем?

Постепенно ее голос затих, удаляясь, и я улыбнулась, продолжая мысленно исследовать свой кишечник.

Но была еще одна причина, по которой я не завидовала Дженни. Вначале я боялась, что после неудачных родов что-то нарушилось у меня внутри, но теперь эти опасения исчезли. По мере того как я заканчивала исследование своего организма и перед тем как погрузиться в глубокий сон, я почувствовала, что у меня все в порядке. Если я смогла зачать однажды, это может случиться снова. Нужно лишь время. И Джейми.

Шаги Дженни теперь были слышны с другой стороны. Она спешила уже на сонный плач Мэгги.

— Дети, конечно, радость, но требуют забот, — пробормотала я, засыпая.

В течение всего следующего дня, занимаясь домашними делами, мы неизменно ждали и прислушивались к каждому звуку, доходящему издалека.

— Их задержали там какие-нибудь дела, — говорила рассудительная Дженни. Но я видела, что каждый раз, проходя мимо окна, она на секунду задерживается, чтобы бросить быстрый взгляд на тропинку, ведущую к дому.

Что касается меня, то мое воображение разыгралось вовсю. Письмо, подписанное королем Георгом и подтверждающее полное прощение Джейми, хранилось в одном из ящиков письменного стола в его кабинете. Джейми считал это унижительным и, если бы не я, давно сжег бы его, но я упростила на всякий случай сохранить письмо.

Сейчас мое воображение рисовало страшные картины. Прислушиваясь к звукам, долетающим сквозь вой зимнего ветра, я видела, как Джейми снова хватают солдаты в красных мундирах, бросают его в тюрьму и ему грозит петля палача.

Мужчины вернулись лишь к вечеру. Лошади едва передвигались под тяжестью мешков с солью, они привезли также иголки для шитья, специи и другие мелочи, которые невозможно было разыскать в Лаллиброхе.

Я услышала лошадиное ржанье у конюшни и бросилась вниз по лестнице, столкнувшись с Дженни, которая тоже выскочила из кухни.

Неописуемая радость охватила меня, когда я увидела в амбаре высокую фигуру Джейми. Я побежала через двор, прямо по снегу, и бросилась ему в объятия.

— Где ты, черт тебя побери, так долго пропадал? — спросила я.

Прежде чем ответить, он крепко расцеловал меня. Его лицо было холодным, губы приятно пахли виски.

— Мм, на ужин сегодня колбаса? — с надеждой спросил он, принюхиваясь к запаху моих волос, пахнущих кухонным дымом. — Это хорошо. Я ужасно голоден.

— Bangers с картофельным пюре, — сказала я. — Так где же ты был?

Он засмеялся, отряхивая снег с плеча:

— Bangers с пюре. Это что — такая еда?

— Сосиски с картофельным пюре, — перевела я. — Прекрасное традиционное английское блюдо, совершенно неизвестное в Шотландии, до которой рукой подать. Так где же вы были эти два дня, противный шотландец? Мы с Дженни беспокоились о вас.

— Ну, с нами произошел несчастный случай, — начал Джейми и тут заметил маленькую фигурку Фергюса с фонарем. — О, ты принес фонарь, Фергюс? Вот молодец! Поставь его вон там, подальше, чтобы солома не загорелась, и отведи эту бедную скотину в конюшню. Когда освободишься, можешь отправляться ужинать. Надеюсь, ты еще в состоянии есть? — Он шутливо потрепал Фергюса за ухо. Мальчик увернулся и засмеялся в ответ. По-видимому, инцидент, имевший место в амбаре накануне, был полностью исчерпан и не оставил обиды у Фергюса.

— Джейми, — серьезным тоном продолжала я. — Если ты не перестанешь говорить о еде и лошадях и не скажешь, что за несчастный случай произошел с вами, я дам тебе хорошего пинка, хотя сделать это мне будет нелегко, поскольку я в домашних туфлях, но уж постараюсь.

— Угрожаешь? — засмеялся он. — Ничего серьезного, Саксоночка, мы только...

— Айен! — Дженни, замешкавшаяся с Мэгги, появилась как раз в тот момент, когда ее муж ступил в полосу света, отбрасываемую фонарем.

Удивленная тревогой, сквозившей в ее голосе, я повернулась и увидела, как она бросилась вперед и стала ощупывать лицо Айена.

— Что случилось? — повторяла она. Каким бы незначительным ни был этот несчастный случай, он оставил заметный след на лице Айена. Один глаз у него наполовину заплыл, и на этом месте был огромный синяк. И вдоль одной щеки тянулся свежий шрам.

— Со мной все в порядке, — сказал он, ласково похлопывая обнимавшую его Дженни по спине.

Они обнялись, неловко зажав между собой маленькую Мэгги.

— Только небольшой синяк здесь и здесь.

— Спускаясь по склону холма в двух милях от деревни, по очень плохой дороге, мы спешили и вели лошадей под уздцы. Айен наступил на кротовую нору и сломал ногу, — объяснил Джейми.

— Деревянную ногу, — добавил Айен.

— Нам пришлось мастерить новую ногу, поэтому мы и задержались, — подытожил Джейми.

— И все это из-за крота! — с досадой воскликнула Дженни.

Молчаливые, мы вошли в дом. Миссис Крук и я стали подавать ужин, а Дженни промыла рану на лице Айена настойкой лесного ореха и взволнованно расспрашивала о других ранах и ушибах.

— Ничего страшного, — уверял ее Айен. — Только синяки здесь и здесь.

Однако я заметила, что обычная его хромота еще больше усилилась. Мы перекинулись с Дженни несколькими успокоительными фразами, пока убирали тарелки, а потом, когда собрались в столовой, чтобы разобрать привезенные сумки, она опустилась на коврик перед Айеном и попросила показать ей его новую ногу.

— Давай снимем ее, — твердо сказала она. — Ты поранился, и я хочу, чтобы Клэр осмотрела твою ногу. Она скорее поможет тебе, чем я.

Ампутация была проведена удачно, и явно опытной рукой. Армейскому хирургу, который ампутировал голень, удалось спасти коленную чашечку и связки. Это позволяло Айену двигаться более свободно. Но при падении коленные связки послужили скорее помехой, нежели преимуществом.

При падении Айен сильно повредил ногу. Острый конец протеза поранил культю, и уже только поэтому было просто невозможно опираться на нее. Вдобавок оказалось вывихнутым колено. Оно распухло и

воспалилось.

Добродушное лицо Айена было таким же красным, как и поврежденная конечность. Я понимала его состояние и знала, что он сейчас ненавидит себя за свою временную беспомощность. Его смущение было так велико, что его можно было сравнить разве что с болью, которую причиняли его больной ноге мои прикосновения.

— Вот здесь у тебя порвано сухожилие, — сказала я, осторожно ощупывая опухоль под коленом. — Не могу сказать, насколько это серьезно, но достаточно серьезно. Здесь скопилась лимфа, поэтому нога опухла.

— Ты можешь ему помочь, Саксоночка? — Джейми заглянул через плечо и нахмурился.

Я покачала головой:

— Вряд ли. Разве что наложить компресс, чтобы уменьшить опухоль. — Я посмотрела на Айена, стараясь придать своему лицу самое бодрое выражение, которому научилась у матушки Хильдегард. — Сейчас тебе нужно лечь в постель. Завтра для утоления боли можно будет выпить виски. А сегодня я дам тебе настойку опия, чтобы ты мог уснуть. Полежи хотя бы недельку, посмотрим, как пойдут дела.

— Я не могу! — запротестовал Айен. — Мне нужно укрепить стену конюшни, прорыть сточные канавы на верхнем поле, наточить лемех у плуга и...

— И привести в порядок ногу, — твердо заявил Джейми. Он бросил на Айена взгляд, который я называла «хозяйским», заставлявший безоговорочно подчиняться ему. Айен, выросший рядом с Джейми, деливший с ним детские забавы и наказания, всегда держался с ним на равных, поэтому не был столь сильно подвержен гипнотическому воздействию Джейми, как большинство обитателей поместья.

— Черта с два, — хладнокровно сказал он. Его горячий взгляд вонзился в Джейми, в нем были и боль, и гнев, и жгучий протест, и еще что-то, чего я не поняла. — Ты считаешь, что у тебя есть право приказывать мне?

Джейми отпрянул назад, покраснев так, словно получил пощечину.

— Нет, я далек от того, чтобы приказывать тебе. Но могу я попросить тебя немного побережись?

Их глаза встретились и некоторое время вели диалог на языке, понятном только Джейми и Айену. Наконец плечи Айена поникли, он расслабился и кивнул, криво улыбнувшись:

— Попросить можешь. — Он вздохнул и, морщась от боли, потрогал

шрам на щеке, потом протянул руку Джейми и, пересилив себя, попросил: — Помоги мне добраться до спальни, а?

На одной ноге Айену нелегко было преодолеть два лестничных пролета, но наконец все было позади. У дверей спальни Джейми передал Айена на попечение Дженни. Хотя я не особенно понимаю гэльскую речь, мне показалось, что Айен сказал что-то вроде: «Всего тебе хорошего, брат».

Джейми помолчал, затем обернулся и, улыбаясь, сказал в ответ:

— Тебе тоже, брат.

Я пошла вслед за Джейми в нашу комнату. По его осанке было видно, что он очень устал, но мне хотелось поговорить с ним перед сном.

«У меня только синяки, здесь и здесь», — сказал Айен, успокаивая Дженни. Это была правда. Синяки у него были. Но кроме синяков на лице и ноге, я заметила их еще у него на шее. Нет, подумала я, крот тут ни при чем.

Вопреки моим ожиданиям, Джейми не собирался немедленно заснуть.

— О, разлука делает любовь горячее, не так ли? — воскликнула я.

Кровать, вчера казавшаяся такой широкой, стала маленькой.

— Мм... — пробормотал он в ответ, прикрыв глаза. — Любовь? О, это прекрасно. Продолжай, пожалуйста. Как приятно слышать такие слова.

— Хорошо. Только позволь мне задуть свечу.

При открытых ставнях в комнате было светло от снега и без свечи, и мне отчетливо было видно Джейми, нежившегося под теплым одеялом. Я присела рядом и, взяв его правую кисть, нежно погладила ее.

Он глубоко вздохнул и даже застонал, когда я приступила к массажу, начав с кончика большого пальца. Затекшие от долгого держания поводьев пальцы постепенно согрелись и расслабились от массажа. В доме было тихо, в комнате холодно. Мне было приятно ощущать тепло его тела и наслаждаться интимностью прикосновений.

Стояла зима, ночи были длинными. Я улучила удобный момент и спросила:

— Джейми, кто же так изувечил Айена?

Он явно ждал этого вопроса, а потому ответил сразу же, не открывая глаз, однако тяжело вздохнув при этом:

— Я.

— Что?! — Я уронила его руку, потрясенная, а он принялся сжимать и разжимать кулак, проверяя работу пальцев. Затем положил руку на простыню, показав мне костяшки пальцев, припухшие после энергичного соприкосновения с костистым лицом Айена.

— Но почему? — спросила я, потрясенная. Я заметила, что с

некоторых пор в отношениях между Айеном и Джейми возникла какая-то напряженность, но враждебностью это тоже нельзя было назвать. Я не могла себе представить, что могло побудить Джейми ударить Айена. Ведь Джейми любил Айена так же, как Дженни.

Джейми открыл глаза, но по-прежнему не смотрел на меня. Он беспрестанно потирал костяшки пальцев, внимательно их разглядывая. Кроме небольших синяков на руке, никаких следов насилия на теле Джейми не было. Судя по всему, Айен не оказывал ему никакого сопротивления.

— Видишь ли, Айен уже так долго женат, — произнес он, словно оправдываясь.

— Сказать так — все равно что сказать: «Он долго не был на солнце», — заметила я, тупо уставившись на него. — Может, у тебя жар?

— Нет, — ответил он, уклоняясь от моих попыток пощупать ему лоб. — Перестань, Саксоночка. Со мной все в порядке.

Он крепко стиснул губы, затем собрался с силами и рассказал мне всю историю:

— Айен действительно сломал протез, угодив ногой в кротовую нору возле Брок Мордхи. Начинало вечереть, а у нас оставалось еще много дел в деревне, и тут пошел снег. Я видел, что у Айена сильно болит нога, хотя он упорно твердил, что может ехать. Нам повезло: неподалеку находились два или три дома. Я посадил Айена на одну из пони, и мы отправились просить пристанище на ночь.

Нас приняли с присущим шотландцам гостеприимством и предложили ночлег и ужин, состоящий из миски теплого бульона и овсяных лепешек. Затем уложили на соломенном тюфяке возле очага. Правда, тюфяк оказался довольно узкий, но мы улеглись, тесно прижавшись друг к другу, и вскоре заснули.

Джейми глубоко вздохнул и, смущенно взглянув на меня, продолжал:

— Ну, я очень устал после трудного путешествия и спал крепко. Думаю, Айен спал так же крепко. За последние пять лет, а это не так уж мало, он привык постоянно чувствовать рядом Дженни, вот и вчера, наверное, спросонья принял меня за Дженни, обнял и поцеловал в затылок. А я, — тут он запнулся и так густо покраснел, что это было видно даже при слабом свете луны, освещающей комнату, — я спросонья решил, что это Джек Рэндолл.

Я слушала эту историю, не смея перевести дыхание. И только тут с облегчением вздохнула.

— Наверное, Айен был в шоке, — сказала я.

Рот Джейми искривился.

— Видимо, да. Но я повернулся и ударил его по лицу, а через минуту уже сидел верхом на нем и дубасил его изо всех сил. Хозяева тоже страшно перепутались. Потом я объяснил им, что мне привиделся какой-то кошмар, что, в сущности, и было правдой. Я никогда не забуду эту сцену: Айен, избитый, стонет в углу, а хозяйка дома, похожая на жирную сову, сидит с растерянным видом на кровати и непрерывно повторяет: «Кто, кто?»

Я невольно рассмеялась, представив себе эту сцену:

— Боже мой, Джейми. А как же Айен?

Джейми слегка пожал плечами:

— Ты ведь видела его. Через некоторое время все снова улеглись спать, а я пролежал без сна всю оставшуюся часть ночи, уставившись в потолок.

Джейми не противился, когда я взяла его левую руку и стала осторожно поглаживать поврежденные костяшки пальцев. Его пальцы переплелись с моими.

— На следующее утро мы снова отправились в путь, — продолжал Джейми, — я дождался, когда мы достигли места, удобного для привала, и рассказал Айену всю историю, связанную с Рэндоллом.

Сейчас мне становился понятным странный взгляд, которым Айен наградил Джейми. И напряженное выражение на лице Джейми, и круги под глазами. Не находя нужных слов, я молча слегка стиснула его руку.

— Я не думал, что смогу кому-нибудь рассказать об этом, кроме тебя, Саксоночка, — проговорил он, сжимая в свою очередь мою руку. — Что касается Айена... ведь он... — Джейми старался подыскать как можно более точные слова: — Он ведь знает меня, как ты считаешь?

— Конечно. Ведь вы знаете друг друга всю жизнь, не так ли?

Он кивнул, глядя невидящим взглядом в окно. Снова пошел снег, легкие снежинки кружились в воздухе и мягко ложились на землю. И земля была белей, чем само небо.

— Айен всего лишь на год старше меня. В детстве мы всегда были рядом. Не было дня, чтобы мы не виделись, пока я жил дома. И даже потом, когда в четырнадцать лет я отправился с Дугалом в Леох, а позже — учиться в Париж, я не забывал о нем никогда. И стоило мне хоть ненадолго вернуться домой, я тотчас спешил к нему, и мы оба ощущали себя так, будто вовсе и не расставались. Мы просто улыбались друг другу и уже не расставались, бродили по полям и горам и без конца разговаривали обо всем на свете. — Он вздохнул и провел рукой по волосам. — Айен — словно часть меня самого, которая всегда оставалась здесь, независимо от

того, где находился в то время я, — сказал он, старательно подбирая слова. — И я подумал... Я должен рассказать ему. Мне не хотелось нарушать... это единство. Мне хочется остаться частью Айена. Частью Лаллиброха. — Он указал жестом на окно, затем повернулся ко мне: — А ты знаешь почему?

— Мне кажется, догадываюсь, — снова сказала я ласково. — Ну а Айен?

Джейми опять передернул плечами, словно рубашка была ему узка и стесняла его.

— Трудно сказать. Вначале, когда я стал рассказывать, он только покачивал головой, как будто не веря мне, а когда наконец поверил...

Джейми умолк и облизнул губы. И я поняла, как тяжело дался ему разговор с Айеном.

— Я видел, что Айену хочется вскочить на ноги и начать ходить взад-вперед, но он не мог из-за ноги. Он лишь сжимал и разжимал кулаки, лицо его сделалось блее снега, и он неустанно повторял: «Как? Как? Джейми, как ты мог позволить ему сотворить с тобой такое?» — Джейми покачал головой. — Не помню, что я отвечал и что еще говорил он. Я только помню, что кричали друг на друга. И что он хотел ударить меня, но не смог, опять же из-за ноги. — Джейми горько усмехнулся. — Мы были похожи на пару дураков, размахивающих руками и кричащих друг на друга. Но я перекричал его, и он наконец замолчал и дослушал меня до конца. Потом вдруг замолчал я и уже не мог говорить. Мне показалось это совсем не нужным. Я сел на камень и обхватил голову руками. Через некоторое время Айен окликнул меня, сказав, что пора продолжать путь. Я кивнул, поднялся, помог ему сесть на лошадь, и мы молча поехали дальше.

Джейми почувствовал наконец, как крепко сжимает мне руку, и ослабил хватку, но продолжал медленно передвигать обручальное кольцо у меня на пальце.

— Мы долго ехали молча, — тихо продолжал Джейми. — Вдруг я услышал какой-то странный, хлюпающий звук. Я пришпорил свою лошадку и, догнав Айена, заглянул ему в лицо. Он плакал. Слезы ручьем текли у него по лицу. Он понял, что я заметил его слезы, и хотя все еще был очень сердит, протянул мне руку. Я принял ее. Его рукопожатие было таким сильным, что у меня затрещали кости. Так мы доехали до дома.

Я чувствовала, как напряжение покидает Джейми.

«Всего тебе хорошего, брат», — сказал Айен, балансируя на одной ноге перед дверью спальни.

— Значит, теперь все в порядке? — спросила я.

— Думаю, что так. — Теперь он полностью расслабился, уютно устроившись на мягкой пуховой перине. Я нырнула под одеяло и прижалась к нему. Мы смотрели на падающий снег, изредка слабо ударяющий в стекло.

— Я рада, что ты наконец дома, — сказала я.

Когда я проснулась на следующий день, за окном было такое же серое утро, как накануне. Уже одетый, Джейми стоял у окна.

Он заметил, что я подняла голову от подушки.

— Проснулась, Саксоночка? Хорошо. А я привез тебе подарок.

Он полез в свою кожаную сумку и вытащил несколько медных монет, два или три маленьких камешка и маленькую палочку, обмотанную леской, скомканное письмо и спутанный клубок лент.

— Ленты? — удивилась я. — Спасибо. Они замечательные.

— Нет, это не для тебя, — сказал он, нахмурившись так как ему пришлось вынимать запутавшуюся в голубых лентах сушеную лапу крота — средство от ревматизма. — Это для Мэгги. — Он подозрительно оглядывал камни, лежащие у него на ладони, и, к моему удивлению, взял один и лизнул.

— Нет, не этот, — пробормотал он и положил камень назад в сумку.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я, с любопытством наблюдая за его действиями. Он ничего не ответил, но вытащил вторую пригоршню камней, понюхал их и выбрал, кажется, тот, который искал. Его он тоже лизнул для верности, затем положил мне на ладонь и улыбнулся.

— Янтарь, — довольный, произнес он, когда я потрогала один кусочек неправильной формы. Он казался теплым на ощупь, и я почти инстинктивно сжала его в руке.

— Его, конечно, нужно отполировать, — объяснил Джейми. — Я подумал, что из него получится красивый медальон. — Он чуть покраснел, не сводя с меня глаз. — Это... это подарок к первой годовщине нашего супружества. Когда я увидел его, то вспомнил кусочек янтаря, подаренный тебе Хью Мунро в день нашей свадьбы.

— Я до сих пор храню его, — сказала я, доставая маленький кусочек окаменевшего древесного сока. В маленьком кусочке янтаря, подаренном мне Хью, одна сторона была отполирована и представляла собой маленькое оконце, в котором виднелась летящая стрекоза. Я хранила этот амулет в своей медицинской сумке и считала его самым сильным из всех амулетов, имеющихся у меня. Подарок к годовщине свадьбы. Конечно, мы поженились в июне, а не в декабре. Но в день первой годовщины нашей свадьбы Джейми находился в тюрьме, а я... я в руках короля Франции. Нам

тогда было не до свадебных торжеств.

— Скоро Новый год, — сказал Джейми, глядя в окно на снег, окутавший белым одеялом поля Лаллиброха. — Подходящий момент начать все сначала, — Мне тоже так кажется. — Я встала с постели и, подойдя к окну, где стоял Джейми, обняла его. Мы стояли, молча прижавшись друг к другу. Мы молчали до тех пор, пока я не заметила другие маленькие желтоватые камешки, которые Джейми достал из своей сумки.

— А это что, Джейми? — удивленно спросила я, отстраняясь от него, чтобы получше рассмотреть желтоватые камешки.

— Это? Это медовые шарики, Саксоночка. — Он поднял один из камешков и отер с него пыль. — Мне дал их в Деревне мистер Гибсон. Очень вкусные, хотя, кажется, немного запачкались у меня в сумке. — Он протянул мне один на открытой ладони и сказал, улыбаясь: — Хочешь?

Глава 34

ПОЧТАЛЬОН ВСЕГДА ЗВОНИТ ДВАЖДЫ

Я не знала, что именно и как Айен рассказал Дженни о злополучном происшествии в Брох Мордхе. Она относилась к своему брату по-прежнему, но в ее тоне иногда сквозила доброжелательная усмешка. Я знала ее довольно хорошо, чтобы понять, что одним из лучших ее качеств была способность ни при каких обстоятельствах не проявлять своей антипатии к собеседнику.

Дружба и согласие, установившиеся сразу же между нами четверыми, еще более окрепли за месяцы, которые мы провели под одной крышей. Взаимное уважение и доверие нам были просто необходимы, — так много нам предстояло сделать.

Роды Дженни приближались, и все больше домашних дел ложилось на мои плечи, и Дженни стала больше полагаться на меня. Я никогда не пыталась занять ее место. После смерти матери домашнее хозяйство полностью перешло в руки Дженни, и именно к ней чаще всего обращались прислуга и батраки. Но в то же время они постепенно привыкли и стали относиться ко мне с дружеской приязнью, граничащей с благоговением.

Весна ознаменовалась посадкой огромного количества картофеля. Почти половина земель была отведена под эту новую культуру. Правильность такого решения подтвердилась, когда молодые ростки ячменя были побиты сильным градом, а картофельная ботва уцелела. Вторым важным событием весны было рождение у Дженни и Айена второй дочери — Кэтрин Мэри. Она появилась на свет совершенно неожиданно для всех и даже для Дженни. Как-то днем Дженни пожаловалась на боль в спине и пошла прилечь. Очень скоро стала ясна истинная причина ее недомогания. Джейми бросился сломя голову к миссис Мартинс — акушерке.

Они появились как раз вовремя, чтобы выпить по бокалу праздничного вина. Пронзительный плач новорожденной эхом отзывался повсюду в доме.

Итак, все шло своим чередом, и я успокоилась, постепенно забывая пережитое. Сердце мое было полно любви и заботы о близких.

Письма приходили нерегулярно. Иногда раз в неделю, иногда раз в месяц, а то и реже. Принимая во внимание расстояние, которое приходилось преодолевать почтальону, чтобы доставить почту в Лаллиброх, я дивилась тому, что почта вообще приходит.

Однако сегодня нам доставили огромный пакет писем и книг, упакованный по случаю плохой погоды в промасленную пергаментную бумагу и перевязанный шпагатом. Отправив почтальона на кухню перекусить, Дженни аккуратно развязала бечевку и положила ее в карман. Она перебрала маленькую стопку писем, отложив в сторону нарядный пакет, пришедший из Парижа.

— Письмо Айену. Должно быть, счет за семена, письмо от тети Иокасты — о, это хорошо, от нее не было вестей уже несколько месяцев. Я думала, что она больна, но конверт написан ее рукой и твердым почерком.

Письмо, написанное крупными черными буквами, было отложено в стопку писем, адресованных Дженни. Туда же последовали письма от замужней дочери Иокасты. Опять письмо Айену из Эдинбурга, для Джейми от Джареда. Я узнала его тонкий, неразборчивый почерк. Толстый конверт с геральдической печатью Стюартов. Скорее всего оно было полно стенаний Карла по поводу трудности парижской жизни и рассуждений на тему неразделенной любви. К счастью, на этот раз оно было коротким. Обычно он писал на нескольких страницах, изливая душу перед «любезным Джейми». Письмо изобиловало ошибками, но, по крайней мере, было ясно, что для личных писем Чарли не пользовался услугами секретаря.

— О, три французских романа и книга стихов из Парижа! — воскликнула Дженни, сняв бумажную обертку с книг в кожаных переплетах. Она благоговейно касалась пальцем тисненых золотом букв на обложках.

Дженни страстно любила книги, почти так же, как Джейми любил лошадей. В доме имелась небольшая библиотека, и вечерами, в короткие часы досуга перед сном, она обязательно читала.

— Это дает мне пищу для размышлений во время работы, — объяснила она, когда однажды вечером я застала ее падающей от усталости, но с книгой в руках. Я убеждала ее лечь спать, вместо того чтобы читать вслух для Айена. Джейми да и для меня тоже. Она зевнула, прикрыв рот рукой, и сказала: «Даже если я ваюсь от усталости и едва различаю строчки, все равно на следующий день, когда я пряду или валяю шерсть, они снова всплывают в моей памяти, и я как бы заново читаю их».

Я улыбнулась при упоминании о валянии шерсти, поскольку была убеждена, что почти все женщины Лаллиброха валяли шерсть, не только отдавая должное традиции, но и ритмам стихов Мольера или Пирона.

Я не могу забыть сарай для валяния шерсти, где женщины сидели двумя длинными рядами лицом друг к другу. Они были одеты в свою

самую старую одежду и непременно босиком. Упираясь спиной в стену сарая, они колотили ногами по длинному, влажному рулону шерсти, сбивая его в тугой войлок, который потом защитит их самих и их близких от шотландских туманов и даже дождя, спасет от простуды.

Время от времени какая-нибудь из женщин вставала и выходила, чтобы через некоторое время вернуться с чайником нагретой до кипения на огне мочи. Подобрав высоко юбку, она проходила босиком прямо в центр сарая и выливала содержимое чайника на земляной пол. Душные горячие пары поднимались от шерсти, а валяльщицы прятали ноги от случайных брызг и отпускали соленые шутки.

— От горячей мочи дело спорится, — объяснила мне одна из женщин, когда я впервые заглянула в сарай. Глаза мои сразу же заслезились, и женщины молча наблюдали, что же я стану делать.

Но валяние шерсти было для меня не таким уж невыносимым делом после того, что я видела на войне и в госпиталях. И если не обращать внимания на запах, сарай для валяния шерсти был теплым, уютным местом, где женщины Лаллиброха собирались вместе, шутили, беседовали и пели.

Мои мысли были прерваны тяжелыми шагами в прихожей и волной холодного воздуха, хлынувшей в дом через открывшуюся уличную дверь. Это пришли Джейми с Айеном. Они оживленно разговаривали между собой на родном гэльском наречии. Судя по характеру их беседы, можно было с уверенностью сказать, что речь шла, конечно же, о каких-то фермерских делах.

— Это поле нужно во что бы то ни стало осушить к следующему году, — услышала я голос Джейми. Дженни сразу же пошла в залу, чтобы принести чистые полотенца.

— Вытритесь, прежде чем ступать на ковер, — приказала Дженни, протягивая каждому по полотенцу. — И снимите свои грязные ботинки. Кстати, пришла почта. Тебе письмо, Айен. Кажется, по поводу семян картофеля, которые ты заказывал.

— Прочту обязательно, но не дашь ли ты нам сначала чего-нибудь поесть, — сказал Айен, старательно вытирая волосы полотенцем. Он тер их до тех пор, пока густая, темная шевелюра не стала торчком. — У меня уже от голода живот к спине прилип, и у Джейми тоже.

Джейми, трясая головой, как мокрая собака, заставлял сестру вскрикивать, когда холодные капли воды разлетались по всей комнате. Его рубашка промокла насквозь и прилипла к телу, а надо лбом повисли пряди мокрых волос цвета ржавого железа.

Я накинула полотенце на шею Джейми:

— Заканчивай вытираться, а я пойду принесу тебе что-нибудь переодеться.

Я была на кухне, когда услышала, как он вскрикнул. Мне никогда не приходилось слышать что-нибудь подобное. В его голосе были и отчаяние, и ужас, и безысходность. Так может кричать лишь человек, попавший в лапы тигра. Я не раздумывая бросилась в гостиную с подносом овсяных лепешек в руках.

Влетев в комнату, я увидела Джейми стоящим у стола, на котором Дженни разложила почту. Он был смертельно бледен и стоял, покачиваясь, словно подрубленное дерево.

Я до смерти перепугалась, взглянув на Джейми.

— Что случилось? — взволнованно спрашивала я. — Джейми, что случилось?

С видимым усилием он поднял со стола одно из писем и протянул его мне.

Я поставила поднос с овсяными лепешками на стол и быстро пробежала глазами содержание письма. Оно было от Джареда. Я сразу же узнала его почерк.

«Дорогой кузен, — читала я про себя, — так приятно... не могу передать словами свое восхищение... ваша отвага и мужество... несомненно, будут иметь успех... я буду молиться за вас».

Я недоуменно взглянула на Джейми:

— О чем это он пишет? Что ты сделал, Джейми?

За эти несколько мгновений лицо Джейми осунулось, и он почти простонал, вытаскивая другой лист бумаги, на котором был напечатан дешевого вида рекламный листок.

— Дело совсем не в том, что я что-то сделал, Саксоночка, — сказал он.

Я вновь взглянула на широкий лист. Его венчал фамильный герб Стюартов. Помещенный под ним текст был изложен сухим канцелярским языком.

Он гласил, что по воле всемогущего бога король Джеймс Восьмой шотландский и Третий английский и ирландский объявляет о своих правах на трон всех трех королевств и надеется на поддержку вождей шотландских кланов, лордов-якобитов и всех прочих лиц, преданных его величеству королю Джеймсу. Далее предлагалось этим преданным людям подписать изложенное выше Соглашение о сотрудничестве.

Мои руки похолодели, и меня охватил такой ужас, что я просто чудом не потеряла сознание. Перед глазами у меня поплыли черные круги, кровь

бешено стучала в висках.

Внизу стояли подписи вождей шотландских кланов, готовых пожертвовать своей жизнью и репутацией ради Карла Стюарта: Кланранальд, Гленгэрри, Стюарт Аппинский, Александр Макдоналд, Эйнес Макдоналд.

А завершал список Джеймс Александр Малколм Макензи Фрэзер, Брок Туарах.

— Иисус твою... траханий Христос, — прошептала я, хотя мне хотелось выразиться еще крепче. — Этот подонок подписался здесь вместо тебя!

Джейми, все еще бледный, уже немного пришел в себя.

— Именно так, — коротко бросил он, и его рука скользнула к другому письму с печатью Стюартов. Джейми поспешно сорвал печать и дрожащими руками развернул письмо. — Извинения, — произнес он хриплым от волнения голосом. — Извиняется за то, что у него нет времени послать мне документ для подписи, и потому подписывает его сам. Одновременно благодарит за преданность. Господи, что же мне делать!

Это был крик души, и я не знала, что на него ответить. Мне ничего не оставалось, как скрепя сердце наблюдать за ним. А он тем временем опустил на подушечку для чтения молитв и сидел, молча уставившись на огонь в очаге. Дженни, присутствовавшая при этом, тоже взяла письма и стала читать. Она читала их очень внимательно, шевеля при этом дрожащими губами, потом бережно положила их на полированный стол. Некоторое время, нахмурившись, она смотрела на них, затем перекрестила брата и положила руку ему на плечо.

— Джейми, — сказала она, и ее лицо сделалось мертвенно-бледным. — У тебя нет другого выхода. Ты должен идти сражаться за Карла Стюарта. Ты должен помочь ему одержать победу.

Смысл ее слов медленно проникал в мое сознание. Этот документ автоматически зачислял всех подписавших его в разряд мятежников и предателей английской короны. Не имеет значения, как и где удалось Карлу достать деньги для осуществления этого плана. Он полон решимости завладеть тронem и готовится к мятежу. А Джейми — и я — оказались невольно причастными к его планам. И Дженни права: у нас не было выбора.

Я прочла попавшуюся мне на глаза часть письма Карла, которое держал в руках Джейми.

«...Хотя многие считают меня глупцом из-за того, что я ввязываюсь в это дело, не заручившись поддержкой короля Людовика или хотя бы его

банков! Я не обращаю на это внимания и готов на все, лишь бы вернуться туда, откуда прибыл.

А теперь порадуйся за меня, мой дорогой друг, я возвращаюсь домой!»

Глава 35

ЛУННЫЙ СВЕТ

Начались приготовления к предстоящему отъезду. Все поместье было охвачено волнением. Оружие, тайно хранимое с 1715 года под соломенными крышами, в стогах сена, в очагах, срочно извлекалось наружу и приводилось в боевую готовность. Под горячим августовским солнцем мужчины собирались группами, вели серьезные разговоры. Глядя на них, женщины становились молчаливыми.

Дженни стала замкнутой, как и ее брат. Я же, никогда не умевшая скрывать свои мысли и настроения, порой завидовала ей. Поэтому, когда однажды утром она попросила меня привести Джейми к ней в пивоварню, я никак не могла взять в толк — на что он ей там понадобился.

Джейми остановился позади меня возле двери, выжидая, когда глаза привыкнут к полумраку. Он с видимым удовольствием вдохнул горький влажный аромат.

— О-о... — мечтательно произнес он. — Здесь можно опьянеть от одного только запаха.

— Ну тогда удержи дыхание на минуту, — посоветовала сестра, — ты нужен мне трезвый.

Он послушно набрал воздух в легкие и надул щеки в ожидании.

— Клоун, — сказала она незлобливо и ткнула его в живот ручкой мешалки, при этом Джейми сложился пополам, шумно выпустив из себя воздух.

Он взял пустое ведро с полки, поставил его на пол вверх дном и сел. Слабый свет, проникавший сквозь окно, заклеенное вощанкой, придавал его волосам медный оттенок.

Теперь настала очередь Дженни набрать побольше воздуха в легкие.

— Джейми, я хотела поговорить с тобой насчет Айена.

— Что с ним такое?

От широкого чана, стоявшего в пивоварне, исходил аромат зерна, хмеля и спирта.

— Я хочу, чтобы ты взял Айена с собой.

Брови Джейми поползли вверх, но он медлил с ответом. Взгляд Дженни был прикован к чану с суслом, в котором она ловко орудовала мешалкой. Он сидел в расслабленной позе, уронив свои большие руки между колен и задумчиво глядя на сестру.

— Устала от замужества? — доверительно спросил он. — Тогда, может быть, лучше вывести его в лес и пристрелить там ради твоего удовольствия? — Взгляд его голубых глаз, казалось, прожигал ее насквозь.

— Если мне понадобится, чтобы кто-нибудь был подстрелен, я сделаю это сама. Но в любом случае моей мишенью будет не Айен.

Джейми фыркнул, скривив губы:

— В чем же тогда дело?

Ее плечи задрожали.

— В том, о чем я тебя прошу.

Джейми принялся с нарочитой тщательностью разглядывать кривой шрам на среднем пальце правой руки.

— Но ведь это опасно, Дженни, — спокойно возразил он.

— Я знаю.

Джейми медленно покачал головой, продолжая рассматривать свою руку. Рука полностью зажила, но шрам и грубый рубец заметно деформировали ее.

— Разумеется, знаешь. — Он оставил руку в покое и теперь смотрел в упор на сестру, начиная терять терпение. — Я знаю, что Айен рассказывал тебе всякие истории о боях во Франции, но реально ты все-таки не представляешь себе, что такое война. Это не облава на скотину. Это война, и не исключено, что каждый из нас может стать ее кровавой жертвой. Это...

Мешалка с силой стукнулась о стенку чана и упала в перемешиваемую массу.

— Не смей говорить, будто я не знаю, что такое война! — вскричала Дженни. — Истории, говоришь? А кто ухаживал за Айеном, когда он вернулся домой из Франции, оставив там полноги, в лихорадке, которая чуть не свела его в могилу?

Она стукнула рукой по скамейке. Напряженные до предела нервы дали сбой.

— Это я-то не знаю? Я обирала червей с его культи, потому что у его собственной матери не хватало мужества на это! Я прижимала раскаленный нож к его ноге, чтобы дезинфицировать рану! Я чувствовала запах его горячей плоти, подобный запаху поджариваемой свинины, и слушала при этом его отчаянные крики! И ты после этого смеешь говорить мне, что я понятия не имею о войне!

Слезы градом катились по ее лицу. Она вытирала их прямо руками, не удосуживаясь отыскать платок в кармане своего платья.

Стиснув зубы, Джейми поднялся, достал платок из рукава и протянул

его Дженни. Он знал, как успокоить ее, и стоял молча, выжидая, когда она выплачется.

— Итак, ты знаешь, что такое война, и тем не менее хочешь, чтобы я взял Айена с собой?

— Да. — Она высморкалась, вытерла нос платком Джейми и спрятала его в карман. — Он прекрасно знает, что его ждет. Даже слишком хорошо знает. И все же он хочет ехать с тобой. У него есть лошадь. Ему не придется идти пешком. — Дженни сделала нетерпеливый жест рукой. — Мужчина имеет право исполнить свой долг так, как он его понимает. На каком основании ты решаешь за него?

Вновь разволновавшись, она вытащила мешалку из чана и встряхнула ею. Коричневые капли сусла упали в бадью.

— Он не просил тебя, не так ли? И не спрашивал, понадобится он тебе или нет?

— Нет. — Она вновь опустила мешалку в чан и принялась мешать сусло. — Он думает, что ты отвергаешь его потому, что он хромой и тебе не будет от него никакой пользы. — Ее голубые глаза, точь-в-точь такие, как у Джейми, выражали боль и тревогу. — Ты знал Айена прежнего. Сейчас он совсем другой.

Джейми кивнул, вставая на ноги.

— Другой, но ничуть не хуже прежнего. Так, сестра? — Он смотрел на нее и улыбался. — Он счастлив с тобой, Дженни. С тобой и с детьми.

Она кивнула, тряхнув черными кудряшками.

— Да, счастлив, — растроганно проговорила она. — Но это потому, что для меня он — единственный настоящий мужчина и таким останется всегда. — Она взглянула прямо в глаза брата. — Но если он поймет, что не нужен тебе, он будет не нужен и себе самому. Поэтому я прошу тебя взять его с собой.

Джейми упер локти в колени, крепко сцепил руки и положил на них подбородок.

— Здесь будет не так, как было во Франции, — задумчиво сказал он. — Сражаясь там, ты рисковал потерять жизнь в борьбе. Здесь... — Он помолчал немного, потом продолжал: — Дженни, здесь совсем другое. Если Стюарты потерпят неудачу, все их сторонники пойдут на эшафот.

Ее и без того белое лицо сделалось мертвенно-бледным, но руки продолжали двигаться в привычном ритме.

— У меня нет выбора, — продолжал Джейми, устремив взгляд на сестру. — Но зачем тебе рисковать нами обоими? Ты хочешь увидеть Айена на виселице, хочешь увидеть, как потом огонь будет пожирать его плоть?

Ты готова ради удовлетворения его самолюбия воспитывать детей без отца? — Его лицо сделалось таким же бледным, как у Дженни. Движения мешалки замедлились, но голос прозвучал твердо:

— Мне нужен настоящий мужчина — или никакой, — решительно заявила она.

Джейми долго сидел молча, наблюдая за методичным движением мешалки в руках сестры.

— Хорошо, — наконец тихо произнес он. Она не взглянула на него и не замедлила темпа мешалки, но белый чепчик на голове, казалось, чуть-чуть качнулся в его сторону.

Джейми шумно вздохнул, затем поднялся и резко повернулся ко мне.

— Пошли отсюда, Саксоночка, — сказал он. — Сегодня я должен напиться.

— Почему ты решил, что имеешь право приказывать мне? — Вены на висках Айена вздулись и посинели. Дженни крепко сжала мою руку.

Сообщение Джейми о том, что Айен должен отправиться вместе с ним, чтобы сражаться на стороне Стюартов, было воспринято вначале с недоверием, потом с подозрением и, наконец, с гневом.

— Ты — дурак! — вспыхнул Айен. — Я — калека, и ты это прекрасно знаешь.

— Я знаю, что ты отличный боец, и никого другого, кроме тебя, я не хотел бы видеть рядом с собой в сражение, — продолжал гнуть свою линию Джейми. Он дал обещание Дженни и должен исполнить его во что бы то ни стало. — Мы всегда действовали заодно. А сейчас ты оставишь меня одного?

Айен нетерпеливо махал рукой, отвергая это обвинение:

— Во время сражения всякое может случиться. А что, если моя нога вдруг соскочит или подвернется, хороший же из меня будет боец! Я буду лежать на земле словно червяк и ждать, когда первый же красномундирник [1] заколет меня. И кроме того, — при этих словах Айен сердито нахмурился, — кто, по-твоему, будет здесь работать вместо меня, пока ты отвоюешься и наконец согласишься вернуться?

— Дженни, — ответил Джейми не задумываясь. — И потом, здесь останется достаточно мужчин, которые будут работать и присматривать за хозяйством. А вести счета она умеет.

Брови Айена подскочили вверх, и он произнес что-то грубое по-гэльски.

— Ты хочешь, чтобы я оставил ее здесь одну с тремя маленькими детьми? Парень, да ты просто спятил! — Всплеснув руками, Айен указал в

сторону шкафа, где хранилось виски.

Дженни, сидящая с Кэтрин на коленях рядом со мной на диване, слабо ахнула. Ее рука отыскала мою под складками наших юбок, и я сжала ее пальцы.

— Почему ты считаешь, что имеешь право приказывать мне?

Джейми хмурым взглядом окинул плотную спину шурина. Внезапно его рот тронула чуть заметная улыбка.

— Потому что я выше тебя ростом, — нарочито серьезным тоном произнес он, продолжая хмуриться.

Айен недоуменно уставился на Джейми. Но нерешительность его длилась не более секунды. Айен расправил плечи, вскинул подбородок.

— А я старше тебя, — парировал он, тоже хмурясь.

— А я сильнее.

— Нет, я.

— Неправда, я.

Сквозь напускную серьезность в их голосах угадывалась шутка. Они насакивали друг на друга, как когда-то в детстве. В голосе Джейми звучал все тот же вызов, как и много лет назад. Он расстегнул рукав рубашки и стал его закатывать.

— Докажи! — крикнул он, одним движением руки смахивая фигуры с шахматного стола, затем сел и поставил локоть на стол, демонстрируя готовность к предстоящей борьбе. Его голубые глаза в упор смотрели в карие глаза Айена, горевшие тем же неукротимым азартом.

Айену потребовалась одна секунда, чтобы оценить ситуацию, и он согласно кивнул.

Он пригладил упавшую на лоб прядь волос, расстегнул манжету рукава и стал так же медленно закатывать рукав, не сводя глаз с Джейми.

Оттуда, где я стояла, мне было хорошо видно лицо Айена, слегка порозовевшее под загаром, его решительно вскинутый острый подбородок. Лица Джейми мне не было видно, но, судя по осанке, он был настроен не менее решительно.

Теперь Айен и Джейми, сидя друг против друга, выверяли подходящую точку опоры для локтя и надежность столешницы.

В соответствии с правилами Джейми растопырил пальцы. Айен сделал то же самое, и их ладони сдвинулись, прижавшись друг к другу. Затем пальцы рук сомкнулись и скользнули вправо, сцепившись в замок.

— Готов? — спросил Джейми.

— Готов, — ответил Айен. Голос его был спокойным, но глаза под густыми бровями горели.

Мышцы противников напряглись, напряжинились, пока они ерзали на стульях, усаживаясь поудобнее.

Дженни встретила со мной глазами и отвернулась. Она ожидала от Джейми чего угодно, но только не этого.

Внимание обоих мужчин было сфокусировано на сцепленных пальцах, все окружающее перестало для них существовать. Лица их сделались пунцовыми от напряжения, волосы на висках взмокли от пота. Вдруг я заметила, что Джейми ослабил хватку, заметив, как Айен еще крепче стиснул зубы. Айен недоуменно взглянул на Джейми, их глаза встретились, и они дружно прыснули со смеха.

В следующую же минуту сцепленные руки упали на стол.

— Значит, ничья, — сказал Джейми, отбрасывая назад волосы, мокрые от пота. И добродушно кивнул Айену. — Значит, так, дружище, если я не имею права приказывать тебе, то я могу попросить. Ты пойдешь со мной.

Айен отер рукой мокрую шею, обвел взглядом комнату, остановив его на Дженни. Ее лицо было бледнее обычного, но мне была видна голубая жилка, пульсирующая у нее на шее. Айен внимательно смотрел на нее, осторожно опуская рукав своей рубашки. Я заметила, как темная краска начинает заливать ее лицо и шею.

Айен в раздумье потер подбородок, затем повернулся к Джейми и покачал головой.

— Нет, старик, — мягко сказал он. — Здесь я тебе нужнее, и я остаюсь. — Его глаза задержались на Дженни с маленькой Кэтрин, прильнувшей к ее плечу, и на маленькой Мэгги, вцепившейся в юбку матери крохотными ручонками. — Я останусь здесь, — повторил он, — защищать твою слабую сторону.

— Джейми?

— Да? — Он ответил сразу, и я знала, что он не спит, хотя и лежал неподвижно, словно каменное изваяние. Комната была залита лунным светом, и, поднявшись на локте, я могла видеть его лицо. Взгляд был устремлен вверх, как будто сквозь тяжелые балки потолка он мог увидеть небо, усыпанное звездами.

— Ты ведь не оставишь меня здесь одну, правда? — До сегодняшней сцены с Айеном я не осмеливалась спрашивать Джейми об этом. Коль скоро было решено, что Айен остается, Джейми уединился с ним, чтобы сообща решить, кому отправляться под знамена принца, а кто останется, чтобы обеспечить нормальное функционирование поместья Лаллиброх.

Я знала, что решать эти вопросы было непросто в данной ситуации, несмотря на то что Джейми с видимым спокойствием обсуждал с шурином,

сможет ли тот отпустить кузнеца Росса, и в конце концов решили, что сможет, при условии, что до выступления в поход будут починены все лемехи плугов. Когда дошла очередь до Кирби Фрэзера, было решено, что он должен остаться, поскольку является единственной опорой не только собственной семьи, но также и семьи своей овдовевшей сестры. Брендан был старшим из мальчиков в обеих семьях и в свои девять лет должен будет заменить отца Джозефа, если тот не вернется.

К решению подобных вопросов следовало подходить с особой деликатностью. Сколько мужчин необходимо взять с собой, чтобы оказать влияние на исход борьбы? Дженни была права: у Джейми не было иного пути, кроме как помочь Карлу Стюарту добиться победы. А значит, ему предстоит собрать как можно больше мужчин и оружия. Но с другой стороны, была я и моя полная неосведомленность в хозяйственных делах. Мы сумели помешать Карлу собрать деньги для финансирования восстания, но тем не менее безрассудный и бездарный этот Младший Претендент решился заявить притязание на трон. Он уже высадился в Гленфиннане и объединил под своими знаменами тамошние кланы. Из очередного письма Джаред мы узнали, что Карл пересек Ла-Манш с двумя небольшими фрегатами, предоставленными в его распоряжение неким Энтони Уолшем, бывшим работником, и отнюдь не бескорыстно. Видимо, авантюра Карла показалась ему менее рискованной, чем торговля рабами, где он может выиграть, а может и проиграть. Один фрегат был захвачен англичанами, другой с Карлом на борту благополучно добрался до острова Эрискей.

Карла сопровождали семеро приверженцев, включая владельца небольшого банка по имени Эйнес Макдоналд. Не в состоянии субсидировать всю экспедицию, он предоставил необходимую сумму для покупки небольшого количества палашей, которые и составляли все вооружение Карла. Джаред делал вид, что восхищается Карлом, в действительности же приходил в ужас от безрассудства его затеи, но, будучи настоящим якобитом, старался скрыть недобрые предчувствия.

И тем не менее Карлу сопутствовал успех. От «Хайленд грейпвайн» мы узнали, что он причалил к острову Эрискей, затем с несколькими большими бочками бренди отправился в Гленфиннан и ждал, откликнутся ли кланы на его призыв встать под его знамена. И после нескольких томительных часов ожидания он увидел наконец спускающихся по крутым зеленым холмам триста человек из клана Камерон, но предводительствовал не вождь клана — он находился в отъезде, а его сестра, Дженни Камерон.

Камероны были первыми, но вслед за ними прибыли и другие, все, кто

были перечислены в Соглашении о сотрудничестве. Если, несмотря на все усилия, Карлу суждена неудача, надо как можно больше народу оставить в поместье и спасти Лаллиброх от упадка.

Айен по крайней мере уцелеет, и Джейми сможет не беспокоиться о доме.

Дома остается Айен. Уже одно это придавало ему уверенности и поддерживало бодрость духа. А как другие шестьдесят семейств, живших в Лаллиброхе? Решать, кто пойдет воевать, а кто останется, было равносильно выбору заведомых смертников. Мне приходилось видеть командиров, которых война вынуждала делать подобный выбор, и знала, чего это им стоило.

Джейми сделал выбор — у него не было иного выхода, — но в своем решении он придерживался двух принципов: в его войске не будет ни одной женщины и юношей младше восемнадцати лет. Айен был удивлен такому решению Джейми. Женщинам с маленькими детьми в принципе естественно оставаться дома, однако для большинства шотландских женщин было также естественным сопровождать мужей, отправляющихся на войну, — готовить им еду, заботиться о них и делить с ними все тяготы армейской жизни. И юноши, которые уже в четырнадцать лет считают себя мужчинами, будут смертельно оскорблены таким решением. Но Джейми отдавал свои приказания тоном, не терпящим возражений, и Айен после минутной заминки согласно кивнул и подписал приказ. Я не хотела в присутствии Айена и Дженни спрашивать Джейми, распространяется ли его приказ относительно женщин и на меня тоже, потому что, хочет он того или нет, я все равно отправлюсь с ним, чего бы это мне ни стоило.

— Оставить тебя? — спросил он, и я увидела, что он широко улыбается. — Думаешь, мне это удастся?

— Нет, — ответила я, с облегчением вздохнув и прижавшись к нему. — Не удастся. Но, может быть, ты втайне помышляешь об этом?

Он засмеялся и крепче прижал меня к себе:

— О да, конечно, помышляю. Но в то же время я прекрасно сознаю, что для этого мне пришлось бы приковать тебя цепями к перилам лестницы. Иначе тебя не удержишь. Таким образом, мне поневоле придется взять тебя с собой. К тому же ты еще и прекрасный лекарь. И я не хочу лишать своих людей твоей помощи, а она им наверняка понадобится.

Он дружески потрепал меня по плечу и добавил:

— Я хотел бы оставить тебя здесь, в безопасности, но не могу. Поэтому ты поедешь со мной, ты и Фергюс.

— Фергюс? — удивилась я. — Но ты ведь решил не брать с собой

юношей младше восемнадцати лет.

Он снова глубоко вздохнул, а я приложила руку к его груди, слушая, как гулко, толчками бьется его сердце.

— Да, но Фергюс — это совсем другое. Другие парни... я не хочу брать их потому, что они принадлежат этому месту, здесь их дом, и если все провалится, они помогут своим семьям спастись от голода, будут работать на полях и ухаживать за скотом. Им придется до времени стать взрослыми, но это полбеды. Что касается Фергюса, то его дом не здесь, и ему без меня здесь нет места.

— Его место рядом с тобой, — мягко, с пониманием сказала я. — Как и мое.

Он долго молчал, затем нежно привлек меня к себе.

— Да, ты права, — спокойно сказал он. — А сейчас спи, *mo duinne*. Уже поздно.

Тревожные завывания ветра заставили меня проснуться третий раз за эту ночь. У маленькой Кэтрин резались зубки, и ее плач разносился по всему дому. Из спальни Дженни, расположенной внизу, до моего слуха долетало сонное бормотание Айена и голос Дженни, успокаивающей ребенка.

Потом я услышала осторожные шаги в коридоре и поняла, что это Джейми, которому, по-видимому, так и не удалось уснуть в эту ночь, шлепает босиком по коридору.

— Дженни? — Он говорил тихо, стараясь никого не беспокоить, но его голос гулко раздавался в сонной тишине дома. — Я слышу, что малышка плачет. Видно, она не может уснуть, как и я. Если она сухая и сыта, то мы могли бы составить друг другу компанию, а ты ступай поспи.

Дженни сдержала зевок, и мне в ее голосе почувствовалась улыбка.

— Джейми, дорогой, ты как материнское благословение. Да, она сыта по горло, и я только что передела ее. Бери ее, и сколько угодно наслаждайтесь обществом друг друга.

Дверь закрылась, и я снова услышала тяжелые осторожные шаги, ведущие в нашу комнату, и тихий голос Джейми, нежно разговаривающего с Кэтрин.

Я глубже зарылась в пуховые перины и снова задремала, вполуха слушая ее всхлипы, перемежающиеся громким плачем, и приглушенный голос Джейми, что-то нашептывающий ей. Его голос, преломлявшийся в моем сонном сознании, напоминал мне жужжание пчел в улье.

— Почему плачет маленькая Китти? Кто ее обижает?

Звук шагов Джейми то удалялся, то приближался. Меня снова стало

клонить в сон, но я удерживалась от этого, так как хотела слышать, что еще станет говорить Джейми. Может быть, когда-нибудь он будет вот так же держать своего собственного ребенка — маленькая круглая головка покоится на его огромной ладони, крепкое тельце прижато к его плечу. И он будет баюкать свою собственную дочь вот так же, среди ночи, нашептывая ей нежные, ласковые слова.

Постоянная боль в моем сердце растворилась в глубокой нежности. Ведь я забеременела однажды, значит, смогу это сделать снова. Вера вселила в меня надежду, а в Джейми — мужество. Я обхватила груди руками, ощутив их упругость, и окончательно уверовала в то, что настанет день и я прижму к сердцу своего ребенка. Я уснула, а отголоски нежного воркования Джейми еще долго звучали у меня в ушах.

Не знаю, сколько времени прошло. Я проснулась, открыла глаза и увидела, что вся комната залита лунным светом. Все предметы, находящиеся в комнате, были отчетливо видны, но выглядели странно, словно были совершенно плоскими — двухмерными и не отбрасывали тени.

Ребенок не плакал, но из холла по-прежнему доносился голос Джейми, все еще продолжавшего говорить, но значительно тише, вернее, совсем тихо. И совсем другим тоном. Это уже была не та монотонная, маловразумительная песенка, которой обычно баюкают младенцев, а выразительная, эмоциональная речь, в которой человек изливает душу.

Заинтригованная, я вскочила с кровати и подошла к двери. Я увидела их в конце холла. Джейми в одной рубашке сидел на полу, опираясь спиной о подоконник и уперев ступни в пол. А на коленях у него, словно на стуле, сидела маленькая Кэтрин и без усталости колотила Джейми в живот своими маленькими ножками.

Лицо Кэтрин было безмятежным и светлым подобно лику луны, но бездонные темные глаза жадно внимали его словам. Он водил пальцем по округлой линии ее щечек, снова и снова шепча слова душераздирающей нежности.

Он говорил по-гэльски и так тихо, что я все равно ничего не поняла бы, если бы даже знала этот язык. Но голос его был осипшим, а лунный свет, лившийся из окна за его спиной, позволил мне разглядеть слезы у него на лице.

Это был тот самый случай, когда не требуется постороннее вмешательство. Поэтому я поспешила в постель, все еще хранившую мое тепло, запечатлев в памяти образ полунагого лэрда Лаллиброха, сидящего на полу и при свете луны изливающего душу перед младенцем,

олицетворяющим будущее его клана.

Проснувшись на следующее утро, я ощутила рядом с собой какой-то незнакомый запах и неудобство оттого, что кто-то больно тянул меня за волосы. Я открыла глаза и обнаружила рядом с собой Кэтрин. Ее розовые губки сладко причмокивали у самого моего носа, а пухлые пальчики вцепились в волосы. Я попыталась осторожно высвободить волосы, но малышка все равно почувствовала, перевернулась на живот и, свернувшись калачиком, снова уснула.

Джейми лежал по другую сторону от ребенка, уткнувшись лицом в подушку. Он открыл один глаз, синий, словно утреннее небо.

— Доброе утро, Саксоночка, — тихо, чтобы не разбудить ребенка, сказал он. И улыбнулся. — Вы, спящие вот так вдвоем, смотрите очень мило.

Я пригладила рукой растрепанные волосы и невольно рассмеялась, глядя на попку Китти, смешно торчавшую кверху.

— Казалось бы, так спать неудобно, а ей, видимо, нравится. Посмотри, как сладко она спит. Когда ты пришел с ней сюда? Я не слышала, как ты лег в постель.

Он зевнул и взъерошил себе волосы. Вид у него был счастливый, хотя под глазами залегли темные круги.

— Не знаю, сколько было времени, но еще до того, как зашла луна. Мне не хотелось будить Дженни, вот я и принес малышку к нам и положил посередине. Она даже не проснулась.

Кэтрин заворочалась, упираясь пяточками в матрац. Судя по всему, приближалось время ее утреннего кормления. Мое предположение подтвердилось в следующий же момент, когда, еще не открыв глаз, она подняла головку и исторгла громкий здоровый вопль. Я быстро подскочила к ней и взяла на руки.

— Сейчас, сейчас, — бормотала я, нежно похлопывая ее по спинке. Я свесила ноги на пол, потом снова забралась на кровать и погладила Джейми по голове. — Я отнесу ее к Дженни. А ты поспи. Еще рано, — сказала я на ходу.

— Я и сам могу это сделать, Саксоночка, — ответил он, очнувшись, и тут же согласился: — Ну ладно. Тогда увидимся за завтраком. — Он перевернулся на спину, принял свою любимую позу, сложив руки на груди, и глубоко задышал еще до того, как мы с Кэтрин дошли до двери.

Кэтрин отчаянно крутилась в поисках соска и отчаянно вопила, не находя его. Навстречу мне уже спешила Дженни, заслышавшая крик своей дочурки, запахивая на ходу зеленый халат. Я протянула ей малышку,

которая гневно размахивала своими крошечными кулачками.

— Тише, тише, моя крошка, успокойся, — твердила Дженни. Она взяла у меня из рук малышку и, поведя бровью, пригласила последовать за ней в комнату, что я и сделала.

Я присела на край кровати, а Дженни на стул возле очага и вынула из лифа грудь. Маленький ротик тут же впился в сосок, и мы облегченно вздохнули от внезапно воцарившейся тишины.

— Наконец-то, — вздохнула Дженни, расслабившись, как только Кэтрин начала сосать. — Успокойся, мой маленький поросенок. — Дженни улыбнулась, взглянув на меня своими лучистыми, как у брата, глазами. — Спасибо, что взяли к себе малышку на ночь. Я спала как убитая.

Я пожала плечами, с умилением наблюдая за матерью и ребенком, расслабившимися от удовольствия. Головка ребенка точно повторяла форму высокой, округлой груди Дженни, малышка энергично причмокивала, укладываясь поудобнее на коленях матери.

— Это была идея Джейми, не моя. Кажется, дядя и племянница неплохо провели время вместе. — Перед моим мысленным взором снова возник Джейми, серьезным, приглушенным тоном что-то рассказывающий малышке, и слезы, текущие у него по лицу.

Дженни кивнула, внимательно глядя на меня:

— Мне кажется, они благотворно подействовали друг на друга. Джейми плохо спал эти дни.

— Да. Он много размышлял.

— Конечно, — сказала Дженни, бросив взгляд на кровать.

Айен встал на рассвете и ушел приглядеть за скотом. Нужно было решить, какие лошади останутся, а какие заберет Джейми, заново подковать их, починить сбрую.

— Знаешь, с детьми можно говорить обо всем на свете, — вдруг сказала Дженни, прервав ход моих мыслей. — Вполне серьезно. Ты можешь рассказать им все, даже то, что взрослому человеку может показаться глупостью.

— Значит, ты слышала, о чем он говорил сегодня ночью? — спросила я.

Она кивнула, не отрывая взгляда от розовой мордашки Кэтрин, самозабвенно сосавшей грудь, смежив от удовольствия густые черные ресницы.

— Да, но ты не переживай, — добавила Дженни, ласково улыбаясь мне. — Это совсем не значит, что он не может обо всем говорить с тобой.

Может. И он это знает. Но говорить с ребенком — совсем другое дело. Ребенок — это маленький человек. Ты понимаешь, что рядом с ним ты можешь не беспокоиться о том, что он о тебе подумает или что при этом почувствует. Ты можешь излить перед ним душу, не заботясь о выборе слов и ничего не скрывая. И это принесет успокоение.

Она говорила уверенно, как о чем-то само собой разумеющемся. Я поинтересовалась, часто ли она сама разговаривает с детьми таким образом. Уголок большого рта, так похожего на рот ее брата, чуть приподнялся.

— Это все равно что разговаривать с еще не родившимся ребенком, — тихо добавила Дженни. — Ты это познаешь в свое время.

Я положила руки одна на другую на живот, вспоминая:

— Мне это знакомо.

Легким движением большого пальца она высвободила сосок из ротика малышки.

— Я часто думала над тем, почему женщины часто выглядят печальными после рождения ребенка, — задумчиво, словно размышляя вслух, произнесла Дженни. — Ты думаешь о нем, разговариваешь с ним, ощущаешь его у себя под сердцем. А когда он появляется на свет, это уже совсем другое дело. Ты любишь его, конечно. Видишь, как он растет... И все-таки ты постоянно вспоминаешь о ребенке, которого ты носила под сердцем и которого там уже нет. И даже когда ты держишь в руках новорожденного, он все равно не может тебе заменить того, что был у тебя под сердцем. — Она наклонилась и нежно поцеловала темноволосую головку дочери.

— Да, — сказала я, — до этого... все проблематично. Это может быть сын, а может быть дочь. Обычный ребенок или красавец. А когда он появляется на свет, все иллюзии, связанные с ним, исчезают. Он уже есть, и другого не дано.

Дженни тихонечко покачивала дитя, и через некоторое время крошечные ручки, крепко вцепившиеся в ворот зеленого халата, постепенно разжались — девочка уснула.

— И если ты думала, что у тебя будет сын, а рождается дочь, то тебе начинает казаться, что сын, которого ты носила под сердцем, умер, — продолжала спокойно размышлять Дженни. — А прекрасный мальчик, прильнувший к твоей груди, словно бы убил маленькую девочку, которую ты ждала. И ты начинаешь плакать, сама не сознавая о чем, пока не поймешь, что ты держишь в руках того самого ребенка, которого носила под грудью. И другого быть не могло и не может. И ты начинаешь

испытывать не боль, а только радость. При этом ты все равно можешь заплакать, но это уже будут радостные слезы, слезы счастья.

— А мужчины... — начала было я, думая о Джейми, изливавшем душу ничего не понимающему ребенку.

— Мужчины тоже. Когда они впервые берут своего ребенка на руки, они тоже думают о том, что на его месте мог бы быть другой ребенок, противоположного пола, но изменить уже ничего нельзя. Но мужчины не плачут об этом. Нельзя плакать о том, чего не изведal. А мужчины не носят дитя под сердцем.

Часть шестая

ПЛАМЯ БОРЬБЫ

Глава 36

ПРЕСТОНПАНСКАЯ БИТВА

Шотландия, сентябрь 1745 года

После четырехдневного марша мы достигли вершины холма возле Колдера.

У подножия холма простиралась болотистая равнина, поросшая вереском, но мы разбили лагерь повыше, под кронами деревьев. Два небольших ручья проложили свои русла по скалистому склону холма. Близость воды и бодрящий воздух ранней осени создавали атмосферу скорее пикника, нежели военного похода.

Но было семнадцатое сентября, и если мои отрывочные сведения о якобитских восстаниях были верны, то война начнется через несколько дней.

— Повтори, Саксоночка, — в сотый раз просил меня Джейми, пока мы пробирались по извилистым горным тропам и грязным дорогам.

Я ехала верхом на Донасе, а Джейми шел рядом, но тут я спешила и пошла рядом с ним, чтобы нам было удобнее беседовать. И хотя у нас с Донасом установилось, полное взаимопонимание, это была лошадь, требовавшая постоянно нашего внимания. Особенно ему нравилось сбрасывать зазевавшегося седока, ступив под низко расположенные ветки деревьев.

— Я уже говорила тебе, и не раз, что мне известно только это, — сказала я. — В учебниках по истории якобитским восстаниям отведено немного места, да и я тогда не особенно этим интересовалась. Я знаю только одно, что битва состоялась... то есть что она произойдет близ города Престон, а поэтому она называется Престонпанской битвой, хотя шотландцы называли ее... то есть называют... битвой при Глэдсмуире, потому что, согласно предсказанию, вернувшийся король должен был одержать победу под Глэдсмуиром. Бог его знает, где находится этот самый Глэдсмуир и существует ли он вообще.

— Ясно. А что дальше?

Я наморщила лоб, стараясь припомнить все читанное когда-то до последнего слова. Мысленно я воссоздавала в памяти сведения, почерпнутые из пожелтевшей от времени книжицы — «История Англии для детей», прочитанной мною при тусклом свете керосиновой лампы в глинобитной хижине где-то в Персии. Мысленно листая эти полузабытые

страницы, я дошла до того места, где речь шла о втором якобитском восстании, известном в истории под лаконичным названием — «45». Все сведения о якобитах уместались на двух страницах, а битве, в которой мы готовились принять участие, был посвящен всего один небольшой абзац.

— Шотландцы победят, — уверенным тоном добавила я.

— Весьма существенная деталь, — с некоторой иронией заметил он, — но хотелось бы знать чуточку подробнее.

— Если ты хочешь знать подробности, обратись к предсказателю, — отрезала я, но тут же смягчилась: — Извини меня. Дело в том, что я больше ничего не знаю.

— Понятно. — Он взял меня за руку и, нежно стиснув ее, улыбнулся. — Не мучайся, Саксоночка. Ты не можешь сообщить мне больше, чем знаешь, но расскажи мне все еще раз...

— Хорошо. — Я ответила таким же нежным жестом, и мы пошли дальше рука в руке.

— Это была замечательная победа, — снова начала я, читая страницы по памяти, — потому что якобиты значительно превосходили своих врагов по численности. Они напали врасплох на армию генерала Коупа — одновременно с восходом солнца, — я это прекрасно помнила, — и началось беспорядочное бегство. Англичане понесли серьезные потери, исчисляемые сотнями погибших, а у якобитов погибло совсем немного — тридцать человек. Только тридцать человек.

Джейми обернулся и посмотрел назад на беспорядочную вереницу своих соплеменников из Лаллиброха. Они шли небольшими группами, болтая и распевая песни. Их было тридцать. И, глядя на них, нельзя было сказать, что их было всего лишь «несколько». Но я видела поля сражений и акры лугов, превратившихся в кладбище после захоронения тысяч убитых.

— Если рассматривать события в историческом контексте, — продолжала я извиняющимся голосом, — количество убитых среди них было довольно... незначительным.

Джейми резко выдохнул, едва разжав стиснутые зубы, и мрачно посмотрел на меня:

— Незначительным. В самом деле незначительным...

— Прости меня.

— Ты тут ни при чем, Саксоночка.

Но я почему-то не могла отделаться от чувства вины.

После ужина мужчины сидели вокруг костра, наслаждались ощущением сытости, переговариваясь между собой и почесываясь. Почесывание было эндемическим заболеванием. Тесные жилища,

несоблюдение правил гигиены способствовали повальному заражению. Ни у кого не вызывало удивления, когда тот или иной воин извлекал такой образчик откуда-нибудь из складок своего пледа и бросал в огонь. Вошь вспыхивала искрой и исчезала.

Молодой парень по имени Кинкейд, — впрочем, настоящее его имя Александр, но среди воинов было так много Александров, что было решено присвоить им псевдонимы, — казалось, особенно тяжело страдал от этой напасти. Он яростно чесал то темную кудрявую голову, то под мышками, то, бросив на меня быстрый взгляд и убедившись, что я не смотрю в его сторону, промежность.

— Ну и достается тебе, парень! — сочувственно произнес кузнец Росс.

— Да, — ответил тот. — Эти мелкие твари съедают меня живьем.

— Придется тебе избавляться от всех волос, — заметил Уоллес Фрэзер, сам почесываясь, — на тебя тяжело смотреть, парень.

— Разве тебе не известен лучший способ избавления от этой мерзости? — произнес Сорли Макклюр и, так как Кинкейд отрицательно покачал головой, наклонился и осторожно вытащил горящую головню из костра. — Подними-ка свою юбку на минуту, парень, и я выкурю их оттуда, — предложил он под смех и улюлюканье окружающих.

— Проклятый откупщик, — пробормотал Муртаг. — Смотри до чего додумался!

— А ты знаешь лучший способ? — Уоллес скептически поднял широкие брови, наморщив при этом загорелый лоб.

— Конечно. — Муртаг торжественно извлек из ножен кинжал. — Парень — сейчас солдат. И должен действовать по-солдатски.

Открытое, доверчивое лицо Кинкейда выражало нетерпеливое ожидание.

— Как это?

— Очень просто. Берешь кинжал, поднимаешь юбку и сбрываешь половину волос в промежности. — Он осторожно поднял свой кинжал. — Но помни: только половину.

— Половину? Понятно... — Кинкейд был само внимание, однако лицо его выражало сомнение. Я заметила, что на лицах людей, сидевших вокруг костра, появились улыбки, но никто пока не смеялся.

— И только потом, — Муртаг жестом указал на Макклюра, — ты поджигаешь вторую половину, и когда эти твари начнут выпрыгивать, рази их кинжалом.

Кинкейд так покраснел, что это было заметно даже при свете костра, а сидевшие вокруг мужчины взревели разом и заулюлюкали. Началась грубая

потасовка, стали размахивать горящими поленьями, выхваченными из пламени костра. Именно в этот момент, когда, казалось, это грубое развлечение вот-вот перейдет в серьезную драку, появился Джейми, ходивший проверять лошадей. Шагнув в круг, он достал из-под мышки две глиняные бутылки и бросил одну Кинкейду, другую Муртагу. И тут же все затихли.

— Все вы глупцы, — объявил он. — Второй способ избавиться от вшей — это вылить на них виски, чтобы напоить допьяна. Когда они уснут и захрапят, просто встать — и они посыпятся с тебя.

— Второй способ лучше, говоришь? — спросил Росс. — А могу я спросить, какой из них самый лучший?

Джейми снисходительно улыбнулся всем, сидящим вокруг костра, словно отец, посмеивающийся над недомыслием детей.

— Пусть твоя жена выберет их, одну за другой. — Он изобразил поклон, повернувшись ко мне, и, приподняв бровь, произнес: — Не доставите ли вы мне такое удовольствие, леди?

Шутки шутками, но это был единственный реальный способ избавиться от вшей. Я тщательно расчесывала свои волосы, утром и вечером, мыла их тысячелистником каждый раз, когда мы останавливались возле водоема, достаточно глубокого, чтобы можно было искупаться в нем, и только таким способом спасалась от этой напасти. Сознавая, что я смогу избежать вшей только до тех пор, пока их не подхватит Джейми, я предпринимала то же самое и по отношению к нему. Каждый раз, когда я могла заставить его посидеть спокойно некоторое время, я искала у него в голове, перебирая за прядью прядь.

— Обезьяны-бабуины занимаются этим все время, — заметила я, осторожно вытаскивая лисохвост из его густой рыжей гривы. — Но мне кажется, они съедают продукты своего труда.

— Пожалуйста, не продолжай, Саксоночка, — взмолился Джейми. Он ежился от удовольствия, когда расческа мягко скользила по его волосам.

Огонь костра тысячами сверкающих бликов отсвечивал на моих руках.

— Мм... Ты не представляешь, как это приятно, когда кто-то расчесывает тебе волосы.

— Подожди, пока я вытащу последнюю, — сказала я, ущипнув его и заставив засмеяться. — Терпи, иначе я прибегну к методу Муртага.

— Коснись волос в нижней части моего живота факелом и получишь тот же результат, — предложил он. — А как Луиза де ла Тур называла девушек с бритыми наголо головами?

— Эротоманками. — Я наклонилась и слегка прикусила зубами мочку

его уха.

— Мм... мм.

— О вкусах не спорят, — сказала я. — Кому что нравится.

— Одно из мерзких, типично французских извращений, — ответил он.

— А разве это не так?

Громкий, раскатистый крик прервал мое занятие, я положила гребень и тревожно взглянула в сторону леса у нас за спиной.

— Там либо медведь, либо... — прошептала я. — Почему ты не стал есть, Джейми?

— Я был занят лошадьми. У одной из них треснуто копыто, и мне пришлось делать ей припарки. И сейчас, когда У меня разыгрался аппетит, ты говоришь о том, что кто-то ест вшей.

— Какие припарки?

— Разные. В таких случаях хорошо помогает свежий навоз. Но сегодня я использовал жеванные листья вики, смешанные с медом. Седельные вьюки мы свалили прямо У костра, разожженного на небольшой просеке, где солдаты поставили для меня небольшую палатку. И хотя я вначале намеревалась спать, как все, под открытым небом, я исполнилась чувства глубокой благодарности к ним за эту маленькую привилегию. Но когда я стала благодарить Муртага, он, со свойственной ему прямолинейностью дал мне ясно понять, что это было сделано вовсе не ради меня.

— Если он сможет расслабиться, оставшись наедине с тобой, никто не сможет ему завидовать, — сказал маленький клансмен, кивнув в сторону Джейми, советовавшего о чем-то с несколькими мужчинами. — И в то же время нет необходимости наводить ребят на мысль о том, чего они лишены в настоящее время, понятно?

— Вполне. Вы очень предусмотрительны, — произнесла я сдержанным тоном.

По тонким губам Муртага скользнула хитрая улыбка.

— О, разумеется, — сказал он.

Порывшись в сумках, я отыскала головку сыра и несколько яблок, предназначенных для Джейми. Он подозрительно покосился на них, спросив:

— А хлеба нет?

— Есть, но в другой сумке. Сначала съешь яблоки. Это будет тебе очень полезно. Джейми разделял свойственное многим шотландцам неприязненное отношение к сырым фруктам и овощам, хотя благодаря отменному аппетиту вынужден был съесть все до крошки.

— Мм... — произнес он, откусывая яблоко. — Согласен, если ты так считаешь, Саксоночка.

— Да, я так считаю. Смотри. — Я показала ему свои зубы. — Много ли ты знаешь женщин моего возраста, у которых целы почти все зубы?

Улыбка обнажила его собственные прекрасные зубы.

— Должен признать, что для старой карги ты неплохо выглядишь.

— И это все исключительно благодаря правильному питанию, — продолжала я. — Половина людей твоего сословия страдают слабой формой цинги. И, судя по людям, встречавшимся нам в пути, у других положение еще хуже. Для предупреждения цинги требуется витамин С, а в ябдоках его очень много.

Джейми отодвинул яблоко и подозрительно нахмурился:

— Очень много?

— Именно так, — твердо сказала я. — Много его содержится почти во всех фруктах, но больше всего в лимонах и апельсинах. Здесь они, к сожалению, не растут, но их могут заменить лук, капуста и яблоки. Ешь их понемногу каждый день и сможешь избежать цинги. Даже в простой луговой траве содержится витамин С.

— Мм... Поэтому олени сохраняют зубы до глубокой старости.

— Вот именно.

Джейми повертел яблоко так и эдак, критически осмотрел его, затем пожал плечами.

Я как раз собиралась пойти принести хлеба, когда слабый треск привлек мое внимание. Боковым зрением я уловила какое-то движение и, повернувшись, увидела, как что-то мелькнуло рядом с головой Джейми. Я с криком бросилась к нему, но он, схватив горящую головню, канул в темноту ночи.

Луна была скрыта облаками, поэтому можно было лишь догадываться о происходящем по тяжелому дыханию и взаимным проклятиям двух мужчин, доносившимся из ближайших лесных зарослей, да еще по шуршанию сухой листвы у них под ногами.

Вдруг раздался короткий, резкий звук, а следом за ним воцарилась мертвая тишина. Тишина, по-видимому, длилась несколько секунд, но они показались мне вечностью.

Я все еще стояла у костра, не в силах шевельнуться, когда из мрачной тишины леса появился Джейми. Впереди него шагал пленник. Одна рука пленника была заломлена за спину. Отпустив его руку, Джейми повернул пленника к себе и толкнул изо всех сил; тот врезался в дерево, ударившись с такой силой, что посыпались листья и желуди, а пленник медленно

опустился на кучу опавших листьев.

Привлеченные необычным шумом, подросли Муртаг, Росс и еще двое мужчин. Подняв пленника на ноги, они поволокли его поближе к костру. Муртаг схватил его за волосы и дернул, заставив повернуть лицо к свету. Как выяснилось, у пленника был весьма приятный, благородный вид. Тонкие черты лица, большие, опушенные длинными ресницами глаза, изумленно взиравшие на мир.

— Да он всего лишь мальчик, — воскликнула я. — Ему не больше пятнадцати лет!

— Шестнадцать! — уточнил пленник и тряхнул головой, стараясь прийти в себя. — Хотя это не имеет никакого значения, — высокомерно добавил он на хорошем английском языке. «Из Гемпшира, — подумала я. — Далековато же он забрался».

— Действительно, не имеет, — мрачно согласился Джейми. — Шестнадцать или шестьдесят, но он пытался перерезать мне горло. — Я заметила, что Джейми прижимает к шее окровавленный платок.

— Я вам ничего не скажу, — заявил юноша. Большие глаза на его бледном лице были подобны бездонным озерам, а отблески костра золотили светлые волосы. Одну руку он держал прямо перед собой. «Наверное, она повреждена», — подумала я. Юноша явно делал над собой усилие, чтобы сохранить гордую осанку в окружении враждебно настроенных людей. Плотнo сжатые губы скрывали чувство страха и боли.

— Кое-что мне и так уже известно, — сказал Джейми, внимательно оглядывая мальчика. — Во-первых, ты англичанин и английские солдаты находятся где-то здесь неподалеку. Во-вторых, ты здесь один.

Юноша казался озадаченным:

— Как вы узнали об этом?

— Полагаю, ты не стал бы нападать на меня, если бы не был уверен, что, кроме леди и меня, здесь никого нет. Если бы с тобой был еще кто-то, тоже считавший, что здесь нас только двое, он обязательно пришел бы тебе на помощь, тем более что у тебя сломана рука, если я не ошибаюсь. Мне кажется, я слышал, как она хрустнула. И потом, если бы с тобой был кто-нибудь еще, они удержали бы тебя от такого глупого поступка.

Несмотря на эти отнюдь не тревожные рассуждения Джейми, я заметила, что три человека по его сигналу бросились в лес, по-видимому, для того, чтобы прочесать окрестности.

Выражение лица юноши резко изменилось, когда он услышал, что его действия расцениваются как неразумные. Джейми промокнул рану и еще раз критически осмотрел платок.

— И если в следующий раз, парень, ты решишь нанести кому-нибудь удар в спину, не выбирай для этого человека, сидящего на куче сухих листьев. Если пожелаешь пустить в ход нож против человека, который сильнее и крупнее тебя, выбери исходную позицию поудачнее. Требуется как минимум, чтобы этот человек сидел спокойно, в полном неведении о готовящемся нападении.

— Благодарю за ценные советы. — Юноша ехидно улыбнулся. Он прилагал невероятные усилия, пытаясь доказать, что ему все нипочем, хотя его взгляд нервно перескакивал с одного сурового лица на другое. Ни одному из присутствующих шотландцев при свете дня не присудили бы приза за красоту, ночью же лучше было с ними вообще не встречаться.

— Пожалуйста, — вежливо ответил Джейми. — Жаль только, что тебе не удастся воспользоваться ни одним из этих советов в будущем. Но разреши мне все-таки спросить: зачем ты напал на меня?

Привлеченные шумом, соплеменники Джейми поспешили к костру, они выходили из темных зарослей подобно привидениям. Глаза мальчика перебегали с одного лица на другое и наконец остановились на мне. Он помолчал минуту, но все же ответил:

— Я намеревался освободить эту леди.

Среди присутствующих поднялся ропот, но тут же стих, повинувшись решительному жесту Джейми.

— Понятно, — спокойно произнес он. — Ты услышал, как мы разговаривали, и понял, что леди — англичанка, причем знатного происхождения, в то время как я...

— В то время как вы, сэр, наглый преступник, вор и насильник! Ваши фотографии с описанием характерных примет расклеены повсюду в Гемпшире и Сассексе! Я сразу же узнал вас. Вы — бунтовщик и бессовестный сластолюбец! — громко выкрикнул мальчик. Даже при свете костра стало видно, как побагровело его лицо.

Я прикусила губу и опустила глаза, стараясь не встречаться взглядом с Джейми.

— Ну, что ж, понятно, все правильно, — спокойно продолжал Джейми. — Очевидно, теперь ты намерен изложить аргументы, почему мне не следует немедленно убить тебя. — С этими словами он осторожно вытащил кинжал из ножен и слегка взмахнул им. При этом отблеск костра заиграл на его клинке.

Кровь отхлынула от лица молодого человека, и он стал похожим на призрак, но в следующую минуту расправил плечи, отодвинув от себя окружающих его с обеих сторон людей Джейми, и сказал:

— Я предполагал такой исход. И готов принять смерть.

Джейми задумчиво кивнул, затем наклонился и положил клинок своего кинжала в огонь. От почерневшего металла пошел дымок, сильно запахло кузницей. Мы все молча любовались игрой пламени, отливающего всеми оттенками синего цвета там, где оно касалось металла. Казалось, что мертвое железо оживает в темно-красном пламени костра.

Обернув руку окровавленным платком, Джейми осторожно вытащил клинок из огня, медленно приблизился к юноше и как бы невзначай коснулся его камзола.

Почувствовался сильный запах паленой ткани, исходивший от носового платка, обернутого вокруг рукоятки кинжала, который становился все сильнее по мере того, как раскаленное острие кинжала скользило по сукну камзола юноши, оставляя на сукне тонкую выжженную полоску, идущую от талии вверх. Я видела струйки пота, стедавшие по шее юноши, когда острие кинжала достигло лунки под гордо вскинутым подбородком.

— Ну ладно. Боюсь, что пока я не готов убить тебя. — Джейми говорил тихо, и оттого в его голосе особенно остро ощущалась скрытая угроза. — С кем ты пришел сюда? — Этот резкий вопрос был подобен удару хлыста, от которого невольно сжимается сердце. Кончик кинжала угрожающе приблизился к шее юноши.

— Я... я не скажу вам! — Юноша запнулся, крепко стиснув зубы. По его нежной шее пробежала дрожь.

— Где твои товарищи? Сколько их? Куда вы направляетесь? — Вопросы следовали один за другим, лезвие кинжала почти касалось горла юноши. У него глаза вылезли из орбит, словно у обезумевшей лошади, он отчаянно тряс головой. Росс и Кинкейд крепко держали руки юноши, не давая ему двигаться.

Вдруг почерневшее лезвие коснулось шеи юноши. Раздался пронзительный крик, и я почувствовала запах горящей плоти.

— Джейми! — вскричала я, потрясенная. Он даже не взглянул в мою сторону. Его глаза были прикованы к пленнику. Росс и Кинкейд больше не держали юношу, и он рухнул на колени, на груды сухих листьев, зажав рукой рану.

— Это вас не касается, мадам! — сквозь зубы процедил Джейми.

Наклонившись, он схватил юношу за грудки, встряхнул и поставил на ноги. Лезвие кинжала в руке Джейми стало медленно подниматься вверх и наконец замерло на Уровне левого глаза пленника. Джейми всем своим видом показывал, что ждет ответа на заданный им вопрос, но юноша лишь решительно качнул головой, говоря что-то глухим, словно шепот, голосом,

но его не было слышно. Тогда он прочистил горло и вполне внятно произнес:

— Нет. Ничто не заставит меня говорить.

Джейми помедлил немного, продолжая глядеть в упор в глаза пленника, затем отступил назад и медленно произнес:

— Понимаю. Ну а что, если речь пойдет об этой леди?

Вначале я не поняла, кого Джейми имеет в виду, но он вдруг схватил меня за руку и так рванул к себе, что я упала на него. Тогда он заломил мне руку за спину и, обращаясь к юноше, сказал:

— Ты можешь оставаться безразличным к собственной судьбе, но тебе, по-видимому, дорога честь этой леди, коль скоро ты жертвовал жизнью ради ее спасения. — Повернув к себе, он схватил меня за волосы, откинул мне голову назад и поцеловал с нарочитой страстью, так, что я невольно стала вырываться из его рук.

Тогда он развернул меня так, чтобы я оказалась теперь лицом к пленнику. Юноша во все глаза смотрел на меня, в его расширившихся зрачках отражалось пламя костра.

— Отпусти ее! — хриплым голосом потребовал он. — Что ты собираешься делать с ней?

Руки Джейми потянулись к вороту моего платья и вцепились в него. Потом дернули изо всех сил. Ткань с треском лопнула, обнажив мою грудь. Я непроизвольно ударила Джейми в голень. Юноша рванулся вперед, но был остановлен Россом и Кинкейдом.

— Ну раз уж ты спрашиваешь, — любезным тоном ответил Джейми. — Я собираюсь изнасиловать эту леди у тебя на глазах. Потом отдам ее своим солдатам. Пусть делают с ней все, что хотят. Возможно, и ты пожелаешь воспользоваться случаем, прежде чем я убью тебя. Негоже мужчине умирать девственником, как ты считаешь?

Теперь я боролась уже всерьез. Руки у меня были зажаты железной хваткой, мои протестующие крики блокировала огромная теплая ладонь Джейми, накрывающая мне рот. Я изо всех сил впилась в нее зубами, ощутив во рту вкус крови. Я прокусила ему ладонь. Чуть слышно ахнув, он отдернул руку и тут же заткнул мне рот какой-то тряпкой, поверх которой снова оказалась его ладонь. Я задыхалась с кляпом во рту, а рука Джейми проворно метнулась к моим плечам, сдирая с меня разорванное платье. Затем он сдернул с меня белье, обнажил меня и прижал мои руки к бокам. Я заметила, как Росс взглянул на меня и быстро перевел взгляд на пленника. Густая краска залила его щеки. Кинкейд, которому было не более девятнадцати, был потрясен. Он замер на месте с разинутым словно

ловушка для мух ртом.

— Прекрати! — Голос юноши дрожал, но уже не от страха. — Ты... ты презренный трус! Как смеешь ты, шотландский ублюдок, бесчестить леди! — Он на мгновение умолк, задохнувшись от гнева. Грудь его высоко вздымалась. Потом, видимо, принял решение. — Хорошо. Я вижу, что достойным путем мне ничего не добиться. Освободи эту леди, и я скажу все, что вас интересует.

Джейми тут же отпустил меня. Росс оставил пленника и поспешил за моим плащом, незаметно соскользнувшим у меня с плеча во время облавы на юношу и валяющимся где-то поблизости на земле. Джейми выдернул из плаща пояс и связал им мне руки за спиной, затем взял у Росса плащ, надел его на меня и тщательно застегнул. Отступив на несколько шагов, он насмешливо поклонился мне, затем обратился вновь к своему пленнику.

— Даю тебе слово, что этой леди не грозят мои притязания, — сказал он тоном, с трудом сдерживающим гнев и неудовлетворенную страсть. Но я-то прекрасно понимала, что за напускным гневом он изо всех сил старался спрятать неумное желание рассмеяться. Я готова была убить его в этот момент.

С окаменевшим лицом юноша сухими отрывистыми фразами отвечал на вопросы Джейми.

Его звали Уильям Грей. Он был вторым сыном виконта Мелтона. Он был прикомандирован к отряду в двести человек, двигавшемуся в Думбар, на соединение с армией генерала Коупа. Отряд разбил лагерь в трех милях отсюда к западу. Он, Уильям, решил прогуляться по лесу, заметил свет нашего костра и пошел выяснить, кто его разжег. Нет, с ним никого не было. Да, отряд располагает тяжелым вооружением, шестнадцатью оружейными повозками и двумя шестнадцатидюймовыми мортирами. Большая часть солдат вооружена мушкетами. Кроме того, в состав отряда входит кавалерийская рота, насчитывающая тридцать солдат с лошадьми.

Юноша изнемогал от сыпавшихся на него бесконечных вопросов и от боли в сломанной руке, но от предложения присесть отказался. Он лишь слегка прислонился к стволу дерева, чтобы удобнее было поддерживать сломанную руку.

Допрос продолжался около часа. Джейми снова и снова задавал одни и те же вопросы, уточняя отдельные детали, добиваясь полной ясности во всем, что его интересовало, и абсолютной правдивости показаний. Наконец, удовлетворенный, Джейми глубоко вздохнул и отвернулся от юноши, который теперь тяжело опустился на землю под развесистым дубом. Не говоря ни слова, Джейми протянул к нему ладонь. Муртаг,

обычно понимавший Джейми без слов, вложил в нее пистолет.

Повернувшись спиной к пленнику, Джейми занялся проверкой пистолета. Свет костра отбрасывал огненные блики на его черный металл.

— В голову или сердце? — небрежно спросил Джейми, закончив осмотр пистолета.

— Что? — очнувшись от задумчивости, спросил юноша.

— Я собираюсь застрелить тебя, — терпеливо объяснил Джейми. — Вражеских лазутчиков обычно вешают, но, принимая во внимание твою галантность, я хочу подарить тебе легкую, быструю смерть. Куда ты предпочитаешь получить пулю — в голову или в сердце?

Юноша выпрямился, расправил плечи.

— О да. Да, конечно. — Он облизнул пересохшие губы, проглотил подкативший к горлу комок. — Я думаю... в сердце. Спасибо, — спохватившись, добавил он, затем вскинул голову и крепко сжал губы, не утратившие еще детской припухлости.

Джейми кивнул и взвел курок пистолета; этот звук эхом отозвался в тиши под сенью дуба.

— Подождите! — вдруг произнес пленник. Джейми с любопытством взглянул на него, держа пистолет на уровне груди юноши. — Чем вы можете гарантировать, что не станете досаждать этой леди после того, как я... умру? — с вызовом спросил юноша, оглядывая собравшихся вокруг воинов. Его единственная здоровая рука решительно сжалась в кулак, но тем не менее сотрясалась от дрожи.

Джейми издал какой-то неясный звук, который искусно сумел превратить в чихание. Потом опустил пистолет и, изобразив на лице железное спокойствие, торжественно произнес с весьма заметным от напряжения шотландским акцентом:

— Малыш, я могу дать тебе слово, хотя, наверное, ты вряд ли поверишь слову... — губы его невольно скривились, — шотландского ублюдка. Но, может, поверишь заверениям самой леди? — Он повел бровью в мою сторону, и Кинкейд тут же бросился неуклюже освобождать меня от кляпа во рту.

— Джейми! — яростно воскликнула я, как только почувствовала, что мой рот наконец-то свободен. — Это бесчестно! Как ты можешь так поступать? Ты... ты...

— Трус... — подсказал он мне. — Или шакал, если тебе это больше нравится. Как ты думаешь, Муртаг, — спросил он, повернувшись к своему верному помощнику, — кто я — трус или шакал?

Муртаг безглаголиво поморщился:

— Я назову тебя подонком, если ты немедленно не развяжешь руки женщине!

Джейми с виноватым видом повернулся к пленнику:

— Я должен просить прощения у своей жены за то, что вынудил ее стать соучастницей обмана. Уверяю тебя, она действовала не по своей воле. — Он печально оглядел при свете костра прокушенную мною руку.

— Ваша жена?! — Изумленный взгляд юноши лихорадочно сновал между мною и Джейми.

— Смею тебя заверить, — продолжал Джейми, — что хотя эта леди и оказала мне честь, разделив со мной ложе, она никогда не делала этого по принуждению. И не будет. — А потом, уже обращаясь к Кинкейду, коротко добавил: — Пока не развязывай ее.

— Джеймс Фрэзер, — процедила я сквозь стиснутые зубы. — Если ты только тронешь этого мальчика хоть пальцем, ты уже никогда не приблизишься к моему ложу.

Одна бровь Джейми слегка приподнялась, зубы блеснули при свете костра.

— Ну, это уже серьезная угроза для такого беспринципного сластолюбца, как я. Но в такой момент я не должен считаться с моими личными интересами. Война есть война. — И он снова стал целиться.

— Джейми! — закричала я.

Он опустил пистолет и повернулся ко мне с выражением подчеркнутого внимания:

— В чем дело?

Я перевела дыхание, стараясь придать твердость своему голосу. Я могла только догадываться, что он собирается делать, и считала, что поступаю правильно. Правильно или неправильно, но когда все будет кончено... Я подавила в себе желание увидеть Джейми корчащимся на земле и себя, сжимающую ногой ему горло. Мне необходимо было решить, как действовать сейчас, в эту минуту.

— У тебя нет никаких доказательств, что этот юноша — вражеский лазутчик, — сказала я. — Он говорит, что набрел на тебя случайно. Костер в лесу, несомненно, способен привлечь внимание любого человека.

Джейми кивнул в ответ, но тут же возразил:

— А как насчет преднамеренного убийства? Факт остается фактом — он пытался меня убить и сам признался в этом. — Он осторожно потрогал свежую рану у себя на шее.

— Да, он действительно пытался, — горячо продолжала я. — Но он говорит, что узнал в тебе разыскиваемого преступника, за голову которого

назначена награда, черт тебя побери!

Джейми задумчиво потер подбородок и наконец повернулся к пленнику.

— Да, это аргумент в вашу пользу, Уильям Грей, — произнес он. — У вас прекрасный адвокат. Не в моих правилах и не в правилах его высочества принца Карла по собственной воле казнить людей, если даже речь идет о врагах.

Он подозвал к себе Кинкейда.

— Кинкейд, возьмите с Россом этого человека и отведите его к тому месту, где, как он утверждает, его отряд остановился на привал. Если то, что он рассказал, правда, привяжите его к дереву в миле от лагеря на пути следования его отряда. Утром товарищи обнаружат его там. Но если рассказанное им — ложь, — он сделал паузу, окинув пленника холодным взглядом, — перережьте ему горло.

Он взглянул юноше в глаза и очень серьезно, без тени насмешки сказал:

— Я дарю тебе жизнь и надеюсь, что ты разумно распорядишься ею.

Подойдя ко мне, он перерезал пояс, связывающий мне руки.

Я зло глянула на него, а он, указывая на юношу, который вдруг опустился на землю под дубом, сказал:

— Очевидно, ты не откажешь в любезности осмотреть руку мальчика, прежде чем он уйдет? — Выражение нарочитой ярости исчезло с его лица, сменившись полным равнодушием. Он ходил потупившись, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Не говоря ни слова, я подошла к юноше и опустилась рядом с ним на колени. Он казался ошеломленным и не сопротивился моему осмотру, хотя мои прикосновения, несомненно, причиняли ему боль.

Разорванный корсаж моего платья сползал то с одного плеча, то с другого, и я, чертыхаясь сквозь зубы, в сотый раз поправляла его. Предплечье юноши было тонким, как у меня. Я наложила шину на руку и подвязала ее своей косынкой.

— У вас закрытый перелом. — Я старалась говорить как можно более спокойным, бесстрастным тоном. — Подержите ее в таком положении хотя бы в течение двух недель.

Он кивнул, не глядя на меня.

Джейми спокойно сидел на бревне неподалеку, наблюдая за моими действиями. Я подошла к нему и изо всех сил ударила его по щеке, оставив на ней белый след, но он даже не шевельнулся и выражение его лица не изменилось.

Кинкейд поднял юношу на ноги и потащил его к просеке. Перед тем как ступить в чащу деревьев, юноша обернулся и, стараясь не смотреть в мою сторону, обратился к Джейми.

— Вы даровали мне жизнь, — сдержанным, официальным тоном проговорил он. — Я предпочел бы этому дару смерть, но коль скоро вы насильно вручили мне его, я отныне ваш должник и почту за честь при случае вернуть свой долг, но потом... — Голос юноши задрожал от ненависти, и уже вполне обыденно, без всякого официоза, он громко вскричал: — Я убью вас!

Джейми встал с бревна и выпрямился во весь свой огромный рост. Его лицо оставалось совершенно спокойным. Он мрачно склонил голову перед своим освобожденным пленником:

— В таком случае, сэр, мне только остается пожелать, чтобы мы никогда больше не встретились.

Юноша расправил плечи и сухо поклонился в ответ.

— Грей не забывает о своих долгах, сэр, — сказал он и растворился в темноте вместе с Кинкейдом.

Наступил момент томительной тишины, когда, собравшись вместе, соплеменники Джейми напряженно вслушивались в удаляющееся шуршание ног по опавшей листве. Затем вдруг раздался чей-то тихий смешок, кто-то хихикнул, кто-то не сдержался и прыснул, а потом, сдвываясь друг от друга, смеялись поголовно все. Однако смех был сдавленным, тихим, громко смеяться никто не смел. Джейми выступил вперед, и смех мгновенно стих. Взглянув на меня, он коротко приказал:

— Иди в палатку.

Догадавшись о моем намерении, он быстро схватил меня за руку:

— Если ты собираешься снова вцепиться мне пощечину, то позволь по крайней мере повернуться к тебе другой щекой, — сухо произнес он. — Но чтобы избавить тебя от лишних хлопот, я посоветовал бы тебе отправиться в палатку.

Отпустив мою руку, он приблизился к костру и властным взмахом руки потребовал внимания. Нехотя все тем не менее мгновенно собрались возле него, настороженно поглядывая друг на друга.

Я понимала не все, что он говорил на каком-то странном гэльско-английском языке, но ценой невероятных усилий я уловила общий смысл его слов. Тихим, ровным голосом, от которого леденели сердца слушателей, он просил выйти вперед часовых, дежуривших в этот вечер. Стоявшие перед ним его подопечные поглядывали друг на друга, стараясь поплотнее сомкнуть свои ряды. Но вскоре сомкнутые ряды расступились, и два

человека выступили вперед. Они взглянули на Джейми и сразу потупились. Лишенные поддержки товарищей, они жались друг к другу.

Это были братья Макклюр, Джордж и Сорли, почти ровесники, примерно лет тридцати. Они стояли как побитые собаки, пальцы их натруженных рук шевелились, как бы ища друг друга, в надежде выстоять перед лицом надвигающейся грозы.

Возникла короткая заминка, пока Джейми сурово вглядывался в лица незадачливых стражей. Затем последовали пять тягостных минут, он продолжал говорить все тем же тихим, ровным голосом. Сгрудившись возле него, соплеменники не проронили ни звука, а братья Макклюры, оба довольно крупные мужчины, сжались под тяжестью вины и казалось, даже стали меньше ростом. Я вытерла потные ладони о юбку и порадовалась, что понимаю не все, что говорил Джейми. Вскоре я стала жалеть, что не последовала его совету и не ушла в палатку.

Но в полной мере я осознала это, когда Джейми неожиданно повернулся к Муртагу, уже стоявшему наготове с кожаным ремнем длиной в два фута, с узлом наверху, чтобы не скользил в руке.

— Разденьтесь и подойдите ко мне, вы, оба, — сказал он.

Братья принялись исполнять приказ, расстегивая рубашки негнуцимыми пальцами, всем своим видом выражая покорность. Казалось, они желали только одного — чтобы поскорее наступил час расплаты.

Я опасалась, что не выдержу этого зрелища, и сознавала, что такое наказание в условиях военного времени было довольно легким. На поляне воцарилась мертвая тишина, лишь слышались удары ремня да сдавленный стон братьев.

Последний удар пришелся по Джейми, подставившему под ремень свой бок. Он взмок от пота, и его рубашка сделалась темной на спине. Кивком он велел братьям одеваться и отер мокрое от пота лицо рукавом. Один из братьев, морщась от боли, наклонился, чтобы поднять брошенные на землю рубашки, другой, дрожа всем телом, пытался удержать его от падения.

Все присутствующие при этом стояли, затаив дыхание от страха. Сейчас они зашевелились, словно бы вздохнули наконец с облегчением.

Джейми смотрел на них, слегка покачивая головой. Ночной ветерок усилился, развевая волосы у него на голове.

— Мы не можем мириться с беспечностью, друзья мои, — тихо сказал он. — Кого бы то ни было, — добавил он, помолчав, и горько усмехнулся: — Включая меня. Именно разведенный мною костер привлек внимание этого парня. — У него на лице снова выступил пот, он стер его рукой, а

руку вытер о юбку. Затем он кивнул Муртагу, стоящему в стороне от других, и, протягивая ему кожаный ремень, сказал:

— Не окажете ли вы мне любезность, сэр?

Минуту помедлив, Муртаг взял плетъ. В его маленьких, блестящих, черных глазах светилась дружеская симпатия.

— С удовольствием, сэр.

Джейми повернулся спиной к своим соратникам и начал расстегивать рубашку. Наши глаза встретились. Я стояла, не в силах пошевелиться. Джейми иронически вздернул бровь, как бы спрашивая: хочешь посмотреть?

Я энергично замотала головой, повернулась и побежала прочь, сожалея, что не последовала его совету сразу.

Разумеется, в палатку я не вернулась. Мне была невыносима сама мысль о душном замкнутом пространстве. Я задыхалась, мне не хватало воздуха.

Взбежав на невысокий холм за нашей палаткой, я бросилась на землю, обхватив голову обеими руками. Мне не хотелось слышать, что происходит у костра.

Жесткая мокрая трава подо мной была холодная, и я догадалась завернуться в плащ. Укрывшись в коконе и немного согревшись, я лежала неподвижно, прислушиваясь к стуку своего сердца. В ожидании, когда оно прекратит свой бешеный бег и успокоится.

Через некоторое время я услышала голоса мужчин, направлявшихся небольшими группами по четыре-пять человек к месту, отведенному для ночлега. С головой закутанная в плащ, я не различала их слов. Прошло еще какое-то время, и я поняла, что Джейми здесь, рядом. Он ничем не обнаруживал своего присутствия, но этого и не требовалось. Когда я вылезла из своего кокона и села, то увидела его сидящим на камне. Его голова покоилась на сложенных на коленях руках.

Меня обуревало желание одновременно погладить его по голове и запустить в него камнем, но я не сделала ни того, ни другого.

— С тобой все в порядке? — через минуту спросила я как можно более равнодушным тоном.

— А? Будет все в порядке. — Он медленно поднял голову и, глубоко вздохнув, осторожно расправил плечи. — Прости меня за платье, — в следующую минуту сказал он. Я поняла, что он увидел мои голые плечи, белеющие в темноте, и поглубже закуталась в плащ.

— За платье? — переспросила я внезапно охрипшим голосом.

Он опять вздохнул.

— И за все остальное тоже. — Он помолчал, затем продолжил: — Я подумал, что, возможно, ты согласишься пожертвовать своей скромностью, чтобы избавить парня от дальнейших испытаний, но у меня не было времени, чтобы спросить тебя. Если я был неправ, прошу простить меня, леди.

— Ты хочешь сказать, что намеревался и дальше его пытаться?

Он вышел из себя и не собирался этого скрывать:

— Пытать!.. Я не причинил парню никакого увечья!

Я еще плотнее закуталась в плащ.

— Ты не считаешь увечьем сломанную руку и клеймо, выжженное раскаленной сталью?

— Нет, не считаю. — Он подскочил ко мне, схватил за локоть и с силой повернул к себе. — Послушай, он сам сломал свою дурацкую руку, пытаясь преодолеть непреодолимое препятствие! Он храбр не менее любого из моих соратников, но он совершенно беспомощен в рукопашной схватке:

— А раскаленный кинжал? — не унималась я.

Джейми фыркнул:

— Фу! Под ухом у него сейчас небольшой ожог, о котором он забудет уже завтра после обеда. Я допускаю, что это немного неприятно, но я хотел всего лишь поугадать его, а не причинить боль.

Я повернулась и пошла в сторону темного леса в поисках нашей палатки. А вдогонку мне неслись его слова:

— Я мог бы сломить его, Саксоночка, хотя, наверное, это было бы неблагородно с моей стороны. И скорее всего, только на время. Я обычно не прибегаю к таким средствам, если в этом нет особой необходимости. Уверяю тебя, Саксоночка, — его голос был едва слышен, но в нем прозвучала угроза, — иногда я вынужден так поступать. Мне нужно было узнать, где находятся английские солдаты, их численность, вооружение и все остальное. Мне не удалось запугать его. Поэтому мне оставалось или сломить его, или обмануть.

— Он сказал, что ты не сможешь заставить его говорить!

— Боже мой, Саксоночка. — Голос Джейми казался усталым. — Конечно, я смог бы заставить его! Сломить можно любого, причиняя страдания. Я знаю это как никто другой.

— Да, — спокойно заметила я. — Видимо, знаешь.

Мы снова умолкли. До моего слуха время от времени доносилось сонное бормотание спящих, случайный стук сапога о твердую землю, шуршание сухих листьев, служивших защитой от осенних холодов. Постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я уже отчетливо различала

очертания нашей палатки в тридцати футах от нас под сенью большой лиственницы. А также черную фигуру Джейми на фоне светлеющей ночи.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Если исходить из того, что ты мог сделать и что сделал, то... Ну ладно...

— Спасибо. — Я не могу с уверенностью сказать, улыбался он или нет, но мне показалось, что улыбался.

— Ты, черт побери, играл с огнем. Скажи, как бы ты поступил, если бы я не убедила тебя сохранить юноше жизнь?

Джейми нетерпеливо передернул плечами и издал какой-то звук, похожий на сдвленный кашель.

— Не знаю, Саксоночка. Я надеялся, что ты что-нибудь придумаешь. В противном случае я, наверное, застрелил бы парня. Он был бы весьма огорчен, если бы я просто взял и отпустил его.

— Ты бессердечный шотландский ублюдок! — холодно сказала я.

Он глубоко и горестно вздохнул:

— Саксоночка, начиная с самого ужина, который мне не дали завершить, меня преследуют напасти: то мне пытаются перерезать горло, то кусают и порют ремнем. И это еще не все. Я не люблю пугать детей и не люблю пороть взрослых, но мне пришлось сделать это. В трех милях отсюда двести английских солдат разбили лагерь, и я не знаю, что с этим делать. Я устал, я голоден и ужасно расстроен. Если в тебе осталось хоть немного женского тепла, не могу ли я рассчитывать на маленькую толику его?

Его голос звучал так жалобно, что я невольно засмеялась, встала и подошла к нему:

— Думаю, на это рассчитывать ты можешь. Подойди сюда, посмотрим, что я смогу для тебя сделать.

Он накинул рубашку на плечи, не потрудившись застегнуть ее. Я просунула руку под рубашку и ощутила его горячую, нежную спину.

— Кожа не повреждена, — сказала я, водя руками снизу вверх.

— Кожаный ремень не сечет кожу, просто стегает.

Я сняла с него рубашку, усадила на камень и смочила спину холодной водой из ручья.

— Полегчало? — спросила я.

— Ммм... — Мускулы его спины расслабились, но он невольно поежился, когда я осторожно дотронулась до раны на шее.

— Ты бы не застрелил его, правда?

— За кого ты меня принимаешь, Саксоночка? — со смешком спросил он.

— За шотландского труса или, лучше, за бессовестного разбойника. Как знать, на что способен такой тип? Если к тому же он еще и беспринципный сластолюбец?

Он рассмеялся вместе со мной, и его плечо затряслось под моей рукой.

— Поверни голову. Если тебе нужно женское тепло и сочувствие, сиди спокойно, пока я буду их демонстрировать.

— Ммм... Нет, — произнес он после небольшой паузы. — Я не смог бы убить его. Но после того, как я унизил его в твоих глазах, я должен был дать ему шанс вернуть себе чувство собственного достоинства. Он смелый парень. И заслужил право реализовать это чувство собственного достоинства на практике.

Я покачала головой.

— Никогда не научусь понимать мужчин, — пробормотала я, нанося на ранку мазь из ноготков.

Он взял мои руки и уткнулся в них подбородком.

— А тебе и не нужно понимать меня, Саксоночка, — спокойно сказал он. — Пока ты любишь меня. — Он поцеловал мои руки. — И кормишь меня, — добавил он, отпуская их.

— Значит, женское тепло, любовь и еда? — засмеялась я.

В наших сумках я отыскала холодные лепешки, сыр, а также немного бекона. Напряжение и абсурдность последних двух часов, как оказалось, основательно меня изморили, и я с жадностью набросилась на еду.

Голоса окружающих нас людей смолкли, костер погас — казалось, на тысячу миль от нас не было ни одной живой души. Только ветер непрерывно шевелил кроны деревьев, ломая сухие ветви, падавшие на землю.

Джейми сидел, прислонившись к дереву с мрачным видом, — так, по крайней мере, казалось в сумеречном свете звезд, но молодая плоть властно заявляла о себе.

— Я дал твоему герою слово, что не стану досаждать тебе своими отвратительными притязаниями. Я буду верен данному мной слову до тех пор, пока ты сама не позовешь меня разделить с тобой ложе. А пока я пойду и лягу с Кинкейдом и Муртагом. Правда, Муртаг храпит.

— И ты тоже, — сказала я. Я секунду смотрела на него, затем дернула плечом, отчего мое порванное платье соскользнуло с него. — Ты уже провел соответствующую подготовку, теперь можешь завершать дело. — Я встряхнула другим плечом, и платье упало на пол.

Его руки, словно горячий шелк, скользили по моему телу.

— Ну ладно, — приговаривал он, — война есть война.

— Я вечно путаюсь в датах, — сказала я спустя некоторое время, глядя в густо усеянное звездами небо. — Мигель де Сервантес уже родился?

Джейми лежал, вытянувшись во весь рост, на животе рядом со мной, а голова и плечи высывались из палатки наружу. Он медленно открыл один глаз, устремив его в сторону горизонта. Не обнаружив никаких признаков восхода, он вновь перевел на меня свой взгляд, в котором сквозило уязвленное самолюбие.

— Ты что, испытываешь острую необходимость немедленно побеседовать об испанской литературе? — слегка охрипшим голосом спросил он.

— Да нет. Мне просто интересно, знаком ли тебе термин «донкихотство»?

Он приподнялся на одном локте, почесал голову обеими руками, чтобы окончательно проснуться, затем повернулся ко мне:

— Сервантес родился почти двести лет назад, Саксоночка, и благодаря неплохому образованию, полученному мной, я знаком с этим джентльменом. Но, может быть, в твоём вопросе кроется что-то сугубо личное?

— У тебя болит спина?

Словно желая проверить, он пошевелил плечами:

— Не очень. Хотя, думаю, синяки имеются.

— Джейми, скажи ради Бога, для чего все это? — не выдержала я.

Он положил подбородок на скрещенные руки и искоса взглянул на меня. От улыбки, открытой моему взгляду, его глаз еще более сузился.

— Ну, Муртагу это доставило удовольствие. Он ждал этого момента много лет. Помню, в девятилетнем возрасте однажды я положил кусочек медовых сот ему в башмак, когда он снял их, желая дать ногам отдых. Тогда он долго гонялся за мной, но так и не смог меня поймать, но зато я узнал много любопытных слов, пока он босиком гонялся за мной. Он...

Я изо всех сил ударила его кулаком по плечу, остановив тем самым поток его красноречия. Он удивленно охнул, рука его подвернулась, и он упал на бок, спиной ко мне.

Я встала на колени у него за спиной и обхватила его руками за талию. Его широкая, мускулистая спина поблескивала от мази. Я поцеловала его между лопаток, затем отодвинулась и подула ему на спину, с удовольствием ощущая, как его кожа трепещет от прикосновения моих пальцев и крошечные тонкие волосики топорщатся на гусиной коже.

— Для чего? — повторила я, приложив щеку к его теплой, влажной спине. В темноте рубцы на ней были не видны, но я отчетливо чувствовала

их щекой, тонкие, твердые полосы. Он лежал не двигаясь, ребра под моей рукой вздымались и опускались в такт глубокому, размеренному дыханию.

— Ну ладно, — сказал он и снова замолчал, о чем-то задумавшись. — Я сам точно не знаю, Саксоночка. Может быть, я хотел доказать что-то тебе или себе самому.

Я положила свою легкую ладонь на его лопатку, широкую и тонкую, с четко очерченными под кожей контурами.

— Только не мне.

— Но разве достойно джентльмена раздевать свою жену на глазах у тридцати мужчин? — В его голосе звучала горечь, и мои руки замерли у него на спине. — Достойно ли благородного человека проявлять жестокость к пленному врагу, почти ребенку? И даже быть готовым на большее?

— А разве было бы лучше, если бы ты пожалел меня или его, а через два дня потерял половину своих людей? Ты должен был помнить об этом. Ты не имеешь и не имел права позволить себе рисковать людьми во имя ложно понятого благородства.

— Нет, — произнес он, — не могу. А поэтому сейчас мое место рядом с сыном моего короля. Чувство долга и чести повелевает мне следовать за ним... и в то же время всячески препятствовать осуществлению того, что поклялся отстаивать. Ради его низменных интересов я предал тех, кого люблю. Я предал само понятие о чести, благородстве.

— Во имя чести погибло немало людей. Но безрассудное благородство — это глупость. Благородная глупость — все равно глупость.

— Да, это так. Ты говорила, что все изменится к лучшему. Но если я буду первым среди тех, кто пожертвует своей честью ради ложно понятого чувства долга, не будет ли мне стыдно потом?

Он взглянул на меня, глаза были полны тревоги.

— Я не поверну вспять, это для меня невозможно, но порой, Саксоночка, становится жаль того парня, каким я был.

— Это моя вина, — мягко сказала я и провела пальцами по его лицу, коснулась густых бровей, широкого рта и отросшей щетины на подбородке. — Моя. Если бы я не явилась... и не сообщила тебе, что произойдет... — Я ощутила внезапную боль и горечь, когда вспомнила, каким наивным, благородным парнем он был. Впрочем... разве у нас был выбор? Я должна была открыть ему то, что знала. А он должен был действовать исходя из этого знания. Я вспомнила одну из строчек Ветхого Завета, а он словно бы услышал эту строку из Библии и слегка улыбнулся:

— Может быть... Но я не помню, чтобы Адам просил Бога забрать Еву

назад. — Он наклонился и поцеловал меня в лоб, когда я засмеялась, и, укрыв мои голые плечи одеялом, сказал: — Спи, мое маленькое ребрышко, завтра мне понадобится помощница.

Меня разбудило лязганье металла. Я высунула голову из-под одеяла и, прищурившись, пыталась рассмотреть источник странного звука и тут обнаружила, что мой нос чуть ли не уперся в колено Джейми, укрытого пледом.

— Проснулась? — услышала я голос Джейми. Что-то блестящее и звенящее промелькнуло у меня перед глазами, и я ощутила нечто очень тяжелое у себя на шее.

— Боже, что это такое? — воскликнула я, проворно сев в постели и стараясь рассмотреть этот странный предмет. Оказалось, что на мне надето ожерелье, состоящее из трех дюймовых металлических предметов в виде стержня с ободком наверху, нанизанных на кожаный шнурок. Некоторые из этих предметов были покрыты ржавчиной, другие совершенно новые. По всей длине строжней проходили царапины, как будто их с силой выдирали из какого-то более крупного предмета.

— Временные трофеи, Саксоночка, — пояснил Джейми.

Я взглянула на него и громко вскрикнула.

— Ой, — произнес он, проведя рукой по лицу. — Я совершенно забыл. У меня не было времени умыться.

— Ты до смерти меня напугал, — сказала я, прижимая руку к бешено бьющемуся сердцу. — Что это?

— Древесный уголь, — сказал он. Голос его прозвучал глухо, так как он уже вытирал лицо какой-то тряпкой. Вскоре он отложил ее и улыбнулся мне. Ему удалось стереть черную пыль с носа, подбородка и лба, и они розовели на фоне сажи, глаза же были обведены черными кругами, как у енота, а рот очерчен широкой черной полосой.

Рассвет только едва забрезжил, и в сумраке палатки его темные от угольной пыли лицо и волосы почти сливались с темным же фоном брезентовой палатки. От этого возникало впечатление, что я разговариваю с неким человеком, не имеющим головы.

— Это была твоя идея, — сказал он.

— Моя идея? Ты похож на привидение из спектакля, — ответила я. — Для чего ты разыграл эту комедию?

На черном лице его зубы сверкали словно жемчужины.

— Это была диверсионная вылазка, — с удовлетворением произнес он.

— Диверсионная? Я правильно тебя поняла? О Боже. Ты побывал в английском лагере? Боже мой! Надеюсь, не один?

— Я не мог лишить своих людей такого удовольствия, Поэтому оставил, троих охранять тебя, а с остальными совершил весьма успешную вылазку. — Он с гордостью посмотрел на мое ожерелье. — Это шплинты от орудийных повозок. Мы не могли похитить пушки и даже бесшумно повредить их, но им не удастся далеко уйти без колес.

Я критически осмотрела свое ожерелье:

— Все это прекрасно, но не смогут ли они сделать новые стержни? Кажется, ты делал нечто подобное из толстой проволоки.

Он кивнул с самодовольным видом:

— Может быть, и смогут. Но на что им стержни, если у них нет колес? — Он приподнял брезент, закрывающий вход в палатку, и указал на подножие холма, где Муртаг, черный как демон, с такими же черными помощниками бросал в костер последние из тридцати двух больших деревянных колес. Снятые с колес железные ободья грудой лежали рядом. Фергюс, Кинкейд и еще несколько молодых ребят затеяли игру, гоняя колеса при помощи палок. Я засмеялась:

— А ты, оказывается, умный, Джейми.

— Может быть, я и умный, но ты — полуголая, а мы сейчас отправляемся. Нет ли у тебя чего-нибудь, что можно было бы надеть? Мы связали их часовых и оставили в заброшенном загоне для овец, но скоро лагерь проснется, а он недалеко от нас, поэтому нам лучше скрыться.

И словно в подтверждение его слов, палатка у меня над головой дрогнула, как будто бы кто-то разрушил ее каркас с одной стороны. Я испуганно вскрикнула и схватила седельные сумки, в то время как Джейми поспешил отдать последние распоряжения перед тем, как тронуться в путь.

Уже миновал полдень, когда мы добрались до деревушки Транент. В обычно спокойной деревушке, расположенной в горах высоко над уровнем моря, царило необычайное оживление в связи с прибытием шотландской армии. Основная ее часть расположилась на склонах гор, откуда была прекрасно видна небольшая равнина; простирающаяся до самого моря. Деревушка представляла собой перевалочный пункт. Поскольку сюда постоянно прибывали все новые и новые воинские части на смену только что ушедшим, в самой деревне и в ее окрестностях было полно народу, многочисленные посыльные сновали из конца в конец, кто на пони, а кто и на своих двоих. Женщины, дети и те, кто следовали вместе с армией, заполнили все дома или обосновались прямо на улице, под стенами домов, греясь на появлявшемся время от времени солнышке, порой с младенцами на руках. Те, кто отправлялся на войну, расспрашивали посыльных о самых последних событиях на полях сражений.

Мы разбили лагерь на краю деревни, и Джейми послал Муртага узнать о месте нахождения лорда Джорджа Муррея — командующего армией, а сам спешно приводил себя в порядок в одном из домов.

Мой собственный вид оставлял желать лучшего. Хотя мое лицо не было вымазано углем, как у Джейми, на нем были серые, грязные потеки — свидетельство ночевки под открытым небом. Хозяйка дома дала мне полотенце и расческу, и я как раз сидела за ее туалетным столиком, борясь со своими непокорными кудрями, когда дверь вдруг внезапно растворилась и моему взору предстал лорд Джордж собственной персоной.

Его обычно безупречное платье недосчитывало нескольких пуговиц и имело неопрятный вид, одна подвязка спущена, шейный платок развязан, парик небрежно засунут в карман, а его собственные каштановые волосы торчали в разные стороны, как будто он яростно дергал за волосы сам себя.

— Слава Богу! — воскликнул он. — Наконец-то я вижу нормальное лицо! — Потом он подался всем корпусом вперед, подозрительно разглядывая Джейми. Большую часть угля он смыл с волос, но серые ручейки текли по его лицу и покрыли черными пятнами рубашку на груди, а уши, которые он в спешке забыл как следует вымыть, все еще были угольно-черными.

— Что, — начал было лорд Джордж, но тут же умолк и несколько раз потрянул головой, как бы стараясь избавиться от наваждения, а затем продолжил разговор так, словно не заметил ничего необычного.

— Как дела, сэр? — почтительно осведомился Джейми, делая вид, что не замечает хвостика парика с ленточкой, выглядывающего из кармана лорда Джорджа и виляющего, словно собачка хвостом, при каждом резком движении его светлости.

— Как дела? — слышался словно эхо голос лорда. — Ну что ж, я скажу вам, сэр! Она направляется на восток, затем на запад, затем половина ее спускается в долину, в то время как другая половина отправляется черт знает куда! Вот как обстоят дела!.. Она, — пояснил он, моментально успокоившись после вспышки, — это верная его высочеству шотландская армия. — Еще немного успокоившись, он стал рассказывать нам о событиях, происходивших в Траненте после прибытия сюда его армии.

Прибыв в Транент, лорд Джордж оставил основной контингент в деревне, а сам с небольшим отрядом поспешил занять позицию на горном кряже, у подножия которого простирается равнина. Принц Карл, прибывший сюда чуть позже, был недоволен действиями лорда Джорджа и высказался по этому поводу громко, в присутствии множества людей. Затем, взяв половину армии, его высочество отправился на запад, к герцогу

Перту, тоже считающемуся главнокомандующим армии, скорее всего для того, чтобы попытаться атаковать Престон. Таким образом, армия разделилась, и его светлость Джордж вступил в переговоры с жителями деревни, которые знали окружающую местность намного лучше, чем его высочество или его светлость — О'Салливан — ирландский наперсник принца. Он принял решение перевести людей лочиэльского Камерона в церковный двор Транента.

— Коуп, конечно, привез с собой пару легких полевых пушек и открыл огонь по лочиэльцам, — угрюмо продолжал лорд Джордж, — так что мне пришлось сегодня основательно повозиться с этим. Конечно, глава Клана был, естественно, расстроен тем, что многие его соплеменники получили ранения. Он попросил, чтобы их отвели назад, и, конечно, я выполнил его просьбу. Потом появился вдруг этот О'Салливан, приспешник его высочества! Только потому, что он высаживался на остров Эрискей с его высочеством, это ничтожество считает... Так или иначе, он является ко мне и заискивающим тоном уговаривает вернуть Камеронов в церковный двор, мол, это необходимо — заметьте, необходимо, — если мы будем наступать с запада. Я объяснил ему, причем ясно и понятно, что мы будем наступать с востока, если вообще будем. Начало военных действий в данный момент и впрямь маловероятно, тем более что мы не знаем точно ни где находится половина наших людей, ни где находится принц Карл, — добавил он, причем таким тоном, что стало ясно, что местонахождение его высочества — принца Карла для него вопрос сугубо праздный, не имеющий практического значения. — А предводители кланов! Камерон Лоухильский вытянул жребий, согласно которому должен сражаться на правом фланге, если, конечно, сражение состоится. Но Макдоналды, которые в свое время согласились участвовать в жеребьевке, вдруг опротестовали ее результаты и заявили, что они вообще не станут участвовать в боевых операциях, если им не будет отведено их традиционное место на правом фланге.

Лорд Джордж, начавший свой рассказ довольно спокойно, подойдя к концу, разгорячился, вскочил на ноги и стал энергично ворошить шевелюру обеими руками.

— Люди Камерона весь день занимались строевой подготовкой. Они так намаршировались, что, наверное, не помнят, где у них член, а где задница, да простит меня мадам, — произнес он, бросив на меня смущенный взгляд. — Люди Кланранальда затеяли кулачный бой с людьми Гленгэрри. — Он замолчал, выставив вперед подбородок и покраснев, по-видимому, от гнева, затем снова продолжал: — Если бы Гленгэрри не был тем, кем он является... я бы... ну ладно.

Он мысленно разделался с Гленгэрри, сделав резкий жест рукой, и снова зашагал по комнате.

— Во всем этом есть лишь один утешительный момент, — снова заговорил он, — а именно: в ответ на наши действия англичане вынуждены поворачивать назад. Войскам Коупа пришлось давать задний ход не менее четырех раз, и сейчас его правый фланг оттянут чуть ли не к самому морю, и он, несомненно, ломает себе голову, пытаясь угадать, что, черт побери, мы предпримем в очередной раз. — Он наклонился и выглянул в окно, как будто ожидая увидеть самого генерала Коупа,двигающегося по главной дороге, чтобы спросить его об этом.

— А... где все же находится ваша армия сейчас, сэр? — Джейми сделал движение, как бы собираясь присоединиться к его светлости и начать расхаживать по комнате.

Но я остановила его, ухватив за ворот рубашки. Вооружившись полотенцем и тазиком с теплой водой, я стала смывать сажу с ушей мужа. И вот они уже вернулись из небытия, розовые при ясном свете дня.

— На холме, как раз к югу от города.

— Значит, мы все еще удерживаем высоту в своих руках, не так ли?

— Да, и внешне это выглядит утешительно. — Его светлость вздохнул. — Однако такая позиция мало что нам дает. Ведь почва у подножия гор заболочена и утопает в воде. Бог мой! Ведь вдоль подножия горы тянется канава в шесть футов шириной и в сотню футов длиной, до краев наполненная водой. Две армии сейчас разделяет расстояние в каких-нибудь пятьсот ярдов, но они могут превратиться в пятьсот миль. — Лорд Джордж полез в карман за носовым платком, намереваясь вытереть мокрый лоб, но вместо платка вытащил парик и теперь стоял, недоуменно взирая на него.

Я робко протянула свой испачканный угольной пылью носовой платок. Он закрыл глаза, поднес театральным жестом платок к носу, словно вдыхая аромат духов, и поклонился мне с обычной своей галантностью.

— Весьма вам обязан, мэм! — Он тщательно вытер лицо и, вежливо вернув мне платок, водрузил на голову свой растрепанный парик. — Будь я проклят, — решительно продолжал он, — если позволю этому дураку проиграть сражение. — Он повернулся к Джейми и неожиданно спросил: — Сколько у вас людей, Фрэзер?

— Тридцать, сэр.

— А лошадей?

— Шесть, сэр. Да еще четыре вьючных животных — пони.

— Вьючных животных? Надо понимать, что они везут провизию для

ваших солдат?

— Да, сэр. Шестьдесят мешков провизии, конфискованной у англичан прошлой ночью. Да еще одна шестнадцатидюймовая мортира, сэр.

Джеими произнес последнюю фразу с таким из ряда вон выходящим высокомерием, что я едва удержалась от желания заткнуть ему рот платком. Лорд Джордж некоторое время молча взирал на него, затем уголки его рта раздвинулись в улыбке.

— Вот как? Пойдемте со мной, Фрэзер. Вы мне все расскажете по пути. — Он быстро направился к двери, и Джеими, многозначительно взглянув на меня, схватил свою шляпу и последовал за ним.

У самой двери лорд Джордж вдруг остановился. Он осмотрел могучую фигуру Джеими, распахнутый ворот его рубашки и плащ, торопливо переброшенный через руку.

— Несмотря на то что я спешу, Фрэзер, мы должны соблюдать правила приличия. Иди поцелуй жену на прощанье. Встретимся на улице.

Повернувшись на каблуках, он отвесил мне такой низкий поклон, что косичка его парика взлетела вверх.

— Ваш слуга, мэм.

Я уже имела представление о военных действиях и понимала, что в ближайшее время ничего существенного не произойдет. Так оно и случилось на самом деле. Отряды солдат маршировали по единственной в деревне улице. Жены, сопровождающие мужей на войну, и оказавшиеся на улице жители Транента скитались по деревне, не зная, то ли податься куда-нибудь отсюда, то ли остаться на месте. То и дело сновали в толпе курьеры.

Я встречалась с лордом Джорджем в Париже. Он, несомненно, принадлежал к числу людей, способных пренебречь правилами этикета в интересах дела, и тем не менее то, что он самолично явился к Джейми, я склонна была объяснить скорее его недовольством действиями принца Карла и желанием избежать общения с О'Салливаном, нежели желанием обрести в лице Джейми соратника и единомышленника. При том, что общая численность шотландской армии колебалась от полутора до двух тысяч человек, отряд из тридцати человек вряд ли можно было считать существенной добавкой, но уж совсем не принимать в расчет тоже было бы несправедливо.

Я взглянула на Фергюса, крутившегося на месте словно веретено, как жаба в танце святого Вита, и мне вдруг пришло в голову, что я могу использовать его в качестве курьера. Недаром же народная мудрость гласит, что в царстве слепых — и одноглазый король. По аналогии с этой пословицей я изобрела свою, основываясь на собственном жизненном

опыте, и у меня получилось следующее: «Когда никто не знает, что предпринять, любого с мало-мальски дельным предложением надлежит выслушать».

У нас в сумках имелись и бумага и чернила. Я села сочинять письмо. При этом хозяйка дома наблюдала за мной с благоговейным восторгом, — вероятно, никогда прежде ей не доводилось видеть пишущую женщину. Письмо предназначалось Дженни Камерон. Это она в отсутствие брата привела через горы триста мужчин своего клана, когда принц Карл поднял знамя восстания. Когда брат ее Хью, вернувшись домой, узнал, что произошло, он бросился сломя голову в Гленфиннан, чтобы занять по праву принадлежащее ему место вождя клана, но Дженни отказалась вернуться домой и заявила, что будет участвовать в сражении. Она была счастлива присутствовать на встрече с принцем Карлом в Эдинбурге, где его приверженцы оказали ему восторженный прием, и преисполнилась решимости сражаться за своего принца.

У меня не было печати, но в одной из сумок хранилась шотландская шапочка Джейми с гербом клана Фрэзеров и девизом. Я запечатала письмо расплавленным воском свечи и оттиснула на нем наш герб. Получилось довольно внушительно.

— Вручишь шотландской миледи с веснушками, — проинструктировала я Фергюса и с удовольствием наблюдала, как он пулей вылетел из дома и помчался по улице. Я понятия не имела, где находилась Дженни в этот момент. Но офицеры были расквартированы в доме пастора, недалеко от церкви, оттуда и следовало начинать поиски. По крайней мере, Фергюс займется делом, и у него не будет времени для баловства.

Отправив свою депешу, я обратилась к хозяйке дома:

— Не найдется ли у вас в доме таких вещей, как одеяла, салфетки, нижние юбки?

Вскоре я поняла, что не ошиблась в оценке личности Дженни. Женщина, которой удалось поднять триста человек и повести их на войну за щеголя с итальянским акцентом, к тому же любителя бренди, должна была не только показаться легкой на подъем, но и обладать редким талантом подчинять людей своей воле.

— Весьма разумно, — сказала она, выслушав мой план. — Кузен Арчи, я полагаю, принял некоторые меры, но, естественно, ему уже сейчас хочется быть со своей армией. — Она вскинула голову чуть выше. — Вот что самое забавное! — грустно усмехнулась она.

— Но почему вы не настояли? — удивилась я.

Она рассмеялась; ее маленькое, простое лицо с круто срезанным

подбородком делало ее похожей на добродушного бульдога.

— Я настояла бы, если бы умела, но я не умею, — честно призналась она. — Теперь, когда здесь Хью, он всячески старается отправить меня домой, но... — Она оглянулась вокруг, желая убедиться, что нас никто не подслушивает, и таинственно прошептала: — Пусть я буду проклята, если отправлюсь домой и буду сидеть сложа руки. Я останусь здесь до тех пор, пока смогу приносить хоть какую-нибудь пользу.

Стоя на ступеньках дома, она задумчиво глядела на главную улицу.

— Сомневаюсь, что они прислушаются ко мне, — сказала я. — Ведь я — англичанка.

— Да, вы правы, — ответила Дженни. — Зато послушают меня. Я не знаю, сколько будет раненых, дай Бог, чтобы их было немного. — Дженни быстро перекрестилась. — Но нам лучше всего начать с домов возле церкви. Будет меньше хлопот с водой. Колодец там совсем близко. — Она проворно спустилась вниз по ступенькам и зашагала к дому пастора. Я последовала за ней.

Порукой нам служили не только способность мисс Камерон подчинять людей своей воле и сама ее незаурядная личность, но также и осознание того факта, что сидеть и ждать неизвестно чего — самое бесплодное занятие для человека. Впрочем, мужчины обычно этого не понимают. В отличие от женщин. К вечеру, когда солнце скрылось за транентской церковью, мы сформировали санитарный отряд — основу будущего госпиталя.

Листья уже начали падать с лиственницы и ольхи в близрасположенном лесу. Они ложились желто-коричневым ковром на песчаную землю. Порой засохшие и свернувшиеся в трубочку листья подхватывал ветер, вздымая их вверх и гнал по воздуху, словно крошечные суденышки в бурном море. В какой-то момент ветер стих, и один из таких листочков замедлил свой полет и стал медленно опускаться рядом со мной. Я поймала его на ладонь и так держала, восхищаясь совершенством формы, кружевом рисунка поверхности. Новый порыв ветра подхватил листок, швырнул его на землю и понес дальше по пустынной улице.

Щурясь от солнца, медленно опускающегося за горизонт, я смотрела на гребень горы за городом, где расположилась лагерь шотландская армия. Половина армии его высочества возвратилась час назад, чтобы соединиться с войском лорда Джорджа. На таком расстоянии я различала лишь отдельные чернеющие на фоне серого неба фигурки людей, одолевающих перевал через хребет. В четверти мили от конца улицы я увидела первые костры англичан, казавшиеся белыми при свете дня.

Удушливый дым горящего в домашних очагах торфа и смрад от горящего дерева английских костров заглушали запах моря.

Все шло своим чередом. Жен и родственников шотландских солдат встречали с неизменным гостеприимством и не только давали им приют, но и приглашали разделить с ними трапезу, в меню которой непременно входила соленая сельдь. Мой собственный ужин ждал меня в доме, но мне совсем не хотелось есть.

Невысокого роста существо медленно приближалось ко мне — я видела это по удлинняющейся тени — и наконец выскользнуло у меня из-за спины.

— А не изволите ли пойти к столу, мадам? Хозяйка приготовила еду и ждет вас.

— О! Да-да, Фергюс. Иду. — Я бросила последний взгляд на гребень гор и повернулась, чтобы идти к дому. — А ты, Фергюс, идешь? — спросила я, увидев, что он продолжает стоять на месте.

Он приложил руку козырьком к глазам, стараясь рассмотреть, что происходит на вершине гор за городом. Подчиняясь приказу Джейми остаться при мне, он всей душой желал быть там, с готовящимися к битве солдатами.

— Да-да, мадам. — Он повернулся, вздохнул и зашагал вместе со мной к дому.

Долгие летние дни незаметно уступили место темноте, и задолго до того, как мы закончили свои приготовления, уже зажгли лампы. Ночной покой на улицах был нарушен постоянным перемещением солдат и вспышками костров на горизонте. Фергюс, не в силах усидеть на месте, сновал из дома в дом, доставляя депеши, собирая сплетни и возникая внезапно, словно из-под земли, подобно маленькому призраку, с глазами, блестящими от возбуждения.

— Мадам, — произнес он, осторожно дергая меня за рукав в то время, как я рвала простыни на узкие полосы и складывала в кучу, готовя для стерилизации. — Мадам!

— Ну что на сей раз, Фергюс? — спросила я слегка раздраженно, потому что одновременно объясняла женщинам из санитарного отряда, что, ухаживая за ранеными, необходимо часто мыть руки.

— Вас спрашивает мужчина, мадам. Там мужчина, мадам. Он хочет поговорить с командующим армией его высочества. Говорит, что у него важное сообщение.

— Разве я ему мешаю? — Я как раз пыталась справиться с неподатливым швом на рубашке и наконец пустила в ход собственные

зубы. Закусила конец его и дернула изо всех сил. Послышался громкий треск рвущейся материи, дальше пошло как по маслу. Я выплюнула прилипшие к языку нити.

Фергюс по-прежнему стоял рядом, терпеливо ожидая, когда я вновь обращу на него внимание.

— Ну ладно. Чем я могу ему помочь?

— Если бы вы разрешили, мадам, — выпалил Фергюс, — я бы отвел его к хозяину. А он сможет устроить этому человеку встречу с командующим.

Он, в представлении Фергюса, мог сделать все: пройти по воде, превратить воду в вино и устроить таинственному незнакомцу, появившемуся неизвестно откуда, встречу с лордом Джорджем.

Я поправила волосы, убрав их под чепчик, но они снова упали мне на глаза.

— Этот человек где-нибудь здесь поблизости?

Фергюс, казалось, только и ждал этого вопроса. Он тут же юркнул в открытую дверь и через минуту вернулся с худощавым молодым человеком, чей цепкий взгляд тут же остановился на мне.

— Миссис Фрэзер? — Он неловко поклонился, вытирая руки о бриджи, будто не зная, что с ними делать, и в то же время демонстрируя готовность заняться делом, если представится такая возможность. — Я... я Ричард Андерсон из Уитбурга.

— Очень приятно, — приветливо ответила я. — Мой слуга говорит, что у вас есть важное сообщение для лорда Джорджа.

Он кивнул, по-птичьи дернув головой:

— Видите ли, миссис Фрэзер, в этих местах прошла вся моя жизнь. Я знаю местность, где находятся войска, как свои пять пальцев. И с вершины гор, где стоят шотландские войска, можно спуститься вниз по тропинке, минуя глубокий ров.

— Понятно. — При этих его словах у меня заныло под ложечкой. Если шотландцам предстоит вступить в бой на восходе солнца завтра утром, они должны будут начать спуск с горы ночью. И чтобы наступление прошло успешно, надо прежде всего благополучно переправиться через этот ров или обойти его. Хотя я и считала, что знаю, как именно должны развиваться события дальше, я абсолютно не была уверена, что так все и будет на самом деле. Будучи женой историка — как обычно, при воспоминании о Фрэнке сердце у меня сжалось от тупой боли, — я знала, насколько ненадежны исторические свидетельства. Поэтому не считала, что мое вмешательство или невмешательство способно что-либо изменить.

Какое-то мгновение я судорожно соображала, а что произойдет, если я попытаюсь помешать Ричарду Андерсону встретиться с лордом Джорджем. Повлияет ли это на исход завтрашнего сражения? Будет ли шотландская армия, включая Джейми и его соплеменников, разгромлена во время спуска с горы там, где проходит канава? Или лорд Джордж придумает что-нибудь лучшее? Или же Ричард Андерсон сам попытается изыскать возможность встретиться с лордом Джорджем?

В любом случае можно было попытаться, ничем не рискуя. Я взглянула на Фергюса, сгорающего от нетерпения, и спросила:

— Ты думаешь, что сможешь найти своего хозяина? Ведь там темно, ни зги не видно. Мне совсем не хочется, чтобы кого-нибудь из вас двоих подстрелили.

— Я найду его, мадам, — уверенно заявил Фергюс.

Я и без того знала, что найдет. Ведь он всегда словно нюхом чуял, где находится Джейми.

— Ну ладно, — сдалась я. — Только Бога ради, будь осторожен.

— Хорошо, мадам, — проговорил он и молнией выскочил из дома.

Прошло добрых полчаса, когда я обнаружила, что нож, оставленный мною на столе, исчез. И только тут у меня заныло сердце, ведь я велела Фергюсу соблюдать осторожность, но забыла сказать, что он должен вернуться назад.

Первый орудийный выстрел прозвучал на рассвете и прокатился звонким эхом по всей округе. Казалось, от него задрожал даже дощатый пол, на котором я спала. Я вцепилась в руку женщины, спавшей со мной под одним одеялом. Из угла комнаты послышалось чье-то тревожное бормотанье, а женщина рядом со мной зашептала:

— Мэри, Майкл и Брайд, спаси нас...

Женщины повскакивали с пола. Но в комнате стояла мертвая тишина. Все настороженно ловили звуки, летающие снаружи.

Я заметила жену одного из шотландских солдат — миссис Макферсон. Она пыталась завесить одеялом окно. Лицо ее побелело от страха, и она крепко зажмурилась при каждом громком звуке, доносившемся извне.

Я вновь изменила свое мнение по поводу бесполезности моих знаний об исходе предстоящей битвы. Всем этим женщинам ничего не было известно ни о тайных тропах, ни о предстоящем на рассвете сражении. Они знали только одно — что их мужьям и сыновьям придется противостоять английской армии, оснащенной пушками и мушкетами и в четыре раза превосходящей их по численности. Предсказывать ход событий даже в благоприятные времена — вещь неблагоприятная. Я знала, что они мне не

поверят. Самое лучшее, что я могла для них сделать, — это занять их делом. Перед моим мысленным взором возникла картина зарождающегося дня и лучи восходящего солнца, золотящие волосы рослого мужчины, что делало его прекрасной целью для снаряда противника. А рядом с ним — следующий по пятам вооруженный огромным ножом мальчуган с глазами, пылающими верой в победу.

— Дамы, — сказала я, — мы уже многое сделали. Но нам предстоит сделать еще больше. Нам будет нужен кипяток и, конечно, котлы для кипячения воды. И кастрюли поменьше. Мы будем кормить кашей тех, кто может есть, и поить молоком тех, кто не может. Нам нужны дощечки для накладывания шин. Бутылки и кувшины, чашки и ложки. Швейные иглы и нитки. Миссис Макферсон, будьте так добры...

Я практически ничего не знала об исходе сражения, разве что только, на чьей стороне будет победа и что потери армии якобитов будут небольшими. В моей памяти вновь всплыла та старая книжонка, из которой я почерпнула сведения о том, что якобиты одержали победу, а их потери составили всего лишь тридцать человек.

Потери. Значит, имеются в виду убитые. Но ведь в некоторых случаях и раненых можно отнести к потерям, а У нас в доме к полудню их было уже гораздо больше тридцати. К тому же в Транент все шли и шли победители, и они вели с собой своих раненых товарищей, помогая им из последних сил.

Вдобавок ко всему его высочество приказал, чтобы раненых англичан эвакуировали с поля боя и оказывали им помощь в первую очередь. Они являются «подданными его отца», сурово добавил он, сделав ударение на слове «отец», и я следовала его указаниям. Видно, впопыхах его высочество забыл, что шотландцы, благодаря которым он сегодня выиграл сражение, в сущности, тоже были подданными его отца.

Услышав об этом, я сказала Дженни Камерон:

— Принимая во внимание поведение отца и сына, шотландцам, наверное, следовало бы просить святого духа не помогать им сегодня.

По лицу миссис Макферсон было видно, что она ужаснулась при таком богохульстве, а Дженни рассмеялась.

Крики и радостные возгласы заглушали слабые стоны раненых, которых несли на самодельных носилках, но чаще всего они шли сами, опираясь на плечи товарищей. Некоторые, однако, нетвердо держались на ногах по другой причине, так как успели уже изрядно напиться. Боль от ран казалась не столь мучительной в свете только что одержанной победы. Несмотря на то что комната была полна раненых, нуждающихся в уходе и

лечении, в ней царил неистребимый дух веселья.

— Крист, ты видел, как они удирали, словно маленькие мышки от кошки? — спрашивал один раненый другого, забыв об ужасном ожоге руки от костяшек пальцев до самого плеча.

— И немало их лишилось своих хвостов, — вторил ему товарищ, хрипло посмеиваясь.

И все же радость была не всеобщей. И тут и там виднелись небольшие группы шотландцев, медленно шагающих по склону горы. Они несли остывшие тела своих товарищей: конец пледа прикрывал их лица с неподвижным, отрешенным взглядом, обращенным к небесам.

Это было первое серьезное испытание и для моих добровольных помощниц. Они тоже приняли вызов судьбы, как и солдаты на поле брани. Были минуты, когда они стонали, роптали, отлынивали от своих обязанностей, но тут же с еще большей энергией окунались в работу, когда в этом возникала необходимость.

И тем не менее продолжали жаловаться.

Миссис Макмурдо вернулась с еще одной полной бутылью, которую поставили в отведенном для этого месте. Затем направилась к лохани, где помещались бутылки с водой, слегка подслащенной медом. Пожилая женщина, жена одного из рыбаков Транента, у нас «заведовала» водой. В ее обязанности входило обходить раненых, уговаривая каждого выпить как можно больше этой подслащенной воды. Затем она снова обходила раненых, но уже с другими, пустыми бутылками.

— Если бы ты не давала им так много воды, они не писались бы так много, — не в первый раз жаловалась она.

— Им необходимо пить, — терпеливо разъясняла я, тоже уже в который раз. — При этом поддерживается кровяное давление на нужном уровне, и вода возмещает часть жидкости, потерянной организмом, помогает избежать шока. Посмотри, женщина, многие ли из них умирают? — спросила я, неожиданно потеряв терпение при виде недовольного лица миссис Макмурдо, продолжавшей ворчать и жаловаться. Она издала какой-то неясный звук своим почти совсем беззубым ртом, отчего в ее хмуром тоне прозвучала какая-то отчаянная решимость, — мол, хватит, зачем мне мучиться дальше?

— Миф, — фыркнула она, но коль скоро взяла бутылки и вернулась к своим обязанностям, я расценила этот жест как временную уступку мне.

Я вышла на улицу, чтобы хоть ненадолго избавиться от миссис Макмурдо и удушливой атмосферы, царящей в доме. Она была насыщена дымом и запахом немых тел; у меня даже немного закружилась голова.

А улицу заполнили пьяные мужчины, выкрикивающие победные лозунги, тащившие на себе различные военные трофеи. Одна группа солдат в красноватых тартанах клана Магилливрей тащила английскую пушку, обвязанную веревками, словно опасного зверя. Это сходство усугублялось украшавшими ствол и запальное отверстие отлитыми из металла фигурами волков, готовых к прыжку. «Один из предметов гордости генерала Коупа», — подумала я.

Потом я увидела знакомую черную фигурку, пристроившуюся у ствола пушки. Конечно же, это был Фергюс. Волосы у него торчали во все стороны — точь-в-точь ерш для мытья бутылок. Я закрыла глаза, мысленно благодаря Бога, затем открыла их и поспешила вниз по улице, чтобы стащить его с лафета.

— Негодяй! — проговорила я, как следует встряхнув его, а потом обняла. — Ты почему улизнул и не вернулся? Если бы я не была так занята сейчас, я бы надрала тебе уши.

— Мадам, — растерянно повторял он, щурясь на полуденное солнце. — Мадам...

Я поняла, что он не расслышал ни единого сказанного мною слова, и уже мягче спросила:

— С тобой все в порядке?

На его лице, покрытом грязью и сажей, появилось смущенное выражение. Он кивнул и неуверенно улыбнулся:

— Я убил английского солдата, мадам.

— О?! — Я не была уверена, в чем он сейчас нуждается: в поздравлениях или в утешении. Ему было всего десять лет.

Он нахмурился и сморщил лицо, как будто пытаясь что-то вспомнить.

— Я думаю, что убил его. Он упал, а я ударил его ножом. — Фергюс растерянно смотрел на меня, как будто ожидая, что я либо опровергну его слова, либо помогу утвердиться в их правильности.

— Пошли, Фергюс. Я накормлю тебя и уложу спать. Не думай больше об этом.

— Хорошо, мадам. — Он покорно пошел рядом со мной, но вскоре я поняла, что сейчас он рухнет ничком на землю.

Я не без труда подхватила его и поволокла к дому, где размещалось «хирургическое отделение» нашего госпиталя. Вначале я намеревалась накормить его, но обнаружила, что он спит сном праведника, когда я добралась туда, где О'Салливан пытался — безуспешно — организовать питание армии. Поэтому я оставила его лежащим, скорчившись на кровати в комнате, где одна из женщин присматривала за детьми, в то время как их

матери оказывали помощь раненым. Кажется, сейчас это было самое подходящее для него место.

Ближе к вечеру в доме уже набралось человек двадцать — тридцать раненых, и две мои помощницы буквально сбились с ног. Обычно в таком доме размещалась семья из пяти-шести человек, и сейчас просто яблоку негде было упасть. Раненые лежали вплотную друг к другу на полу. В окно мне были видны группы офицеров, входящих в дом пастора и выходящих из него. Там разместилось верховное командование. Я не отрывала глаз от двери, фактически не закрывавшейся ни на минуту, но среди вождей кланов, прибывающих для доклада о понесенных потерях и получения поздравлений, не видела Джейми.

Я гнала прочь мучительное чувство тревоги, успокаивая себя тем, что не обнаружила его среди раненых. С раннего утра я не могла улучшить минутку, чтобы заглянуть в палатку, где аккуратными рядами лежали убитые. Впрочем, там он никак не может быть.

«Конечно, не может», — твердила я себе.

И тут дверь широко распахнулась, и вошел Джейми. Я почувствовала, как при виде мужа у меня подкосились колени, и я удержалась на ногах, лишь ухватившись за трубу дымохода. Он искал меня. Его глаза быстро обежали комнату и остановились на мне. Умопомрачительная улыбка засияла на его лице.

Он был весь в грязи, лицо — черное от порохового дыма со следами крови, и босой. Ноги — в грязи по колено. Но он был цел и здоров и держался на ногах. Остальные детали меня не волновали.

«Слава Богу», — читала я в его синих глазах, и мои вторили им: «Слава Богу».

На этом наше короткое свидание закончилось. Нескончаемым потоком продолжали поступать раненые. Все физически здоровые жители деревни были привлечены к уходу за ранеными. Арчи Камерон, врач, курсировал между домами, забитыми ранеными, оказывая помощь страждущим.

Я организовала работу таким образом, чтобы солдаты из Лаллиброха поступали ко мне. Я осматривала их, определяя степень серьезности, и в зависимости от этого решала их дальнейшую судьбу: легкораненых, способных самостоятельно двигаться, я отправляла на попечение Дженни Камерон, умирающих — в церковь, расположенную напротив, где о них заботился Арчи Камерон. Я считала, что он сможет дать смертельно раненым настойку опия, да и сама обстановка могла принести какое-то успокоение.

Серьезные раны я обрабатывала сама как могла. Со сломанными

конечностями направляла в соседнюю комнату, где два хирурга из полка Макинтоша накладывали шины и фиксирующие повязки. Солдат с не смертельными грудными ранениями я старалась как можно удобнее разместить в импровизированной палате в полусидячем положении, чтобы было легче дышать. При недостатке кислорода и отсутствии хирургического инструментария я мало чем могла им помочь. Лиц с серьезными черепными ранениями также приходилось отправлять в церковь — их судьба была предрешена. Я ничем не могла им помочь, и им оставалось только уповать если не на Арчи Камерона, то только на Бога.

Но самыми тяжелыми случаями были раздробленные и оторванные конечности и ранения в брюшную полость. Мы не могли соблюдать стерильность. Конечно, я тщательно мыла руки, прежде чем приблизиться к больному, и следила за тем, чтобы мои помощницы делали то же, — по крайней мере, пока они были в моем поле зрения. Я также строго требовала, чтобы все перевязочные материалы были проварены в кипятке. Но в других «пунктах» кипячение, несомненно, рассматривалось как пустая трата времени и потому игнорировалось.

Если в «Обители ангелов» мне еще как-то удавалось убедить сестер и врачей в существовании микробов, то рассчитывать на такое же понимание со стороны шотландских женщин и армейских хирургов, являющихся одновременно и ветеринарами, не приходилось.

Больше всего меня беспокоила судьба тех, кто может умереть от инфекции, а не от самой раны. Жителям Лаллиброха и еще нескольким я могла обеспечить чистые руки и чистые повязки. А остальным? Во время войны во Франции я усвоила одну непреложную истину: весь мир ты не можешь спасти, но можешь спасти человека рядом с тобой, если будешь действовать достаточно быстро.

Джейми постоял с минуту у дверей, оценивая обстановку, и принялся помогать. Он перекладывал больных, носил кастрюли с горячей водой, ходил с ведрами за водой на центральную улицу Транента. Освободившись от страха за него, поглощенная работой, я на какое-то время совершенно забыла о нем.

Сортировочный пункт любого полевого госпиталя весьма смахивает на скотобойню! Мой не составлял исключения. Пол здесь был земляной, и это оказалось кстати, так как в него легко впитывалась кровь и другая жидкость. Но, с другой стороны, постепенно он становился скользким, превращаясь в жидкую грязь, и по нему становилось опасно ходить.

Черный дым, приносимый ветром с поля брани, проникал в открытые окна и двери и оседал на только что продезинфицированный перевязочный

материал и белье, повешенные для просушки у огня. Ни о какой стерильности в такой ситуации не могло быть и речи.

Раненые прибывали партиями, подобно могучей приливной волне врываясь в коттедж и опрокидывая все вверх дном. Мы метались, пытались справиться с затопившей нас волной, а когда наконец начинался отлив, мы судорожно собирали выброшенный морем всякий мусор.

Но и в самой трудной работе бывают передышки. Они наступали обычно после обеда и перед заходом солнца, если их можно было назвать передышками. В это время поток раненых ослабевал, и мы могли уделить больше внимания уже прибывшим. Мы были по-прежнему заняты, но все же у нас появилась возможность порой перевести дыхание и оглянуться вокруг.

Я стояла у открытой двери, наслаждаясь свежим морским воздухом, когда появился Джейми с огромной охапкой дров. Положив дрова возле очага, он подошел ко мне и остановился рядом, опершись рукой о косяк. По лицу у него текли струйки пота, и я потянулась к нему, чтобы стереть их краешком фартука.

— Ты был в других домах? — спросила я.

Он кивнул, с трудом переводя дыхание. Он показался мне очень бледным. Но поскольку лицо его было грязным от дыма и сажи, сказать это уверенно я не могла.

— Да. На поле сражения все еще продолжается мародерство; возможно, кое-кто из отсутствующих находится там. Наши раненые все здесь, но у некоторых ситуация иная. — Он кивнул в дальний угол комнаты, где трое раненых из Лаллиброха лежали или сидели возле очага, добродушно переговариваясь с другими шотландцами.

Несколько раненых англичан помещались отдельно, возле двери. Они разговаривали намного меньше, видимо, размышляли о смутной перспективе предстоящего плена.

— У них не очень тяжелые ранения? — спросил Джейми, глядя на троих своих соплеменников.

Я покачала головой:

— Джордж Макклюр может потерять ухо, но я надеюсь на лучшее. Думаю, что все они скоро поправятся.

— Хорошо. — Он устало улыбнулся и вытер вспотевшее лицо краем своего пледа.

Я обратила внимание на то, что он небрежно обмотал его вокруг тела, вместо того чтобы перебросить, как обычно, через плечо. Возможно, так ему было удобнее работать, но зато было жарче.

Собравшись уходить, он потянулся за бутылкой, висевшей на крючке у двери.

— Не трогай! — воскликнула я.

— Почему? — удивленно спросил он, встряхивая бутылку с широким горлом. — Она полная.

— Эта бутылка служит для сбора мочи, — ответила я.

— О! — Держа бутылку двумя пальцами, он хотел повесить ее на место, но я остановила его:

— Вылей ее на улице и принеси воды из колодца. Вот в этой бутылке. — Я протянула ему точно такую же глиняную бутылку, говоря: — Только смотри не перепутай их!

Он пробормотал в ответ что-то по-шотландски и двинулся к двери.

— Эй! — крикнула я, внимательно посмотрев ему вслед. — Что с тобой?

— А что? — спросил он, остановившись и стараясь заглянуть себе через плечо.

— Вот это. — Моя рука коснулась какого-то странного, грязного отпечатка на ткани его рубашки. — Это напоминает лошадиное копыто, — сказала я, не веря своим глазам.

— Ах, это...

— Ты угодил под копыта лошади?

— Да, но случайно, — сказал он в защиту лошади. — Обычно лошади не наступают на людей. Видимо, было очень скользко.

— Конечно, — согласилась я, удерживая его за рукав. — Стой спокойно. Черт возьми, как это могло случиться?

— Ничего страшного, — попытался вырваться он. — Все Ребра целы, только небольшой синяк.

— Да, небольшой, — саркастически заметила я и стала задирать ему рубашку на спине. К своему ужасу, я обнаружила у него на спине, чуть выше пояса, четкий отпечаток лошадиной подковы, глубоко вонзившейся в тело.

— Боже, здесь видны даже гвозди.

Он невольно вздрогнул, когда я коснулась отпечатка рукой.

— Это случилось во время налета отряда драгун, — пояснил он. — Шотландцы, привычные к маленьким пони, решили, что англичане намерены топтать их копытами своих лошадей. Запаниковав, они стали подныривать под лошадей, яростно разя их мечами в брюхо и ноги.

— А ты считаешь, они не хотели затоптать вас?

— Конечно нет, Саксоночка, — нетерпеливо продолжал он. —

Всадник не собирался прикончить меня таким образом. Более того, он старался избежать этого, но был зажат с двух сторон другими всадниками, и ему ничего не оставалось, как скакать на меня.

Оценив ситуацию по глазам седока, Джейми бросился плашмя на землю, прикрыв голову руками буквально за какую-то долю секунды до того, как англичанин пришпорил коня.

— Все еще лежа на земле, я попытался глубоко вздохнуть. Дышать было трудно, но боли я не ощущал. По крайней мере, в тот момент. — Он потрогал рукой больное место, слегка морщась при этом.

— Понятно, — сказала я, опуская конец его рубашки. — Ты мочился после этого?

Он уставился на меня так, как будто я вдруг спятила.

— Лошадь всей своей тяжестью наступила тебе на одну из почек, — объяснила я, теряя терпение: меня ждали раненые. — Мне необходимо проверить, нет ли крови у тебя в моче.

— О, — с облегчением произнес он. — Я и не знал.

— Давай проверим.

Я взяла свой медицинский саквояж и отыскала в нем маленькую медицинскую мензурку для анализа мочи, которая сохранилась у меня со времен работы в «Обители ангелов».

— Иди пописай в нее и принеси мне. — Я протянула мензурку Джейми и поспешила к котлу, в котором кипятились перевязочные материалы.

Оглянувшись, я заметила, что Джейми по-прежнему стоит, разглядывая мензурку с некоторым смущением.

— Никак помощь нужна, парень? — весело окликнул его рослый английский солдат, лежащий на полу.

Грязное лицо Джейми озарилось белозубой улыбкой.

— О да. — Он наклонился, протягивая мензурку солдату. — Подержи ее, пока я буду целиться.

Волна смеха прокатилась по рядам лежащих на полу раненых, на время заставив их забыть о своих страданиях.

Минуту помедлив, англичанин неуверенной рукой взял стеклянный сосуд. Солдат был ранен в бедро, и хотя над верхней губой у него от слабости выступил пот, он улыбался.

— Спорим на шесть пенсов, что не попадешь, — сказал он. Потом поводит мензуркой и поставил ее на пол, в трех или четырех футах от босых ног Джейми.

Джейми задумчиво посмотрел вниз, почесал подбородок одной рукой,

как бы оценивая расстояние. Солдат, которому я перевязывала руку, перестал стонать, увлеченный происходящим.

— Не скажу, что это будет легко, — возразил Джейми. — Но шесть пенсов! Думаю, ради такой внушительной суммы стоит постараться. — Обычно меланхоличный взгляд сделался лукавым, как у кошки.

— Шальные деньги, парень, — сказал англичанин, тяжело дыша, но продолжая улыбаться, — для меня.

— Ставлю два серебряных пенса, — раздался голос одного из солдат Макдоналда, лежащего в самом углу комнаты.

Другой английский солдат, укрытый вывернутым наизнанку длинным плащом, долженствовавший свидетельствовать о его статусе пленного, стал энергично, шарить в карманах.

— Ха! Кисет с табаком против! — воскликнул он, победно размахивая маленьким матерчатым мешочком, набитым табаком.

Со всех сторон сыпались грубые шутки, сопровождаемые взрывами смеха, в то время как Джейми наклонился, поудобнее устанавливая мензурку.

— Вот так будет нормально, — наконец сказал он, расправляя плечи. — Все готовы?

Англичанин, лежащий на полу, хихикнул:

— Я готов.

— Ну, тогда начнем.

Гул голосов мгновенно стих. Раненые приподнимались на локтях, чтобы получше видеть, что будет дальше, забыв и о боли, и о враждебных чувствах воюющих сторон.

Джейми огляделся по сторонам, задержав взгляд на своих солдатах, кивнул им и медленно приподнял подол своего килта. Но тут же нахмурился и принялся сосредоточенно шарить под юбкой. На его лице появилось растерянное выражение.

— Когда я писал последний раз, он был там, — сказал Джейми, и комната содрогнулась от смеха.

Довольный результатом своей шутки, он поднял юбку выше и, ухватив руками свое весьма внушительное орудие, прицелился. Он прищурился, чуть подогнул колени и...

Ничего не произошло.

— Осечка! — заорал один из англичан.

— У него порох отсырел, — вторил ему другой.

— Пустой патронник! — добавил третий.

Джейми недоуменно взглянул на свое оружие, вызвав новый взрыв

веселья. Потом улыбнулся:

— Ха! И правда, мой патронник пуст, вот в чем дело!

Он протянул руку к батарее бутылок с подслащенной водой, вопрошающе взглянул на меня и, когда я кивнула, взял одну из бутылей и поднял ее к своему широко открытому рту. Вода заливала его подбородок и стекала на рубашку, адамово яблоко театрально вздымалось при каждом глотке.

— Ух! — Джейми опустил бутылку, вытер рукавом подбородок и отвесил поклон своим благодарным зрителям. — Ну а теперь, — сказал он, наклоняясь вперед, но вдруг заметил выражение моего лица и застыл на месте. Он не мог видеть ни открывшуюся дверь, ни человека, стоящего на пороге, но внезапно воцарившаяся тишина подсказала ему, что пари не состоится.

Его высочеству принцу Карлу Эдуарду пришлось наклонить голову, чтобы войти в дверь. Он явился проведать раненых. По этому случаю он облачился в бархатные бриджи сливового цвета, хлопчатобумажные чулки в тон и — несомненно, в знак причастности к войне — в кафтан геральдических цветов клана Камерон, а через плечо у него был перекинут плед той же расцветки, заколотый на плече брошью. Его волосы были только что напудрены, а на груди сиял орден Святого Эндрю.

Принц стоял в проеме двери, милостиво давая возможность всем находящимся в комнате лицезреть его и одновременно преграждая путь сопровождающим его лицам. Он окинул комнату взглядом, задержавшись на двадцати пяти раненых, лежащих на полу спина к спине, на хлопотавших над ними двух моих помощниках, на куче сваленных в углу пропитанных кровью повязок, на моем столе с лекарственными средствами и медицинскими инструментами и, наконец, на мне.

Его высочество не особенно волновала судьба женщин, участвующих в военном походе, но он был весьма щепетилен в соблюдении светских правил.

А я была женщиной, несмотря на пятна крови и гноя, украшавшие мою юбку. Да еще мои непокорные волосы, выбившиеся из-под чепчика.

— Мадам Фрэзер, — сказал он, грациозно поклонившись мне.

— Ваше высочество. — Я сделала реверанс, втайне надеясь, что он долго здесь не задержится.

— Ваш труд на наше благо заслуживает самой высокой похвалы, мадам, — произнес он, при этом его мягкий итальянский акцент прозвучал более отчетливо, чем обычно.

— О, благодарю вас. Будьте осторожны, ваше высочество. Не

поскользнитесь. Здесь кровь.

Его маленький рот крепко сжался, когда он осторожно обходил лужу крови, на которую я указала. Дверной проем освободился, и Шеридан, О'Салливан и лорд Балмерино вошли в комнату. В комнате стало еще теснее. Теперь, когда правила приличия были соблюдены, Карл осторожно протиснулся между двумя тьюфяками и, остановившись возле молодого солдата, положил ему руку на плечо:

— Как тебя зовут, храбрый воин?

— Гильберт Мунро... ваше высочество, — добавил солдат, явно робея в присутствии принца.

Наманикюренные пальцы принца коснулись повязки на культе — все, что осталось от правой руки Гильберта.

— Вы принесли огромную жертву, Гильберт Мунро... — просто сказал Карл. — И я обещаю, что это не будет забыто. — Рука принца погладила небритую щеку парня, и тот зарделся от радостного смущения.

Передо мной лежал солдат с черепным ранением. Я зашивала ему рану, краем глаза наблюдая за Карлом. Медленно переходя от солдата к солдату, он не пропустил ни одного. Он останавливался возле каждого из двадцати пяти, спрашивал его имя и место жительства, выражал признательность и благодарность, поздравляя с победой, и сочувствие по поводу ранения. Солдаты, англичане и шотландцы, притихли, слышны были лишь слова принца и тихие голоса отвечающих на его вопросы солдат. Наконец он поднялся во весь рост, при этом отчетливо был слышен хруст его суставов. Край пледа принца волочился по грязи, но он, кажется, не замечал этого.

— Я привез вам благословение и благодарность моего отца, — сказал принц. — Ваш сегодняшний подвиг никогда не будет забыт.

Люди, лежавшие на полу, были не в состоянии изъяслять восторг надлежащим способом, но они улыбались и бормотали все вместе слова благодарности.

Уже направляясь к выходу, Карл заметил Джейми, предусмотрительно отошедшего в сторону, чтобы грубые сапоги Шеридана не оттоптали его босые ноги. Лицо его высочества засияло.

— Мой дорогой! Я не видел вас сегодня и уже стал беспокоиться, не случилось ли чего с вами. — Выражение укоризны появилось на его красивом, румянном лице. — Почему вы не пришли на ужин в дом пастора вместе с другими офицерами?

Джейми с улыбкой поклонился принцу:

— Мои люди здесь, ваше высочество.

Принц удивленно поднял брови и открыл было рот, собираясь что-то сказать, но лорд Балмерино быстро приблизился к нему и шепнул что-то на ухо. Выражение лица Карла сразу изменилось.

— Что я слышать? — воскликнул он, обращаясь к Джейми, как всегда в минуты волнения теряя контроль за правильностью речи. — Его светлость говорит, что вы сами получили ранение.

Джейми выглядел слегка сконфуженным. Он бросил быстрый взгляд в мою сторону, желая знать, слышала ли я слова принца, и, поняв, что, разумеется, слышала, снова посмотрел на его высочество:

— Это всего лишь царапина, ваше высочество.

— Покажите мне. — Слова принца звучали обыденно, но, несомненно, являлись приказом, и грязный плед был немедленно снят.

Складки темного пледа были почти черными с внутренней стороны. Рубашка под ним — в крови от подмышек до самого низа. Там, где кровь начала подсыхать, образовывались бляшки коричневого цвета.

Дав моему солдату с черепным ранением немного отдохнуть, я подошла и приподняла рубашку Джейми. Несмотря на большое количество крови, я знала, что рана неопасна. Он стоял словно скала, и кровь уже не текла.

Это был скользящий сабельный удар, нацеленный в ребра. Ему повезло. Если бы удар пришелся прямо, сабля вошла бы глубоко в тело между ребрами. А так — неглубокий порез кожи длиной в восемь дюймов. Сейчас, когда тонкий срез кожи отошел от тела, снова потекла кровь. Здесь требуется всего лишь наложить несколько швов, и если бы не эта вечная опасность инфекции, ранение можно было бы считать легким.

Повернувшись, чтобы сказать об этом его высочеству я застыла на месте, удивленная выражением его лица.

Какую-то долю секунды мне казалось, что его высочеству, непривычному к виду крови, стало дурно от того, что ему довелось только что увидеть. Ведь даже многие опытные сестры, сняв повязку с раны, не выдерживали и выскакивали на улицу, где их начинало рвать. Но вскоре они возвращались и уже спокойно продолжали обрабатывать рану. Ранения, полученные в бою, выглядят особенно страшно.

Но здесь было что-то другое. Не являясь прирожденным воином, Карл тем не менее был ранен и истекал кровью, как Джейми, в возрасте четырнадцати лет в его первом сражении при Гаэте. Нет, решила я, заметив, что принц успокоился. Его не может испугать вид ран или крови.

Дело в том, что в данном случае перед ним стоял не какой-нибудь батрак или пастух, не какой-нибудь безымянный подданный, чей долг был

сражаться за дело Стюартов. Джейми был его друг. И я подумала, что именно рана Джейми напомнила ему об этом. Ведь Джейми пролил свою кровь, выполняя его, Карла, приказ; люди пострадали в борьбе за его дело. Не удивительно, если осознание этого факта глубоко потрясло принца.

Он долго смотрел на раненый бок Джейми. Затем поднял глаза и встретился с ним взглядом. Он схватил Джейми за руку и, склонив перед ним голову, тихо сказал:

— Спасибо.

В какой-то момент мне показалось, что, вероятно, из него может получиться король.

На отлогом склоне за церковью по приказу его высочества была установлена палатка — последняя обитель павших в этом сражении. В связи с тем, что медицинская помощь прежде всего оказывалась англичанам, среди них практически не было умерших от ран. Принадлежность шотландца к тому или иному клану можно было различить только по его одежде. Всех их должны похоронить на рассвете. Макдоналд из Кепоха привел французского священника. Это был человек, согнувшийся под бременем лет. Его розовая сутана была небрежно надета поверх грязного шотландского пледа. Он медленно переходил от одного трупа к другому, творя молитву в честь каждого в отдельности:

— Даруй ему вечный покой, о Господи, и пусть вечный свет сияет над ним.

Потом машинально крестился и шел дальше.

Я уже приходила в палатку и с замиранием сердца пересчитывала убитых шотландцев. Тогда их было двадцать два. Двадцать два шотландских солдата. Теперь их численность увеличилась. Стало двадцать шесть.

Двадцать седьмой лежал рядом, в церкви, его последнем земном пристанище. Александр Кинкейд Фрэзер медленно умирал от ран, полученных в грудь и в живот. Он умирал от внутреннего кровотечения, которое невозможно было остановить. Его принесли ко мне смертельно бледного. В течение нескольких часов он лежал, истекая кровью, на поле брани один среди трупов врагов.

Он пытался улыбнуться мне, но я смочила водой его потрескавшиеся губы и смазала их маслом. Дать ему пить означало мгновенно убить его, так как жидкость хлынет в его поврежденный кишечник, что немедленно приведет к смерти. Какое-то время я колебалась, осознавая серьезность его ранения и полагая, что быстрая смерть может быть еще и легкой, но потом... Я решила, что скорее всего он захочет встретиться со

священником, по крайней мере для того, чтобы исповедаться. И поэтому я распорядилась отнести его в церковь, где отец Бенин заботился об умирающих так же, как я заботилась о живых.

Джейми навещался в церковь почти каждые полчаса, но Кинкейд держался удивительно долго, несмотря на то, что жизнь постепенно покидала его. Но на этот раз Джейми не возвращался слишком долго. Я поняла, что все кончено, и отправилась в церковь сама. Возможно, там потребуется и моя помощь.

На том месте под окном, где лежал Кинкейд, было пусто, там виднелось лишь большое грязное пятно. В палатке для мертвых Кинкейда тоже не оказалось, и никто не знал, где Джейми.

В конце концов я нашла их на склоне холма, за церковью. Джейми сидел на уступе скалы с Александром Кинкейдом на руках. Кудрявая голова Кинкейда покоилась у Джейми на плече. Длинные волосатые ноги беспомощно повисли. Оба были неподвижны, словно скала, на которой они сидели, тихие, словно смерть, хотя только один из них был мертв.

Я коснулась белой, дряблой руки Кинкейда и провела рукой по густым каштановым волосам, таким неожиданно живым на этом теле. Мужчина не должен умирать девственником, но Кинкейд умер.

— Он умер, Джейми, — прошептала я.

Джейми продолжал сидеть молча, потом кивнул и открыл глаза, будто бы смирившись с неизбежным:

— Я знаю. Он умер вскоре после того, как я принес его сюда. Но я не хотел, чтобы он умирал.

Я взяла Кинкейда за плечи, и мы осторожно положили его на траву. Ночной ветерок шевелил стебли густой травы, и они нежно касались его лица, как бы отдавая ему последний земной поклон.

— Ты не хотел, чтобы он умер заточенным в четырех стенах, даже если это стены церкви? — догадалась я.

Над нами простиралось огромное небо, покрытое облаками. Оно было бескрайним и обещало вечный покой.

Джейми задумчиво покачал головой, затем опустил перед телом Кинкейда на колени и поцеловал его широкий, бледный лоб.

— Когда придет мой час, я хочу, чтобы кто-нибудь поступил со мной так же, — тихо сказал он.

Он прикрыл краем пледа кудрявую голову покойного и прошептал что-то по-гэльски, но я не поняла, что именно.

Медицинский пункт для обслуживания раненых — не место для слез. Там слишком много дел. Я держала себя в руках и не позволяла себе

плакать весь день, хотя поводов для этого было более чем достаточно. Но сейчас я дала волю слезам. Я уткнулась лицом в плечо Джейми, и он ласково гладил меня по спине. Когда я подняла глаза, вытирая слезы с лица, я увидела, что он по-прежнему смотрит на лежащее на траве тело сухими глазами. Он почувствовал на себе мой взгляд и сказал:

— Я оплакал его, когда он был еще жив, Саксоночка. — И, помолчав немного, спросил: — Ну как там, в доме?

Я высморкалась, вытерла нос, и, взявшись за руки, мы пошли вниз.

— Ты должен помочь мне с одним раненым, — попросила я.

— Кого ты имеешь в виду?

— Хемиша Макбета.

Скованное скорбью лицо Джейми, сплошь в грязных пятнах, наконец смягчилось.

— Он появился наконец? Я рад. Рана не очень тяжелая, надеюсь?

Я невольно отвела глаза:

— Увидишь.

Макбет был одним из любимцев Джейми. Молчаливый великан с кудрявой каштановой бородой, он являлся по первому зову Джейми и охотно сопровождал его в разных поездках. Он мало говорил, зато обладал чудесной улыбкой, которая вдруг появлялась из недр его густой бороды, подобно волшебному цветку «Ночная красавица», который цветет редко, но славится своей неповторимой красотой.

Я знала, что отсутствие этого добродушного великана после завершения сражения очень беспокоит Джейми. Я не уставала искать его среди раненых. Но солнце зашло, зажглись костры, а Хемиша Макбета все не было, и я стала опасаться, что мы найдем его среди мертвых.

Но он явился к нам в санитарный пункт полчаса назад, передвигаясь медленно, но без посторонней помощи. Одна нога была у него в крови сверху и до самой щиколотки, а странная походка наводила на мысль, что, по всей видимости, есть и еще какие-то раны. Но Макбет категорически отвергал всякую мысль о том, чтобы женские руки прикоснулись к нему и посмотрели, в чем там дело.

Великан лежал на одеяле возле фонаря, держа руки на животе и уставившись в потолок. Он повел глазами из стороны в сторону, когда Джейми опустился на колени рядом с ним, но даже не шевельнулся. Я тактично держалась чуть поодаль, так чтобы он не разглядел меня за широкой спиной Джейми.

— Привет, Макбет, — сказал Джейми, пожав запястье Хемиша. — Как дела, дружище?

— Нормально, сэр, — отвечал великан. — Нормально. Только вот... — Он замолчал.

— Ну-ка, давай посмотрим, что там такое.

Макбет не противился, когда Джейми откинул подол его килта.

Взглянув через плечо Джейми на рану, я поняла, почему Макбет не подпускал нас к себе. Удар меча или пики угодил ему прямо в пах и скользнул вниз. В результате мошонка оказалась надорванной с одной стороны, и одно яичко беспомощно повисло, готовое того и гляди оторваться. Его бледно-розовая поверхность походила на облупленное куриное яйцо.

Джейми и еще два или три человека, лежавшие поблизости, при виде раны побледнели. Я заметила, как один из них непроизвольно сунул руку под одеяло, желая убедиться, что с ним все в порядке.

Несмотря на то что рана выглядела ужасно, само яичко казалось неповрежденным, кровотечение было не сильным. Я коснулась плеча Джейми и жестом показала ему, что рана не опасна. Радостный, Джейми дружески потрепал Макбета по колену:

— Дела не так уж плохи, Макбет. Не беспокойся. Ты еще будешь отцом.

Этот крупный мужчина лежал потупившись, но при этих словах поднял свой взгляд на командира:

— Да я об этом не думаю. У меня уже есть шестеро ребятишек. То же самое говорит мне жена, когда я... — Лицо Макбета залилось краской, когда со всех сторон послышался смех и веселые шутки.

Джейми взглянул на меня, как бы заручаясь поддержкой, и, перестав смеяться, твердо заявил:

— И в этом смысле тоже все будет в порядке.

— Благодарю вас, сэр, — прочувствованно сказал Макбет, полностью уюровав в слова своего командира.

— Но для этого, — серьезно продолжал Джейми, — его необходимо пришить. Так что решай, дружище. — Он полез в открытый саквояж, где я держала изготовленные мною самодельные иглы. Намучившись с иглами, которыми обычно пользовались брадобреи, открывающие кровь, я изготовила три дюжины собственных, отобрав для этой Цели самые лучшие вышивальные иглы, какие только могла достать, нагрела их над пламенем спиртовки, слегка согнула, придав им форму полумесяца, необходимую для сшивания поврежденных тканей. Затем изготовила свои собственные хирургические нитки — кетгут. Очень кропотливое занятие, но, по крайней мере, я была уверена в стерильности своих материалов.

Тонкая хирургическая игла выглядела крошечной, будучи зажатой в больших пальцах Джейми.

Судя по тому, как неуклюже Джейми, высунув язык от усердия, пытался вдеть нить в хирургическую иглу, его компетентность в области медицины была весьма ограниченной.

— Или я сделаю это сам, или... — Он умолк на полуслове, так как уронил иглу и принялся искать ее в складках пледа Макбета. — Или, — повторил он с победным видом, поднимая только что найденную иглу перед изумленными глазами пациента, — это сделает моя жена.

Легким кивком Джейми подозвал меня к постели Макбета. Я изо всех сил старалась держаться как можно более непринужденно. Взяла иглу из неловких рук Джейми и мгновенно вдела в нее нитку.

Макбет переводил свои большие глаза с моих рук на огромные лапы Джейми, который старался к тому же придать им неуклюжий вид, выставив напоказ искривленный палец. Мои же небольшие руки казались очень ловкими. Да так оно и было на самом деле. Наконец Макбет откинулся назад с покорным видом и пробормотал, что согласен, чтобы «женщина» прикоснулась к его интимному месту.

— Да ты не беспокойся, приятель, — сказал Джейми, дружески потрепав его по плечу. — Ведь уже в течение некоторого времени она иногда касается моих интимных органов — и ничего. И пока что не лишила меня мужского достоинства.

Под дружный смех моих помощниц и пациентов Джейми хотел встать и уступить место мне, но я остановила его, сунув ему в руки небольшой флакон.

— Что это? — спросил он.

— Разбавленный водой спирт, — ответила я. — Жидкость для дезинфекции. Чтобы у него не возникло воспаления или чего-нибудь похуже, рану необходимо промыть.

Макбет, будучи раненным, прошел немалый путь пешком, поэтому вокруг раны скопилось немало засохшей крови, а также грязи. Пшеничный спирт являлся неплохим дезинфицирующим средством, даже наполовину разбавленный дистиллированной водой. Это было единственное эффективное средство против инфекции, и я упорно продолжала им пользоваться, несмотря на крики пациентов.

Джейми перевел взгляд с флакона на рану и слегка поежился. Он уже испытал его действие, когда я обрабатывала ему рану на боку.

— Ну, Макбет, лучше пусть тебе, чем мне, — сказал он, опустившись на колени, и вылил содержимое флакона на поврежденную часть его тела.

Душераздирающий крик сотряс стены дома, и Макбет скорчился, словно раненая змея. Когда крик наконец стих, лицо у него было зеленоватого цвета. Но он уже не противился тому, чтобы я приступила к делу, невзирая на боль. Большинство раненых стойко переносили все, что мы проделывали над ними, и этот не был исключением. Он лежал не двигаясь, ужасно смущенный, уставившись на пламя горелки, и на протяжении всей операции ни один мускул у него не дрогнул. Только по тому, как менялся у него цвет лица от зеленоватого к белому, затем к красному — и так все время, — можно было судить о его истинном самочувствии.

Наконец лицо стало стабильно красным. Это произошло после того, как я кончила зашивать и почувствовала, что пенис у меня в руках начал слегка твердеть. Уверовав наконец в слова Джейми, Макбет, едва дождавшись окончания операции, одернул подол килта и поспешил в укромный уголок комнаты, оставив меня хихикать про себя, уткнувшись в раскрытый медицинский саквояж.

Я нашла прибежище в углу, где стоял ящик с медицинскими принадлежностями, и присела на него, прислонившись спиной к стене. Острая боль пронзила икры ног. Это была реакция на длительное физическое и нервное напряжение.

Я сняла туфли, закрыла глаза и снова прислонилась к стене, чувствуя, как вместе с легкими судорогами, пробегающими от основания позвоночника к затылку, проходит напряжение.

В состоянии крайней усталости возникает повышенная чувствительность кожи; когда же необходимость тяжелой физической нагрузки минует, организм, настроившийся на определенный ритм, продолжает по инерции получать кровь в прежнем объеме, словно нервной системе невдомек, что мышцы уже насыщены ею в избытке. В такой ситуации надо дать себе покой, немедленно сесть и посидеть не двигаясь.

В комнате, где лежали раненые, было душно и шумно; я имею в виду не раскатистый храп здоровых мужчин, а тяжелое, прерывистое дыхание. Слышны были сдержанные вздохи раненых, которым дышать было больно, и стоны, помогавшие переносить страдания.

Солдаты, лежавшие здесь, все были тяжело ранеными, но далеко не безнадежными. Однако я знала, что смерть бродит среди раненых по ночам и может подкрасться к кому-нибудь из тех, у кого защитные силы организма ослабли и кого снедают тоска, одиночество и страх. У некоторых раненых были жены, ночевавшие неподалеку в соседних домах, но не рядом с мужьями.

Здесь у них была только я. Если я не могла исцелить их или избавить от боли и страданий, то по крайней мере они видели, что они не одни, что кто-то стоит между ними и вечным мраком. И поэтому, помимо специфически медицинской помощи, моей обязанностью было находиться ними.

Я поднялась и медленно пошла между рядами тюфяков на полу, задерживаясь возле каждого, чтобы что-то сказать или просто поправить одеяло, погладить по голове, потереть ноги, сведенные судорогой. Подать воды одному, сменить повязку другому, угадать причину нервного напряжения новенького раненого и со спокойной деловитостью подать ему глиняную бутылку и испытать удовлетворение, почувствовав, как она наполняется теплой мочой, а значит, больной облегчился.

Я вышла на улицу опорожнить бутылку и решила постоять минутку, вобрать в себя частицу прохладной дождливой ночи и избавиться от навязчивого запаха мужского пота и ощущения грубой волосатой кожи.

— Ты совсем мало спишь, Саксоночка, — слышался голос с мягким шотландским акцентом.

— Ты и сам тоже не очень-то много спишь, — сухо ответила я. «Сколько же он не спал?» — спрашивала я себя.

— Я спал в поле прошлой ночью с солдатами.

— Да? Тогда все в порядке, — раздраженно возразила я, что вызвало у него смех.

Шесть часов сна на мокрой земле после сражения, в ходе которого на него наступила лошадь, он был ранен мечом и еще Бог знает что там было. А после этого он собрал своих солдат, вместе с ними отыскал и вынес с поля брани раненых соплеменников, доставил их в санитарный пункт, хоронил умерших и оказывал почести принцу. И за все это время я ни разу не видела, чтобы он ел, пил или отдыхал.

Я не собиралась читать ему нотации, не говоря уже о том, что его место здесь, на одном из больничных тюфяков. К тому же находиться среди раненых тоже входит в его обязанности.

— Ведь есть же еще женщины, кроме тебя, Саксоночка, — мягко продолжал он. — Хочешь, я попрошу Арчи Камерона прислать сюда кого-нибудь на смену?

Это звучало заманчиво, но я сразу же отбросила мысль об отдыхе из-за страха, что если признаюсь усталой, то просто не смогу держаться на ногах.

— Не надо, — сказала я. — Я сумею продержаться до восхода солнца. Тогда кто-нибудь подменит меня на время. — Чутье подсказывало мне, что,

если они продержатся до рассвета, с ними все будет в порядке.

Он тоже не пытался спорить со мной, лишь обнял меня за плечи и притянул к себе. В этот краткий миг мы подпитались силой друг от друга.

— Тогда я останусь с тобой, — сказал он наконец, оторвавшись от меня. — Я все равно не смогу уснуть.

— А как там другие солдаты Лаллиброха?

— С ними Муртаг.

— Ну тогда не о чем беспокоиться, — сказала я и при свете, падавшем из окна, увидела, что он улыбается.

Возле дома стояла скамья, на которой в солнечные дни обычно сидела хозяйка, шила что-нибудь или же чистила рыбу. Я усадила Джейми на скамью рядом с собой. Он откинулся назад, привалившись спиной к стене.

Его измученный вид напомнил мне о Фергюсе, о том, какой у него был растерянный и в то же время изумленный вид после боя. Я погладила Джейми по спине, он повернулся ко мне и прижался лбом к моему лбу.

— Как это было? — спросила я, осторожно, но сильно массируя его напряженные плечи и шею. — Расскажи мне.

Он немного помолчал, потом вздохнул и начал говорить, сначала медленно, запинаясь, потом все быстрее, как бы желая выговориться:

— Мы не разводили костров, так как, по мнению лорда Джорджа, нам следовало завершить спуск с вершины горы затемно. И чтобы никто не заметил нас снизу. Некоторое время мы сидели в темноте, не смея даже разговаривать, так как наши голоса могли быть услышаны в долине. Итак, мы сидели. Потом я почувствовал, что в темноте кто-то вцепился мне в бедро. Я так и подпрыгнул от неожиданности. Я чуть язык себе не откусил. — Судя по голосу, он улыбался, но лица его не было видно.

— Фергюс?

— Ну конечно. Он полз по траве по-пластунски, маленький негодяй, и мне показалось, что это змея. Он шепотом поведал мне об Андерсоне, и я пополз за ним и отвел Андерсона к лорду Джорджу.

Его речь замедлялась, и голос становился сонным.

— А потом поступил приказ трогаться в путь, вскоре вся армия была на ногах и последовала за Андерсоном по ему одному известной тропинке.

Ночь была темной и безлунной, без привычной пелены облаков, скрывающих свет, излучаемый звездами. Поэтому, продвигаясь в полной темноте по узенькой тропинке вслед за Ричардом Андерсоном, каждый солдат видел только шаркающие ноги впереди идущего товарища. Постепенно тропинка среди густой травы становилась все более заметной.

Армия продвигалась почти беззвучно. Приказы передавались шепотом

от солдата к солдату. Мечи и секиры были спрятаны в складках пледов, мешочки с порохом — на груди под рубашкой, у самого сердца.

Только один раз во время марша шотландцы в полной темноте сделали привал и, устроившись поудобнее, насколько это позволяла темнота, подкрепились холодной пищей и прилегли отдохнуть, завернувшись в пледы, под самым носом у англичан.

— Мы слышали, как они переговаривались между собой, — рассказывал Джейми. Его глаза были закрыты, руки закинута за голову, а спина опиралась на стену дома, возле которой он сидел. — Представь себе: слышать, как люди просят друг друга передать соль или налить вина, и знать, что через несколько часов ты можешь убить их или они тебя. Тебе становится любопытно: а как выглядит тот человек, голос которого ты слышишь? А узнаешь ли ты этого парня, если встретишь его утром?

И все-таки тревоги, связанные с предстоящим сражением, не подорвали силы «Черных Фрэзеров» — прозванных так за черные физиономии, вымазанные до сих пор не смытым углем, — и их командира, обходившихся без сна уже тридцать шесть часов. Джейми нарвал травы, сделал из нее подушку, завернулся в плед и лег в густую траву рядом со своими товарищами.

В бытность Джейми во французской армии, несколько лет назад, один сержант объяснял новобранцам секрет крепкого сна в ночь перед битвой: «Устройся поудобнее, спроси свою совесть и покайся. Отец Хьюго говорит, что во время войны, даже если нет рядом священника, все грехи тебе будут прощены, если ты последуешь этому совету. А так как ты не сможешь совершить грех во сне — даже ты, Сименон, — то проснешься просветленным и смело можешь отправляться в бой. А коль скоро впереди тебя ждут либо победа, либо небеса, то о каком страхе может идти речь?»

Хотя не все в приведенных выше словах сержанта казалось Джейми безупречным, в целом это был хороший совет. Успокоенная совесть облегчает душу, а повторение молитвы отвлекает от страшных мыслей, и ты спокойно уснешь.

Он смотрел вверх, в темное бездонное небо, и мечтал о том, чтобы дать расслабиться мышцам спины и шеи, лежа на земле. Свет звезд казался бледным и тусклым в сравнении с яркими кострами англичан.

Его мысли переключились на солдат, спящих здесь, рядом с ним. Он мог облегчить свою совесть молитвой перед сном, но ответственность за этих людей... Росс, Мак-мурдо, Кинкейд, Кент, Макклюд... Он прервался на минуту, чтобы вознести благодарность Небу за то, что его жена и этот мальчик, Фергюс, были живы. Он стал размышлять о жене, желая

воскресить в памяти ее ободряющую улыбку, чудесное тепло ее тела, нежно прильнувшего к нему, когда он обнял и поцеловал ее, прощаясь сегодня днем. Ему хотелось, невзирая на усталость и ожидающего его на улице лорда Джорджа, бросить ее на постель и взять ее быстро, сразу же, даже не раздеваясь. Странно, но даже близость предстоящего сражения не охладила его желания. И даже сейчас...

Но он не успел мысленно перечислить всех солдат, его веки стали тяжелеть по мере того, как усталость брала свое. Усилием воли он подавил желание, всякий раз пробуждающееся в нем при мысли о жене, и вернулся к мысленной перекличке своих солдат, словно пастух, который и во сне продолжает считать овец, ведомых на бойню.

«Но в данном случае ни о какой бойне речи быть не может, — из всех сил старался он убедить себя. — Якобиты понесут лишь небольшие потери. Тридцать человек убитыми. Армия якобитов насчитывает две тысячи человек, и есть надежда, что в число убитых не попадут его люди или их будет мало. Если она права».

Он зябко поежился под пледом, стараясь отогнать внезапно шевельнувшееся в груди сомнение. Если бы, о Боже, если бы все было именно так. И все-таки он не вполне верил в это, хотя видел ее возле той проклятой скалы, с лицом, искаженным от страха, широко открытыми от ужаса золотистыми глазами. Каждая клеточка ее тела трепетала, когда он схватил ее и потянул назад, чувствуя под ладонью нечто большее, чем хрупкое плечо. Возможно, ему следовало позволить ей вернуться в ее собственный мир. Нет, наверное, нет. Он знал, что должен был отпустить ее, но вместо этого потянул ее вперед. Предоставил ей выбор, но удержал ее рядом с собой из-за страстного желания обладать ею. И она осталась. И дала ему возможность выбора: верить ей или нет. И выбор был сделан. И никакая сила на земле не может помешать приходу дня.

Его сердце гулко стучало, отдаваясь в висках, паху и под ложечкой. Он пытался успокоить его, снова начав перебирать имена, одно имя под каждый удар сердца. Уилли Мак-наб, Бобби Макнаб, Джорди Макнаб... Слава Богу, молодой Рэбби Макнаб был в безопасности, дома. Уилл Фрэзер, Эван Фрэзер, Джефри Макклюд... а братьев Джорджа и Сорли считал? Сев поудобнее, он слабо улыбнулся и сразу же почувствовал боль в груди. Муртаг. О старина, по крайней мере, за тебя я не беспокоюсь. Уильям Муррей, Руфус Муррей, Джорди, Уоллас, Саймон...

Наконец он закрыл глаза, предоставив всех их милости Божьей, и погрузился в чтение молитвы, которая более естественно звучала в его устах по-французски.

Я начала свой обычный обход раненых, сменила пропитанную кровью повязку на ноге одного из них.

Кровотечение уже должно было бы остановиться, но не останавливалось. Плохое питание и хрупкие кости. Если до рассвета оно не прекратится, мне придется просить Арчи Камерона или кого-нибудь из ветеринаров ампутировать ему ногу и прижечь культю.

Мне претила даже сама мысль об этом. Человеку, зарабатывающему на жизнь физическим трудом, нелегко живется, даже когда все его конечности в порядке. Надеюсь на лучшее, я наложила новую повязку с небольшим количеством квасцов и серы. Если это не поможет, то и вреда не причинит.

— Будет жечь немного, — сказала я солдату, накладывая повязку.

— Не беспокойтесь, мадам, я потерплю, — прошептал он в ответ и улыбался мне, несмотря на струйки пота, стекавшие по щекам.

— Хорошо. — Я погладила его по плечу, убрала волосы со лба и дала попить. — Я проверю через час, если только ты выдержишь так долго.

— Я вытерплю, — снова повторил он.

Снова выйдя на улицу, я подумала, что Джейми уснул. Он сидел, положив голову на сложенные на коленях руки. Но, услышав мои шаги, встрепенулся и взял меня за руку, когда я села рядом.

— Я слышала пушечную пальбу на рассвете, — сказала я, думая о солдате с ногой, перебитой пушечным ядром. — Я боялась за тебя.

Он тихо засмеялся:

— Я тоже боялся, Саксоночка. Мы все боялись.

Шотландцы двигались неслышно, словно струйка дыма по высокой густой траве, медленным шагом. Было по-прежнему темно, но что-то изменилось в характере самой ночи. Изменилось направление ветра — вот что. Он дул теперь с моря на остывшую предрассветную землю, принося с собой шум волн, бьющихся о далекие берега.

Несмотря на казавшуюся непроницаемой темноту, ему удалось разглядеть человека у самых ног. К счастью, он заметил его вовремя. Иначе неминуемо упал бы на него.

Сердце замерло от неожиданности. Он опустился на корточки, чтобы лучше рассмотреть странную фигуру. Это, как оказалось, был красномундирник, к тому же спящий, а не мертвый и не раненый. Джейми изо всех сил вглядывался в темноту, прислушиваясь к дыханию спящих солдат. Он слышал только шум моря, шелест травы и шепот ветра. Звук крадущихся шагов растворялся в этом шуме моря, ветра и травы. Он быстро оглянулся назад, облизав вдруг ставшие сухими, несмотря на влажный воздух, губы. Там были его солдаты. Он не имел права медлить.

Один из шедших за ним мог не разобрать, куда наступает, и от неожиданности закричать. А они не имеют права подавать голос.

Джейми положил руку на рукоятку своего кинжала, но воздержался от удара. Война есть война, но чувство чести не позволяло ему разить спящего противника.

Человек явно был здесь один, на приличном расстоянии от своих товарищей. И он, конечно же, не часовой. Потому что даже самый беспечный часовой не уснет, зная, что вражеский лагерь находится рядом, на вершине горы. Скорее всего солдату понадобилось облегчиться, он удалился от лагеря на некоторое расстояние, а потом пошел в другом направлении и, заблудившись, лег здесь и уснул.

Металлическая часть его мушкета была скользкой от влажных ладоней рук. Джейми вытер руки о плед, крепко сжал ствол и, описав в воздухе дугу, обрушил приклад мушкета на спину незадачливому англичанину. Тот энергично взмахнул руками и, не издав ни звука, рухнул ничком на землю и застыл в полной неподвижности.

Он наклонился и дрожащими руками стал ощупывать шею солдата в поисках пульса. Наконец нашел и выпрямился. За спиной раздался приглушенный испуганный возглас. Он быстро развернулся, уперев мушкет в плечо. Перед дулом мушкета стоял солдат из клана кепохских Макдоналдов.

— Бог мой! — прошептал солдат и перекрестился.

Джейми гневно стиснул зубы. Это был чертов французский священник, одетый, по предложению О'Салливана, в рубашку и плед, как солдат.

— Он твердил, что обязан совершить обряд причастия над ранеными и умирающими на поле брани, — объяснил мне Джейми, подтягивая повыше и застегивая на плече свой грязный плед. Становилось холодно. — По мысли О'Салливана, если англичане захватят священника на поле битвы в сутане, они разорвут его на куски. А в таком виде, может быть, не тронут. Только в таком одеянии у него был совершенно дурацкий вид, — добавил Джейми.

Священник же, убедившись, что перед ним шотландец, вздохнул с облегчением и хотел было что-то сказать... Молниеносным движением Джейми закрыл ему рот ладонью, не дав произнести ни слова.

— Что вы здесь делаете, святой отец? — прошептал он в самое ухо священника. — Вы должны находиться в арьергарде армии.

По удивленному взгляду священника Джейми понял, что слугитель Бога был уверен, что именно там и находится. На самом же деле он

заблудился в темноте. И сейчас, догадавшись о случившемся, в страхе опустился на колени.

Джейми оглянулся назад. Он не осмелился заставить священника вернуться. В кромешной тьме его легко могли принять за противника и убить на месте. Встряхнув священника за шиворот, он яростно прошептал:

— Ложись на землю и лежи, пока не прекратится стрельба.

Священник согласно кивнул, но вдруг увидел тело английского солдата, лежащего на земле в нескольких футах от них.

Он с ужасом уставился на Джейми, а потом полез за бутылкой святой воды, которую носил на поясе, рядом с мечом.

Выразительно округлив глаза, Джейми сделал несколько движений, жестами пытаясь объяснить священнику, что солдат не мертв, что он просто спит и вовсе не нуждается в услугах священника. Поняв, что священник его не понимает, Джейми схватил его за руку, принудив приложить пальцы к шее англичанина, считая, что самое высокое доказательство правоты его слов, если священник убедится, что тот жив. Замешкавшись со священником, Джейми остолбенел, когда вдруг услышал резкий голос, пронзивший темноту:

— Стой! Кто идет?!

— У тебя не найдется водички попить, Саксоночка? — обратился ко мне Джейми. — Во рту совсем пересохло, пока я рассказывал.

— Негодяй! — воскликнула я. — Ты не смеешь прервать на этом рассказ! Говори же, что было дальше!

— Сначала дай попить, — настаивал он, посмеиваясь, — и я расскажу тебе все.

— Хорошо, — сказала я, протягивая ему бутылку с водой и наблюдая, как он осушает ее. — Что же было дальше?

— Ничего, — ответил он, опуская бутылку и вытирая рот рукавом. — Как ты думаешь, что я собирался ему ответить? — Он смеялся и пытался вырваться, так как я уже успела крепко ухватить его за ухо.

— Ну-ну, отпусти же, — убеждал он меня. — И не стыдно тебе так обращаться с человеком, состоящим на службе у короля?

— Ты ранен, да? Поверь, Джейми Фрэзер, что сабельный удар покажется тебе царапиной по сравнению с тем, что я сейчас с тобой сделаю, если...

— О! Ты тоже угрожаешь? А помнишь, ты читала мне стихотворение: «Когда боль и отчаяние гнетут тебя, ангел-хранитель...» Ой!

— В следующий раз я оторву его с корнем, — сказала я, отпуская его ухо. — Продолжай же. Мне пора возвращаться к раненым.

Потирая ухо, он снова прислонился к стене и продолжал:

— Итак, мы сидели на корточках, святой отец и я, уставившись в глаза друг другу, и прислушивались к голосам часовых в шести футах от нас.

«Что там такое?» — спросил один, и я соображал, успею ли выхватить кинжал, прежде чем он выстрелит мне в спину, и как быть с его товарищем. Ведь на помощь священника рассчитывать не приходилось, ну разве что он прочитает молитву над моим трупом.

Наступило томительное молчанье, двое якобитов сидели на корточках на траве, все еще держась за руки и боясь пошевелиться.

«А-а! Тебе все мерещится, — слышался наконец голос другого часового, и Джейми почувствовал, как пальцы священника, судорожно сжимавшие его руку, расслабились. — Да нет там никого. Только кусты дрока. Успокойся, парень», — уверенно заметил первый часовой. Джейми отчетливо слышал, как он похлопал по плечу своего напарника и топот башмаков — часовые пытались согреться. «Там чертова пропасть этих кустов. Но это вполне может быть шотландская армия». Джейми показалось, что он услышал сдавленный смех со стороны одного из «кустов дрока», находившегося от него в пределах слышимости.

Он взглянул на небо — звезды уже начали бледнеть. Каких-нибудь десять минут до начала рассвета, определил он. И тогда армия Джонни Коупа поймет, что шотландцы находятся не в часе ходьбы от них, как они считали, а буквально в двух шагах.

Слева, со стороны моря, донесся какой-то звук. Он был слабый, почти неразличимый, но человека, искушенного в боях, сразу же насторожил бы. «Кто-то, — пронеслось в голове Джейми, — споткнулся о куст дрока». «Эй! Эй! — В голосе часового прозвучала нескрываемая тревога. — Что там происходит?»

Священник и сам может позаботиться о себе, решил Джейми, выхватывая длинный меч, и в следующую же минуту одним прыжком оказался там, откуда исходил голос. Лица человека нельзя было рассмотреть, но фигура четко выделялась на фоне светлеющей ночи. Клинок меча взлетел вверх и с силой опустился на голову часового, рассекая ее пополам. «Шотландцы!» — вскричал второй часовой, выскакивая словно заяц из подлеска, и исчез в темноте, прежде чем Джейми смог освободить свой клинок из черепа поверженного врага. Ему пришлось упереться ногой в спину бьющегося в конвульсиях солдата и, стиснув зубы, поморщиться от неприятного ощущения безвольного тела и хрустнувшего позвоночника.

На позициях англичан возник переполох. Он явственно слышал

тревожные возгласы внезапно разбуженных людей, хватающихся за оружие, мечущихся в темноте, не ведая, с какой стороны им грозит опасность.

Волынщики находились с правой стороны, но никакого сигнала о начале боя не поступало. «Сердце задрожало, левую руку покалывало от близкого дыхания смерти, мускулы живота сжались, глаза устремились в тревожную темноту, кровь отхлынула от лица» — так описывал Джейми свое состояние перед началом битвы.

— Вначале я услышал их, — продолжал он рассказывать, вглядываясь в темноту ночи, как будто там можно было снова увидеть англичан. — Потом увидел. Англичане ползали по земле, как черви по тухлому мясу. Мои люди приблизились ко мне. Джордж Макклюр подошел с одной стороны, Уоллес и Росс — с другой. Мы медленным шагом двинулись вперед, плечом к плечу, затем все быстрее и быстрее и наконец увидели англичан.

Справа раздался глухой грохот. Это стреляла единственная у противника пушка. А минуту спустя — еще один выстрел, послуживший как бы сигналом для вас. По рядам шотландцев прокатился воинственный клич.

— Затем прозвучали волынки, — продолжал Джейми с закрытыми глазами. — Я и не вспомнил о своем мушкете, пока не услышал выстрел совсем рядом. Я оставил его на траве, возле священника. В подобных ситуациях видишь лишь то, что происходит в непосредственной близости от себя. Слышишь крики, все бегут, и ты бежишь вместе со всеми. Сначала медленно, один шаг, два... пока расстегиваешь пояс, затем сбрасываешь плед и босыми ногами мчишься по лужам, разбрызгивая грязь... Ветер развеивает твою рубашку, обдувает твой живот и плечи... Шум ошеломляет и захватывает тебя, и ты кричишь вместе со всеми. Как в детстве, бывало, мчишься с диким криком по склону холма навстречу ветру, и кажется, что ты вот-вот воспаришь вверх и полетишь над землей.

Вот так и шотландцы словно с неба свалились на голову английских солдат и принялись их крушить огнем и мечом, превращая в сплошное кровавое месиво.

— Они побежали, — тихо продолжал Джейми. — Во время боя я только однажды встретился с английским солдатом лицом к лицу, мне приходилось видеть исключительно спины. — Он провел рукой по лицу, и я поняла, что он пытается скрыть от меня охватившее его глубокое волнение.

— Я помню все... — добавил он полупшепотом после некоторой

паузы. — Каждый выстрел. Каждое лицо. Человека, лежащего на земле у моих ног, обмочившегося от страха. Дикое ржание лошадей. Все смешалось — порох, кровь, запах моего собственного пота. Все. Но картина боя представляется мне так, будто я не участвовал в нем, а наблюдал со стороны. Будто самого меня там не было. — Он открыл глаза и глядел на меня снизу и сбоку вверх. Он словно сложился пополам, почти касаясь головой колен. Мне было видно, как дрожит у него спина.

— Ты понимаешь меня? — тихо спросил он.

— Понимаю.

Я не участвовала в сражении с оружием в руках, но мне довольно часто приходилось, полагаясь лишь на руки и ролю, бороться со смертью, только потому что другого выхода у меня не было. И это действительно рождало ощущение разобщенности или отстраненности; разум словно отделяется от тела, хладнокровно оценивая ситуацию и принимая решения, и тело послушно подчиняется, пока не минует кризис. Поэтому, как правило, именно спустя какое-то время тебя начинает трясти.

Я еще не достигла этого состояния, меня пока не трясло. Я сдернула с себя плащ и, укрыв им Джейми, пошла в коттедж.

Едва забрезжил рассвет, появились мои помощники — две деревенские женщины и армейский хирург. Солдат с раненой ногой был бледен и слаб, но кровотечение прекратилось. Джейми взял меня за руку и повел вниз по единственной улице деревни Транент.

Постоянные трудности О'Салливана со снабжением армии провизией прекратились благодаря захваченному у англичан обозу, теперь ее хватало на всех. Мы ели быстро, почти не ощущая вкуса горячей овсяной каши. Мы относились к еде как одной из физических потребностей организма, обуславливающих его жизнедеятельность. Наступившее наконец чувство сытости вызвало другую жизненно необходимую потребность — в сне.

Раненые были расквартированы в домах и коттеджах, здоровые спали преимущественно под открытым небом.

Хотя Джейми, как все прочие командиры, мог бы претендовать на помещение в доме пастора, он предпочел взять меня за руку и отправиться со мной в небольшую рощицу на склоне холма за деревней.

— Придется немного пройтись, зато там мы будем одни.

— Конечно.

Хотя во время археологических экспедиций с дядей Лэмом мне приходилось жить в условиях, которые большинство моих современников назвали бы примитивными, я никогда не жила в набитой до отказа комнате с чужими людьми. Здесь считалось обычным делом, когда множество

людей ели, спали и даже совокуплялись в тесных, душных комнатах, освещаемых и согреваемых дымными очагами, отапливаемыми торфом. Единственное, чего они не делали вместе, — это не мылись, да и то только потому, что не мылись вообще.

Джейми вел меня, нагибаясь под раскидистыми ветвями огромного конского каштана. Вскоре мы очутились на небольшой просеке. Земля здесь была густо усыпана листьями дуба, ясеня, платана. Солнце только что встало, и под деревьями было все еще холодно. Некоторые листья, устилавшие землю, были покрыты инеем.

Джейми разгреб листья в толстом покрове сухой листвы и, расстегивая ремень на поясе, улыбнулся мне:

— Пряжка туго застегивается, а расстегивается легко.

Он отбросил ремень в сторону, и плед упал на землю, а он остался в одной лишь рубашке, едва достигающей середины бедер. Он обычно носил маленький военный килт, который оборачивался вокруг пояса, а на плечах плед. Но сейчас, после сражения, килт был рваный и грязный. Поэтому вместо него он обернул бедра куском ткани, закрепив на талии поясом.

— Ну и что ты собираешься делать дальше? — с любопытством спросила я.

— А вот что. Мы расстелим ее на земле, вот так, — он наклонился, потом стал на колени и расправил ткань пледа так, что она покрыла все расчищенное им в куче листьев место, — а теперь ты можешь лечь.

Я прыснула и стала помогать ему расстилать толстую клетчатую ткань.

— Ну что ж, попробую, — сказала я. — Разбуди меня, когда захочешь одеться.

Он добродушно покачал головой, и солнечный свет, проникающий сквозь листву деревьев, заиграл в его рыжих волосах.

— Саксоночка, вероятность того, что я проснусь раньше тебя, слишком мала, она ничтожна. Мне кажется, я не шевельнусь, если даже еще одна лошадь наступит на меня, и просплю до завтрашнего утра. — И он стал укладываться поудобнее, отбрасывая упавшие на плед листья в сторону. — Ложись со мной. — Он протянул мне руку. — Мы укроемся твоим плащом.

Под нами оказался удивительно мягкий, удобный матрац из листьев, хотя сегодня я, наверное, уснула бы и на ложе из гвоздей. Я сладко потянулась, радуясь уже только тому, что лежу.

Вскоре мы согрелись. Наше убежище находилось довольно далеко от деревни, и звуки тамошней жизни долетали до нас лишь изредка, только когда ветер дул в нашу сторону. Я с удовольствием думала о том, что мы

сможем пробыть здесь до завтрашнего дня, пока кто-нибудь не примется разыскивать Джейми.

Еще вчера вечером я сняла свои нижние юбки и разорвала их на больничные повязки, теперь же между нами ничего не было, кроме одной тонкой юбки. Я почувствовала, как что-то теплое и твердое шевельнулось у моего живота.

— Может быть, не надо? — с улыбкой, несмотря на всю мою усталость, спросила я. — Джейми, ведь ты же изнурен до полусмерти.

Он устало усмехнулся, прижимая меня к себе:

— Больше чем до полусмерти, Саксоночка. Я почти мертв, и только мой глупец ничего не понимает. Я не могу лежать рядом с тобой и не желать тебя.

Я повозилась с подолом его рубашки, затем задрала ее и осторожно обхватила пенис рукой. Он был горячим и гладким на ощупь, как шелк, и пульсировал в такт ударам сердца Джейми.

Джейми сладко простонал, перевернулся на спину и широко раскинул ноги.

Солнце уже добралось до нашего ложа из листьев, и Моим плечам стало тепло под его ласкающими лучами. Все вокруг казалось подернутым золотистой дымкой осени. Я чувствовала истому и восторг от того, как наливается живительным соком его плоть.

Весь кошмар и усталость минувших двух дней казались далекими и нереальными, а все, что сейчас с нами происходило, — волшебством. Его рука, легкая словно лист, медленно опустилась мне на голову. Я прильнула щекой к его бедрам, ощущая телом их изящную линию.

— Клэр, я хочу тебя, — прошептал Джейми. — Боже мой, как я тебя хочу!

Без топорщащихся нижних юбок было легко. Мне казалось, что я парю в воздухе, легко вздымая свою единственную легкую юбку вверх и накрывая ею всего Джейми, подобно облаку, обволакивающему вершину горы.

Его глаза были закрыты, голова запрокинута назад. Золото волос смешалось с листьями. Он поднял руки и властно обхватил мои бедра.

Я тоже закрыла глаза. Наши желания и плоть были настроены в унисон. Никаких мыслей и чувств, только одно всепоглощающее желание друг друга. А усталость, кажется, действовала сейчас подобно увеличительному стеклу, обостряя накал страсти.

— Я сгораю от нетерпения, — прошептал он. Я кивнула, зная, что он живо ощущает мое, скрытое от него юбкой, тело. Я приподнялась,

прицелилась и точно попала в цель.

Раз, два, еще, еще и еще. Дрожь пробежала по его телу и передалась мне, подобно тому как вода от корней растения устремляется к листве.

Он шумно выдохнул и замер. Я почувствовала, как он медленно, словно меркнущий свет светильника, погружается в сон. Я упала рядом с ним, словно под тяжестью его горячего семени у меня в животе, кое-как расправив укрывавший нас плащ.

Мы уснули.

Глава 37

ЗАМОК ХОЛИРУД

Эдинбург, октябрь 1745 года

Я была занята просмотром содержимого моих пополнившихся запасов лекарств, когда раздался стук в дверь. После внушительной победы, одержанной Карлом под Престоном, он отвел свою победоносную армию назад в Эдинбург, чтобы там принять поздравления. Пока он купался в лучах славы, его генералы и вожди кланов трудились. Они занимались с солдатами, а также обсуждали, какое снаряжение необходимо в предвидении дальнейших событий.

Окрыленный первым успехом, Карл уже разглагольствовал о взятии Стирлинга, а затем и Карлайла, а потом, вероятно, о продвижении на юг вплоть до Лондона. Я проводила свободное время за подсчетом хирургических игл, сбором иван-чая и охотой за спиртным, я подбирала бутылки даже с незначительным остатком бренди или виски и припрятывала для дальнейшего использования в качестве дезинфицирующих средств.

— В чем дело? — спросила я. Посыльным был совсем юный подросток, едва ли старше Фергюса. Он старался выглядеть серьезным и солидным, но не мог скрыть свое природное любопытство. Я заметила, как он быстро оглядел комнату, с любопытством задержавшись на большом сундуке с медицинскими принадлежностями, стоящем в углу. Несомненно, слухи обо мне дошли до замка в Холируде.

— Его высочество просит вас прийти, мистрис Фрэзер, — сообщил он. Его любопытный взгляд остановился на мне. По-видимому, он искал во мне признаки необыкновенной натуры.

— Неужели? — удивилась я. — Ну, хорошо. А где он сейчас?

— В утренней гостиной, мистрис. Я провожу вас туда. Ох... — вдруг вспомнил он, собравшись было идти. — Если вас не затруднит, захватите с собой свой медицинский саквояж.

Мой провожатый шел рядом со мной с важным видом и, вероятно, с чувством исполненного долга, и мы вскоре очутились у входа в ту часть замка, где помещались королевские апартаменты. По-видимому, кто-то основательно потрудился, чтобы привить королевскому пажу соответствующие манеры, но незначительные промашки, которые он допускал, свидетельствовали о новизне его положения.

«Что могло Карлу понадобиться от меня?» — недоумевала я. Он вынужден был терпеть меня из-за дружбы с Джейми. Но история с Белой Дамой явно смущала его и внушала беспокойство. Не раз я с удивлением замечала, что он осеняет себя крестным знамением в моем присутствии или же держит два пальца «рожками», имитируя знак, которым отгоняют дьявола. Поэтому мысль о том, что он хочет просить меня о медицинской помощи, казалась мне маловероятной.

Когда тяжелая дверь, ведущая в небольшую утреннюю гостиную, распахнулась передо мной, я окончательно отбросила мысль о возможности какой-либо медицинской помощи, необходимой Карлу. Принц был явно вполне здоров. Он стоял, прислонившись к изящно изукрашенной арфе, и одним пальцем перебирал ее струны.

Нежная кожа его лица порозовела, но не от высокой температуры, а от волнения. Он обратил ко мне свой спокойный, внимательный взгляд:

— Мистрис Фрэзер! Как любезно с вашей стороны сразу же откликнуться на мою просьбу!

В это утро он был одет с еще большей, чем обычно, тщательностью. На нем был парик и новый, с иголки, шелковый жилет кремового цвета, расшитый цветами. Должно быть, он чем-то взволнован, подумала я. Его английская речь оставляла желать лучшего, он то и дело запинаясь.

— К вашим услугам, ваше высочество, — смиренно произнесла я, делая реверанс. В гостиной он находился, вопреки обыкновению, один. Может быть, ему все же нужны мои медицинские услуги?

Быстрым, нервным жестом он пригласил меня сесть на один из золоченых дамасских стульев. Второй стул был слегка отодвинут и повернут к первому, но Карл продолжал быстро шагать взад-вперед, не в силах остановиться.

— Мне нужна ваша помощь, — коротко произнес он.

— Вот как? — вежливо произнесла я.

«Неужели гонорея?» — мелькнуло у меня в голове. Я не слышала, чтобы у него была еще какая-нибудь женщина, кроме Луизы, хотя для этого может быть достаточно и одного раза...

Он продолжал шевелить губами в поисках подходящих слов, но потом, видимо, решил отбросить все условности.

— У меня есть один саро — что означает военачальник, вы меня понимаете? Здесь. Он думает поддержать дело моего отца, но сейчас у него появились какие-то сомнения.

— Старейшина клана, вы хотите сказать?

Он кивнул, и на его лоб под завитым париком набежали морщины.

— Да, мадам. Он, разумеется, сторонник моего отца.

— О, разумеется, — прошептала я.

— Но он желает переговорить с вами, мадам, прежде чем отдать приказ своим людям следовать за мной.

Он прислушивался к тому, как звучат его слова, и я поняла, что румянец на его лице являлся свидетельством скрытой ярости.

Я была несколько сконфужена. Я представила себе какого-то военачальника — главу клана с какой-то серьезной болезнью, и его участие или неучастие в намечаемых военных действиях будет зависеть от моего врачебного искусства.

— Вы уверены, что он действительно хочет говорить со мной? — спросила я. Я сомневалась в том, что мой авторитет был настолько высок.

Карл холодно кивнул:

— Он так заявил, мадам.

— Но я знаю лишь немногих военачальников. Это — Барт Гленгэрри и Лочизель, конечно. Да еще, пожалуй, Кланраналд и Кепох. Но они уже давно вверили себя вам, вместе со своими людьми. И зачем...

— Он считает, что вы знаете его, — перебил меня принц, явно раздражаясь. Он сжимал руки в кулаки, пытаясь заставить себя говорить вежливым тоном. — Это важно, мадам, очень важно, чтобы он присоединился ко мне. Поэтому я требую... я прошу вас... убедить его.

Я задумчиво потерла переносицу. Еще одно решение. Еще одна возможность направить ход событий по избранному мною пути.

Он был прав. Ему было необходимо любым способом убедить этого военачальника поддержать якобитов. Ведь с Камеронами, всеми Макдоналдами и прочими кланами, уже заявлявшими о своей поддержке, армия якобитов едва насчитывала две тысячи человек, да и те представляли собой всякий сброд и шушеру, с которыми вряд ли пожелает иметь дело кто-нибудь из генералов. И тем не менее этот сброд и шушера захватили Эдинбург, разбили значительно превосходящую английскую армию близ Престопа и изъявили готовность воевать дальше.

У нас не было возможности остановить Карла. Джейми считал, что единственный способ избежать дальнейших бед — это сделать все возможное, чтобы помочь ему. Так что присоединение вождя влиятельного клана к числу сторонников Карла, несомненно, окажет влияние и на других, колеблющихся. Это позволит якобитам сформировать полнокровную армию, способную осуществить намечаемое вторжение в Англию. А если это произойдет, что, черт побери, последует дальше?

Я вздохнула. Неважно, как я решила бы поступить. Я не приму

никакого решения, пока не поговорю с этим таинственным военачальником. Я взглянула на юбку своего платья, желая удостовериться, что оно подходит для встречи с важной персоной, и поднялась, крепко сжимая в руке мой медицинский саквояж.

— Я постараюсь, ваше высочество, — пообещала я.

Пальцы сжатых в кулаки рук расслабились, обнаружив обкусанные ногти, и морщины на лбу разгладились.

— Вот и отлично, — произнес Карл. Он направился к двери большой утренней гостиной. — Пойдемте, я сам провожу вас.

Стражник, стоявший за дверью, удивленно отскочил в сторону, когда Карл резко распахнул дверь и, не удостоив его взглядом, быстро прошел мимо. На противоположной стороне длинной, украшенной гобеленами залы красовался огромный мраморный камин в обрамлении белых делфтских фаянсовых плиток, расписанных сценками из голландской сельской жизни. У камина стоял небольшой диван, а рядом с ним широкоплечий человек в шотландском платье. В другом помещении он мог бы показаться огромным. Его ноги в клетчатых шотландских чулках, выглядывающие из-под шотландской юбки, были подобны стволам могучих деревьев. Но в этой комнате, с необыкновенно высоким потолком, он воспринимался просто как крупный мужчина. Его фигура как нельзя более соответствовала мифологическим героям, изображенным на гобеленах, висевших по обе стороны гостиной.

Я остолбенела при виде этого человека, не в силах поверить своим глазам. Карл обернулся и сделал рукой нетерпеливый жест, приглашая меня подойти к камину. Я кивнула здоровяку, затем медленно обошла вокруг дивана и посмотрела на лежащего на нем человека.

Он едва заметно улыбнулся мне, и его серо-голубые глаза зажглись веселым блеском.

— Да, — произнес он, как бы в ответ на мой изумленно-растерянный вид. — Я тоже не ожидал, что когда-нибудь снова встречу с вами. — Он повернул голову и сделал знак своему телохранителю-великану: — Ангус, налей, пожалуйста, капельку бренди мистрис Клэр. Боюсь, что она слишком потрясена встречей со мной.

Это было очень кстати. Я опустилась в кресло и взяла хрустальный бокал, протянутый мне Ангусом Мором.

Ни голос, ни глаза Колама Макензи несколько не изменились. Это были все те же глаза и тот же голос человека, возглавлявшего клан Макензи в течение вот уже тридцати лет, несмотря на болезнь, которая поразила его в ранней юности. Все остальные происходящие в нем перемены были к

худшему: некогда черные волосы заметно поседели. Лицо изрезали глубокие морщины, щеки опали, резко обозначив скулы. Даже широкая грудь как бы ввалилась, плечи поникли.

Он уже держал в руке бокал, наполовину наполненный янтарной жидкостью, в которой отражался блеск пылающего камина. Превозмогая боль, он сел и поднял бокал с ироничной торжественностью.

— Вы прекрасно выглядите... племянница. — Краем глаза я заметила, что у Карла отвисла челюсть.

— Чего нельзя сказать о вас, — резко произнесла я.

Он бесстрастно взглянул на свои скрюченные ноги. Сто лет назад эту болезнь называли в честь великого страдальца, знаменитого художника «синдромом Тулуза-Лотрека».

— Вы видели меня два года назад. Именно тогда мистрис Дункан предсказала, что я проживу от силы два года.

Я глотнула немножечко бренди. Это был один из лучших сортов. В глазах Карла мелькнуло любопытство.

— Я не думала, что вы можете принимать всерьез предсказания ведьмы.

На красиво очерченных губах Колама появилась улыбка. Он был красив, так же, как и его брат Дугал, но сейчас былая красота померкла, однако, когда он снова поднял глаза, в них светилось мужество, пересиливающее слабость тела.

— Я не имею в виду деяния, отождествляемые обычно с представлениями о ведьмах. У меня сложилось впечатление, что эта женщина скорее была целительницей, нежели колдуньей. И я не встречал более проницательной женщины, чем Джейлис Дункан, — за одним исключением. — И он грациозно склонил голову в мою сторону, поясняя свои слова.

— Спасибо, — сказала я.

Колам перевел взгляд на Карла, с изумлением внимавшего нашей беседе.

— Я сердечно благодарю вас, ваше высочество, за предоставленную мне возможность встретиться в вашем замке с мистрис Фрэзер, — с легким поклоном произнес он. Его слова были обычными, но тон, которым они произнесены, — жестким. Карл, непривычный к подобному тону, вспыхнул и нахмурился. Но тут же взял себя в руки, поклонился и резко повернулся на каблуках.

— Страж нам тоже не нужен, — произнесла я ему вслед.

Карл пожал плечами, и шея под хвостиком парика сделалась пунцово-

красной, но он тем не менее подал знак стражнику, и тот, удивленно взглянув на меня, последовал за Карлом.

— Хм, — усмехнулся Колам, бросив неодобрительный взгляд в сторону двери, и сосредоточил внимание на мне. — Я попросил о встрече с вами, потому что хотел извиниться, — без всяких предисловий заявил он.

— Извиниться? — переспросила я, стараясь вложить как можно больше сарказма в одно-единственное слово. — За то, полагаю, что пытались сжечь меня на костре за колдовство?

Он улыбнулся, нимало не смутившись.

— Думаю, что все это не совсем так, — начал он.

— Не совсем так? Меня арестовали и бросили в яму для воров без еды и воды, выставили полуголой и предали порке перед всеми жителями Крэйнсмуира... — Я перевела дух и продолжала уже более спокойным тоном: — Да, то, что вы сейчас говорите, в самом деле не вполне отвечает действительности.

Улыбка исчезла с его лица.

— Прошу прощения за неудачное высказывание. У меня не было ни малейшего желания обидеть вас.

Я посмотрела ему прямо в глаза, но не заметила в них ни тени насмешки.

— Конечно, — снова, глубоко вздохнув, произнесла я. — Более того, я полагаю, что вы собираетесь сообщить мне, что у вас также не было намерения арестовывать меня за колдовство.

В его глазах появилась настороженность.

— Вы знали об этом?

— Так сказала мне Джейлис. Когда мы сидели вместе с ней в яме. Она сказала, что вы хотели разделаться с ней. Я попала туда случайно.

— Да, это так. — Его лицо вдруг обрело усталый вид. — Если бы вы находились во дворце, я мог бы защитить вас. Какого черта вас понесло в деревню?

— Мне сообщили, что Джейлис Дункан больна и просит меня прийти, — коротко ответила я.

— А... — мягко произнес он. — Вам сказали. Но кто, смею вас спросить?

— Лаогера. — Даже сейчас я не могла сдержать ярости при упоминании имени этой девушки. Она не только страшно ревновала меня к Джейми, но и всячески пыталась меня погубить. Неизбывная злоба таилась в душе этой шестнадцатилетней девушки. И даже сейчас наряду с гневом я почувствовала удовлетворение. «Он мой, — подумала я. — Мой. И ты

никогда не забереешь его у меня. Никогда».

— Так... — медленно произнес Колам, задумчиво глядя на мое вспыхнувшее лицо. — Скажите, — продолжал он, вздернув одну бровь, — если извинения вам недостаточно, может, вы прибегнете к мести?

— К мести? — Должно быть, у меня был испуганный вид, потому что он опять слегка улыбнулся, но уже без юмора.

— Да. Девушка вышла замуж шесть месяцев назад за одного из моих людей, Хью Макензи из Малдора. Сейчас он поступит с ней так, как я прикажу ему или как вы захотите ее наказать. Так как же я должен поступить?

Я растерянно моргала глазами от такого предложения. Он же не торопил меня с ответом, с видимым спокойствием попивая бренди. Он не смотрел на меня, но я встала и подошла к окну, желая на минуту остаться одна.

Стены здесь были в пять футов толщиной. Здесь в глубокой оконной нише я могла почувствовать себя в полном уединении.

Яркое солнце золотило светлые волоски у меня на руках. Я вновь вспомнила о яме, о сыром, спертom воздухе и о единственном луче солнца, который проникал туда сквозь щель наверху.

Я провела там первый день в холоде и грязи без всякой надежды. Второй день я дрожала от страха, так как узнала о вероломстве Джейлис Дункан и о том, что намеревался предпринять против нее Колам. А на третий день мне устроили судилище. И я стояла, снедаемая страхом и стыдом, под низким осенним небом, сознавая, что ловушка, в которой я оказалась, сейчас захлопнется, и виной всему была Лаогера.

Лаогера... Голубоглазое существо с круглым, хорошеньким лицом, она, в сущности, ничем не выделялась среди других девушек Леоха. Я думала о ней, сидя в яме с Джейлис Дункан. Там у меня было время о многом подумать. Но как бы я ни была напугана и зла — я и сейчас зла, — я не могла ни тогда, ни сейчас заставить себя смотреть на нее как на исчадие ада.

— Помилуйте, но ведь ей всего шестнадцать лет!

— Достаточно взрослая, чтобы выйти замуж, — произнес сардонический голос у меня за спиной, и я поняла, что говорила вслух.

— Да, она хотела выйти за Джейми, — продолжала я, обернувшись.

Колам сидел на диване, безжизненные ноги были покрыты пледом. Ангус Мор стоял рядом. Его глаза с набухшими веками были устремлены на хозяина.

— Может быть, она думала, что любит его.

Во дворе, кляца оружием, упражнялись солдаты Карла. Солнце отражалось в металле кинжалов и мушкетов, медной поверхности небольших щитов и золотило рыжие волосы Джейми, который, потный и возбужденный, возвращался после тренировок, заливисто смеясь над какой-то очередной убойной шуткой Муртага.

Возможно, я была несправедлива к этой девушке, считая ее чувства к Джейми несерьезными по сравнению с моими. Я никогда не узнаю, поступила ли она так под влиянием глубокой страсти или в минутном порыве. В любом случае она потерпела поражение. И Джейми был моим, и таким он останется навсегда. Не заметив, что я смотрю на него, он сунул руку под килт и почесал в паху. Я улыбнулась и вернулась на свое место рядом с Коламом.

— Я принимаю ваши извинения, — сказала я.

Он кивнул, серые глаза стали задумчивыми.

— Значит, вы верите в прощение, мистрис?

— Больше в справедливость, — ответила я. — И потом, я не верю, что вы проделали весь этот длинный путь до Эдинбурга только для того, чтобы извиниться передо мной. Ведь это было дьявольски трудное путешествие.

— Да, это правда. — Могучая, молчаливая фигура Ангуса Мора приблизилась к нему, а массивная голова склонилась к хозяину — мол, я к вашим услугам. Колам быстро поднял руку. «Все в порядке», — говорил этот жест.

— Но я не знал, что вы в Эдинбурге, — продолжал Колам. — Не знал, пока его высочество не упомянул имя Джейми Фрэзера, и тогда я спросил о вас. Его высочество недолюбливает вас, мистрис Клэр. Но я думаю, вам это известно?

Я проигнорировала его слова, задав встречный вопрос:

— Вы всерьез думаете о том, чтобы поддержать принца Карла?

Колам, Дугал и Джейми умели скрывать свои мысли, но самым большим мастером из всех троих был, несомненно, Колам. Легче было бы вывести тайну у какой-нибудь головки, изваянной на ограде фонтана перед фасадом дворца, нежели у него.

— Я приехал сюда, чтобы повидаться с вами, — вот все, что произнес мне в ответ Колам.

Я сидела, размышляя над тем, что мне следует или что я могу сказать в пользу Карла. Пожалуй, лучше предоставить Джейми такую возможность. В конце концов, то, что Колам чувствовал себя виноватым передо мной, отнюдь не означает, что он доверял мне. И сам факт моего пребывания среди сторонников Карла является весьма слабым доказательством, что я не

являюсь английской шпионкой.

Я мысленно рассуждала и спорила сама с собой, когда Колам вдруг поставил свой стакан бренди и в упор взглянул на меня:

— Знаете, сколько я выпил этого с утра?

— Нет.

Его руки были узловатыми, неподвижными и сухими от болезни, но в то же время ухоженными. Слегка покрасневшие веки и налитые кровью глаза могли быть как от трудного путешествия, так и от выпивки. Речь его была совершенно нормальной, разве что порой он специально пытался сделать вид, что он слегка навеселе. Но я знала, как Колам пил раньше, и имела ясное представление о его возможностях.

Он отвел в сторону руку Ангуса, потянувшегося к бутылке:

— Здесь всего полбутылки. Я прикончу ее к вечеру.

— О! — Так вот почему меня попросили захватить с собой свой медицинский саквояж. Я потянулась, чтобы взять его. — Вам не нужно употреблять так много бренди. Скорее, вам поможет небольшая доза настойки опиума, — сказала я, перебирая свои многочисленные бутылочки. — У меня здесь...

— Я звал вас не для этого, — перебил он меня на полуслове. Если он мог скрывать свои мысли, то мог так же и высказывать их, когда считал нужным.

— Мне не составит труда достать опиум. Думаю, что в городе всегда найдется аптекарь, продающий его или маковый сироп, или даже неразбавленный опиум для такого случая.

Я закрыла крышку своего саквояжа и сидела, положив на него руки. Итак, он не желал временного забытья в состоянии опийного опьянения, пренебрегая обязанностями главы клана. Но если ему не требуется временное забвение, зачем я ему понадобилась? Или он желает вечного забвения? Я знала Колама Макензи. Его ясный безжалостный ум, в недрах которого созрел план устранения Джейлиса Дункан, способен не щадить и себя самого.

Теперь мне все стало ясно. Он явился сюда, чтобы встретиться с Карлом Стюартом и окончательно решить, будут ли Макензи Леоха участвовать в восстании якобитов под руководством Карла. И если будут, то возглавит их Дугал. И тогда...

— Я всегда считала, что самоубийство — смертельный грех, — сказала я.

— Мне тоже так кажется, — заметил он с невозмутимым видом. — Грех гордыни — по меньшей мере. Я бы выбрал себе чистую смерть и в

удобное для себя время. Однако думаю, что мне недолго придется страдать от такого греха, ведь где-то в возрасте девятнадцати лет я перестал верить в существование Бога.

В комнате было тихо. Лишь слышалось потрескивание огня и приглушенные звуки шутливой потасовки внизу. Я слышала его медленное, глубокое дыхание.

— Почему вы обращаетесь ко мне? — спросила я. — Вы правы, опиум можно достать где угодно, были бы деньги. А у вас они есть. И вы прекрасно знаете, что слишком большая доза может убить. И это будет легкая смерть.

— Слишком легкая. — Он покачал головой. — Меня мало что интересует в жизни. Но до самой смерти я хочу сохранить разум. Что же касается легкости смерти... — Он слегка повернулся на диване, не скрывая того, что испытывает при этом неудобство. — Сейчас я обрету ее.

Он кивнул на мой саквояж.

— Вы делились с мистрис Дункан своими познаниями в медицине. Я подумал, что вы, возможно, знаете, чем воспользовалась она, чтобы убить своего мужа. Это получилось быстро и надежно, — устало заключил он.

— Согласно решению суда, она использовала для этого колдовство. — «Суда, который приговорил ее к смерти в соответствии с вашим желанием», — мысленно добавила я. — Или вы не верите в колдовство? — спросила я.

Он засмеялся чистым, беззаботным смехом:

— Человек, который не верит в Бога, вряд ли поверит в существование сатаны, не так ли?

Я все еще медлила, но он обладал способностью беспощадно судить о людях, как и о себе самом. Прежде чем попросить меня об одолжении, он попросил у меня прощения и понял, что я умею ценить справедливость и могу прощать. И это, как он считал, правильно. Я открыла свой саквояж и вытащила маленький пузыречек цианида, который я держала, чтобы травить крыс.

— Благодарю вас, мистрис Клэр, — сказал он, снова переходя на официальный тон, хотя глаза продолжали улыбаться. — Если бы даже мой племянник не доказал вашу невиновность в Крэйнсмуире, я все равно не поверил бы, что вы ведьма. Я до сих пор не могу понять, кто вы и откуда взялись, но то, что вы не ведьма, я в этом твердо уверен. — Он помолчал, вздернув одну бровь, затем продолжил: — Я не думаю, что вы склонны мне объяснять, кто вы есть на самом деле.

Я минутку колебалась. Человек, который не верит ни в Бога, ни в черта,

вряд ли поверит моему рассказу. Поэтому я слегка пожала ему руку и сказала:

— Считайте меня ведьмой. Это ближе всего к истине.

На следующее утро по дороге на внутренний двор я встретила на лестнице лорда Балмерино.

— О, мистрис Фрэзер, — радостно приветствовал он меня. — Я как раз вас ищу.

Я улыбнулась ему. Всегда веселый, жизнерадостный, он был одной из светлых личностей в Холируде.

— Надеюсь, вас не беспокоит дизентерия, лихорадка или оспа? — сказала я в ответ. — Не может ли это подождать немного? Мой муж и его дядя устроили турнир на шотландских мечах в честь дона Франсиско де ла Каэтано.

— Правда?! Должен сказать, что я и сам с радостью посмотрел бы его. Мне нравится смотреть на мужественных людей с мечом в руках, — сказал он. — Я отношусь с одобрением ко всему, что доставляет удовольствие испанцам.

— И мое тоже. — Считая, что разносить корреспонденцию его высочества внутри Холируда слишком опасно для Фергюса, Джейми теперь располагал только информацией, которую получал непосредственно от Карла, а ее было немало. Карл считал Джейми одним из своих ближайших друзей. Он был, наверное, единственным из всех шотландских военачальников, удостоившихся такой чести.

Поскольку деньги иссякали, Карл признался Джейми, что возлагает большие надежды на поддержку Филиппа — короля Испании, чьи последние письма в Рим Джеймсу были обнадеживающими. Дон Франсиско, хотя и не являлся в полном смысле слова посланцем короля, все же был одним из придворных Филиппа и мог бы по возвращении представить королю правдивую информацию по поводу якобитского восстания.

— Зачем я вам понадобилась? — спросила я у лорда Балмерино, когда мы вышли на дорожку, огибающую фасад замка, направляясь к месту ристалища. Небольшая толпа зрителей уже собралась, но ни дона Франсиско, ни обоих участников турнира еще не было.

— О, — неожиданно вспомнив, лорд Балмерино полез в карман своего плаща, — ничего важного, дорогая леди. Я взял это у одного из своих посыльных, который получил их от своего родственника. Думаю, вы найдете их содержание забавным.

Он протянул мне небольшую папку небрежно отпечатанных бумаг.

Похоже, это была прокламация, которая во множестве раздавалась в тавернах, вывешивалась на дверях и стенах домов в городах и деревнях.

«Карл Эдвард Стюарт, известный всем как Младший Претендент, — говорилось в листовке. — Да будет всем известно, что этот развращенный и опасный человек, незаконно высадившийся на берегах Шотландии, организовал мятеж и тем самым вверг население страны во все ужасы несправедливой войны». И дальше все излагалось в том же духе, а заканчивалось призывом ко всем честным гражданам «сделать все возможное, чтобы этот человек оказался в руках правосудия». Сверху на прокламации был помещен рисунок, надо полагать изображавший Карла. Он не особенно был похож на оригинал, но, несомненно, выглядел развращенным и опасным, — видимо, в задачу художника как раз и входило отразить именно эти черты Карла.

— Это ничего, — произнес Балмерино, заглядывая в прокламацию через мое плечо. — Вот, взгляните сюда. Это я, — сказал он с видимым удовольствием.

На рисунке был изображен костлявый шотландец в шотландской шапочке, с густыми усами, мохнатыми бровями и безумным взглядом. Я внимательно посмотрела на лорда Балмерино, изысканно одетого, как и было принято при дворе, в бриджи и кафтан, сшитые из прекрасного материала, идеально сочетающиеся по цвету. Он смотрел на рисунок, задумчиво поглаживая свои круглые, тщательно выбритые щеки.

— Не знаю, — сказал он. — Но усы, несомненно, придают мне романтический вид, не правда ли? Только вот борода всегда отчаянно чешется. Мне кажется, я не смог бы носить бороду, даже из желания выглядеть экстравагантным.

Я перевернула следующую страницу и чуть не выронила всю пачку.

— Здесь они больше постарались, чтобы придать портрету вашего мужа большее сходство, — продолжал Балмерино, — но, конечно, у них наш дорогой Джейми похож на бытующее среди англичан представление о шотландском головорезе. Простите, дорогая, я не хотел вас обидеть. У него здесь внушительный вид великана.

— Да, — ответила я.

— Но ведь такой большой он не потому, что имеет обыкновение жарить и есть маленьких детей, — хохотнул Балмерино. — Я всегда считал, что он такой крупный благодаря какой-то особенной диете.

Насмешливый тон коротышки графа заставил меня здраво взглянуть на вещи. Лично мне все эти рисунки и дикие характеристики, сопровождавшие их, казались смешными, но я была озабочена тем, как

отнесутся к этому простые люди. Многие, безусловно, поверят, к сожалению. Люди, как правило, охотно верят в плохое, и чем страшнее это плохое, тем больше к нему доверия.

— А вот это, мне кажется, вас особенно заинтересует, — произнес Балмерино, прервав мои мысли и вытаскивая из пачки предпоследний листок.

«Ведьма Стюарта» — гласил заголовок. На рисунке была изображена длинноногая женщина с пронзительными глазами. Ниже был помещен текст, в котором Карла обвиняли в привлечении «темных сил» для достижения своих целей. Призвав в помощницы знаменитую ведьму, властвующую над жизнью и смертью, а также способную навлекать неурожай и гибель скота, Карл продал душу дьяволу и ему суждено «гореть в Вечном Огне».

— Это, по-видимому, вы, — сказал Балмерино. — Хотя, уверяю вас, дорогая, в портрете нет сходства с вами.

— Очень забавно, — сказала я, возвращая прокламации лорду и борясь с острым желанием вытереть руки о юбку. Мне сделалось нехорошо, но я заставила себя улыбнуться Балмерино. Он тревожно посмотрел на меня, затем крепко подхватил меня под руку:

— Не волнуйтесь, дорогая. Как только его высочество вернет корону, вся эта ерунда будет тут же забыта. Вчерашний злодей станет героем в глазах толпы. Я наблюдал это не раз.

— А что, если его высочество не вернет корону... — пробормотала я.

— А если все наши усилия, к несчастью, окажутся напрасными, — сказал Балмерино, словно прочитав мои мысли, — содержание этих листочков обернется самой незначительной из всех наших неприятностей.

— К бою! — С этим традиционным девизом Дугал принял обычную позу дуэлянта, боком к своему противнику, со шпагой наготове. Вторая рука изящно поднята вверх с опущенной вниз ладонью, долженствующей продемонстрировать, что она не таит никакой угрозы для противника.

Клинок Джейми скрестился с клинком Дугала, послышался звон металла.

— Я готов! — Джейми поймал мой взгляд, и я заметила усмешку на его лице. Таков был обычный ответ на вызов соперника, принятый в клане Джейми.

На какой-то миг мне показалось, что это не так, и я невольно ахнула, когда Дугал сделал выпад, но Джейми был начеку, и когда клинок Дугала рубанул по тому месту, где только что стоял Джейми, его уже там не было. Шаг в сторону, короткий удар, ответный выпад — и с резким скрежетом

шпаги скрестились почти параллельно друг другу. В таком положении они оставались всего лишь секунду, противники отступили на должное расстояние друг от друга и возобновили схватку.

То скрещивая шпаги, то нанося колющие удары, то защищаясь и делая выпады в терции, Джейми приблизился вплотную к Дугалу, быстро повернулся кругом, так что его зеленый килт взвился колоколом. Защитный удар и финт, и быстрый удар вверх отбросил шпагу противника, и Дугал ринулся вперед, начав теснить Джейми назад.

Мне был хорошо виден дон Франсиско, стоявший на противоположной стороне двора с Карлом, Шериданом, престарелым Туллибардином и другими. Губы испанца кривились под напомаженными усами, и я не могла понять, выражает ли он этим восхищение игроками или это его обычная высокомерная ухмылка. Колама не было видно. И я этому не удивлялась. Скорее всего его слишком утомил долгий путь в Эдинбург.

Оба искусные вояки, и дядя и племянник были левшами. Сегодня они демонстрировали свое мастерство, тем более впечатляющее, что они вели поединок в соответствии с самыми строгими французскими правилами дуэли на шпагах, однако пользовались при этом не тонкими шпагами, являвшимися непременным атрибутом костюма истинного джентльмена, и не солдатскими саблями. Вместо этого у них в руках были шотландские стальные палаши, длиной в добрый ярд с плоским клинком, которым можно было разрубить человека от макушки до самой шеи. Они управлялись с этим тяжелым оружием с грациозностью, недоступной слабым людям.

Я заметила, что Карл что-то шепчет на ухо дону Франсиско и тот кивает ему в ответ, не отрывая глаз от сражающихся. Между тем Джейми и его дядя, не уступавшие друг другу в комплекции и проворстве, делали вид, что пытаются убить друг друга. Дугал был учителем Джейми. И им не раз приходилось использовать свое мастерство на практике, сражаясь с противником спина к спине или плечо к плечу. Каждый из них знал особенность стиля другого, как своего собственного. По крайней мере, я надеялась на это.

Дугал демонстрировал свое превосходство с удвоенной силой, вынуждая Джейми пятиться к изгороди площадки для ристалища. Джейми быстро шагнул в сторону, отбил удар Дугала, затем сделал выпад вперед с такой скоростью, что лезвие его палаша прошло сквозь ткань правого рукава Дугала. Послышался треск, и белая полоска ткани затрепетала на легком ветерке.

— О, блестящий удар, сэр! — Я обернулась посмотреть, кто это

говорит, и увидела стоящего у меня за спиной лорда Кильмарнока. Серьезный человек, с открытым лицом, лет тридцати с небольшим, и его малолетний сын Джонни тоже жили в замке.

Мальчик повсюду следовал за отцом, поэтому сейчас я поискала его глазами. Долго искать не пришлось. Он оказался рядом с отцом и, затаив дыхание, следил за ходом поединка. Его черные глаза неотрывно следовали за Джейми. Я нахмурилась и погрозила ему.

Джонни, преисполненный гордости от того, что является наследником Кильмарнока, а еще более от того, что в возрасте двенадцати лет может отправиться с отцом на войну, пытался верховодить другими мальчишками. Они же, как это свойственно мальчишкам, либо просто игнорировали его, либо, улучив момент, когда хотя бы на короткое время он останется без отцовской защиты, преподать ему урок на свой особый манер.

Фергюс, естественно, принадлежал к числу последних. Ему довелось как-то услышать замечание Джонни по поводу «беретных лэрдов»^[2], и он воспринял это — и вполне справедливо — как оскорбление Джейми. Несколько дней назад попытка Фергюса отомстить обидчику в замковом саду была пресечена кем-то из оказавшихся там взрослых. Джейми сделал ему небольшое физическое внушение, а потом объяснил, что преданность — замечательная черта и он ее высоко ценит, а вот глупость — нет.

— Этот парень на два года старше тебя и на два стоуна^[3] весит больше, — сказал Джейми, потрепав его по плечу. — Не думаешь ли ты, что мне будет приятно, если тебе снесут голову? Твое время еще придет, а пока прикуси язык и жди.

Фергюс кивнул, вытирая грязное от слез лицо подолом рубашки, но я сомневалась, что слова Джейми произвели на него большое впечатление. И сейчас меня настораживал азартный блеск его широко открытых глаз, когда он смотрел то на Джейми, то на Джонни. И я подумала, что если бы Джонни был немного посообразительней, он встал бы между своим отцом и мною.

Джейми почти упал на колено, сделав убийственный выпад вперед, и его клинок просвистел у самого уха Дугала. Дугал Макензи отпрянул с испуганным видом, затем сверкнул белозубой улыбкой и плашмя опустил свой клинок на голову Джейми.

Я слышала аплодисменты, которыми разразилась компания, собравшаяся вокруг Карла и дона Франсиско. Начавшись с элегантной французской дуэли, поединок обернулся демонстрацией боевого искусства шотландцев, и публика высоко оценила эту шутку.

Лорд Кильмарнок, услышав аплодисменты, быстро взглянул в сторону Карла и состроил кислую гримасу.

— Советники его высочества собрались здесь, чтобы почтить испанца, — не без сарказма заметил он. — О'Салливан и этот древний Туллибардин. А прислушивается ли он к советам лорда Эльчо? Или Балмерино, Лочиэля или хотя бы меня, грешного?

Это был чисто риторический вопрос, и я пробормотала в ответ лишь какие-то сочувственные слова, не отрывая глаз от арены. Звон металла почти заглушал слова Кильмарнока. Но, начав говорить, он уже не мог не высказать до конца свою горечь:

— Нет, конечно! О'Салливан и О'Брайен и остальные ирландцы ничем не рискуют. Если дойдет дело до самого худшего, они смогут апеллировать к властям по поводу своей невиновности, поскольку являются ирландцами. Но мы, все те, кто рискует собственностью, честью, жизнью, наконец! Нас игнорируют, относятся как к простым драгунам. Вчера я пожелал его высочеству доброго утра, а он прошел мимо меня, задрал нос, как будто тем самым я нарушил этикет!

Кильмарнок был очень рассержен, и не без оснований. Карл игнорировал людей, которые, поддавшись его чарам, предоставили в его распоряжение материальные и людские резервы. Теперь он отвернулся от них, снова обратился к своим прежним советникам с континента, большинство из которых считали Шотландию дикой страной, а ее жителей — дикарями.

Но вот раздался удивленный возглас Дугала и громкий смех Джейми. Левый рукав Дугала упал с плеча, но само плечо, смуглое и гладкое, осталось нетронутым, на нем не было ни царапины, ни капельки крови.

— Я отплачу тебе за это, Джейми, — с улыбкой произнес Дугал. Крупные капли пота текли у него по лицу.

— Правда, дядя? — отвечал Джейми. — Но как? — Клинок сверкнул, и сумка Дугала, срезанная с пояса, отлетела далеко в сторону и стукнулась о камни.

Краем глаза я заметила какое-то движение и быстро обернулась.

— Фергюс! — воскликнула я.

Кильмарнок взглянул туда, куда был устремлен мой взгляд, и увидел Фергюса с длинной палкой в руках. Тот шагал с важным видом, небрежно покачивая палкой. Это зрелище могло бы показаться смешным, если бы не таившаяся в палке опасность.

— Не беспокойтесь, леди Брех Туарах, — сказал лорд Кильмарнок. — Мой сын сможет постоять за себя, если потребуется... — Он ободряюще

улыбнулся Джонни и снова стал следить за поединком. Я внимательно следила за ходом поединка, но все же старалась не терять из вида Джонни.

Нет, я не думала, что у Фергюса недостаточно развито чувство собственного достоинства, просто у меня сложилось впечатление, что у Фергюса и лорда Кильмарнока разное представление о чести.

— Сложить оружие! — воскликнул Дугал, и поединок прекратился. Обливаясь потом, недавние противники поклонились в сторону принца, затем подошли поближе, чтобы принять высочайшие поздравления и быть представленными дону Франсиско.

— Милорд! — послышался чей-то пронзительный голос. — Пожалуйста... параболу!

Джейми обернулся, недовольный чьим-то вмешательством, но тут же улыбнулся, пожал плечами и вышел снова на середину площадки. «Парабола» — так Фергюс называл этот трюк.

Поклонившись его высочеству, Джейми осторожно взял широкий меч за кончик лезвия, чуть наклонился и вдруг с невероятной силой бросил клинок прямо в небо. Глаза всех собравшихся были прикованы к мечу, сверкающему на солнце, кувыркающемуся в вышине, — казалось, он висит в воздухе.

Суть трюка состояла еще и в том, что при падении меч должен вонзиться острием в землю. Задача Джейми — до последнего момента находиться в точке падения меча.

Присутствующие с облегчением вздохнули, когда меч приземлился у самых ног Джейми. И только когда Джейми наклонился за ним, я заметила, что число зрителей уменьшилось на два человека.

Один из них, двенадцатилетний Кильмарнок, лежал на траве лицом вниз с весьма внушительной шишкой на голове. Второго — Фергюса — нигде не было видно, но до моего слуха откуда-то из кустов донесся шепот:

— Только посмей еще раз сказать что-нибудь подобное, задница вонючая!

Погода в ноябре стояла не по сезону теплой. Казалось, что облака расступились, давая возможность осеннему солнцу позолотить серые здания Эдинбурга. Я старалась воспользоваться коротким теплом и ползала на коленях по саду камней, вызывая шутливые замечания нескольких шотландцев, наслаждавшихся теплом на привычный свой манер — с кувшином виски домашнего приготовления.

— Собираете гусениц, мистрис? — спросил один из них.

— Нет, скорее всего эльфов, а не гусениц, — добавил второй.

— Скорее всего вы найдете их в своем кувшине, нежели я под этими

камнями, — парировала я.

Мужчина поднял кувшин, прищурил один глаз и картинно заглянул внутрь.

— О, никаких гусениц в моем кувшине нет, — проговорил он и сделал большой глоток.

Действительно, то, за чем я охотилась, значило для них так же мало — или так же много, — как гусеницы. Я нагнулась, отодвинула небольшой валун на несколько дюймов в сторону и осмотрела оранжево-коричневый лишай на его поверхности, осторожно поцарапала его маленьким перочинным ножичком, и несколько кусочков упало мне на ладонь. Я осторожно переложила их в дешевую жестяную табакерку, где хранила с таким трудом добытое сокровище.

По прибытии в Эдинбург отношение ко мне изменилось. Если в отдаленных горных деревушках на такое поведение смотрели бы подозрительно, а то и враждебно, то здесь это считалось безвредным чудачеством. Шотландцы относились ко мне с большим уважением, и я чувствовала, что они не испытывают передо мной страха.

Мне даже простили мое английское происхождение, когда узнали, кто мой муж. Признаюсь, я никогда не пыталась узнать больше того, что мне рассказал Джейми о Престонпанской битве, но на шотландцев Рыжий Джейми произвел неотразимое впечатление, и появление его за пределами Холируда неизменно вызывало ликующие возгласы.

Вот и сейчас восторженные крики шотландцев привлекли мое внимание. Я подняла голову и увидела Рыжего Джейми, рассеянно помахивающего рукой мгновенно собравшейся толпе и одновременно внимательно оглядывающего сад позади замка.

Его лицо просветлело, когда он увидел меня, и он быстрым шагом направился ко мне.

— Вот ты где, — произнес он. — Не хочешь ли пройтись со мной немного? И захвати с собой свою маленькую корзиночку.

Я поднялась, стряхнула сухие травинки, прилипшие к юбке, и опустила перочинный нож в корзину.

— Хорошо. Куда мы идем?

— Колам передал, что хочет поговорить с нами. С нами обоими.

— Где? — спросила я, ускоряя шаги, чтобы поспеть за Джейми.

— В церкви в Канонгейте.

Это было интересно. Явно Колам хотел увидеться с нами, но так, чтобы об этом не знали в Холируде.

Не желал этого и Джейми. Отсюда и корзина. Рука об руку мы прошли

через ворота. Корзина давала объяснение нашему появлению в Роял-Майл. Она могла служить для покупок или содержать лекарства, которыми я снабжала семьи, проживающие в окрестностях Эдинбурга.

Единственная, главная, улица Эдинбурга пролегла от основания скалистого холма до самой вершины. У основания его находился замок Холируд, величественный и чопорный под сенью торжественных построек аббатства, почти вплотную примыкавшего к нему с севера. Он как бы игнорировал великолепие Эдинбургского замка, стоящего на самой вершине холма. Роял-Майл находилась между двумя замками, и подъем к ней равнялся примерно углу в сорок пять градусов. Запыхавшаяся, с покрасневшимся лицом, я задавалась вопросом, как Колама Макензи угораздило устроить встречу в таком месте.

Мы нашли Колама во дворе церкви. Он сидел на каменной скамье, подставив спину солнцу. Его короткие ноги не доставали до земли. На скамье рядом с ним лежала его палка. Спина сгорбилась, голова задумчиво поникла. Его можно было принять за одного из гномов, которые были бы весьма уместны в каменном саду, сотворенном руками человека, с его причудливыми камнями и ползучими лишайниками.

Трава заглушала звук наших шагов, но Колам поднял голову, когда мы едва вошли в сад. «По крайней мере, его органы чувств в порядке», — подумала я.

При нашем приближении шевельнулась какая-то тень под ближайшей лиственницей. Органы чувств Ангуса Мора тоже были в порядке. Узнав нас, слуга продолжил нести свой молчаливый дозор, снова став частью окружающего пейзажа.

Колам кивнул, приветствуя нас, и пригласил сесть рядом с собой. При ближайшем рассмотрении ничто уже не напоминало в нем гнома, разве что его скрюченное тело. На лице его лежал отпечаток мужественности.

Прежде чем сесть рядом с Коламом, Джейми усадил меня на одну из каменных плит рядом со скамьей. Мрамор оказался удивительно холодным. Я чувствовала его леденящее прикосновение даже через толстые юбки. Я невольно поежилась. Вырезанный на мраморной плите череп и скрещенные кости заставили меня мысленно содрогнуться, но все-таки пришлось сесть. Я прочла эпитафию, выгравированную под черепом, и улыбнулась:

Здесь лежит Мартин Элджинброд,
Пожалей мою душу, господь Бог,
Как сделал бы я, если бы был Богом,

А ты — Эльджинбродом.

Джейми предостерегающе взглянул на меня, затем повернулся к Коламу:

— Вы хотели видеть нас, дядя?

— У меня к тебе вопрос, Джейми Фрэзер, — сказал Колам без всяких обиняков. — Ты считаешь меня своим родственником?

Джейми помолчал, внимательно вглядываясь в лицо своего дяди. Затем улыбнулся.

— У вас глаза моей матери, — сказал он. — Разве я могу игнорировать этот факт?

Колам на минуту задумался. У него глаза были чистые, серые, как крыло голубки, опущенные густыми черными ресницами. Несмотря на свою несомненную красоту, они порой становились холодными как сталь, и я невольно, уже в который раз, спросила себя: «А как же выглядела мать Джейми?»

— Ты помнишь свою мать? Ты был еще совсем крошкой, когда она умерла.

От этих слов губы Джейми слегка дрогнули, но голос прозвучал спокойно:

— Я был уже достаточно большой... Мне говорили, что я немного похож на нее. А поскольку в доме моего отца уже в те времена было зеркало, я имел представление о ней.

Колам коротко засмеялся:

— Больше, чем немного.

Он впился глазами в Джейми. Его глаза мягко светились.

— Да, парень. Ты — сын Элен. В этом нет никакого сомнения. Эти волосы... — Он слегка коснулся волос Джейми, отливающих то ли золотом, то ли янтарем, густых и волнистых. — И этот рот. — Рот самого Колама искривился. — Широкий, как ночной горшок, — так я когда-то ее дразнил. Ты могла бы ловить мошек ртом, как жаба, говаривал я ей, если бы у тебя к тому же был еще и липкий язык.

Застигнутый врасплох, Джейми засмеялся.

— Уилли тоже однажды сказал мне это, — произнес он и тут же его полные губы плотно сжались. Он редко говорил о своем старшем брате и, думаю, никогда не упоминал его имени при Коламе.

Если Колам и заметил что-то, то не подал и виду.

— Я написал ей... — сказал он, задумчиво глядя на один из

покосившихся памятников, — когда твой брат умер от оспы. Впервые после того, как она покинула Леох.

— Ты имеешь в виду после того, как она вышла замуж за моего отца?

Колам кивнул, все еще глядя в сторону.

— Да, ты же знаешь, что она была старше меня, на два года или что-то вроде этого. Та же разница в возрасте, что и у вас с сестрой. — Его глубоко посаженные глаза обратились к Джейми. — Я никогда не видел твою сестру. Вы с ней дружны?

Джейми лишь молча кивнул, внимательно вглядываясь в лицо своего дяди, как будто стараясь найти ответ на загадку, давно мучившую его.

Колам тоже кивнул:

— Так же, как и мы с Элен. Я был болезненным ребенком, и она часто ухаживала за мной. Я помню, как солнце золотило ее волосы и она рассказывала мне сказки, когда я лежал в постели. И даже позже, — красиво очерченные губы тронула легкая улыбка, — когда ноги отказали мне, она каждый день и утром и вечером заглядывала ко мне в комнату и рассказывала все леохские новости. Мы говорили обо всем — об арендаторах, о сборщиках налогов, как следует лучше вести дела... Потом я женился, но Летицию ничто не интересовало. — Он горестно махнул рукой, вспомнив о жене. — Мы говорили с ней — иногда в наших беседах принимал участие Дугал, — но чаще всего мы беседовали с Элен вдвоем о том, как лучше организовать жизнь клана, чтобы его члены ладили между собой, какие соглашения следует заключать с другими кланами, как использовать земли и пастбища... А потом она уехала, — резко произнес он, глядя на свои узловатые руки, лежащие на коленях. — Не спросив разрешения у родителей и даже не попрощавшись... Время от времени до меня доходили слухи о ней, но сама она никогда не давала о себе знать.

— Она не ответила на ваше письмо? — тихо спросила я. Он покачал головой, не поднимая глаз.

— Она была больна. Потеряла ребенка, и к тому же у нее самой была оспа. Возможно, она собиралась ответить попозже. Так часто случается. Отложишь что-нибудь на потом — и забудешь. А через год она умерла.

Он взглянул на Джейми в упор, и тот выдержал его взгляд.

— Я был несколько удивлен, когда твой отец написал мне, что отправляет тебя к Дугалу с тем, чтобы после ты переехал ко мне в Леох для получения образования.

— Родители так решили, еще когда только поженились, — ответил Джейми. — Я должен был воспитываться у Дугала, а затем переехать на время к тебе.

Усилившийся ветер принес с собой сухие веточки лиственницы, и Джейми с Коламом одновременно передернули плечами от неожиданной прохлады. В этом их жесте лишний раз проявилось их семейное сходство.

Колам заметил мою улыбку и улыбнулся уголком рта:

— Однако решения или договоренности остаются в силе до той поры, пока договаривающиеся стороны верны взятым на себя обязательствам... Но я тогда не знал твоего отца.

Он открыл рот, желая что-то добавить, но промолчал. Воцарилось гробовое молчание. Наконец Джейми нарушил его.

— Что ты можешь рассказать мне о моем отце? — спросил Джейми, и в его вопросе мне послышалось любопытство ребенка, рано потерявшего родителей и пытающегося дополнить запечатлевшийся в детстве их смутный портрет сведениями, почерпнутыми от знавших их людей. Я понимала это чувство. То небольшое, что я знала о своих родителях, сообщил мне в основном мой дядя Лэм, но он не был мастером давать характеристики.

Колам же совсем наоборот.

— Ты хочешь спросить, как отец выглядел? — Он еще раз внимательно оглядел своего племянника и, кажется, остался доволен. — Посмотри в зеркало, парень. Там ты увидишь лицо своей матери, но отец глянет на тебя этими проклятыми кошачьими глазами Фрэзеров.

Он выпрямился и сменил позу, желая дать отдохнуть своему измученному телу. Его губы, как обычно, были плотно сжаты, и я видела две глубокие морщины, пролежавшие между носом и ртом.

— Честно говоря, — продолжал он, усаживаясь поудобнее, — я не особенно любил твоего отца, так же, как и он меня. Но я знал его как человека чести. — Он помолчал, затем мягко добавил: — В этом ты похож на отца, Джейми Макензи Фрэзер.

Лицо Джейми не изменилось, лишь веки чуть дрогнули. Только человек, хорошо его знающий, как я, или наблюдательный, как Колам, могли это заметить.

Колам глубоко вздохнул:

— Поэтому я решил поговорить с тобой. Я должен принять решение: Макензи Леоха — на стороне короля Джеймса или короля Георга. — Он кисло улыбнулся. — Это дьявольски трудный вопрос, но я должен его решить.

— Дугал... — начал было Джейми, но Колам остановил его движением руки:

— Я знаю, что думает по этому поводу Дугал. За последние два года я

немного отошел от дел, — неторопливо произнес он, — но я — Макензи Леохский и мне решать. Дугал поступит так, как я ему велю. А я хочу знать, какое решение ты считаешь более правильным для блага клана, кровь которого течет в твоих жилах?

Джейми поднял свои синие глаза, жмурясь от яркого полуденного солнца, бьющего ему прямо в лицо.

— Я здесь со своими людьми. Разве мой выбор не ясен?

Колам снова переменил позу, внимательно глядя на племянника, словно надеясь найти ответ в тончайших оттенках его голоса.

— Ты уверен в правильности своего решения? — спросил Колам. — Люди присягают на вассальную верность по многим причинам, о большинстве из которых не разглагольствуют. Я разговаривал с Лочиэлем Кланраналдом, Алексом и Ангусом Макдоналдами. Ты думаешь, они здесь потому, что считают Джеймса Стюарта своим законным королем? Я хотел встретиться с тобой, чтобы услышать твое искреннее мнение. Заклинаю тебя честью твоего отца.

Видя, что Джейми колеблется, Колам продолжал, по-прежнему не сводя с него пристального взгляда:

— Я спрашиваю не ради себя. Если у тебя есть глаза, ты можешь заметить, что земные дела не долго будут меня волновать. Но я думаю о Хемише — твоём двоюродном брате.

Он умолк и теперь сидел неподвижно, тревожное выражение исчезло с его лица, серые глаза смотрели открыто и внимательно. Джейми тоже сидел молча, словно мраморный ангел на памятнике, высившемся у него за спиной. Я знала, перед какой сложной дилеммой он оказался, хотя догадаться об этом по его спокойному, невозмутимому виду человеку непосвященному было трудно. Тем же самым вопросом мы задавались, когда приняли решение прийти под знамена Карла. Поддержка такого большого клана, как Макензи, могла побудить и других привести к победе Младшего Претендента. Но если, несмотря ни на что, восстание закончится провалом, то хуже всех придется именно леохским Макензи.

Наконец Джейми повернул голову, и его синие глаза остановились на мне. «Подскажи, что делать?» — говорил его взгляд.

Я чувствовала, что Колам тоже смотрит на меня, в его глазах стоял немой вопрос, и даже брови были вопросительно подняты. Но перед моим мысленным взором возник Хемиш, рыжеволосый десятилетний мальчик, которого скорее можно было принять за сына Джейми, чем за его двоюродного брата. И что будет с ним и другими членами клана, если леохские Макензи вместе с Карлом потерпят поражение? У жителей

Лаллиброха был Джейми, который мог спасти их от уничтожения, если дело дойдет до этого. Жителям Леоха не поможет никто. И все же здесь не мне решать, подумала я и, пожав плечами, опустила голову. Джейми глубоко вздохнул и наконец решился:

— Отправляйтесь домой в Леох, дядя, — сказал он. — И пусть ваши люди тоже остаются там.

Колам долго сидел неподвижно, глядя прямо на меня. Наконец рот его искривился, но выражение, появившееся на его лице, мало напоминало улыбку.

— Я чуть было не остановил Неда Гауана, когда он он правился спасать вас от казни, — сказал он, обращаясь к мне. — Теперь я рад, что не сделал этого.

— Спасибо, — тем же тоном ответила я.

Он вздохнул и с силой потер затылок, как будто бремя вождя клана было слишком тяжело для него.

— Значит, решено. Я встречусь с его высочеством утром и сообщу ему о своем намерении. — Его рука опустилась на каменную скамью рядом с рукой племянника.

— Спасибо за совет, Джейми. — Он помедлил, затем добавил: — Да благослови тебя Бог.

Джейми наклонился вперед и накрыл ладонью руку Ко-лама. Он улыбнулся своей широкой, как у матери, улыбкой и сказал:

— И вас тоже, дядя.

Роял-Майл кишела людьми, наслаждающимися скудным осенним теплом. Мы шли молча. Я крепко держала Джейми под руку. Вдруг он покачал головой и пробормотал что-то по-гэльски.

— Ты правильно поступил, — сказала я, больше отвечая на его мысли, чем на слова. — Я поступила бы так же. Что бы ни случилось, по крайней мере Макензи будут спасены.

— Может быть, — проговорил он, рассеянно ответив на приветствие одного из офицеров. — Но что будет с остальными? С кланом Макдоналда, Магилливрея и другими, которые пойдут за Карлом? Погибнут они или, может быть, нет? Но разве мог я посоветовать Коламу поступить так же? — Он покачал головой. Лицо его омрачилось. — Никто этого не знает, Саксоночка.

— Конечно, — мягко сказала я, пожимая его руку. — Мы ничего не знаем. Или, наоборот, знаем слишком много. Он чуть улыбнулся и крепче прижал к себе мою руку.

— Да, Саксоночка. Ничего. Решение принято, и ничего изменить

нельзя, поэтому не следует беспокоиться.

Часовым у ворот Холируда был Макдоналд, один из людей Гленгэрри. Отвлечшись на секунду от своего занятия — искал у себя вшей, — он узнал Джейми и впустил в ворота. От теплой погоды эти паразиты еще более оживились. Покинув уютное местечко где-нибудь под мышкой или в паху, эти мерзкие существа порой пускались в опасное странствие по рубашке или пледу и неожиданно оказывались в руках их владельцев.

Джейми, улыбаясь, что-то сказал ему по-гэльски. Солдат засмеялся, сделал вид, что вытащил из-за пазухи вошь и бросил ее в Джейми, который, подхватив шутку, сделал вид, что поймал ее, окинул критически оком и, подмигнув мне, забросил себе в рот.

— Ну, как голова вашего сына? — вежливо осведомилась я у лорда Кильмарнока, столкнувшись с ним лицом к лицу в галерее Холируда. Меня мало волновало самочувствие Джонни, но коль скоро этого разговора все равно не избежать, я решила поговорить здесь, где возможная враждебность между нами не будет замечена большим количеством людей.

Галерея представляла собой длинную залу с высоким потолком, стрельчатыми окнами и с двумя большими каминами. Она служила местом проведения серии пышных приемов, знаменовавших торжественное вступление Карла в Эдинбург в сентябре. Сейчас здесь собрались сливки высшего общества Эдинбурга, спешивших засвидетельствовать почтение Карлу, — складывалось впечатление, что он и впрямь может победить. Дон Франсиско — почетный гость Карла стоял в парадной части залы, беседуя с хозяином. Он был одет в унылом испанском стиле: в мешковатые темные панталоны и совершенно бесформенный кафтан с круглым плоеным жестким воротником — молодежь и модная публика не могла без скрытой иронии взирать на этот нелепый костюм.

— О, все в порядке, мистрис Фрэзер, — беззаботным тоном ответил Кильмарнок. — Шишка на голове не беспокоит мальчишек в его возрасте. Хотя его самолюбие, конечно, уязвлено, — добавил он и неожиданно весело улыбнулся.

Я улыбнулась ему в ответ, испытав облегчение.

— Я пытался привить Джону черты, необходимые наследнику рода Кильмарноков. Но вот смирению никак не мог научить. Может быть, вашему слуге это лучше удастся.

— Надеюсь, вы не отлупили его после этого?

— Простите, как вы сказали?

— Да так, ничего, — ответила я, покраснев. — Посмотрите, это Лочиэль? А я думала, он болен.

От танца у меня перехватывало дыхание, да и лорд Кильмарнок, видно, тоже не был настроен на разговор, поэтому у меня была возможность осмотреться вокруг. Карл не танцевал, хотя слыл превосходным танцором, и молодые дамы Эдинбурга жаждали его внимания. Сегодня он был занят, развлекая своего гостя. Я заметила, как в полдень на кухню был доставлен небольшой бочонок с португальским товарным знаком, выжженным на боку, и бокалы с рубиновой жидкостью словно по волшебству то и дело появлялись в левой руке дона Франсиско.

Мы пересекли дорожку Джейми, ведущего в танце одну из трех мисс Уильяме. Их почти невозможно было отличить друг от друга. Совсем юные, с одинаковыми каштановыми волосами и все как одна твердили: «Здесь так интересно, в этом благородном собрании, мистер Фрэзер...» Я сразу же устала от них, но Джейми, это воплощение терпения, танцевал со всеми тремя по очереди и отвечал снова и снова на одни и те же глупые вопросы.

— Конечно, это большое развлечение для них — бедняжек, — добродушно объяснял он. — К тому же их отец богатый купец, и его высочество захочет заручиться симпатией этой семьи.

Все три мисс Уильяме, казалось, были очарованы Джейми, и мне показалось, что он тоже взбодрился. Затем я обратила внимание на Балмерино, танцующего с женой лорда Джорджа Муррея. Я заметила, как супруги Муррей обменялись влюбленными взглядами, когда она со своим партнером и он с одной из мисс Уильяме встретились в танце, и была смущена, увидев, с кем танцует Джейми.

Не удивительно, что Колама не было на балу. Интересно, думала я, удалось ему уже поговорить с Карлом или нет, и решила, что еще нет. В противном случае Карл не выглядел бы таким веселым и беззаботным.

Вдруг я заметила еще две коренастые фигуры, стоящие у стены. На них были почти одинаковые парадные костюмы, плохо пригнанные по фигуре. Это был Джон Симпсон — знаменитый мастер по ковке мечей из Глазго, и его сын, тоже Джон Симпсон. Они прибыли сюда в начале недели, чтобы преподнести Карлу один из своих великолепных палашей с эфесом, которыми они прославились на всю Шотландию. Сегодня их пригласили сюда для того, чтобы продемонстрировать дону Франсиско, какой огромной поддержкой пользуется Стюарт.

У обоих мужчин были густые черные волосы и бороды, слегка тронутые сединой. Я видела, как старший Симпсон слегка толкнул младшего в спину и многозначительно кивнул в сторону одной из купеческих дочерей, стоящей рядом с отцом в надежде, что ее снова кто-

нибудь пригласит на танец.

Симпсон-младший одарил отца скептическим взглядом, но затем пожал плечами, выступил вперед и с поклоном предложил руку третьей мисс Уильяме.

Я с удивлением и восхищением наблюдала, как они закружились в танце, поскольку Джейми, и раньше встречавшийся с Симпсонами, говорил мне, что Симпсон-младший совершенно глух.

— Наверное, от стука молотов в кузнице, — объяснил он мне, с гордостью показывая прекрасный палаш, купленный у них. — Глух как пень. Старший ведет переговоры, но от внимания младшего ничто не ускользает.

Я видела, как острый взгляд его темных глаз скользит по полу, отмеряя расстояние от одной танцующей пары до другой. Парень двигался чуть тяжеловато, но чувствовал ритм танца достаточно хорошо, по крайней мере не хуже меня. Закрыв глаза, я живо ощутила вибрацию деревянного пола от виолончели, стоящей на нем, и догадалась, что именно она и помогает ему не сбиваться с ритма. Затем, открыв глаза, чтобы ненароком не наткнуться на кого-нибудь, я опять отыскивала его среди танцующих. На сей раз он морщился от резких звуков скрипок. Возможно, он все-таки что-то слышит.

Кружась в танце, я и лорд Кильмарнок приблизились к камину, возле которого стояли Карл и дон Франсиско. К моему удивлению, Карл махнул мне рукой из-за плеча дона Франсиско. Я истолковала этот жест как повеление держаться подальше от его высочества. Кильмарнок так же истолковал поспешный жест Карла и рассмеялся.

— Итак, его высочество боится представить вас испанцу! — воскликнул он.

Уносясь в вихре танца прочь от Карла, я оглянулась и увидела, что он снова вернулся к беседе, энергично размахивая руками в свойственной итальянцам манере.

Лорд Кильмарнок замечательно танцевал, и я попыталась расслабиться, чтобы начать разговор, не опасаясь, что он может наступить мне на юбку.

— Вы видели те глупые листочки, которые Балмерино всем показывал? — спросил Кильмарнок и, когда я кивнула, продолжил: — Думаю, что его высочество тоже их видел. А испанцы обожают подобные глупости. Ни один разумный человек не поверит тому, что там написано, — заверил он меня, — но его высочество, несомненно, решил, что лучше поостеречься. В конце концов, ради испанского золота можно пойти и не на такие жертвы, — добавил он.

Упиваясь гордыней, Карл относился к шотландским графам и вождям свысока, но, по крайней мере, на сегодняшнее празднество они были приглашены, по-видимому, для того, чтобы произвести впечатление на дона Франсиско.

— Вы обратили внимание на эти портреты? — поинтересовалась я, чтобы сменить тему разговора. Более ста портретов королей и королев украшали стены галерей. И все они поражали своим редкостным сходством.

— Вы имеете в виду их носы? — спросил он, и унылое выражение его лица, появившееся при виде Карла и дона Франсиско, уступило место улыбке. — Да, я их заметил. А вы знаете что-нибудь об их истории?

Видимо, все портреты принадлежали кисти одного художника — Джакоба де Витта, приглашенного Карлом II^[4] для того, чтобы воссоздать портреты всей родословной короля, начиная с Роберта Брюса^[5].

— Чтобы убедить всех в принадлежности к роду, — усмехнулся Кильмарнок. — Интересно, прибегнет король Джеймс к созданию портретов своей родословной, когда займет трон?

Художник рьяно принялся за дело, каждые две недели рисуя по портрету, чтобы угодить монарху. Трудность состояла в том, что де Витт не имел ни малейшего представления о том, как выглядели предки Карла, поэтому приглашал позировать любого, кого удавалось ему затащить к себе в студию. А чтобы придать портретам фамильное сходство, снабжал всех длинными носами.

— А это сам король Карл, — сказал Кильмарнок, кивком указывая на портрет в полный рост, где он был изображен в ярко-красном бархатном камзоле. Затем он бросил критический взгляд на принца Карла, покрасневшее лицо которого свидетельствовало о том, что он изо всех сил старался не отставать в выпивке от своего гостя.

— Во всяком случае, у этого нос выглядит получше, — пробормотал граф как бы про себя. — Его мать была полячкой.

Между тем торжество близилось к концу. Свечи в серебряных канделябрах догорели и стали гаснуть еще до того, как гости в полной мере насладились вином и танцами. Дон Франсиско, возможно, не столь привычный к выпивке, как Карл, клевал носом.

Джейми с видимым облегчением подвел младшую из сестер Уильяме к отцу, собиравшемуся ехать домой, и отыскал меня в укромном местечке, где я пристроилась, чтобы снять туфли.

Он сел рядом со мной, вытирая лоб большим белым платком.

Рядом на маленьком столике стоял поднос с пирожными.

— Я ужасно голоден, — буркнул он, запихивая пирожное в рот. — От этих танцев разыгрывается зверский аппетит, а от разговоров тем паче.

Я наблюдала за тем, как принц Карл, склонившись над своим гостем, тряс его за плечо, стараясь разбудить, но все его усилия были тщетны. Голова испанца безвольно повисла, рот под внушительными усами раскрылся. Его высочество растерянно оглядывался по сторонам, но Шеридан и Туллибардин, оба джентльмена уже преклонного возраста, в кружевах и бархате, тоже спали сном праведников, прильнув головами друг к другу, как два деревенских пьяницы.

— Не хочешь помочь его высочеству? — спросила я Джейми, который засовывал в рот очередное пирожное, и прежде, чем он успел ответить, я увидела, как Симпсон-младший, оценив ситуацию, толкнул отца в бок.

Старший тотчас же с почтительным видом направился к принцу Карлу. Младший последовал за ним, а в следующую минуту отец и сын уже подхватили испанца за руки и за ноги и без видимых усилий, играючи, потащили его.

Вскоре они исчезли за дверями галереи в сопровождении его высочества.

Такое бесцеремонное удаление почетного гостя знаменовало окончание бала.

Другие гости почувствовали облегчение, дамы отлучились, чтобы накинуть шали и плащи, а мужчины в ожидании их накоротке обменивались впечатлениями.

Поскольку мы проживали в Холируде, нам не требовалось куда-то ехать, а достаточно было пройти через утреннюю гостиную и подняться по лестнице.

Однако внизу у лестницы нас встретил громила Ангус Мор.

— Мой хозяин мертв, — сообщил он.

— Его высочество думает, — с горечью произнес Джейми, — а возможно, так оно и есть... что Колам покончил с собой из-за Дугала, — пояснил он, видя мой недоуменный, полный ужаса взгляд. — Дугал всегда изъяснял готовность безоговорочно поддержать его высочество. Теперь, когда Колама не стало, главой клана становится Дугал. Таким образом, Макензи Леоха вольются в состав шотландской армии, чтобы изведать вместе с ней победу... или поражение.

На лице Джейми появилось выражение крайней усталости и печали, и он не противился, когда я подошла к нему сзади и положила руки на его широкие плечи. Он облегченно простонал, когда я с силой надавила на

шейные мышцы, и уронил голову на сложенные на столе руки. Перед ним ровными стопками были аккуратно разложены пачки писем и различные документы. Среди прочих бумаг оказалась маленькая, довольно потрепанная тетрадь в красной кожаной обложке. Это был дневник Колама, который Джейми взял в комнате дяди, надеясь найти в нем необходимые распоряжения, способные помешать Дугалу стать на сторону Карла.

— Здесь нет ничего подобного, — сказал он, заново листая густо исписанные страницы.

Как ни странно, в последние три дня в дневнике не было сделано ни одной записи, если не считать короткого упоминания о нашей встрече на церковном кладбище: «Встретился с молодым Джейми и его женой. Наконец-то помирился с Элен».

Эта запись, конечно, имела значение для Колама, для Джейми и, возможно, для Элен, но она никак не могла повлиять на убеждения Дугала Макензи.

Джейми вскочил из-за стола и повернулся ко мне. В его глазах я прочитала тревогу и бессилие.

— Это означает, Клэр, что мы целиком в его власти — я имею в виду, во власти Карла. Теперь у нас нет другого выбора. Мы должны обеспечить ему победу.

У меня во рту сделалось сухо от выпитого вина. Я с трудом облизнула губы, прежде чем ответить:

— Думаю, ты прав. Проклятье! Почему Колам не мог подождать еще немного?! Хотя бы до утра, когда он мог встретиться с Карлом?

Джейми грустно улыбнулся:

— Я не думаю, что это могло бы что-то изменить, Саксоночка. Лишь немногим дано знать час своей смерти.

— Колам знал!

Я не раз размышляла о том, рассказать ли Джейми о нашем разговоре с Коламом во время встречи в Холируде или нет, но теперь не было смысла молчать.

Джейми недоверчиво покачал головой и вздохнул, плечи его поникли. Ему было тяжело сознавать, что Колам собирался покончить с собой, — А теперь я думаю, — задумчиво, как бы про себя, проговорил он, — не является ли это неким предзнаменованием?

— Предзнаменованием?

— Колам умер, не успев отказать Карлу в помощи. Не означает ли это, что Карлу суждено выиграть в этой борьбе?

Я вспомнила последнюю встречу с Коламом. Смерть настигла его в

постели. Он сидел на кровати, рядом, на столике, — нетронутый бокал бренди. Он встретил смерть как хотел — со светлой головой. Его глаза были широко открыты, рот плотно сжат; морщины, идущие от уголков рта к носу, сделались глубже. Боль, которая была постоянной спутницей его жизни, наконец-то отступила.

— Это только Богу известно, — наконец произнесла я.

— Да. Я надеюсь, что известно кому-то еще.

Глава 38

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

Опасность инфлюэнцы нависла над Эдинбургом подобно грозовой туче, окутавшей замок на вершине холма. Потоки холодной дождевой воды день и ночь бежали по булыжной мостовой, смывая грязь и устраняя невыносимую вонь, распространяемую отбросами, и удушливый дым очагов, топившихся по-черному.

Дрожа от холода, я подолгу бродила по Холируду и Канонгейту, предпочитая бродить под дождем, нежели задыхаться от дыма и глотать микробы, которыми была насыщена атмосфера в помещении. Во дворе только и слышен был кашель и чиханье, хотя постоянное присутствие его высочества заставляло несчастных больных плевать в грязные носовые платки и камины, а не на полированный дубовый пол.

В это время года рано зажигались огни, и я повернула домой в надежде засветло добраться до Холируда. Я не боялась ходить одна в темноте, хотя далеко не все здесь знали меня. Преувеличенный страх перед свежим воздухом удерживал население в домах.

Единственное, чего я боялась, — это оступиться в темноте на скользком булыжнике и сломать ногу. Город освещался лишь фонарями караульных, которые бродили от дома к дому, появляясь и исчезая подобно светлячкам. Иногда светлячки исчезали все одновременно на полчаса, а то и больше. Это означало, что караульные отправились выпить глоток спасительного эля.

Я смотрела на тусклое сияние солнца, опустившегося за Канонгейтской церковью, стараясь определить, сколько времени осталось до наступления темноты. Если удастся, я еще смогу заглянуть в аптеку мистера Хо.

В аптеке мистера Хо можно было приобрести конский каштан и кору ильма, а еще он снабжал меня мятой перечной и барбарисом. В это время свой основной доход он получал от продажи камфорных шариков, которые, как считалось, помогали от простуды, гриппа и туберкулеза легких.

Если снадобье Хо и не являлось более эффективным средством борьбы с болезнями по сравнению с современными лекарственными препаратами, то они и не наносили вреда и по крайней мере имели приятный запах.

Несмотря на обилие красных носов и бледных лиц, балы во дворце проводились регулярно, несколько раз в неделю, так как эдинбургская знать

с энтузиазмом продолжала изъявлять симпатию своему принцу. Еще через два часа слуги с фонарями отправятся сопровождать своих господ на бал.

Я вздохнула, вспомнив другой бал, с сопливыми кавалерами, говорящими комплименты сиплыми голосами. Наверное, неплохо бы добавить к списку лекарственных средств немного чеснока. Его носят в серебряных медальончиках на шее. Считалось, что он спасает от заражения. Я же была убеждена, что пронзительный чесночный аромат вынуждает людей держаться на почтительном расстоянии от его источника, и таким образом снижается опасность заражения.

Город был занят войсками Карла, и англичане, пока еще не осажденные, сосредоточились в замке, расположенном на вершине холма. И все же слухи, нередко преувеличенные, растекались по всем направлениям.

Если послушать мистера Хо, то герцог Камберлендский собирал свои войска к югу от Перта, намереваясь немедленно отправиться на север. Я не знала, так ли это. На самом деле я в этом весьма сомневалась, припоминая, что в истории о нем не было каких-либо упоминаний до 1746 года, а он еще не наступил.

Страж у ворот, кашляя, кивнул мне. Кашель был подхвачен и другими стражниками, стоявшими в прихожей и на лестничной площадке. Еле удержавшись от того, чтобы помахать на них связкой чеснока, словно кадилом, я поднялась по лестнице и направилась в вечернюю гостиную, куда была беспрепятственно допущена.

В гостиной находились его высочество, Джейми, Эйнес Макдоналд, О'Салливан, секретарь его высочества и мрачный человек по имени Фрэнсис Таунсенд, в последнее время пользующийся особым расположением его высочества. Почти у всех носы были красными, они постоянно чихали. На красивой облицовке камина виднелись следы мокроты, которую присутствующие сплевывали в огонь. Я бросила выразительный взгляд на Джейми, устало расположившегося в кресле. Его лицо было бледным и осунувшимся.

Привыкнув к моим прогулкам по городу и испытывая большой интерес ко всему, что было связано с англичанами, мужчины слушали меня с большим вниманием.

— Мы чрезвычайно благодарны вам, мадам, за ваши сообщения, — с грациозным поклоном произнес его высочество. — Не могу ли и я в свою очередь быть вам чем-либо полезен?

— Можете, — отвечала я, усмотрев в его словах возможность извлечь пользу для себя и Джейми. — Я хочу забрать своего мужа домой. Прямо

сейчас.

Глаза принца сузились, но он тут же взял себя в руки. Не столь сдержанный Эйнес Макдоналд разразился подозрительно странным кашлем. Бледное лицо Джейми вдруг порозовело. Он чихнул и уткнулся в носовой платок, синие глаза метали искры.

— О, вашего мужа, гм... — Розовая краска медленно залила его лицо.

— Он болен, — с некоторым вызовом произнесла я. — Да вы это и сами видите. Я хочу, чтобы он отправился домой и лег в постель. Ему нужен отдых.

— Ах, отдых, — пробормотал Макдоналд себе под нос.

Я лихорадочно искала какие-нибудь приличествующие случаю слова.

— Очень сожалею, что вынуждена на время лишить ваше высочество общества моего мужа, но, если сейчас не дать ему немного отдохнуть и полечиться, он потом Очень долго будет лишен возможности посещать вас.

Карл мгновенно оправился от минутного замешательства и, видимо, нашел забавным смущенное молчание Джейми.

— О, нас вовсе не устраивает такая перспектива, мадам. Пусть будет так, как вы сказали. Наш дорогой Джейми освобождается от посещения моей персоны до тех пор, пока не поправится. Так что вы можете отвести своего мужа в свои комнаты и... делайте с ним то... что сочтете нужным. — Вдруг губы принца неожиданно сморщились, он вытащил из кармана платок и, следуя примеру Джейми, прикрыл им нижнюю часть лица, деликатно покашливая.

— Поберегите себя, ваше высочество, — язвительно посоветовал Макдоналд, — а то вы можете заразиться от мистера Фрэзера.

— Можно только пожелать себе быть хотя бы наполовину таким здоровым, как мистер Фрэзер, — пробормотал Фрэнсис Таунсенд, даже не пытаясь скрыть ехидную усмешку, которая делала его похожим на лису в курятнике.

Теперь Джейми весьма напоминал помидор, слегка тронутый морозцем. Он быстро поднялся, поклонился принцу и, бросив короткое «благодарю вас, ваше высочество», поспешил к двери, увлекая меня за собой.

— Пусти меня, — сердито проворчала я, как только мы миновали стражника и вошли в приемную. — Ты ломаешь мне руку.

— Ладно, — пробормотал он. — Но как только мы выйдем отсюда, я сломаю тебе шею. — Однако по выражению его лица было ясно, что сердитые слова произносятся им только для видимости.

И уже придя домой и крепко притворив дверь, он притянул меня к себе

и засмеялся, прижавшись щекой к моей макушке.

— Спасибо тебе, Саксоночка, — чуть присвистнув, сказал он.

— Ты не сердишься? — Мои слова звучали глухо, так как я говорила, уткнувшись головой в ворот его рубашки. — Я не хотела смущать тебя.

— Да нет, все в порядке. Я согласился бы сесть на раскаленные угли, лишь бы иметь возможность покинуть его высочество. Я до смерти устал от этого человека. — Неожиданный приступ кашля сотряс его тело, и он покачнулся, ухватившись за дверь.

— Что с тобой? — Я поднялась на цыпочки, чтобы пощупать его лоб. Я была не столько удивлена, сколько встревожена, почувствовав, какой он горячий. — У тебя есть температура, — с укором произнесла я.

— У всех есть температура, только у одних она выше, у других ниже.

— Не паясничай, — сказала я с невольным чувством облегчения, что, несмотря на сильный жар, он не потерял способности мыслить логически. — Раздевайся и не возражай, пожалуйста, — решительно добавила я, заметив, что он собирается что-то сказать.

Джейми рассмеялся и стал расстегивать рубашку. Его смех вновь перешел в хриплый кашель, от которого он побагровел и чуть не задохнулся. Рубашка упала на пол, и его бросило в дрожь.

Я как могла натянула толстую шерстяную рубашку ему на голову, он барахтался в ней, пытаюсь попасть в рукава, а я принялась стягивать с него юбку, чулки и туфли.

— Боже, ноги у тебя холодные как лед!

— Ты могла бы... погреть их... если бы... захотела! — Он с трудом выговаривал слова, стуча зубами, и уже не сопротивлялся, когда я стала укладывать его в постель.

Он так дрожал, что не мог говорить. Щипцами я вытащила из камина горячий кирпич и, завернув в тряпку, положила ему в ноги.

Вскоре Джейми немного согрелся. А я к тому времени согрела кастрюлю воды, бросила туда горсть мяты перечной и черной смородины.

— Что это? — спросил он, подозрительно принохиваясь, когда я достала и открыла еще одну банку. — Надеюсь, что ты не собираешься поить меня этим? Пахнетдохлой уткой.

— Ты почти угадал. Это утиный жир, смешанный с камфорой. Я хочу натереть тебе грудь.

— Нет, только не это! — Джейми натянул одеяло до подбородка.

— Прекрати! — непреклонным тоном произнесла я и принялась за дело.

Занятая хлопотами, я не сразу заметила, что мы в комнате не одни.

Фергюс стоял у другого края кровати и с любопытством наблюдал за происходящим. Из носа у него текло. Я потянулась за носовым платком.

— А ты что здесь делаешь? — спросил Джейми, опуская подол рубашки.

Не особенно огорчившись недружелюбным тоном, Фергюс проигнорировал протянутый ему платок и вытер нос о рукав, не переставая с восхищенным видом рассматривать выпуклые мускулы на груди у Джейми.

— Тоткий милорд велел мне принести пакет, который, как он сказал, вы ему обещали. Милорд, скажите, у всех шотландцев так много волос на груди?

— Бог мой! Я совсем забыл! Подожди, я сам отнесу его Камерону. — Джейми забарахтался в постели и вновь вдохнул запах моих целебных снадобий. — Фу! — Он размахивал подолом рубашки, чтобы рассеять едкий аромат, и беспомощно взглянул на меня: — Как удалить с меня эту гадость? Не могу же я появиться в обществе, воняя словнодохлый гусь, Саксоночка?

— Конечно, не можешь. Ты должен спокойно лежать в постели и отдыхать, — произнесла я, свирепо сверкая глазами.

— Я доставлю пакет в целости и сохранности, — уверял Фергюс.

— Ничего подобного, — сказала я, глядя на пылающие щеки и горящие глаза мальчика. Прикоснувшись к его лбу, я убедилась, что он горячий.

— Не говори мне, — ехидно произнес Джейми, — что у него температура.

— Да, температура.

— Ха, — с торжествующим видом сказал Джейми Фергюсу. — Теперь посмотрим, как тебе понравится, когда тебя будут поливать жиром.

После некоторых моих усиленных стараний и Фергюс вскоре тоже лежал на соломенном тюфяке у камина, напившись чаю и так же, как Джейми, благоухая моими целебными мазями.

— А теперь, — сказала я, тщательно моя руки, — я сама отнесу этот злополучный пакет мистеру Камерону. Вы же оба отдыхайте, пейте горячий чай, сморкайтесь и так далее. Поняли, вояки?

Кончик длинного, покрасневшего носа показался среди вороха одеял.

— Поить насильно, — пробормотал Джейми, глядя в потолок, — это так не похоже на женщин.

— Плохо же ты знаешь женщин, любовь моя. — Я поцеловала его в горячий лоб и сняла плащ с крючка.

Эван Камерон возглавлял разведывательную службу в Холируде. Его квартира находилась в конце западного крыла дома, недалеко от кухни. Наблюдая за его аппетитом, я заподозрила, что он расположился там неспроста. А сейчас, глядя на его смертельно бледное лицо, уткнувшееся в бумаги, я подумала, что у него, скорее всего, селитер.

— Все в порядке? — через несколько минут спросила я, сделав над собой усилие, чтобы не добавить привычное «сэр».

Прервав размышления, он оторвал голову от бумаг и уставился на меня.

— А? О! — Придя в себя, он улыбнулся и поспешил рассыпаться в извинениях: — Извините меня, мистрис Фрэзер! Как невежливо с моей стороны так забыть и заставить вас стоять здесь. Да, все в полном порядке и очень интересно, — пробормотал он про себя. Затем снова обратился ко мне: — Не откажите в любезности сказать вашему мужу, что я хочу обсудить с ним кое-какие вопросы, и чем скорее, тем лучше. Я понимаю, что сейчас он нездоров, — деликатно добавил он, старательно избегая моего взгляда. Ясно, что Эйнес Макдоналд не удержался и рассказал всем о моем визите и разговоре с принцем.

— Он действительно болен, — беспомощно произнесла я.

Меньше всего мне хотелось, чтобы Джейми покинул сейчас постель и всю ночь просидел с Камероном и Ло-чиэлем, обсуждая разведывательные донесения. Это равносильно танцам на балу с дамами всю ночь напролет. А может, вовсе и не равносильно, поправила я себя, вспомнив трех барышень Уильяме.

— Уверена, что он навестит вас, как только сможет, — сказала я, плотнее запахивая полы своего плаща. — Я передам ему. — Я действительно передам — завтра или послезавтра. Где бы сейчас ни находились английские войска, я уверена, что не ближе чем в ста милях от Эдинбурга.

Когда, вернувшись домой, я заглянула в спальню, то увидела на кровати под ворохом одеял две неподвижные фигуры. В комнате слышалось размеренное дыхание. Я успокоилась и, сняв плащ, присела в гостиной с чашкой горячего чая, куда добавила небольшое количество медицинского бренди.

С удовольствием попивая чай, я чувствовала, как медленно и приятно теплеет в груди, как затем тепло распространяется по всему телу, достигает ног, замерзших после прогулки по внутреннему двору и многочисленным лестницам и неотапливаемым переходам.

Я прижала чашку к подбородку, вдыхая приятный, слегка горьковатый

аромат, чувствуя, как горячие пары бренди согревают мне грудь. Вдыхая их, я задумалась над тем, каким образом мне удастся не заболеть, когда в городе да и в самом дворце свирепствует инфекция.

Действительно, последний раз я болела простудой в детстве и совсем не болела после того, как прошла через каменный круг. И это странно, принимая во внимание далеко не идеальные условия гигиены и санитарии, в которых мне приходилось жить. Я должна была болеть хотя бы насморком, но ничего подобного. Здоровье мое оставалось по-прежнему крепким.

Кое-что было вполне объяснимо. В свое время мне были сделаны прививки от некоторых болезней. Я не могла заболеть, например, оспой, тифом, холерой или желтой лихорадкой. Нынешняя инфекция была мало похожа на желтую лихорадку, но все же... Я отставила чашку и пощупала через одежду мою левую руку. Шрам от вакцинации слегка сгладился, но был еще вполне ощутим — слегка заглубивший круглый участок кожи диаметром примерно в полдюйма.

Я вздрогнула, вспомнив о Джейлис Дункан, затем отогнала прочь эти мысли и вновь принялась размышлять о собственном здоровье, чтобы не думать о сожженной на костре женщине или о Коламе Макензи, отправившем ее на костер.

Чашка уже была почти пуста, и я встала, чтобы вновь наполнить ее. Возможно, причина тому — приобретенный иммунитет? Меня учили в медицинской школе, что простуда вызывается бесконечным множеством вирусов, и если вы подверглись воздействию какого-либо вируса, вы приобретаете иммунитет к нему. Вы можете снова схватить простуду, но уже под воздействием иных вирусов. Но с годами опасность подхватить вирус становится все меньше и меньше. Поэтому если дети болеют простудой в среднем шесть раз в году, то люди среднего возраста — только два, а пожилые люди могут вообще годами не подвергаться простудным заболеваниям, потому что за долгие годы жизни у них выработался стойкий иммунитет ко многим вирусам.

Вполне возможно, думала я. А что, если некоторые виды иммунитета становятся наследственными? Антитела ко многим болезням могут передаваться от матери к ребенку, я знала это. Через плаценту или грудное молоко ребенок приобретает иммунитет к тем болезням, которые перенесла его мать. Возможно, я никогда не болею простудой потому, что во мне живут антитела к вирусам восемнадцатого столетия, переданные мне моими предками за последние двести лет?

Я углубилась в размышления на эту интересную тему, так что даже

забыла присесть и прихлебывала чай, стоя посередине комнаты.

Вдруг послышался осторожный стук в дверь. Почувствовав невольное раздражение, с чашкой в руке я направилась к двери, готовая принять и тут же отправить назад посыльных с вопросами о здоровье Джейми. Они могли быть от Камерона, споткнувшегося на непонятном месте в донесении, или от Карла, скучающего на балу без Джейми. В любом случае они поднимут его с постели в эту ночь только через мой труп.

Я распахнула дверь, и слова приветствия застряли у меня в горле. На пороге стоял Джек Рэндолл.

От неожиданности рука, державшая чашку, дрогнула, и ее содержимое выплеснулось мне на юбки, что сразу привело меня в чувство, а он тем временем уже вошел в комнату. Бесцеремонно оглядев меня с головы до ног, он кивнул в сторону закрытой двери:

— Вы одна?

— Да.

Он переводил взгляд своих светло-карих глаз с меня на дверь и обратно, желая удостовериться в правдивости моих слов. На его лице лежала печать болезненности. Оно было бледным от плохого питания и недостатка свежего воздуха, но следов тревоги на нем не было. В холодных глазах светился ум и непреклонная воля.

Решившись, он одной рукой сграбастал мой плащ, а другой схватил меня за запястье:

— Идемте со мной.

Я скорее дала бы растерзать себя на куски, чем издать какой-либо звук. Я не могла допустить, чтобы дверь из спальни открылась.

Мы уже прошли половину коридора, когда наконец я решилась заговорить. У дверей, где жили придворные, стражников не было, но сам дворец и его переходы тщательно патрулировались. Он не смог бы вывести меня из дворца незамеченным, поэтому причинить мне какое-либо зло в пределах Холируда было невозможно.

Убить меня в отместку Джейми? Сердце заныло от этой мысли. Я испытующе посмотрела на него, когда мы попали в полосу света, падающего от свечей, вставленных в настенные подсвечники. Они были установлены здесь не для красоты, а лишь для того, чтобы слегка осветить коридор и дать возможность проживающим здесь придворным беспрепятственно отыскать путь к своим апартаментам. Свечей было мало, и они были расположены на почтительном расстоянии друг от друга.

Он был не в форме и без оружия. На нем были неописуемого вида толстая куртка, или кафтан, из домотканой материи, мешковатые светло-

коричневые штаны и чулки. Если бы не стройная осанка и высокомерно запрокинутая голова без парика, его попросту было бы невозможно узнать. Он вполне мог проскользнуть во дворец под видом слуги, сопровождающего своих господ на бал вместе с очередной партией гостей.

Нет, подумала я, когда мы вышли из темноты к освещенному месту, у него нет оружия, хотя его рука сковывала мое запястье железной хваткой. И все-таки, если он намеревался расправиться со мной, ему придется натолкнуться на мое решительное сопротивление. Я была почти одного с ним роста и, несомненно, более упитанной.

Как будто угадав мои мысли, он остановился в конце коридора и повернул меня к себе лицом, крепко ухватив за локти.

— Я не причиню вам вреда, — тихим, но твердым голосом заявил он.

— Так я вам и поверила, — ответила я, раздумывая над тем, услышит ли меня кто-нибудь здесь, если я закричу. Я знала, что внизу у лестницы стоит стражник, но до него было еще две двери, небольшая лестничная площадка и самый длинный лестничный марш.

С другой стороны, здесь была настоящая ловушка для меня. Если он не поведет меня дальше, здесь я не смогу позвать кого-либо на помощь. В этом конце коридора большинство апартаментов пусто, а немногие обитатели его наверняка находятся в другом крыле — присутствуют на балу либо в качестве гостей, либо прислуживающих им.

— Не будьте идиоткой, — раздраженно прошептал он. — Если бы я хотел убить вас, я мог бы сделать это здесь. Это гораздо безопаснее, чем выводить вас наружу. К тому же, — добавил он, — если бы я замышлял что-нибудь дурное, зачем бы я стал брать ваш плащ?

— Черт вас знает, — произнесла я, тем не менее считая его аргумент убедительным. — Объясните мне, почему вы его взяли?

— Потому что хочу, чтобы вы пошли со мной. Я хочу кое-что предложить вам, но не исключено, что здесь нас могут подслушать. — Он посмотрел в сторону двери в конце коридора. Она, как и все прочие двери в замке, имела специфический вид. Четыре верхние панели образовывали крест, две нижние стояли стоймя, создавая сходство с раскрытой Библией. Когда-то Холируд был аббатством.

— Не зайти ли нам в церковь? Там нам никто не помешает, и мы сможем спокойно поговорить.

Он был прав. Церковь, примыкающая к дворцу, была частью аббатства и годами не посещалась. Я медлила, не зная, как поступить.

— Послушай, женщина! — Он слегка встряхнул меня, затем отпустил и отступил на шаг.

Свет свечи слабо освещал его сзади так, что лицо, обращенное ко мне, казалось всего лишь смутным пятном.

— С какой стати я стал бы рисковать и проникать во дворец? — резонно спросил он.

Уж если он сумел, переодевшись, спокойно покинуть замок, улицы Эдинбурга и подавно не сулили ему никакой опасности. Он мог спокойно бродить неподалеку до тех пор, пока не встретит меня. Поэтому объяснение, которое он дал своему поведению, казалось мне убедительным: ему нужно было поговорить со мной, не опасаясь быть увиденным или услышанным.

Он прочел согласие на моем лице и немного расслабился. Расправив плащ, он подал его мне:

— Даю слово, что после нашей беседы вы вернетесь домой в целости и сохранности, мадам.

Я старалась прочесть его намерения по выражению его лица, но оно было подобно маске. Глаза были неподвижны и ничего не выражали, точно-точно как мои собственные, когда я вижу их в зеркале.

— Ну, хорошо.

Мы вышли в сумрак каменного сада, прошли мимо стража, кивнув ему. Он узнал меня. Я нередко выходила ночью, чтобы по срочному вызову посетить в городе какого-нибудь больного. Стражник внимательно посмотрел на Джека Рэндолла. Если Джейми был занят, меня обычно сопровождал Муртаг. В человеке, одетом так, как Джек был одет сейчас, никто не смог бы узнать капитана. Он ответил стражнику безразличным взглядом, и дверь замка закрылась за нами, оставив нас в промозглой тьме.

Только что прошел дождь, но густые облака, гонимые ветром, все еще продолжали плыть по небу. Ветер развеивал мой плащ и прилеплял юбки к ногам.

— Сюда. — Я потуже запахнула тяжелые бархатные одежды и пошла за Рэндоллом.

Мы прошли в конец сада и, оглянувшись вокруг, быстро пошли по траве к церкви. Дверь была перекошена и висела на одном крючке. Ею не пользовались в течение нескольких лет. Из-за строительных погрешностей здание считалось опасным, и никто не задумывался над его ремонтом. Я прокладывала себе путь через груды сухих листьев и мусора, слабо освещаемых рассеянным лунным светом. Вскоре мы нырнули в непроглядную тьму церкви.

Или не совсем непроглядную. Как только мои глаза немного привыкли к темноте, я заметила два ряда высоких колонн, вдоль нефа^[6] церкви и

искусную резьбу на каменной раме огромного окна. Стекол в нем почти не было.

— Здесь нас уже никто не услышит. Так скажите же, что вам от меня нужно?

— Ваше искусство медика и ваше молчание. Взамен я обещаю информацию о перемещениях и планах войск Электора, — шепотом добавил он.

У меня перехватило дыхание. Я всего ожидала, только не этого. Не думает же он, что я...

— Вам нужна медицинская помощь? — спросила я, не пытаясь скрыть ужас и удивление, которые невольно слышались в моем голосе. — Вы хотите получить ее от меня? Я понимаю, что вы... э... я имею в виду... — Сделав усилие над собой, я замолчала, затем твердо сказала: — Несомненно, вы уже получили необходимую медицинскую помощь, и самую эффективную. И никаких серьезных травм у вас нет. По крайней мере, так представляется на первый взгляд. — Я закусила губу, стараясь удержаться от истерики.

— Мне сообщили, мадам, что я выжил чудом, — холодно сказал он. — Дело весьма деликатное. — Он поставил фонарь в нишу в стене, где когда-то находилась церковная умывальница. Сейчас там было пусто и сухо. — Как я понимаю, ваши слова вызваны чисто профессиональным любопытством, а никак не заботой о моем здоровье, — продолжал он.

Фонарь, стоявший на уровне его груди, освещал всю его фигуру, хотя голова и плечи были в тени. Он положил руку на пояс своих брюк, слегка повернувшись ко мне.

— Не изволите ли осмотреть рану, чтобы вынести решение об эффективности проведенного лечения? — Лица его не было видно, ледяной голос звучал язвительно.

— Немного позже, — так же холодно произнесла я. — Если не вам, то кому же понадобилось мое врачебное искусство?

Он помедлил, но отступать было некуда.

— Моему брату.

— Вашему брату? — Я не могла сдержать дрожи в голосе. — Александру?

— Коль скоро мой старший брат Уильям находится, насколько мне известно, в Сассексе и занимается семейными делами и в помощи не нуждается, — сухо произнес он, — то речь идет о моем брате Александре.

Я ухватила за холодный камень церковного саркофага, чтобы не упасть.

— Расскажите все.

Это была довольно простая история и очень печальная. Если бы речь шла не о Джонатане Рэндолле, а о ком-нибудь другом, я могла бы расплакаться от жалости.

Освобожденный от службы у герцога Сандрингемского после скандала вокруг имени Мэри Хоукинс и будучи слишком слабого здоровья, чтобы претендовать на новое назначение, Александр Рэндолл вынужден был обратиться за помощью к своим братьям.

— Уильям прислал ему два фунта и письмо с серьезными увещеваниями. Боюсь, Уильям слишком строгий человек и он не готов был пригласить Алекса к себе в Сассекс. Жена Уильяма немного... э... сурова в своих религиозных суждениях. — В голосе его прозвучали нотки юмора, и это мне показалось симпатичным в нем, возможно оттого, что придавало ему сходство с будущим праправнуком.

Неожиданное воспоминание о Фрэнке так потрясло меня, что я пропустила мимо ушей его следующее замечание.

— Извините, что вы сказали? — Пальцы моей правой руки крепко сжали золотое обручальное кольцо. Фрэнка нет. Я должна перестать думать о нем.

— Я сказал, что снял комнаты для Алекса недалеко от замка и что сам ухаживаю за ним, так как мое материальное положение не позволяет мне нанять слугу.

В связи с захватом Эдинбурга посещать Алекса стало затруднительно, и ему часто приходилось оставаться одному, если не считать женщины, которая время от времени приходила убирать комнаты. Плохое состояние его здоровья усугублялось еще и плохой погодой, неважным питанием и неудовлетворительными условиями жизни. Встревоженный Джек Рэндолл вынужден был обратиться ко мне за помощью. И чтобы получить эту помощь, он был готов предать своего короля.

— Почему вы обратились именно ко мне? — спросила я наконец.

Рэндолл удивился.

— Потому что я знаю, кто вы. — Он притворно улыбнулся. — Если кому-то не терпится продать свою душу дьяволу, почему бы не обратиться к представительнице сил тьмы?

— Вы действительно считаете меня представительницей сил тьмы?

Конечно же, он так не считал. Ему нравилось насмешничать, но сейчас он говорил вполне серьезно.

— Не считая слухов, которые ходили о вас в Париже, вы сами мне сказали об этом, — подчеркнул он. — Когда я позволил вам покинуть

Уэнтурт. И это было серьезной ошибкой, — мягко добавил он. — Нельзя было позволить вам уйти оттуда живой. Но у меня не было выхода. Ваша жизнь была ценой, которую он установил. А я бы заплатил и больше за то, что он дал мне.

У меня вырвался какой-то странный шипящий звук, который я тотчас же подавила, но слишком поздно. Рэндолл сидел на каменной плите, одной ногой опираясь о камень, другая была вытянута для равновесия. Свет луны пробивался сквозь облака, падая на него через разбитое окно. Его профиль и жесткая линия рта, смягченные темнотой, напомнили мне человека, которого я любила, — Фрэнка. Я предала этого человека. Из-за меня он никогда не появится на свет.

«Грехи отцов падут на детей... и уничтожат его, его корни и ветви, так что его имя будет забыто...»

— Он рассказывал вам? — спросил мягкий, тихий голос из темноты. — Он когда-нибудь рассказывал вам о том, что произошло между нами, им и мной, в той небольшой комнате в Уэнтурте?

Несмотря на потрясение и ярость, охватившую меня, я заметила, что он избегал упоминания имени Джейми. «Он», «ему». И никогда «Джейми». Это имя принадлежало только мне. Я с трудом произнесла сквозь стиснутые зубы:

— Он рассказывал мне. Все.

Рэндолл тяжело вздохнул:

— Нравится это вам или нет, моя дорогая, мы крепко повязаны между собой, вы и я. Не могу сказать, что мне это приятно, но вынужден признать, что это именно так. Вы прекрасно помните прикосновение его кожи, такой теплой, не правда ли? Иногда она обжигала. Вы помните запах его пота и жесткость волос на его бедрах. Вы помните крик, который он издает в конце. Помню это и я.

— Успокойтесь! — властно воскликнула я. — Замолчите! — Он не обращал на меня внимания. Откинувшись назад, он говорил задумчиво, словно сам с собою. Несмотря на владевший мною гнев, я понимала, что он говорит все это не из желания досадить мне, ему хотелось говорить о том, кого он любит, чтобы снова пережить сладкие минуты блаженства. С кем еще он мог говорить о сокровенных чувствах к Джейми, как не со мной?

— Я уйду! — решительно заявила я.

— Уходите? — услышала я спокойный голос позади себя. — Я могу отдать вам в руки генерала Холи, иначе он захватит шотландскую армию. Ваш выбор, мадам!

У меня возникло острое желание ответить, что генерал Холи не стоит того. Но тут же я вспомнила о шотландских военачальниках, квартировавших в Холируде, — Кильмарноке, Балмерино, Лочизле... О самом Джейми, о тысячах солдат и о том, что будет значить для них эта победа. И что произойдет, если я не приму предложение Рэндолла.

— Тогда продолжайте, — сказала я. Казалось, что мой гнев не произвел на него никакого впечатления, он не допускал и мысли, что я могу ему отказать. Голос, звучавший во мраке церкви, оставался спокойным и уверенным, в нем отчетливо ощущалось торжество:

— Он дал мне то, чего никогда не даст вам, потому что вы женщина, хотя и колдунья. Я познал его так же, как он познал меня. Мы крепко связаны, он и я, кровью.

— Вы избрали очень странный способ просить меня о помощи. — Мой голос дрожал, пальцы лихорадочно теребили складки юбки.

— Вы так считаете? Думаю, будет лучше, если вы все поймете, мадам. Я не прошу, вас о милости, не взываю к вашей доброте, я предлагаю вам сделку, я плачу вам за ваши услуги, но хочу, чтобы вы поняли: я испытываю к вам те же чувства, что и вы ко мне.

Его слова потрясли меня. Пока я лихорадочно искала ответ, он продолжал:

— Мы связаны с вами особыми узами — дорогим для обоих телом одного человека. Таких крепких уз у меня не существует даже с братом. Тем не менее я прошу вас вылечить его за ту цену, которую я вам предлагаю. А теперь скажите, считаете ли вы эту цену достаточной?

Я повернулась и пошла прочь от него. У меня дрожали колени и поступь была неуверенной. Сделав всего несколько шагов, я поспешила опереться о стену. Было слишком темно, чтобы разглядеть, что выгравировано на мраморной плите, но по очертаниям глубоких линий догадалась, что это очертания черепа, покоящегося на скрещенных костях. Я прижалась лбом ко лбу высеченного на плите черепа. С закрытыми глазами я стояла, пытаюсь подавить в себе чувство отвращения и дать успокоиться бешено колотившемуся сердцу.

...Да, но эти узы не имеют отношения к Джейми. Это иные узы! — мысленно твердила я ему. Мерзкий ублюдок! Ты овладел им, верно. Но я вернула его, избавила его от тебя. Он не принадлежит тебе! Ты не имеешь на него ни каких прав! Но струившийся по груди пот и мое прерывистое дыхание свидетельствовали об обуревавших меня сомнениях.

Это цена, которую я обязана заплатить за утрату Фрэнка? Тысяча спасенных жизней в качестве компенсации за одну-единственную жизнь?

Я старалась выбросить Джека Рэндолла из головы. Если бы ко мне обратился не он, а кто-нибудь другой, согласилась бы я? Сейчас я должна была думать об Алексе и ни о чем другом. Я должна пойти к нему ради него самого. И я пойду. Неужели я откажу ему в помощи только потому, что ко мне обратился Джек Рэндолл?

Прошло немало времени, прежде чем я пришла в себя. Голова была тяжелой, и я подумала, что болезнь, свирепствующая в городе, наконец настигла и меня.

Он все еще был здесь, терпеливо ожидая ответа в холодной темноте.

— Хорошо, — резко сказала я. — Я приду завтра днем. Но куда?

— Лэдиуок-Винд. Вы знаете, где это?

— Да. — Эдинбург был небольшим городок с единственной, главной улицей и маленькими, плохо освещенными закоулками по обе стороны от нее. Лэдиуок-Винд был один из самых невзрачных.

— Я встречу вас там. — Он шагнул к выходу и остановился, пропуская меня вперед. Я поняла, что он посторонился, чтобы не проходить мимо меня.

— Боитесь меня? — злорадно спросила я. — Боитесь, что я превращу вас в поганку?

— Нет, — спокойно ответил он. — Я не боюсь вас, мадам. Правда, однажды в Уэнтурте вы повергли меня в ужас, сообщив дату моей смерти. Но после этого я уже ничего не боюсь. Ведь если вы предрекли мне смерть в апреле будущего года, значит, сейчас со мной ничего не может случиться.

Будь у меня сейчас при себе нож, я, возможно, доказала бы ему обратное. Но на мне лежал долг, налагаемый профессией, и ответственность за сотни шотландских жизней. Да, он мог не опасаться меня. Я повернулась и вышла из церкви, предоставив ему возможность выбираться оттуда самостоятельно.

Мне не требовались гарантии выполнения им своих обязательств, у меня не было сомнений на этот счет. Ведь в свое время он освободил меня из Уэнтурта потому, что обещал это сделать. Он твердо держал свое слово. Джек Рэндолл был джентльменом.

«Что ты почувствовала, когда узнала, что я отдался Джеку Рэндоллу?» — спросил меня тогда Джейми.

«Ярость, боль и ужас», — ответила я.

И сейчас, прислонившись к двери гостиной, я испытывала те же чувства.

Огонь в камине потух, и в комнате было холодно. В нос ударил запах камфоры, смешанный с гусиным жиром. Тишина в комнате нарушалась

лишь тяжелым дыханием спящих и слабым завыванием ветра за шестифутовыми стенами.

Я опустилась на колени у камина, собираясь снова разжечь его. Выгребла золу, сложила поленья клеткой и подожгла горсть лучинок, подсунутых в отверстия между поленьями. В Холируде камины топились дровами, а не торфяными брикетами. К сожалению, про себя подумала я. Торф не сгорел бы так быстро.

Руки дрожали, и я дважды роняла огниво, прежде чем мне удалось высечь искру. «Холодно. Как холодно», — повторяла я про себя.

«Рассказал ли он о том, что было между нами?» — спрашивал Джек Рэндолл насмешливым тоном.

— Все, что мне необходимо было знать, — бормотала я себе под нос, касаясь бумажным факелом тонко наструганных лучин. Когда огонь охватил сложенную мною в камине поленницу, я добавила еще одно крупное полено — сосновое, с застывшей на нем бусинкой смолы. Она походила на янтарь и была твердой, как самоцветы. Однако от сильного жара бусинка вспыхнула, растрескалась и рассыпалась крошечными искрами.

Тюфяк Фергюса был пуст. Проснувшись от холода, он забрался в постель Джейми. Сейчас их головы — черная и рыжая — покоились рядом на подушке. Они крепко спали, мирно похрапывая. Я не могла удержаться от улыбки, глядя на них, но спать на полу я не собиралась.

— Ложись на свое место, — бормотала я, подтянув Фергюса к краю кровати и беря на руки. Он был слишком щуплым и худым для десятилетнего мальчика, но, несмотря на это, ужасно тяжелым. Он и не почувствовал, как я перенесла его к камину, уложила на тюфяк и как следует укрыла. Я тоже собралась лечь.

Стоя у кровати, я медленно разделась, глядя на Джейми. Он повернулся на бок и подтянул одеяло к подбородку. Длинные ресницы бросали тень на порозовевшие щеки. Ресницы были почти черными на концах и светлыми у корней. Это придавало его лицу полудетское выражение, несмотря на прямой, длинный нос и резко очерченную линию рта и подбородка.

Я надела ночную рубашку и нырнула в постель, прижавшись к горячей спине Джейми. Он шевельнулся, закашлявшись, и я положила руку ему на бедро, желая успокоить. Он придвинулся ко мне и, ощутив спиной мое присутствие, облегченно вздохнул. Я протянула руку к его яичкам и стала нежно массировать их. Я знала, что мне ничего не стоило разбудить его спящий мертвецким сном член, — достаточно было бы нескольких

энергичных движений моих пальцев. Но я не хотела нарушать его сон, поэтому лишь легонько погладила его по животу. Он протянул свою огромную ладонь и тоже погладил меня по бедрам.

Наполовину проснувшись, он пробормотал:

— Я люблю тебя.

— Я знаю, — ответила я и, обняв его за талию, тут же уснула.

Глава 39

СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ

Это были не совсем трущобы, но что-то похожее на них. Я отскочила в сторону, чтобы избежать попадания содержимого ночного горшка себе на голову.

Рэндолл придержал меня за локоть, чтобы не дать поскользнуться на мокром булыжнике мостовой. Я напряглась от его прикосновения, и он, почувствовав это, тотчас убрал руку.

Он заметил мой взгляд, брошенный на загаженный порог, и извиняющимся тоном произнес:

— Я не могу позволить себе снять лучшее помещение, но внутри там не так уж плохо.

И это была правда. Видно, немало усилий было потрачено на то, чтобы создать минимальные удобства. По крайней мере, здесь были таз и кувшин для умывания, а также стол, на котором лежали буханка хлеба и сыр и стояла бутылка вина. Кровать с периной и несколькими теплыми одеялами.

Человек, лежавший на кровати, откинул одеяла, очевидно, ему стало жарко от сильного кашля. Лицо у него было пунцовым, а кровать, довольно солидная, сотрясалась от приступа кашля.

Я подошла к окну и распахнула его, не обращая внимания на протестующий возглас Рэндолла. Холодный воздух ворвался в комнату, и запах немытого тела, грязного белья и переполненного ночного горшка слегка уменьшился.

Кашель постепенно утих, и пунцовое лицо Александра Рэндолла сделалось мертвенно-бледным: губы посинели, грудь высоко вздымалась.

Я открыла свой медицинский саквояж и вытащила кусок пергамента. Он слегка обтрепался по краям, но еще мог служить. Я присела на край кровати Александра и ободряюще улыбнулась.

— Вы... очень... добры, — проговорил он, стараясь сдержать кашель.

— Сейчас вам станет лучше, — сказала я. — А сейчас помолчите, но кашель не сдерживайте. Мне надо хорошенько вас прослушать.

Его рубашка была уже расстегнута. Я подняла ее и увидела глубоко запавшую грудь. Сквозь тонкую кожу, практически при полном отсутствии плоти, явственно проступали ребра. Видимо, он всегда был худым, но болезнь окончательно истощила его.

Я свернула пергамент в трубку и приставила один конец к уху, другой

к груди больного. Это был грубый стетоскоп, но удивительно эффективный.

Я выслушивала его, просила дышать поглубже. Мне не нужно было просить беднягу покашлять.

— Повернитесь ненадолго на живот. — Я подняла рубашку и постучала легонько по спине, проверяя резонанс легких. Его спина была мокрой от пота. — Хорошо. А теперь опять на спину. Лежите спокойно и расслабьтесь. Я не причиню вам ничего неприятного. — Я продолжала вести с ним успокоительную беседу, осматривая белки глаз, вздувшиеся лимфатические железки на шее, обложенный язык и воспаленные гланды.

— У вас простуда, — сказала я, слегка похлопав его по плечу. — Я приготовлю вам напиток, облегчающий кашель. А пока... — Я указала носком туфли на горшок, стоящий под кроватью, и уже обращаясь к Джеку, приказала: — Вынесите это!

Тот недоверчиво взглянул на меня, чуть помедлил, но решил подчиниться.

— Не в окно! — резко остановила я его. — Отнесите это вниз. — Он вышел, не глядя на меня.

Как только дверь затворилась, Александр улыбнулся мне, глаза на его бледном лице засияли.

От сильного кашля его волосы растрепались, и я пригладила их.

Мне не хотелось говорить ему это, но, по-видимому, он уже все знал.

— У вас простуда. И туберкулез.

— А еще?

— Острая сердечная недостаточность.

— Я так и думал. Часто в груди что-то бьется... как очень маленькая птичка.

Я не могла выносить вида его истощенной груди и осторожно застегнула рубашку. Длинная белая рука сжала мою руку.

— Как долго? — спросил он. Голос его был спокойным, в нем звучало лишь простое любопытство.

— Не знаю, — ответила я. — Это правда. Я не знаю.

— Но недолго, — уверенно произнес он.

— Недолго. Может быть, несколько месяцев, но не больше года.

— Можете вы... остановить кашель?

Я потянулась к саквою.

— Да, по крайней мере, я смогу его облегчить. И сердце... Я приготовлю экстракт наперстянки. Это поможет... Что же касается вашего брата... Хотите вы, чтобы я...

— Нет, — твердо ответил он. Один уголок его рта поднялся, и он

сделался так похож на Фрэнка, что я чуть не разрыдалась. — Нет, — повторил он, добавив: — Хотя я думаю, он уже знает. Мы всегда... все знаем друг о друге.

— Знаете все? — спросила я, глядя ему в глаза. Он не отвел глаз, лишь слабо улыбнулся.

— Да, — мягко произнес он. — Я знаю о нем все. Но это не имеет значения.

Не имеет? — подумала я. Для тебя, может быть, и не имеет. Боясь выдать себя, я отвернулась и начала разводить маленькую спиртовку, которую принесла с собой.

— Он ведь — мой брат, — услышала я мягкий голос у себя за спиной. Я глубоко вздохнула и принялась готовить питье.

— Да, конечно, — отозвалась я. — И он тоже осознает это.

Как только слухи о поражении Коупа дошли до Престон-панса, с севера начали поступать предложения о помощи как деньгами, так и людьми. В некоторых случаях эти предложения воплотились в конкретные дела. Лорд Оугилви — старший сын графа Эрли привел шестьсот отцовских батраков, а Стюарт Аппинский появился во главе четырехсот человек, представляющих графства Абердин и Банф.

Лорд Питслиг возглавил шотландскую кавалерию, в которую входило немало знатных людей со слугами. Все они были хорошо обучены и вооружены. Во всяком случае, по сравнению с многочисленными представителями местных кланов, вооруженных палашами, оставшимися со времен восстания 1715 года, со ржавыми секирами и вилами, которые используют для чистки коровников. Они представляли собой пеструю толпу, но тем не менее столь же воинственную.

По пути домой я увидела группу мужчин, толпившихся возле странствующего точильщика, который с одинаковым равнодушием точил мечи, бритвы, косы. Английскому солдату в сражении с армией, вооруженной таким оружием, грозил скорее столбняк, нежели смерть, но в конечном итоге результат мог быть одним и тем же.

Чтобы засвидетельствовать Карлу свое почтение, в Холируд прибыл лорд Льюис Гордон, младший брат герцога Гордона. Он рисовал Карлу радужную картину, суля привести под его знамена весь клан Гордонов. Но от целования сановной ручки до реального дела была дистанция огромного размера.

Представители южных земель Шотландии восторженно приветствовали победу Карла, но не изъявляли готовности предоставить своих людей в его распоряжение. Почти вся армия Стюарта состояла из

жителей северной и северо-западной Шотландии. Хотя сказать, что южане полностью устранились от поддержки Карла, было бы тоже неправильно. Лорд Джордж Муррей поведал мне, что самоуправляющиеся города южной Шотландии обязаны поставлять в фонд Карла продукты питания, товары и деньги, в общей сложности составляющие весьма значительную сумму, которая явится хорошим подспорьем для армии.

— Мы только из Глазго получили пять с половиной тысяч фунтов. Хотя это, конечно, немного по сравнению с деньгами, которые обещают Франция и Испания, — сказал лорд Муррей, добавив: — Я, правда, не особенно рассчитываю на эти деньги. Ведь пока его высочество не получил от Франции ничего, кроме обещаний.

Джейми, прекрасно понимавший, как мало надежды на французское золото, лишь согласно кивнул в ответ.

— Ничего новенького ты не узнала сегодня, Саксоночка? — спросил Джейми, как только я вошла. Перед ним лежало наполовину написанное донесение, и он только что обмакнул перо в чернильницу, чтобы продолжать писать. Я сняла с головы влажный капор, раздался треск статического электричества.

— Ходят слухи, что генерал Холи формирует кавалерийские отряды на юге. Ему приказано набрать восемь полков.

Джейми промышчал что-то. Учитывая неприязнь северозападных шотландцев к кавалерии, это была плохая новость. Он инстинктивно потер спину, где сохранился отпечаток лошадиного копыта.

— Я сообщу об этом полковнику Камерону, — сказал он. — Насколько верны эти слухи, как ты думаешь, Саксоночка? — По привычке он оглянулся через плечо удостовериться, что мы одни. Сейчас он так называл меня лишь наедине, на людях — только «Клэр».

— Думаю, они вполне достоверны.

Это были не слухи. Это были последние разведданные, полученные от Рэндолла. Ими он расплачивался со мной за лечение брата.

Джейми знал, конечно, что я посещала Алекса Рэндолла, как и больных из армии якобитов. Но он не знал, и я никогда не призналась бы ему, что раз в неделю, а иногда и чаще я встречалась с Джеком Рэндаллом, чтобы узнать от него последние новости, поступившие в Эдинбургский замок с юга.

Иногда он приходил к Алексу, когда я была там. Но чаще перехватывал меня на улице, когда в сумерках я возвращалась домой, осторожно, чтобы не поскользнуться, ступая по мокрому булыжнику. Вдруг из какого-нибудь закоулка передо мной вырастала стройная фигура в домотканой одежде,

или же рядом со мной сквозь туман прорезался тихий спокойный голос. Это всегда было потрясением для меня. Словно встреча с призраком Фрэнка.

Конечно, во многих отношениях ему было бы удобнее оставлять для меня информацию у Алекса, но он никогда ничего не сообщал мне письменно, и понятно почему. Если такое письмо будет обнаружено кем не следует, даже неподписанное, не поздоровится не только ему, но и Алексу. Как всегда, Эдинбург кишел незнакомцами. Это и волонтеры короля Джеймса, и люди с юга и севера, явившиеся лично выяснить обстановку, и многочисленные поверенные из Франции и Испании, множество всевозможных шпионов и осведомителей. Единственными соотечественниками из враждебного лагеря были офицеры и солдаты английского гарнизона, расквартированного в Эдинбургском замке. Но никто из них не видел нас вместе, а если бы и увидели, не узнали бы Рэндолла в такой одежде.

Меня тоже устраивал такой способ получения информации. Мне пришлось бы уничтожать все, написанное от руки. Я не думала, конечно, что Джейми мог узнать почерк Рэндолла, но в любом случае мне пришлось бы изворачиваться, объясняя, откуда ко мне регулярно поступает секретная информация. Куда удобнее было ссылаться на то, что она собрана мною по крохам во время моих ежедневных прогулок и визитов к больным.

Недостатком же этой системы являлось то, что информация, получаемая от Рэндолла, естественно, воспринималась мною в его интерпретации. И хотя я не сомневалась в ее достоверности, она тем не менее требовала критического восприятия, а иногда и дополнительной проверки.

— Герцог Камберлендский все еще ждет, когда вернутся его войска из Фландрии. Осада Стирлингского замка не даст никаких результатов.

Я сообщила сведения относительно генерала Холи и формируемых им кавалерийских полков с некоторым чувством вины за возможную недостоверность. Поскольку Джейми считал честность непреложной основой супружеских отношений, я не могла допустить возможности осложнения наших отношений даже во имя полезной информации для якобитов.

— Я и сам это знаю, — сказал Джейми, не отрываясь от письма. — Два дня назад лорд Джордж получил донесение от Фрэнсиса Таунсенда. Он держит город, но рытье рвов, на чем настаивает его величество, — это напрасная трата времени. Они совершенно не нужны. Гораздо эффективнее было бы обстрелять замок из пушек, а затем штурмовать.

— Зачем же они роют рвы?

Джейми махнул рукой, все еще продолжая писать. Его уши покраснели от досады.

— Потому что итальянская армия рыла рвы, когда они брали Веронский замок. Это — единственная осада, которую довелось видеть его высочеству. Значит, впредь всегда следует действовать только так.

— Тогда конечно, — сказала я.

Эти мои слова возымели действие. Джейми наконец взглянул на меня и рассмеялся, затем посыпал порошком свое донесение, поднялся, торопливо поцеловал меня и взялся за плащ:

— Сегодня мы ужинаем с тобой, Саксоночка. Мы найдем хорошую, уютную таверну, и я объясню тебе, чего не следует говорить при посторонних. Пока не забыл.

Стирлингский замок наконец-то был взят. Достался он Карлу большой ценой. Вероятность удержать его была слишком мала. Выгода от всей этой операции сомнительна. Тем не менее Карл пребывал в состоянии эйфории.

— Наконец я доказал Муррею, этому упрямому дураку! — нахмурившись, твердил Карл. Затем, вспомнив о своей победе, озарялся улыбкой. — Я достиг своей цели. На этой неделе наши войска отправятся в Англию, и я верну все земли моего отца.

Собранные в утренней гостиной шотландские военачальники переглядывались друг с другом, переминаясь с ноги на ногу и покашливая. Заявление Карла не вызвало особого энтузиазма.

— Э... ваше высочество, — осторожно начал лорд Кильмарнок. — Не лучше ли было бы...

Они старались. Они все старались. Они подчеркивали, что Шотландия уже принадлежит Карлу. С севера все еще продолжало прибывать подкрепление, в то время как на поддержку юга надежд, в сущности, не было. Шотландские лорды к тому же понимали, что и жители острова, несомненно славившиеся храбрыми воинами и надежной опорой Карлу, были еще и крестьянами. Поля нужно было подготовить к весенней пахоте, а скот — к зимовке и обеспечить фуражом на зиму. Люди не захотят зимой углубляться далеко на юг.

— А что, разве эти люди — не мои подданные? И разве они не пойдут, куда я им прикажу? Чепуха! — твердо заявил Карл. И все. Или почти все.

— Джейми, дружище! Подожди, я хочу поговорить с тобой наедине, если не возражаешь. — Его высочество прервал какой-то нелицеприятный разговор с лордом Питслигом. Выражение его лица смягчилось, когда он махал рукой Джейми.

Я не думала, что приглашение Карла касалось также и меня. Но тем не менее решила остаться и удобно расположилась в одном из позолоченных дамасских кресел. Тем временем лорды-военачальники покидали гостиную, негромко переговариваясь между собой.

— Ха! — Карл пренебрежительно щелкнул пальцами, глядя на закрывшуюся за ними дверь.

— Старые бабы! Все они бабы! Я еще покажу им! И своему кузену Людовика покажу! И кузену Филиппу! — Он коснулся бледными, наманикюренными пальцами медальона, который носил на груди под шелковой рубашкой. Медальон с портретом Луизы. Я видела его когда-то.

— Я желаю вашему высочеству удачи, — пробормотал Джейми, — но...

— О, благодарю, дорогой Джейми! Ты, по крайней мере, веришь в меня! — Карл обнял Джейми за плечи, демонстрируя тем самым свою любовь и благодарность.

— Я огорчен, что тебя не будет рядом со мной, что ты не сможешь насладиться аплодисментами моих подданных, когда мы вступим в Англию.

— Я не смогу? — На лице Джейми появилось недоуменное выражение.

— Увы, mon cher ami^[7]. Тебе придется пожертвовать этим во имя долга. Я знаю, что твоя душа жаждет славы на полях сражений, но ты мне нужен для другого дела.

— Вот как?

— Для какого? — в упор спросила я.

Карл бросил в мою сторону неприязненный взгляд и снова повернулся к Джейми, продолжая дружелюбным тоном:

— Это задача чрезвычайной важности, Джейми, и только ты один сможешь выполнить ее. Действительно, с каждым днем все больше и больше народу спешит под знамена моего отца. И все же это не должно нас успокаивать, не так ли, друг мой?

— Конечно, — согласился Джейми.

— А поэтому, — продолжал Карл с улыбкой, — ты отправишься на север, на родину твоих предков, и вернешься ко мне во главе войска клана Фрэзеров!

Глава 40

В НОРЕ У СТАРОГО ЛИСА

— Ты хорошо знаешь своего деда? — спросила я, отмахиваясь от назойливого слепня, который кружил надо мной, не в силах решить, что вкуснее — я или лошадь.

Джейми покачал головой.

— Нет. Я только слышал, что он ужасно старое чудовище, но тебе не следует его бояться. — Джейми улыбнулся, глядя, как я отмахиваюсь от слепня концом шали. — С тобой буду я.

— Старый сварливый джентльмен мне не страшен, — заверила я его. — В свое время я немало повидала подобных типов. Они мягкие, как воск, во всяком случае большинство из них. Думаю, твой дедушка точно такой же.

— М-м... нет, — задумчиво произнес Джейми. — Он действительно ужасное старое чудовище. И если почувствует, что ты перед ним робеешь, то станет еще ужаснее. Как дикий зверь, когда почувствует запах крови, понимаешь?

Я бросила взгляд туда, где далекие холмы, скрывающие Биафортский замок, неожиданно приняли зловещие очертания. Воспользовавшись моментом, слепень стремительно пронесся мимо моего уха. Я взвизгнула и рванулась в сторону. Лошадь, испуганная неожиданным движением, встала на дыбы.

— Эй, успокойся! — Джейми наклонился и схватил поводья моей лошади, бросив свои. Его лошадь, вышколенная лучше, чем моя, захрапела, но осталась на месте, тревожно прядая ушами.

Джейми вонзил шпоры в бока своей лошади и принудил мою встать рядом.

— Ну а теперь, — он прищурился, следя за зигзагообразным полетом слепня, — посиди спокойно, Саксоноч-ка, я поймаю его.

Я сидела словно статуя, почти загипнотизированная угрожающим жужжанием. Тяжелое крылатое насекомое с обманчивой медлительностью летало между мной и ушами лошади. Лошадь тревожно поводила ушами, и я ей сочувствовала.

— Если эта тварь сядет мне на ухо, Джейми, то тогда... — начала было я.

— Ш-ш... — приказал он и в ожидании наклонился вперед. Его левая

рука изогнулась, словно лапа пантеры, собирающейся нанести удар. — Еще секунда, и я поймаю его.

И тут я увидела темный маленький шарик у него на плече. Еще один слепень, подыскивающий удобное местечко. Я снова открыла рот:

— Джейми...

— Тихо!

С победоносным видом он обеими руками прихлопнул моего мучителя, за секунду до того как слепень, сидящий у него на воротнике, впился ему в шею.

Шотландцы сражались согласно их древним традициям. Они презирали стратегию, тактику и всякие военные хитрости. Их метод нападения был чрезвычайно прост: врываясь в ряды врагов, они, теряя свои пледы, выхватывали мечи и мчались за противником, вопя во всю силу своих легких. Дикий кельтский крик — вот что это такое, и обычно он приносил победу. Большинство врагов, завидев несущихся на них волосатых босоногих дьяволов, просто теряли присутствие духа и спасались бегством.

Хорошо вышколенная в обычных условиях лошадь Джейми, конечно, не была готова к этому гэльскому крику, раздававшемуся в двух футах от ее головы. Обезумев от страха, она понеслась, прядая ушами, так, будто за ней мчался сам дьявол.

Моя лошадь и я застыли на дороге, следя за великолепной демонстрацией шотландского искусства верховой езды: Джейми, с болтающимися стремянами, выпустив поводья и почти вылетев из седла, мчался вперед, ухватившись за гриву лошади. Его плед бешено развевался на ветру, и лошадь, к тому времени окончательно впавшая в панику, воспринимала хлюпающее цветное полотно как приказ бежать еще быстрее.

Вцепившись одной рукой в гриву, Джейми подтянулся вверх, длинные его ноги обхватили бока лошади, пренебрегая стремянами, которые болтались где-то у брюха животного. Легкий ветерок доносил до меня обрывки слов на гэльском наречии, которые даже я, с моим слабым знанием языка, назвала бы плохими словами.

Размеренное цоканье копыт заставило меня обернуться. Муртаг, ведя на поводу вьючную лошадь, поднимался на невысокий холм, с которого мы только что спустились. Затем он осторожно направился к дороге, где поджидала я. Муртаг не торопясь остановил пони, на котором я сидела, приложил руку козырьком к глазам и посмотрел вперед — туда, где Джейми и его все еще паникующая лошадь как раз исчезли за следующей

вершиной.

— Слепень, — пояснила я.

— Поздновато для них. А я уж подумал: неужели он так спешил на встречу со своим дедом, что бросил тебя одну? — заметил Муртаг со своей обычной сдержанностью. — Хотя, я бы сказал, жена все равно не может повлиять на то, как его встретят.

Он подобрал поводья и пнул ногами своего пони. Выючная лошадь охотно продолжила путешествие. Моя собственная лошадь, обрадованная компанией и временным отсутствием слепней, весело зашагала рядом.

— Даже английская жена? — любопытствовала я. Из того немногого, что мне было известно, отношение лорда Ловата ко всему английскому было отнюдь не ободряющим.

— Английская, французская, голландская, немецкая — какая разница? Старый Лис все равно съест за завтраком его печень, а не вашу.

— Что ты хочешь сказать? — Я уставилась на сурового маленького шотландца — в блузе, под грудой спадающих с него пледов он был похож на один из своих тюков. Каждая деталь одежды Муртага, даже если она была новой и хорошо сшитой, тут же приобретала такой вид, словно ее вытащили из кучи тряпья. — В каких отношениях Джейми со своим дедом?

Я поймала косой взгляд маленьких, цепких глаз, затем его голова повернулась в сторону Биафортского замка. Он пожал плечами:

— Ни в каких. Во всяком случае, до сегодняшнего дня. Парень ни разу в жизни не разговаривал со своим дедом.

— Но откуда ты так много знаешь о нем, если никогда с ним не встречался?

Только теперь я начала понимать, почему Джейми с такой неохотой согласился обратиться за помощью к своему деду. Воссоединившись с Джейми и его матерью — последняя была довольно сдержанна, а первый раздражен до крайности, — Муртаг задумчиво посмотрел на него и предложил: он с выючной лошадью поскачет в Биафорт, а мы с Джейми насладимся ленчем у обочины дороги.

Восстановив свои силы элем и овсяными лепешками, Джейми рассказал мне наконец, что его дедушка, лорд Ловат, не одобрил выбора сына — ему не понравилась невеста — и потому не счел для себя возможным ни благословить их союз, ни поддерживать отношения с сыном или его детьми. Так было со дня свадьбы Брайена Фрэзера и Элен Макензи, более тридцати лет назад.

— Хотя я о нем изрядно наслышан, — сказал Джейми, дожевывая

кусочек сыра. — Как ты понимаешь, человек такого типа производит впечатление на людей.

— Конечно. Престарелый Туллибардин, один из парижских якобитов, преподнес мне немало непроверенных фактов относительно главы клана Фрэзеров, и я думаю, что Брайен Фрэзер, по-видимому, не жаловался на отсутствие отцовского невнимания.

Я высказала все это, и Джейми кивнул:

— О да. Я не помню, чтобы отец много говорил о нем, хотя и относился к нему с уважением. Просто он редко упоминал о своем отце. — Джейми потер шею, где уже начала обозначаться красная припухлость от укуса слепня.

Погода стояла на редкость теплая. Джейми расстелил плед и усадил меня. Визит к главе клана Фрэзеров ни к чему не обязывал, и Джейми надел новую юбку военного покроя, а на плечи набросил плед из отдельного куска ткани. Он не так хорошо защищал от непогоды, как старый с поясом, но в случае необходимости его можно было легко накинуть на плечи.

— Я иногда думаю, — задумчиво произнес Джейми, — не был ли мой отец именно таким отцом, каким он был, из-за того, что старый Саймон так обошелся с ним. Тогда я этого не понимал, конечно, и считал, что не так уж необычно для мужчины проявлять свои чувства к сыновьям.

— Ты слишком много об этом думал. — Я снова протянула ему фляжку эля, и он принял ее с улыбкой куда более теплой, чем хилое осеннее солнце.

— Ты права. Но веришь ли, иногда я задумываюсь над тем, каким отцом я буду сам, и, оглядываясь назад, не вижу лучшего примера, чем мой отец. Из того немногого, что он, а иногда и Муртаг рассказывали мне, я понял: его собственный отец был совершенно другим, поэтому мой отец решил все сделать по-иному, раз уж ему представился такой случай.

Я вздохнула и откусила кусочек сыра.

— Джейми, — начала я, — ты действительно думаешь, что когда-нибудь мы...

— Обязательно, — с уверенностью произнес он, не дав мне договорить, склонился ко мне и поцеловал в лоб. — Я знаю это, Саксоночка, и ты тоже знаешь. Ты рождена, чтобы быть матерью, и я не собираюсь позволить кому-нибудь еще стать отцом твоих детей.

— Очень хорошо, — сказала я. — Меня это тоже устраивает.

Он засмеялся и, приподняв мой подбородок, поцеловал меня в губы. Я поцеловала его в ответ и смахнула крошки хлеба, приставшие к щетине

вокруг его рта.

— Ты не думаешь, что тебе следует побриться? — спросила я. — В честь твоей первой встречи с дедушкой?

— О, однажды я уже его видел, — небрежно бросил он. — И он видел меня. Ну а что касается моего внешнего вида, пусть принимает меня таким, какой я есть, или будь он проклят.

— Но Муртаг говорит, что вы с ним никогда не встречались!

— Гм... — Джейми стряхнул с рубашки остатки крошек и слегка нахмурился, размышляя, стоит ли мне рассказывать. Наконец он пожал плечами и улегся в тени огромного куста, положив руки под голову и устремив взгляд в небо.

— Действительно, как ты сказала, мы никогда не встречались. Хотя это не совсем так. Дело в том, что...

В возрасте семнадцати лет молодой Джейми Фрэзер отправился пароходом во Францию, чтобы продолжить свое образование в Парижском университете и узнать те вещи, которым нельзя научиться по книгам.

— Я отплывал из порта Биали, — начал он, кивая на следующую вершину, где узкая серая полоса означала кромку Морэй-Ферт. — Можно было бы отправиться и из других портов, например, из Инвернесса, но отец купил мне именно этот билет. Он поехал со мной, чтобы проводить меня, как говорится, в большой мир.

Брайен Фрэзер редко покидал Лаллиброх после женитьбы и, пока они ехали верхом, с удовольствием показывал сыну места, где он охотился и путешествовал, когда был мальчиком, а затем молодым человеком.

— Но когда мы приблизились к Биафарту, он замолчал. Во время этой поездки он ничего не говорил о дедушке. Я тоже не упоминал о нем. Но чувствовалось, что отец неспроста отправляет меня именно отсюда.

Стая мелких воробьев, копошившихся в низком кустарнике, осторожно приблизилась к нам, готовая подняться и тут же улететь при малейших признаках опасности. Джейми собрал остатки хлеба и бросил их точно в середину стаи. Воробьи взметнулись и шрапнелью рассыпались в воздухе.

— Они вернутся, — произнес Джейми и кивнул в сторону разлетевшихся птиц. Он положил руку на лицо, будто защищаясь от солнца, и продолжил свой рассказ. — На дороге, ведущей к замку, послышался звук лошадиных копыт. Мы обернулись и увидели небольшую кавалькаду всадников из шести человек и карету. Один из всадников держал знамя Ловата, и я понял, что с ними был мой дедушка. Я быстро взглянул на отца, стараясь угадать, как он собирается поступить. Но он только улыбнулся, быстро сжал мое плечо и сказал: «Пошли на борт,

сынок». Спускаясь к берегу, я чувствовал на себе взгляд своего деда. По моим волосам и моему росту он, несомненно, угадал во мне Макензи. И я порадовался, что надел свою лучшую одежду и не выглядел каким-нибудь побирушкой. Я не оглядывался по сторонам, но старался держаться как можно прямее. Мне было приятно, что я оказался на полголовы выше самых высоких мужчин, собравшихся здесь. Отец спокойно шел рядом со мной и тоже не смотрел по сторонам, но я чувствовал, что он гордится мной.

Джейми улыбнулся, обхватил колени руками и, глядя вдаль, снова переживал ту сцену на пристани.

— Мы поднялись на борт, познакомились с капитаном, затем встали около поручней, разговаривая о пустяках и стараясь не смотреть ни на людей из Биафорта, грузивших товары на корабль, ни на всадников, стоявших на берегу. Потом капитан приказал отчаливать. Мы с отцом расцеловались, он перепрыгнул через поручни на пристань и направился к своей лошади. Сев на лошадь, он оглянулся. К этому времени корабль уже выходил из гавани. Я махал ему рукой, он махал мне в ответ, затем повернулся, взял под уздцы Мою лошадь и поехал назад по дороге в Лаллиброх. Группа всадников из Биафорта тоже повернула и отправилась назад. Во главе этой группы я видел своего деда, прямо сидящего в седле. Так они и ехали, мой отец и мой дед, на расстоянии двадцати ярдов друг от друга, и, перевалив за холм, вскоре исчезли из виду. И ни один из них не повернулся и не дал знать другому, что видит его.

Джейми посмотрел в направлении Биафорта.

— Я встретился с ним глазами только раз, — тихо сказал он. — Я подождал, пока отец сядет на лошадь, затем повернулся и взглянул на лорда Ловата со всей наглостью, на какую был способен. Я хотел, чтобы он понял — нам ничего от него не нужно и я не боюсь его. — Джейми криво улыбнулся мне. — Хотя на самом деле это было не так.

Я положила свою руку на его и погладила:

— А он тоже на тебя посмотрел?

Джейми фыркнул:

— Конечно. Он не отрывал от меня глаз с той минуты, когда я спустился с холма, и до тех пор, пока мой корабль не отчалил. Я чувствовал, что его глаза сверлят мою спину, словно буравчики. А когда я взглянул на него, его глаза, черные, под насупленными бровями, встретились с моими.

— И как он тогда выглядел?

Джейми оторвал взгляд от темного облака, появившегося на горизонте,

и посмотрел на меня. Обычное выражение дружелюбия исчезло с его лица, глаза потемнели.

— Холодным как камень, Саксоночка, — ответил он. — Холодным как камень.

Нам повезло с погодой. На протяжении всего нашего пути из Эдинбурга было тепло.

— Так долго не продлится, — предсказал Джейми, бросив взгляд в сторону моря. — Видишь вон то облако? Скоро оно придет к нам. — Он принялся и натянул на плечи плед. — Чувствуешь, как пахнет? Погода меняется.

Не будучи столь опытной в метеорологии, я тем не менее тоже принялась: в насыщенном влагой воздухе обострились обычные запахи хвои и вереска, к ним примешивался долетавший с далекого морского побережья едва уловимый влажный запах морских водорослей.

— Интересно, вернулись ли уже наши люди в Лаллиброх, — сказала я.

— Сомневаюсь, — покачал головой Джейми. — Путь их короче, чем наш, но они идут пешком. — Он приподнялся в стременах и, приложив руку козырьком к глазам, внимательно взгляделся в даль. — Надеюсь, будет только дождь. Им это не страшно. Во всяком случае, большого шторма не предвидится. Возможно, его отнесет к югу.

Поднялся легкий бриз. Я натянула на плечи свою теплую клетчатую шаль. Эти несколько дней хорошей погоды я сочла счастливым предзнаменованием — дай Бог, чтобы я не ошиблась.

Получив приказ Карла, Джейми всю ночь просидел в Холируде у окна, а утром первым делом отправился к Карлу, чтобы сообщить его высочеству, что он и я в сопровождении одного лишь Муртага отправляемся к лорду Ловату, чтобы передать привет его высочества и напомнить лорду, что он обещал помочь людьми и всем прочим.

Потом Джейми пригласил кузнеца Росса в нашу комнату и отдал ему несколько приказаний, но говорил он таким тихим голосом, что я со своего места у очага не могла разобрать ни слова. Но заметила, что кузнец подтянулся и расправил плечи — видно, задание было важным.

Армия горных шотландцев продвигалась вперед, не особенно соблюдая порядок и дисциплину. Они шли гурьбой, которую никак нельзя было назвать строем. Во время передвижения солдаты из Лаллиброха убегали один за другим. Зайдя в кусты, чтобы немного отдохнуть или облегчиться, они уже не возвращались обратно, а украдкой отходили в сторону и один за другим присоединялись к уже бежавшим. Их надлежало вернуть домой, собрав всех под командой кузнеца Росса.

— Я сомневаюсь, что пропавшие скоро объявятся, если объявятся вообще, — говорил Джейми, обсуждая со мной этот план. — Армия охвачена дезертирством. Эван Камерон говорил мне, что за последнюю неделю из полка сбежали двадцать человек. Близится зима, людям нужно готовиться к холодам, к весенней пахоте. Да и разыскивать их просто некому, даже если их исчезновение и было замечено.

— Не бросить ли тебе все это, Джейми? — спросила я, положив руку ему на плечо.

— Не могу, Саксоночка. Слишком поздно. Я уже не могу отказаться. Конечно, глупо было отправляться на юг в преддверии зимы, и уж совсем глупо тратить время на Стирлинг. Но Карл не проиграл, и предводители кланов, по крайней мере некоторые из них, откликнулись на его призыв. Макензи, например, а за ними и другие. Сейчас у него вдвое больше людей, чем было в Престоне. А что это означает? — Джейми огорченно взмахнул руками. — Я не могу отказаться, Саксоночка. И никакого сопротивления — англичане в ужасе. Ну да ты и сама знаешь. Ты же видела эти воззвания. — Он безрадостно улыбнулся. — Мы закалываем детей и сжигаем их на кострах, бесчестим жен и дочерей честных тружеников. — Лицо его выразило отвращение. — Такие преступления, как воровство и неподчинение приказам, и раньше были известны в шотландской армии, но об изнасиловании и слыхом не слыхали. — Он сердито фыркнул. — До Камерона дошли слухи, что король Георг собирается бежать из Лондона: он боится, что армия принца скоро захватит город. Этот слух пошел от меня, а я узнал обо всем от Рэндрлла. К Карлу примкнули Кильмарнок и Камерон, Лочиэль, Балмерино и Дугал со своими Макензи. Все отличные воины. И если еще Ловат, как и обещал, пришлет своих людей... Господи, может быть, этого будет достаточно. Иисусе, неужели мы отправимся прямо в Лондон?.. — Он сгорбился, затем неожиданно распрямил плечи, как бы пытаясь освободиться от тесной рубашки.

— Но я не могу рисковать, — сказал он просто. — Я не могу уйти в Биали и оставить своих людей, чтобы их вели Бог знает куда. Вот если бы я мог встать во главе их, тогда другое дело. Но будь я проклят, если оставлю их Карлу или Дугалу, которые поведут их на англичан, а я буду находиться за сотни миль в Биали. Вот я и решил: солдаты из Лаллиброха, включая Фергюса, хотя он и протестовал изо всех сил, покинут армию и незаметно вернуться домой. А мы, как только закончим дела здесь, в Биали, вернемся и примкнем к Карлу. К тому времени станет ясно, как идут дела. Вот почему я взял с собой Муртага, — пояснил Джейми. — Если все будет нормально, я отправлю его в Лаллиброх привести их назад. — На мгновение его

мрачное лицо озарилось улыбкой. — Он не очень-то привлекательно выглядит на коне, этот Муртаг, но он прекрасный наездник. Быстрый, как молния.

Но сейчас ничто в Муртаге не напоминает отличного наездника, подумала я. Правда, и никакой срочности нет. Муртаг двигался медленнее обычного: мы были на вершине холма, а он топтался у подножия, таща свою лошадь к месту привала. К тому времени, как мы приблизились к нему, он спешил и стоял, уставясь на седло вьючной лошади.

— В чем дело? — спросил Джейми, собираясь слезать с лошади, но Муртаг раздраженно отмахнулся:

— Ничего, ничего, не беспокойтесь. Подпруга ослабла, вот и все. Езжайте.

Понимаяще кивнув, Джейми поехал дальше, я последовала за ним.

— Он сегодня не в духе, — заметила я, махнув рукой в сторону Муртага. И действительно, приближаясь к Биали, маленький шотландец становился все мрачнее и мрачнее. — Кажется, его не слишком радует предстоящая встреча с лордом Ловатом?

Джейми улыбнулся, бросив взгляд на маленькую темную фигурку, склонившуюся над подпругой.

— Да, Муртаг не особенно жалуется старого Саймона. Он очень любил моего отца, — губы его дрогнули, — и мою мать. И ему не нравилось обращение с ними Ловата. А также его метод выбора жен. Бабушка Муртага была ирландка, по материнской линии он является родственником Примроуз Кэмпбелл. — Должно быть, Джейми решил, что дал исчерпывающее объяснение.

— А кто этот Примроуз Кэмпбелл? — поинтересовалась я.

— О... — Джейми почесал нос, размышляя. Ветер со стороны моря постепенно усиливался, волосы Джейми выбились из-под перевязи на голове, и рыжие пряди били-ему по лицу. — Примроуз Кэмпбелл — третья жена Ловата и, насколько я знаю, остается ею и сейчас. Хотя, — добавил он, — несколько лет назад она покинула его и вернулась в дом своего отца.

— Должно быть, он пользуется успехом у женщин, — пробормотала я.

Джейми фыркнул:

— Можно сказать и так. На своей первой жене он женился насильно. Выхватил леди Доугер Ловат прямо из постели в середине ночи, где-то обвенчался с ней и затем вернулся в ее же постель. Однако, — честно признался Джейми, — потом она решила, что любит его, так что, может, он был не так уж плох.

— Должно быть, в постели у него были какие-то особенные

достоинства, — легкомысленно заметила я.

Удивленный взгляд Джейми сменился глупой улыбкой.

— Может, и так, но это не очень ему помогло. Вскоре горничная госпожи Ловат пожаловалась на него, он был объявлен вне закона, и ему пришлось бежать во Францию.

Я удержалась от замечаний по поводу семейных традиций Джейми, но про себя подумала: хорошо бы Джейми не последовал примеру своего деда — для старого Саймона одной жены было явно недостаточно.

— Он отправился навестить короля Джеймса в Риме и засвидетельствовал свою преданность Стюартам, — продолжал Джейми. — А затем сделал резкий поворот и отправился к Уильяму Оранжийскому, королю Англии, который в то время находился во Франции. Он получил у Джеймса обещание, что тот вернет ему титул и все имущество в случае восстановления его власти, а затем — Бог знает, как ему это удалось, — получил полное прощение у Уильяма и разрешение вернуться домой, в Шотландию.

Теперь настала моя очередь удивляться. Очевидно, к противоположному полу прислушивались тогда не очень внимательно.

— Однако приключения Саймона на этом не кончились. Позже он вернулся во Францию, но уже в качестве шпиона якобитов. Вскоре его разоблачили и бросили в тюрьму, откуда он бежал и вернулся в Шотландию. В 1715 году ему удалось собрать под видом охоты все кланы и заслужить полное доверие английской короны за подавление им же спровоцированного восстания.

— Ничего не скажешь, ушлый старик, — заметила я, полностью заинтригованная. — Хотя, я думаю, в те годы он был не так уж и стар. Где-то сорок с небольшим.

Зная, что сейчас лорду Ловату за семьдесят, я приготовилась увидеть дряхлого, трясущегося старикашку, но, услышав все это, тут же пересмотрела свое представление о нем.

— У моего деда, — спокойно продолжал Джейми, — судя по рассказам, был такой характер, который позволял ему приспособиться ко всем виткам истории. Во всяком случае, — Джейми махнул рукой, отмечая свои рассуждения о характере деда, — во всяком случае, он женился затем на Маргарет Грант, дочери Гранта О'Гранта. А когда она умерла, взял в жены Примроуз Кэмпбелл. Ей тогда только что исполнилось восемнадцать.

— Должно быть, старый Саймон был достаточно выгодной партией, если семья заставила ее выйти за него замуж? — сочувственно спросила я.

— Ни в коем случае, Саксоночка. — Джейми на секунду замолчал,

убирая с лица прядь волос. — Он прекрасно знал, что она не пойдет за него, будь он даже богат, как крез — а он таким не был, — и поэтому послал ей письмо, в котором написал, что ее мать заболела, и назвал дом в Эдинбурге, где ее можно найти. Молодая и красивая мисс Кэмпбелл бросилась в Эдинбург, но по указанному адресу нашла не мать, а хитрого старого Саймона Фрэзера, который сообщил ей, что она находится в известном публичном доме и единственный путь спасти свое доброе имя — немедленно выйти за него замуж.

— И она, глупышка, сразу на это клюнула, — цинично заметила я.

— Ведь она же была еще очень молода, — заступился за нее Джейми. — И это была не пустая угроза: откажи она ему, старый Саймон не задумываясь погубил бы ее репутацию. Во всяком случае, она вышла за него и... пожалела об этом.

— Гм... — Я занялась подсчетами. Брак с Примроуз Кэмпбелл был заключен несколько лет назад. Тогда... — Кто же твоя бабушка, леди Доугер или Маргарет Грант? — любопытствовала я.

Обветренное загорелое лицо Джейми вдруг болезненно покраснело.

— Ни одна из них, — ответил он, отвернувшись от меня. Его взгляд был устремлен вперед, в сторону Биафортского замка, губы крепко сжаты. — Мой отец был незаконнорожденный, — произнес наконец Джейми. Он сидел в седле прямо, как будто проглотил шпагу, костяшки пальцев, сжимающих поводья, побелели. — Признанным, но незаконнорожденным. От одной из служанок замка Доуни.

— О... — произнесла я. Что тут еще скажешь?

Джейми с трудом сглотнул. Я видела, как он волнуется.

— Я должен был сказать тебе об этом раньше, — напряженно произнес он. — Прости.

Я коснулась его руки. Она была твердой как железо.

— Это не имеет значения, Джейми, — сказала я, зная, что для него мои слова — пустой звук. — Ни малейшего.

— Да? — переспросил он, по-прежнему устремив взгляд вперед. — Ну а для меня имеет.

Набирающий силу ветер с Морэй-Ферт шумел в вершинах темных сосен. Местность здесь представляла собой страшное сочетание горных кряжей и морского побережья. Плотная стена ольхи, лиственницы и березы стояла по бокам узкой тропинки, по которой мы передвигались. И по мере того как мы приближались к темной громаде Биафортского замка, в воздухе разливались миазмы грязных низин и бурых морских водорослей.

Нас явно ждали. Стоящие у ворот стражники, одетые в шотландские

юбки, с секирами в руках, не чинили нам никаких препятствий. Они смотрели на нас с любопытством, но без враждебности. Джейми сидел в седле, гордо выпрямившись, словно король. Только раз он кивнул одному из стражников и получил в ответ такой же кивок. У меня возникло отчетливое ощущение, что над замком развевается белый флаг перемирия. Но как долго это будет продолжаться, можно только гадать.

Мы беспрепятственно въехали во внутренний двор Биафортского замка — небольшое, но, как и все постройки из местного камня, довольно импозантное строение. Укрепленный не столь сильно, как те замки, что я видела на юге, он все же был еще достаточно крепкий, стойко сопротивляясь обветшанию. У основания внешних стен через ровные интервалы зияли широкие бойницы, во внутренний двор выходила сложенная из необработанного камня конюшня. В ней стояло несколько маленьких шотландских пони. Выглядывая поверх деревянной загородки, они приветствовали наших лошадей. У стены лежала, по-видимому, недавно снятая с них поклажа.

— Ловат вызвал нескольких людей, чтобы встретить нас, — мрачно заметил Джейми, указывая на поклажу. — Скорее всего, родственников. — Он пожал плечами. — Ну, для начала они достаточно дружелюбны.

— Откуда ты знаешь?

Он спешил и помог мне сойти с коня.

— Вместе с поклажей они оставили и свои мечи.

Из конюшни, вытирая руки о штаны, вышел конюх. Джейми передал ему поводья.

— Ну а что теперь? — затаив дыхание, спросила я Джейми. Не было никаких признаков появления хозяйки дома или мажордома, ничего похожего на внушительную фигуру миссис Фитц-Гиббонз, которая встречала нас в замке Леох два года назад.

Несколько конюхов и мальчиков-конюшенных, время от времени поглядывая на нас, продолжали выполнять свою обычную работу, так же как и остальные слуги, которые сновали по двору с корзинами белья, связками торфа и другими предметами, необходимыми для проживания в каменном замке. Я одобрительно посмотрела на слугу, потеющего под тяжестью двух пятигаллонных медных бидонов. В Биафорте, по-видимому, существовала ванна, что искупало недостаток гостеприимства.

Джейми стоял посередине двора, скрестив на груди руки и поглядывая вокруг с выражением потенциального покупателя недвижимости, испытывающего сомнения относительно дренажной системы.

— А теперь, Саксоночка, подождем, — сказал он. — Стража доложит,

что мы здесь. И тогда кто-нибудь выйдет, чтобы встретить нас, или... не выйдет.

— Угу, — откликнулась я. — Надеюсь, они не заставят нас долго ждать. Я голодна и хочу помыться.

— Будем надеяться, — улыбнулся мне Джейми. — У тебя грязь на носу, а в волосах репейник. Нет, оставь так, — добавил он, когда я, смутившись, потянулась к голове, — тебе очень идет. Как будто ты сделала это специально.

Конечно, он преувеличивал, но я оставила все как есть. Хотя через некоторое время скользнула к ближайшему корыту с водой, чтобы рассмотреть себя и по мере возможности привести в порядок, не имея под рукой ничего, кроме холодной воды.

Вот будет забавно, если сейчас появится старый Саймон, подумала я, наклоняясь над корытом и вглядываясь в свое отражение. Интересно, где тут пятна грязи, а где плавающие частицы сухой травы.

С одной стороны, Джейми был официальным эмиссаром Стюарта. Даже если обещания Ловата о поддержке были чистейшей болтовней, он все равно должен принять представителя принца хотя бы из вежливости.

С другой стороны, этот представитель был потомком незаконнорожденного сына, который хоть и был признан, но не является членом семьи. Зная теперь достаточно хорошо права шотландских феодалов, я понимала, что недобрые чувства такого рода со временем проходят.

Я провела влажной рукой по лицу и слегка смочила волосы, стараясь их пригладить. В общем-то я не думала, что лорд Ловат оставит нас стоять во дворе. Хотя он может продержаться нас довольно долго, чтобы мы полностью осознали сомнительность его приема.

В конце концов, кто знает? Нас могла бы принять леди Фрэнсис, одна из теток Джейми, вдова, которая, по словам Туллибардина, вела хозяйство своего отца. Или, если он решит принять нас как дипломатических представителей, перед нами появится сам лорд Ловат в сопровождении секретаря, телохранителей и слуг.

Последнее казалось более вероятным, учитывая, что для такого приема требуется некоторое время, — не будет же он сам стоять при полном параде и ждать нашего появления. Ему нужно время, чтобы привести себя в порядок. Представив себе, что сейчас появится сам лорд в полном облачении и в сопровождении слуг, я снова вспомнила о репейнике в волосах и наклонилась над корытом, чтобы вытащить его.

Во дворе, отпихнув острым локтем упитанного каурого жеребца,

появился приземистый пожилой человек в распахнутой рубашке и незастегнутых штанах. Несмотря на свой возраст, он держался прямо, словно кочергу проглотил, и плечи у него были почти такой же ширины, что и у Джейми.

Помедлив у корыта с водой, он обвел взглядом двор, как будто ища кого-то. Глаза его небрежно скользнули по мне, затем в полном недоумении уставились на меня. Старик сделал шаг вперед, воинственно глядя на меня. Небритая щетина на подбородке торчала как иглы дикобраза.

— Кто вы такая, черт возьми? — требовательно спросил он.

— Клэр Фрэзер, то есть, я хотела сказать, леди Брех Туарах, — сказала я, с трудом вспомнив свой титул. Я собрала все свое самообладание и смахнула капли воды с подбородка. — А кто вы такой, черт побери? — не менее требовательно спросила я.

Крепкая рука взяла меня сзади за локоть, и твердый голос где-то над моей головой произнес:

— Это мой дед, Саксоночка. Милорд, позвольте мне представить вам мою жену.

— А-а... — сказал лорд Ловат, оглядывая меня холодными голубыми глазами. — Я слышал, ты женился на англичанке. — Судя по тону его голоса, именно этот факт подтверждал все его наихудшие предположения о внуке, с которым он никогда не встречался. Он повел густой седой бровью в мою сторону и бросил пронзительный взгляд на Джейми. — Ума у тебя не больше, чем у твоего отца.

Я видела, как пальцы Джейми шевельнулись — по-видимому, он с трудом удерживался от желания сжать их в кулаки.

— По крайней мере мне не нужно было прибегать ни к насилию, ни к обману, — спокойно ответил он.

Дед промышал что-то нечленораздельное, ничуть не задетый оскорблением.

— Немногого же ты достиг, совершив эту сделку, — заметил он. — Хотя, по-видимому, она стоила тебе не так дорого, как та, жертвой которой пал Брайен Макензи. Если эта английская чужестранка и не принесла тебе ничего, то, похоже, и недорого обошлась. — Быстрые голубые глаза, так похожие на глаза Джейми, скользнули по моему дорожному платью, зашитому на груди, задержались на отпоровшейся оборке и брызгах грязи на юбке.

Я почувствовала, что по телу Джейми прошла дрожь, но не могла решить: от гнева или от смеха.

— Спасибо, — сказала я, дружелюбно улыбнувшись лорду. — К тому

же я и ем немного. Но сейчас я бы хотела помыться. Мне нужна вода. Только вода. Не беспокойтесь о мыле, если это слишком дорого для вас.

В его лице что-то дрогнуло.

— Ага, понятно, — произнес его светлость. — Тогда я пришлю служанку, она отведет вас в ваши комнаты и снабдит мылом. Мы будем ждать вас в библиотеке перед ужином... внук, — сказал он, обращаясь к Джейми, затем повернулся на каблуках и исчез под аркой.

— Кто это «мы»? — спросила я.

— Думаю, он и молодой Саймон — наследник его светлости. Может быть, парочка кузенов и, судя по лошадям во дворе, несколько его арендаторов. Если Ловат действительно собирается послать войска на помощь Стюарту, его арендаторам будет что сказать.

— Видела когда-нибудь маленького червяка в окружении цыплячьего выводка? — бормотал Джейми, когда час спустя мы шли следом за слугой в библиотеку. — Так вот, это я — или мы. Так что держись ко мне поближе.

В библиотеке собрались различные ответвления клана Фрэзеров — больше двадцати человек.

Джейми был официально представлен и сделал официальное заявление от имени Стюартов, засвидетельствовав лорду Ловату их почтение и обратившись к нему за помощью, на что старик ответил коротко, проникновенно и уклончиво. Согласно этикету, меня тоже вывели вперед и представили, после чего общая атмосфера в комнате стала менее напряженной.

Я оказалась в окружении нескольких шотландских джентльменов. Каждый из них старался выказать мне свое гостеприимство. Джейми в это время непринужденно разговаривал с каким-то человеком по имени Грэхем, который, кажется, доводился лорду Ловату кузеном. Арендаторы смотрели на меня с некоторой настороженностью, но были довольно вежливы, за исключением одного.

Молодой Саймон, очень похожий на своего отца, но только на пятьдесят лет моложе, подошел и склонился над моей рукой. Выпрямившись, он оглядел меня взглядом, граничившим с наглостью.

— Гм... значит, вы жена Джейми? — спросил он. У него были быстрые глаза, как у его отца и у сына единородного брата, но они были темные, цвета грязной болотной воды. — Полагаю, я могу называть вас «племянницей», не так ли?

Он был примерно одного возраста с Джейми, чуть моложе.

— Ха-ха, — вежливо ответила я, пока он смеялся над своей собственной шуткой. Я хотела отнять у него руку, но он не отпускал ее,

продолжая улыбаться и снова пожимая мне руку.

— Знаете, я слышал о вас, — говорил он. — Вы довольно известная личность в северной Шотландии, миссис.

— Неужели? Как мило. — Я незаметно протянула руку. В ответ он до боли сжал ее.

— О да. Я слышал, вы очень популярны среди солдат вашего мужа, — продолжал он, улыбаясь так, что его глаза превратились в темные щелочки. — Они называют вас «мистрис медовые губки». — Он сказал это по-гэльски, но, увидев мое удивление, перевел на английский.

— Благодарю вас... — начала было я, но успела сказать только первые слова, потому что кулак Джейми врезался в челюсть Саймона-младшего и опрокинул единокровного дядю на закусочный стол. Засахаренные фрукты, сервировочные ложки со звоном упали на выложенный плиткой пол.

Вот уж поистине на вид — как джентльмен, а повадки самые варварские. Молодой Саймон поднялся на колени, сжал кулаки и замер. Джейми стоял над ним не двигаясь, руки опущены, но его спокойствие было более зловещим, чем прямая угроза.

— Да, — спокойно произнес он, — она не очень хорошо понимает по-гэльски. А теперь, когда вы, ко всеобщему удовлетворению, убедились в этом, будьте любезны извиниться перед моей женой, или я заставлю вас подавиться вашими же зубами.

Молодой Саймон поднял глаза на Джейми, затем перевел их на отца, который бросил на него безразличный взгляд, явно недовольный такой помехой. Жесткие черные волосы Фрэзера-младшего выбились из-под перевязи на голове и свисали ему на лицо, словно мох с дерева. Он искоса посмотрел на Джейми со странным выражением любопытства и уважения, утер рот тыльной стороной ладони и, все еще стоя на коленях, торжественно поклонился мне:

— Прошу простить меня, миссис Фрэзер, за нанесенное оскорбление.

Мне ничего не оставалось, как только милостиво кивнуть в ответ.

Джейми тут же увлек меня в коридор, и прежде чем я успела заговорить, мы были уже в конце коридора. Обернувшись назад, чтобы убедиться, что нас не подслушивают, я спросила:

— Что это значит «медовые губки»? — и дернула его за рукав, чтобы он шел потише.

Джейми посмотрел на меня так, словно только сейчас заметил мое присутствие.

— А? Да ничего особенного, просто «медовые губки».

— Но...

— Он не имел в виду твой рот, Саксоночка, — сухо сказал Джейми.

— Тогда почему... — Я сделала движение, словно собиралась вернуться в библиотеку. Джейми крепче стиснул мою руку.

— Ш-ш-ш... — сказал он мне на ухо. — Не беспокойся, Саксоночка! Это они испытывают меня. Все будет хорошо.

Я была предоставлена заботам леди Фрэнсис, младшей сестры Саймона, а Джейми вернулся в библиотеку, расправив плечи для битвы.

Я надеялась, что он не будет больше нападать ни на кого из родственников, потому что, хотя Фрэзеры были не столь крупного сложения, как Макензи, в них жила постоянная настороженность, которая сулила много неприятностей тому, кто окажется в непосредственной близости от них.

Леди Фрэнсис была молода, лет двадцати двух, и смотрела на меня с выражением благоговейного ужаса, должно быть полагая, что, если меня не ублажать непрестанно чаем и печеньем, я могу броситься на нее. Я постаралась быть с ней как можно доброжелательнее, поэтому через некоторое время она успокоилась и даже призналась мне, что никогда раньше не встречалась с англичанкой. «Англичанка», как я поняла, была для нее чем-то экзотическим и опасным.

Я сидела, стараясь не делать резких движений, и вскоре она прониклась ко мне таким доверием, что, смущаясь, представила мне своего сына, маленького крепыша примерно трех лет, невероятно чистенького и аккуратного благодаря неусыпным заботам суровой служанки.

Я как раз рассказывала Фрэнсис и ее младшей сестре Элин о Дженни и ее семье, с которой они никогда не встречались, когда за дверью неожиданно послышался грохот и раздался чей-то крик. Я вскочила на ноги и выскочила из гостиной. В каменном коридоре нечто, представляющее собой куль тряпья, пыталось подняться на ноги. Тяжелая дверь в библиотеку была открыта, и в дверном проеме, злой как сатана, стоял Фрэзер-старший.

— Тебе еще больше достанется, если не будешь работать как следует, — сказал он. В его тоне не было гнева — всего лишь констатация факта.

Закутанная в тряпье женщина подняла голову, и я увидела странное, худое, но приятное лицо с темными, широко открытыми глазами и красными пятнами на скулах. Она заметила меня, но никак не отреагировала на мое присутствие, поднялась на ноги и быстро ушла, не сказав ни слова. Она была очень высокой и необыкновенно тоненькой, но двигалась со странной журавлиной грацией. Следом за ней двигалась ее

тень.

Я стояла, уставившись на старого Саймона, силуэт которого четко выделялся на фоне огня, горевшего в камине позади него. Он почувствовал на себе мой взгляд и повернулся. Его старые голубые глаза, холодные, как сапфиры, остановились на мне.

— Добрый вечер, дорогая, — сказал он и закрыл дверь.

Невидящими глазами я уставилась на темную деревянную дверь.

— Что все это значит? — спросила я Фрэнсис, тихо подошедшую сзади.

— Ничего, — ответила она, нервно облизывая губы. — Пошли, кухня.

Я дала ей увести себя, но решила попозже расспросить Джейми, что произошло в библиотеке.

Мы пришли в комнату, отведенную нам на ночь, и Джейми тут же удалил нашего маленького телохранителя, шутливо щелкнув его по затылку.

Я опустилась на кровать, беспомощно оглядываясь вокруг.

— Что же нам теперь делать? — спросила я. Обед прошел почти в полном молчании, но время от времени я чувствовала на себе тяжелый взгляд Ловата.

Джейми пожал плечами, стаскивая рубашку через голову.

— Будь я проклят, если знаю, Саксоночка, — сказал он. — Они расспрашивали меня о состоянии шотландской армии и ее передвижениях, о планах его высочества. Я отвечал им. Но снова и снова они расспрашивали меня о том же. Мой дед никак не привыкнет думать, что кто-то может дать ему правдивый ответ, — сухо добавил он. — Он считает, что все изворотливы, как он, и, кроме того, у всех масса причин лгать и изворачиваться. — Джейми покачал головой и бросил рубашку на кровать рядом со мной. — Он никак не может решить, правду ли я говорю о состоянии шотландской армии. Если я хочу, чтобы он присоединился к Стюартам, я должен говорить, что дела идут лучше, чем это есть на самом деле. Если же я по той или иной причине лично в этом не заинтересован, то скажу ему правду. Вот он и пытается определить мою позицию, чтобы принять решение.

— Ну, и как он это делает? — скептически спросила я.

— У него есть предсказательница, — спокойно произнес он, как будто бы речь шла о самом обычном предмете обстановки шотландского замка.

— Правда? — Заинтригованная, я так и подскочила на кровати. — Это не та ли странная женщина, которую он выбросил в коридор?

— Да. Ее зовут Мэйзри, и она от рождения обладает даром

провидения. Но теперь она ничего не смогла сказать ему — или не захотела, — добавил он. — Ясно было, она что-то знает, но она только трясла головой и говорила, что ничего не видит. Вот тогда дедушка и ударил ее.

— Мерзкий старикашка! — возмутилась я.

— Да, образцом галантности его не назовешь, — согласился Джейми.

Он налил в тазик воды и стал плескать пригоршнями себе в лицо. Но, услышав, что я громко ахнула, остановился, испуганный и удивленный:

— В чем дело?

— Твой живот... — произнесла я дрожащим голосом.

На животе, повыше юбки, будто большой отвратительный цветок, расплывался огромный свежий синяк.

— Ах, это... — спокойно произнес он.

— Да, это, — сказала я, подходя ближе.

— Так, ерунда, — глухо, через полотенце, прозвучал его голос. — Я разговаривал сегодня несколько резковато, и дедушка велел молодому Саймону преподать мне урок вежливости.

— Значит, двое младших Фрэзеров держали тебя, а он лупил тебя в живот? — спросила я, чувствуя внезапную слабость в ногах.

Отбросив полотенце, Джейми потянулся за ночной рубашкой.

— Обижаешь, — сказал он, посмеиваясь и просовывая голову в ворот рубашки. — Их было трое. Один навалился сзади и душил меня.

— Джейми!

Он засмеялся и, стягивая с постели одеяло, горестно покачал головой:

— Не знаю, что в тебе есть такое, но мне всегда хочется похвастаться перед тобой. Думаю, когда-нибудь я просто убью себя, чтобы произвести на тебя впечатление. — Он вздохнул, осторожно разглаживая на животе рубашку. — А это всего лишь спектакль, Саксоночка. Можешь не волноваться.

— Спектакль! Боже милостивый!

— Ты когда-нибудь видела, как свора встречает чужую собаку? Ее обнюхивают, покусывают за ноги, рычат, чтобы посмотреть, испугается она или огрызнется в ответ. Иногда дело доходит до драки, иногда нет. Но в конце концов каждая собака узнает свое место и знает, кто вожак. Вот и старый Саймон хочет доказать мне, что он вожак. Больше ничего.

— А ты? Чего хочешь ты?

Я легла, ожидая, когда ляжет и он. Он поднял свечу и, усмехаясь, подошел ко мне. Мерцание свечи отражалось в его голубых глазах.

— Гав, — произнес он и задул свечу.

В последующие две недели я мало видела Джейми, разве что по ночам. Дни он проводил с дедом. Они охотились или катались верхом — несмотря на свой возраст, Ловат был очень деятельным человеком, — или пили в кабинете, и Старый Лис приходил к каким-то своим заключениям и излагал свои планы.

Большую часть времени я проводила с Фрэнсис и другими женщинами. Пребывая в тени грозного старика отца, она все-таки осмеливалась высказывать собственные суждения и оказалась умной и интересной собеседницей. Фрэнсис отвечала за хозяйственный уклад замка и его прислугу, но когда на сцене появлялся отец, она превращалась в незаметное существо, едва осмеливающееся поднять глаза, и говорила только шепотом. Я не знала, можно ли винить ее за это.

Через две недели после нашего приезда Джейми вошел в гостиную, где я сидела с Фрэнсис и Элин, и сказал, что лорд Ловат хочет меня видеть.

Старый Саймон небрежно махнул рукой в сторону стоящего у самой стены стола, уставленного графинами, и уселся в широкое резное кресло из орехового дерева с продавленным сиденьем, обтянутым сильно потертым голубым бархатом. Кресло точно подходило к его короткой коренастой фигуре, как будто бы оно делалось специально для него. Интересно, оно действительно было сделано по заказу или же от длительного пользования его тело приняло форму кресла, подумала я.

Я спокойно сидела в углу со стаканом портера в руке, а старый Саймон снова и снова расспрашивал Джейми о Карле Стюарте и его планах.

Уже двадцатый раз за неделю Джейми терпеливо повторял свой рассказ о количестве войска, об его организации, о вооружении — весьма бедном, — надеждах Карла на присоединение Льиса Гордона или Фаркварсонов, о том, что сказал Гленгэрри, преследуя Престонпанса, что Камерон знает или думает, что знает, о движении английских армий, почему Карл решил двинуться на юг и т. д. и т. п. Я клевала носом над стаканом портера и просыпалась как раз в тот момент, когда красная жидкость должна была пролиться на юбку.

— ...и лорд Георг Муррей, и Кильмарнок, оба считают, что его высочеству лучше всего уйти на зиму на север Шотландии, — произнес в заключение Джейми и широко зевнул. Он устал сидеть в неудобном кресле с узкой спинкой, которое ему предложили, и теперь встал и потянулся. Его тень колыхалась на бледных драпировках, покрывавших каменные стены.

— А что об этом думаешь ты? — Старый Саймон откинулся в кресле. Его глаза под полуприкрытыми веками блеснули. В камине весело и ярко горел огонь. Фрэнсис разжигала огонь в главном зале из торфа, но здесь по

приказу Ловата топили не торфом, а дровами. Резкий запах сосновой смолы, исходивший из горящего дерева, смешивался с густым запахом дыма.

Тень Джейми плясала на стенах. Он ходил взад-вперед по комнате, не желая садиться. В маленьком кабинете с окнами, уже задрапированными на ночь, было тесно и темно — совсем не то, что на просторном, залитом солнцем церковном дворе, где Колам задал мне тот же самый вопрос. Но сейчас ситуация изменилась: потеряв популярность среди предводителей кланов, Карл тщетно напоминал им об их обязательствах. Но общие очертания проблемы были те же — темные, бесформенные, как тень, нависшая сейчас над нами.

— Я говорил вам об этом не меньше дюжины раз, — коротко ответил Джейми. Он нетерпеливо повел плечами, как будто рубашка была слишком тесна ему.

— О да, ты говорил мне. Но на этот раз я надеюсь услышать правду. — Старик уселся поудобнее в своем провалившемся кресле и сложил руки на животе.

— Неужели? — Джейми коротко рассмеялся и повернулся лицом к деду.

Он оперся спиной о стол и обхватил себя руками. Несмотря на разницу в осанке и фигуре, между этими двумя мужчинами было определенное сходство. Один высокий, другой приземистый, но оба сильные, упрямые, полные желания победить в этой схватке.

— Разве мы не родственники? Разве я не властен над тобой? Я требую лояльности. Или я не имею на это права?

— Что-то не припоминаю, чтобы я присягал вам на верность.

Как у многих старых людей, в бровях Саймона было несколько длинных жестких волосков. При свете огня они шевелились, я не могла определить, от гнева или от удовольствия.

— Присягал? А разве в тебе течет не кровь Фрэзеров?

Рот Джейми искривился.

— Говорят, благоразумный сын должен почитать своего отца, но моей матерью была Макензи. И я хорошо об этом помню.

Лицо Саймона побагровело, брови нахмурились. Затем он открыл рот и зашелся смехом, брызгая слюной и задыхаясь. Он смеялся долго. Наконец одной рукой беспомощно заколотил по креслу, а другой залез в рот и вытащил искусственные зубы.

По лицу его текли слюни и слезы. Он ощупью дотянулся до маленького столика, стоящего возле кресла, и уронил зубы на тарелочку

для пирожных. Скрюченные пальцы схватили льняную салфетку и прижали ее к лицу. Все еще задыхаясь от смеха, он сказал, с трудом переводя дух:

— Шлюшай, парень. Дай мне виски.

Подняв брови, Джейми взял графин со стола и передал его деду. Тот снял крышку и принялся пить прямо из горла, не утруждая себя заботами о стакане.

— Ты думаешь, што ты не Фрэзер? — сказал он, опустив графин и тяжело отдуваясь. — Ха! — Все еще задыхаясь, старик откинулся назад, живот его тяжело вздымался и опадал. Он уставил палец на Джейми и сказал: — В тот шамый день, когда твой отец навшегда покинул Биафоршкий замок, он штоял на том ше месте, где и ты, и говорил те ше шамые шлова. — Постепенно старик успокаивался. Он кашлянул еще несколько раз и снова вытер лицо. — Ты жнал, што я пытался помешать женитьбе твоих родителей и шкажал, што ребенок, которого ждала Элен Макензи, не был ребенком Брайена?

— Да, знал, — отвечал Джейми, снова опершись о стол и глядя на деда сузившимися глазами.

Лорд Ловат фыркнул.

— Не могу шкажать, што между мной и шиновьями вшегда было вжаимопонимание, но я жнаю швоих шиновей. И внуков тоже, — добавил он многозначительно. — И, шерт меня побери, но я уверен, они, как и я, не могут быть рогоносцами.

Джейми не пошевелился, а я не могла заставить себя смотреть на старика и уставилась на его вынутые зубы — покрытое пятнами изделие из бука, влажно блестящее среди крошек пирожного. К счастью, лорд Ловат не заметил моего брезгливого взгляда.

Он продолжал, уже серьезно:

— Жначит, Дугал Макензи из Леоха прижнал Карла? Ты нажвал его своим военачальником? Ты пришягал ему?

— Нет. Я никому не присягал.

— И даже Карлу?

Старик сразу ухватился за эти слова, как кошка, поймавшая мышь. Я почти видела, как шевелится его хвост, когда он смотрел на Джейми своими глубоко посаженными глазами, поблескивающими из-под прищуренных век.

Глаза Джейми были устремлены на прыгающее пламя, а его тень неподвижно лежала на стене.

— Он не просил меня об этом.

Это была правда. Карл устранил необходимость такой клятвы, вписав его имя в свой Союз. Но все же тот факт, что он не присягал Карлу, значил для Джейми очень много, и я знала об этом. Если ему и придется предать кого-то, пусть это будет не тот, кому он клялся в верности. А то, что весь мир будет думать, что такая клятва существовала, его не беспокоило.

Саймон снова прорычал что-то нечленораздельное. Без искусственных зубов его нос и подбородок почти сомкнулись. От этого лицо казалось как-то странно укороченным.

— Тогда ничто не мешает тебе присягнуть мне как главе твоего клана, — спокойно произнес он. Шевелящийся хвост стал менее виден, но все же был заметен. Я почти слышала, какие мысли бродят на мягких лапках у него в голове. Если Джейми присягнет ему, а не Карлу, власть Ловата возрастет. Возрастет и его богатство: как предводитель он потребует часть дохода с Лаллиброха. Перед ним замаячило блестящее будущее в виде герцогства.

— Ничто, кроме моего собственного желания, — согласился Джейми. — А это препятствие совсем небольшое, не так ли? — Он еще больше прищурился.

— Гм... — Глаза Ловата были почти закрыты. Время от времени он медленно поводил головой из стороны в сторону. — О да, парень, ты действительно шин швоего отца. Упрям как бык и так же туп. Я шнал, что Брайен ничего не унаследовал от той шлюхи, кроме глупости.

Джейми рванулся вперед и схватил с тарелки буковые зубы.

— Тебе бы лучше снова надеть их, дурень, — грубо сказал он. — Я не понимаю, что ты говоришь.

Губы старика раздвинулись в безрадостной улыбке, так что стал виден желтый обломок зуба в нижней челюсти.

— Ты не шоглашен? Тебе непонятна эта шделка? — Он бросил на меня быстрый взгляд, усмотрев во мне еще одного возможного участника игры. — Это клятва во имя чести твоей жены.

Джейми рассмеялся, все еще сжимая зубы в руке.

— Вот как? Ты что, собираешься изнасиловать ее здесь, у меня на глазах, а дед? — Джейми презрительно откинулся назад, придерживаясь рукой за стол. — Давай попробуй, а когда она разделается с тобой, я пришлю тетю Фрэнсис подмести то, что от тебя останется.

Дед спокойно взглянул на Джейми.

— Не я, парень. — Он повернул голову в мою сторону и криво усмехнулся беззубым ртом. — Хотя я сделал бы это с удовольствием. — Я увидела жадный блеск его глаз, и мне захотелось покрепче запахнуть на

грудь плащ, но, к сожалению, его на мне не было.

— Ты знаешь, сколько мужчин здесь, в Биафорте, Джейми? И сколько таких, кто не откажется от твоей английской ведьмы? Ты не можешь охранять ее днем и ночью.

Джейми медленно выпрямился. Его большая тень на стене повторила его движение. Он бесстрастно уставился на старого Саймона.

— О, тут мне беспокоиться не о чем, дед, — мягко сказал он. — Моя жена не обычная женщина. Ты ведь знаешь, она умная. И она Белая Дама, как Дэйм Элизет.

Я никогда не слышала о Дэйм Элизет, но лорд Ловат явно слышал. Его голова дернулась, глаза широко раскрылись от ужаса. Он открыл рот, но прежде чем успел что-то сказать, Джейми продолжил, на этот раз с нескрываемой злобой:

— У мужчины, который заключит ее в свои нечестивые объятия, половые органы отпадут, как обмороженное яблоко, а его душа будет вечно гореть в аду. — Джейми оскалил зубы и резко выбросил руку вперед: — Вот так. — Буковая челюсть со стуком упала в самую середину огня и зашипела.

Глава 41

ПРОКЛЯТЫЙ ДАР ПРОВИДЕНИЯ

За два столетия до происходящих событий большинство жителей южной Шотландии приняло пресвитерианство. Некоторые кланы северной и северо-западной Шотландии последовали их примеру, но другие, например Фрэзеры и Макензи, сохранили свою католическую веру. Особенно Фрэзеры благодаря их крепким фамильным связям с католической Францией.

В Биафортском замке была небольшая церквушка, где молился сам граф и члены его семьи, но местом погребения всех Ловатов служило Биалийское аббатство, изрядно разрушенное временем; пол в алтаре, лишенном крыши, плотно устилали могильные камни.

Это было тихое место, и, несмотря на холодную, промозглую погоду, я иногда там прогуливалась. Не знаю, таил ли старый Саймон какие-нибудь планы по отношению ко мне или испугался слов Джейми, сравнившим меня с Дэйм Элизет — оказалось, это была легендарная «белая женщина», или целительница, шотландский эквивалент Белой Дамы, — но больше никаких угроз я не слышала. Кроме того, я была уверена, что никто не посмеет напасть на меня среди надгробных камней умерших Фрэзеров.

Однажды, через несколько дней после сцены в кабинете, я шагнула в пролом стены, окружающей разрушенное аббатство, и сразу обнаружила, что я здесь не одна. К порыжевшему могильному камню прислонилась молодая женщина, которую я видела у дверей кабинета Ловата. Ноги ее были вытянуты, как у аиста, руками она обхватила себя, чтобы согреться.

Я было повернула в сторону, но она увидела меня и знаком подозвала к себе.

— Вы моя хозяйка леди Брох Туарах? — спросила она тихим голосом с шотландским акцентом, хотя скорее это было утверждением, чем вопросом.

— Да. А вы... Мэйзри?

Слабая улыбка осветила ее лицо. У нее было своеобразное, слегка асимметричное лицо, как на картинах Модильяни. Длинные черные волосы рассыпаны по плечам. В них поблескивала седина, хотя она, несомненно, была еще молода.

— Мне было видение, — сказала она. Широкая улыбка раздвинула ее слегка кривой рот.

— Вы и мысли читаете? — спросила я.

Ветер, гуляющий в осыпавшейся стене, унес вдаль звук ее смеха.

— Нет, миссис. Я читаю по лицам, а...

— А мое — открытая книга, я знаю об этом.

Какое-то время мы стояли рядом, глядя на небольшие подтеки грязи на камне и жесткую бурую траву, которой порос церковный двор.

— Говорят, вы Белая Дама, — выпалила вдруг Мэйзри.

Я чувствовала, что она внимательно меня разглядывает, но не ощущала никакой нервозности, обычной в таких случаях.

— Да, говорят, — согласилась я.

— О... — Она не сказала больше ни слова, просто стояла и рассматривала свои ноги, длинные и элегантные, одетые в шерстяные чулки и кожаные сандалии. Мои собственные ноги, обутое более надежно, стали уже замерзать, и я подумала, что, наверное, она прозябла до костей, если находится тут уже какое-то время.

— Что вы здесь делаете? — спросила я. — Аббатство — прекрасное тихое место в хорошую погоду, но не в холодную зимнюю слякоть.

— Я прихожу сюда подумать, — сказала она, погруженная в свои мысли, и слабо улыбнулась. О чем бы она ни думала сейчас, мысли ее были не очень веселыми.

— Подумать о чем? — поинтересовалась я, пристраиваясь на камне рядом с ней. На могильной плите была изображена фигура поверженного рыцаря, прижимающего к груди кинжал, рукоятка которого походила на крест.

— Я хочу знать — почему! — с жаром сказала она. Ее худое лицо вдруг побледнело от гнева.

— Что «почему»?

— Почему! Почему я вижу, что должно произойти, но ничего не могу сделать, чтобы остановить это или изменить. Какая польза от такого дара? Это не дар, а проклятье, хотя я ничем не заслужила его!

Она обернулась и злобно взглянул на Томаса Фрэзера, безмятежно смотрящего из-под шлема, сложив руки на рукоятке меча.

— А может, это твое проклятье, старый греховодник! Или всей твоей проклятой семьи? Вы когда-нибудь думали об этом? — неожиданно спросила она, повернувшись ко мне. Ее брови выгнулись дугой над карими глазами, в которых сверкали искры гнева. — Вы никогда не думали, что дар, который мы получили, нужен не нам, а кому-то другому, а мы из-за него обречены на страдания. Никогда не думали об этом?

— Не знаю, — медленно произнесла я. — Хотя да, я тебя понимаю.

Конечно, ты все время задаешь себе этот вопрос — ну почему я? И никогда не находишь на него ответа. Ты думаешь, что твой дар — это проклятье семейства Фрэзеров — заранее знать о времени смерти? Дьявольский замысел.

— Верно, дьявольский, — с горечью согласилась она. Она прислонилась спиной к саркофагу из красного камня, выглядывающему из-под снега, почти полностью покрывшего его. — А вы как думаете? Сказать ему?

Я вздрогнула:

— Кому? Лорду Ловату?

— Да. Его светлости. Он спрашивает меня, что я вижу, и бьет меня, если я отвечаю, что ничего. Он знает, он видит по моему лицу, когда у меня бывают видения. Но мне хватает силы лишь на одно — чтобы молчать. — Длинные белые пальцы нервно теребили складки мокрого плаща. — Но ведь всегда есть какой-то шанс, не правда ли? — Голова Мэйзри была низко опущена, и капюшон плаща скрывал ее лицо от моих глаз. — Есть шанс, что после моих слов можно что-нибудь изменить. Время от времени так и бывает. Я сказала Лахлану Гиббонсу, что видела его зятя запутавшимся в морских водорослях и что морские угри выглядывали из-под его рубах. Лахлан тут же отправился к зятю и продырявил его лодку. — Она засмеялась. — Господи, какой тогда поднялся шум! Но когда на следующей неделе случился сильный шторм и трое рыбаков утонули, зять Лахлана сидел дома и ремонтировал лодку. А когда я увидела его в следующий раз, рубаха на нем была сухая и никаких водорослей.

— Да, случается и такое, — тихо сказала я. — Иногда.

— Иногда, — кивнув, повторила она, все еще не отрывая глаз от земли. У ее ног лежала леди Сара Фрэзер. Надгробный камень леди венчало изображение черепа над перекрещенными костями, а надпись гласила: «Сегодня моя очередь, завтра — твоя». — А иногда нет. Когда я вижу человека, завернутого в простыню, он болеет, и тут уж ничего не поделаешь.

— Возможно, — ответила я, глядя на свои руки, лежавшие на камне.

Без лекарств, без медицинских инструментов, без знаний болезней была неотвратимым приговором. Но если бы рядом оказался врач и ему было бы чем лечить, тогда другое дело. Возможно, Мэйзри видела тень подступающей болезни, вполне реальные, но еще излечимые симптомы, такие, как лихорадка или сыпь. И недостаток медицинских знаний, неспособность прочесть эти симптомы приводили к смертному приговору. Так ли это? Я никогда не узнаю.

— Нам не дано знать, — сказала я, поворачиваясь к ней. — Нам открыто то, что неведомо другим, но почему и как — сказать не можем. Просто знаем, и все. Ты права — это проклятье. Будь у нас знания, можно было бы предотвратить несчастье. Ты не думаешь, что это накликает беду?

Мэйзри покачала головой:

— Не знаю. Если тебе станет известно, что ты скоро умрешь, что ты будешь делать? Совершишь доброе дело или, зная, что это твой последний шанс, отомстишь врагу — иначе останешься неотмщенной?

— Будь я проклята, если знаю. — Мы помолчали, наблюдая, как ледяная изморозь переходит в снегопад и легкие хлопья причудливым узором ложатся на разрушенные стены аббатства.

— Иногда я знаю: что-то должно произойти, оно совсем близко, — неожиданно заговорила Мэйзри. — Я стараюсь выбросить это из головы, не смотреть. Вот как с милордом. Я знала — что-то есть, но мне не нужно это видеть. Но он велел смотреть и сказать волшебное заклятье, чтобы видеть еще лучше. Я так и сделала.

Она вскинула голову; глядя на стену аббатства, высившуюся над нами, в охряных, белых и красных тонах, с известковой крошкой между камнями. Капюшон упал с ее головы. Рассыпавшиеся по плечам черные с проседью волосы развевались по ветру.

— Он стоял перед костром, но это был день. Рядом с ним — человек, неподвижный, как дерево, с лицом, закрытым черным. А на лицо милорда падала тень от секиры.

Она сказала это бесстрастно, деловито, но дрожь пробежала у меня по спине. Наконец она вздохнула и повернулась ко мне:

— Ладно, я скажу ему, и пусть он делает что хочет. Я не могу ни послать его на смерть, ни спасти его. Пусть решает он, и да поможет ему Иисус!

Она повернулась, чтобы идти. Я соскользнула с надгробного камня и оказалась на могильной плите леди Сары.

— Мэйзри, — окликнула я ее. Она повернулась и взглянула на меня темными, словно тени между могильными плитами, глазами.

— Да?

— А что ты видишь сейчас, Мэйзри? — спросила я и замерла в ожидании, глядя ей в лицо и безвольно опустив руки.

Она взглянула на меня тяжелым, внимательным взглядом — вверх, вниз, по сторонам, слегка улыбнулась и кивнула.

— Я не вижу ничего, леди, — мягко сказала она. — Только вас. — Она повернулась и исчезла среди деревьев, оставив меня одну под холодными

снежными хлопьями.

Послать на смерть или спасти... Этого не могу сделать и я. У меня нет силы, чтобы заставить других подчиниться моей воле или помешать им делать то, что они хотят.

Я стряхнула снег со своего плаща и пошла по тропинке вслед за Мэйзри, полностью разделяя горечь ее одиночества: есть только я. Но этого было ей мало.

Следующие две-три недели старый Саймон вел себя как обычно, но мне показалось, что Мэйзри выполнила свое намерение и рассказала ему о видении. Вначале он энергично взялся за дело, собирая в поход своих родственников, но потом охладел, говоря, что торопиться некуда. Эта медлительность приводила молодого Саймона в бешенство — он мечтал поскорее отправиться на войну и покрыть себя славой.

— Такое дело спешки не терпит, — в сотый раз повторял старый Саймон. Он взял овсяную лепешку, понюхал ее и положил на место. — Думаю, лучше подождать весенней пахоты.

— Но он будут в Лондоне еще до весны! — прокричал отцу через стол молодой Саймон и потянулся за маслом. — Если ты сам не идешь, позволь мне взять людей и присоединиться к его высочеству.

— У тебя нетерпение от дьявола, но нет и половины его благоразумия, — фыркнул лорд Ловат. — Когда ты наконец научишься ждать?

— Время ожидания давно прошло, — взорвался Саймон. — Камероны, Макдоналды, Макдживреузы — они там с самого начала. А мы придем последними, словно нищие, после Кланраналда и Гленгэрри. Получишь же ты свое герцогство!

У Ловата был широкий, как у Джейми, выразительный рот: даже в старости он не потерял своего ироничного и чувственного выражения. Но сейчас выражение лица изменилось. Ловат крепко сжал губы и неодобрительно посмотрел на наследника:

— Не зря говорят: «Женился на скорую руку да на долгую муку». А уж выбрать себе господина потруднее, чем найти жену. От нее хоть можно избавиться.

Молодой Саймон фыркнул и взглянул на Джейми, ища у него поддержки. За два месяца его подозрительная враждебность к своему незаконнорожденному родственнику сменилась невольным уважением: Джейми прекрасно разбирался в военном искусстве.

— Джейми говорит... — начал он.

— Я прекрасно знаю, что он говорит, — перебил его старый

Саймон. — Он постоянно это повторяет. В нужное время я приму свое решение. И заруби на носу, парень: когда дойдет до дела, ты ничего не потеряешь от того, что чуточку подождал.

— Чтобы увидеть, кто победит, — пробормотал Джейми, аккуратно вытирая тарелку кусочком хлеба.

Старик бросил на него быстрый взгляд, но, видимо, решил проигнорировать его замечание.

— Ты же дал слово Стюарту, — упрямо повторял молодой Саймон, не обращая внимания на недовольство отца. — Неужели ты собираешься нарушить его? Что скажут люди о тебе и твоей чести?

— То же, что в пятнадцатом году, — спокойно отвечал отец. — Большинство тех, что «говорили дело», мертвы, Разорены или нищенствуют во Франции. А я все еще здесь.

— Но... — Молодой Саймон покраснел: обычный результат таких разговоров.

— Все, хватит, — резко прервал его старый граф. Он покачал головой, неодобрительно глядя на своего сына. — Боже, порой я жалею, что Брайен умер. Хотя он тоже был глупцом, но по крайней мере знал, когда надо помолчать.

И молодой Саймон, и Джейми вспыхнули от гнева и, обменявшись быстрыми взглядами, уткнулись в свои тарелки.

— А ты куда смотришь? — заорал старик, заметив мой взгляд.

— На вас, — спокойно сказала я. — Вы неважно выглядите.

Так оно и было, даже для его семидесяти. Среднего роста, приземистый и широкоплечий, он еще недавно выглядел крепким мужчиной, под рубашкой угадывалась крепкая грудь и твердые мускулы. В последнее время он как-то сморщился, усох. Под глазами появились темные мешки, кожа приобрела бледный, нездоровый оттенок.

— Гм... — промычал он. — Еще бы. Никакого покоя ни днем ни ночью. Немудрено, что на жениха не похож.

— Наоборот, — злобно сказал молодой Саймон, пользуясь возможностью вступить в разговор. — Так и выглядит жених в конце медового месяца, когда из него вышли все соки.

— Саймон! — воскликнула леди Фрэнсис. За столом возникло некоторое оживление, и даже сам лорд Ловат искривил рот в улыбке.

— Да? Скажу тебе, парень, я бы не отказался пострадать от такой болезни. — Старик неловко задвигался в кресле и оттолкнул блюдо с вареным турнепсом, которое ему предложили. Потом взял стакан с вином, понюхал его и неохотно поставил обратно. — Так смотреть не очень-то

вежливо, — холодно произнес он. — А может, у англичан другие понятия о вежливости?

Я слегка покраснела, но не отвела взгляда.

— Я вижу, у вас нет аппетита и вы не пьете. Какие у вас еще симптомы?

— Хочешь показать, будто знаешь что-то, а? — Ловат откинулся в кресле и сложил руки на своем толстом животе — ну жаба и только. — Значит, целительница, как говорит мой внук? Белая Дама, да? — Он бросил на Джейми взгляд василиска. Тот как ни в чем не бывало продолжал жевать. Ловат что-то промычал и иронически повел головой в мою сторону: — Я не пью, леди, потому что не могу писать. И не хочу лопнуть, как свиной пузырь. Ночью я не отдыхаю, потому что не меньше дюжины раз встаю на горшок. Но все, черт побери, бесполезно. Так что вы можете на это сказать, Дэйм Элизет?

— Отец, — пробормотала леди Фрэнсис, — я не думаю, что вам следует...

— Возможно, это инфекционное заболевание мочевого пузыря, но похоже на простатит. — Я взяла стакан, сделала глоток и, прежде чем проглотить, посмаковала его. Потом, сдержанно улыбнувшись его сиятельству, поставила стакан на стол.

— Вот как? — сказал старик, высоко подняв брови. — И что это значит?

Я закатала рукава, подняла руки, слегка согнув пальцы, словно фокусник, собирающийся показать фокус, и подняла указательный палец левой руки.

— Простата, — наставительно начала я, — это железа. Она охватывает трубку уретры, которая является каналом, идущим от мочевого пузыря наружу. — Для иллюстрации я охватила двумя согнутыми в круг пальцами правой руки указательный палец левой. — Когда предстательная железа воспаляется или увеличивается, это и называется простатитом. Простата давит на уретру, — я сузила круг из пальцев, — и мешает оттоку мочи. Обычное явление у пожилых мужчин. Понятно?

После неудачной попытки изменить тему застольной беседы леди Фрэнсис начала оживленно перешептываться со своей младшей сестрой, и обе они уставились на меня с еще большим подозрением, чем раньше.

Что касается лорда Ловата, то он с восхищением наблюдал за движением моих пальцев.

— Понятно, — произнес он наконец. Его кошачьи глаза сузились еще больше. — Ну, если ты так много знаешь об этом, что в таком случае

можно сделать?

Нахмурившись, я попыталась оживить свою память. На практике мне никогда не приходилось встречаться с простатитом — такая болезнь редко посещает молодых солдат. Однако я читала книги, где она описывалась. Я вспомнила метод лечения, потому что он вызывал приступы веселья у молодых медсестер, которые впадали в неопикуемый ужас, глядя на иллюстрации, помещенные в текст.

— Ну, кроме хирургии, известны два способа лечения. Можно ввести металлический стержень через пенис в мочевой пузырь и таким образом открыть уретру. — Я проткнула указательным пальцем суженное кольцо. — Или массажировать саму простату, чтобы уменьшить опухоль. Через прямую кишку, — беспомощно добавила я.

Я услышала рядом с тобой легкое покашливание и посмотрела на Джейми. Его глаза все еще были устремлены на тарелку, но лицо и шею до самого воротника рубашки заливал багровый румянец. Покраснели даже кончики ушей. Он слегка дрожал. Я обвела взглядом сидящих за столом. Все с изумлением смотрели на меня. На лицах леди Фрэнсис, Элин и других женщин было самое разное выражение — от любопытства до отвращения. Во взглядах мужчин читался безграничный ужас.

Исключением из этой общей картины был сам лорд Ловат, который, прикрыв глаза, задумчиво потирал подбородок.

— Гм... — произнес он. — Или прут в кулан, или палец в задницу, так?

— Лучше два или три, — сказала я. — Попеременно. — Я улыбнулась ему скромно и сдержанно.

На губах лорда Ловата появилась легкая улыбка. Он медленно поднял свой взгляд, и его глубоко посаженные глаза впились в мои руки с выражением вызова и насмешки.

— Это звучит... обнадеживающе, — задумчиво сказал он. Быстрые глаза оценивающе скользнули по моим рукам. — У тебя красивые руки, моя дорогая, — заметил он. — Хорошо ухоженные и с длинными белыми тонкими пальцами.

Джейми с грохотом положил руки на стол и встал.

— Если ты нуждаешься в таких услугах, дед, я сделаю это сам. — Он распростер на столешнице крупные тяжелые ладони с длинными пальцами — каждый в диаметре равный диаметру дула пистолета. — Мне не очень приятно запускать свои пальцы в твою старую волосатую задницу, — сообщил он деду, — но, я думаю, мой родственный долг повелевает спасти тебя от разрыва мочевого пузыря.

Фрэнсис что-то пропищала.

Лорд Ловат неприязненно посмотрел на внука и медленно поднялся со своего места.

— Не утруждай себя, — бросил он. — Это сделает одна из служанок.

Он махнул рукой в знак того, что мы можем продолжать, и покинул зал, бросив выразительный взгляд на молоденькую служанку, вошедшую с блюдом нарезанного на куски мяса фазана. Широко открыв глаза, она повернулась и последовала за ним.

Над столом повисло гробовое молчание. Молодой Саймон посмотрел на меня и открыл было рот, но, взглянув на Джейми, снова закрыл его. Потом он громко прочистил горло и сказал:

— Передай мне, пожалуйста, соль.

— ...И вследствие этой прискорбной немощи я не могу лично прибыть в распоряжение вашего высочества, поэтому посылаю вам через моего сына знак моей преданности — нет, уважения, которое я питаю к его величеству и вашему высочеству, — медленно диктовал секретарю лорд Ловат, нахмурившись и глядя в потолок.

— А что мы пошлем, Гидеон? — обратился он к секретарю. — Подарок должен быть достаточно ценным, но таким, о котором я не мог бы сказать потом, что это пустяк, ничего более.

Гидеон вздохнул и промокнул потное лицо платком. Тучный человек средних лет, с редкими волосами и круглыми красными щеками, он с трудом выносил жар хорошо натопленной спальни.

— Перстень, который ваша светлость получил от графа Мара? — без особой надежды предложил он. Капля пота упала с двойного подбородка на письмо, и он торопливо вытер ее рукавом.

— Недостаточно дорогой, — заметил его светлость, — и слишком много политических ассоциаций. — Его усыпанные старческой гречкой пальцы барабанили по одеялу.

Ага, старого Саймона привели в порядок, подумала я. На нем была его лучшая ночная рубашка, он лежал в постели, рядом стоял столик с внушительным количеством лекарств, прописанных ему его личным врачом, доктором Мензисом, маленьким косоглазым человечком, который поглядывал на меня с большой долей сомнения. Я подумала, что старик просто не доверяет воображению молодого Саймона и организовал весь этот спектакль, чтобы его наследник мог правдиво описать состояние отца, когда предстанет перед Карлом Стюартом.

— Ха! — удовлетворенно произнес его светлость. — Мы пошлем ему увесистый золотой сервиз для пикников. Дар богатый, но достаточно

легкомысленный, его не истолкуешь как политическую поддержку. А кроме того, — добавил он, — на одной ложке вмятина. Вот так мы и сделаем. — И старый Саймон снова обратился к секретарю: — Продолжим. «Как вашему высочеству известно...»

Мы с Джейми переглянулись, и он незаметно улыбнулся.

— Думаю, Саксоночка, он получил от тебя то, что ему было нужно, — сказал мне Джейми, когда мы раздевались после того памятного обеда.

— Что именно? — спросила я. — Предлог, чтобы приставать к служанкам?

— Не думаю, что для этого ему нужны предлоги, — сухо произнес Джейми. — Нет, ты дала ему возможность ублажить обе стороны, как обычно. Если он серьезно болен и лежит в постели, его нельзя винить за то, что он не явился сам во главе тех людей, которых обещал Карлу. В то же время если он отправит на войну своего наследника, то не потеряет доверия Стюарта. Ну а уж если дело закончится плохо, Старый Лис объявит на всю Англию, что вовсе не собирался помогать Стюарту, а молодой Саймон действовал по своему усмотрению.

— Продиктуй Гидеону слово «простатит» по буквам, слышишь, девушка? — обратился ко мне Ловат, прервав мои размышления. — А ты, болван, смотри напиши четко, — сказал он секретарю, — я не хочу, чтобы его высочество пропустил это.

— Про-ста-тит, — медленно продиктовала я, к удовольствию секретаря. — Как вы себя чувствуете сегодня утром? — спросила я, подходя к кровати лорда.

— Спасибо, значительно лучше, — ухмыльнулся старик, продемонстрировав великолепный набор новых искусственных зубов. — Хочешь посмотреть, как я писаю?

— Нет, спасибо, как-нибудь в другой раз, — вежливо ответила я.

В один из ясных морозных дней в середине декабря мы покинули Биали, чтобы присоединиться к Карлу Стюарту и северошотландской армии. Вопреки погоде, здравому смыслу, а также советам своих генералов, Карл продолжал двигаться в сторону Англии.

Наконец в Дерби генералы взяли верх, шотландские командиры отказались идти дальше, и армия повернула на север. В срочном письме от Карла к Джейми нам предписывалось «безотлагательно двигаться на юг», чтобы воссоединиться с его высочеством, который возвращался в Эдинбург. Молодой Саймон в своем темно-красном пледе — настоящий предводитель клана — ехал впереди колонны тех, кто был на лошадях. Большинство же шли сзади пешком.

Мы скакали во главе колонны вместе с Саймоном до самого Комара. Оттуда Саймону и его людям предстояло отправиться в Эдинбург, а Джейми должен был проводить меня в Лаллиброх и уже потом ехать в Эдинбург. Конечно, он не собирался возвращаться, но Саймону знать об этом было не обязательно.

Утром я вышла из низкорослого кустарника, обрамлявшего дорогу, по которой мы двигались, и заметила, что Джейми с нетерпением ждет меня. Уходящим на войну был выдан горячий эль, чтобы поддержать их силы. Я обнаружила, что эль удивительно хорош на завтрак, но скоро заметила, что он влияет на почки.

— Ох уж эти женщины! — фыркнул Джейми. — Сколько можно тратить времени на то, чтобы пописать? Ты как мой дед, слишком суетишься насчет этого.

— Следующий раз пойди и понаблюдай. Может быть, сможешь что-нибудь посоветовать, — ядовито заметила я.

Он снова фыркнул и отвернулся, следя за проходящей колонной. На лице его была улыбка. В этот ясный погожий денек у всех было приподнятое настроение, особенно у Джейми. Еще бы — мы возвращались домой. Я знаю, он не обманывал себя, но считал, что все будет хорошо: война есть война. Но если мы не смогли остановить Карла, возможно, нам удастся спасти маленький уголок Шотландии, тот, что рядом с нами, — Лаллиброх. Пока что это еще в наших силах.

Я взглянула на растянувшуюся колонну:

— Двести человек — внушительное зрелище.

— Сто семьдесят, — машинально поправил меня Джейми, взясь со стремянами.

— Ты уверен? — с любопытством спросила я. — Лорд Ловат сказал, что посылает двести. Я слышала, как он назвал эту цифру в письме, которое диктовал.

— Сказал, но не послал. — Джейми выпрямился в седле и поднялся на стремянах, указывая вперед на темнеющее на склоне холма пятно: там развевалось знамя Фрэзеров — шлем, увенчанный головой оленя. — Я пересчитал их, пока ждал тебя, — объяснил он. — С Саймоном тридцать кавалеристов, затем пятьдесят воинов с палашами и маленькими круглыми щитами — должно быть, местные стражники — и батраки, вооруженные чем попало, от кос до молотков у пояса, их девяносто.

— Наверное, твой дед надеется, что принц Карл не будет пересчитывать их лично, — цинично заметила я, — и хочет получить больше, чем заслужил.

— Да, но когда они придут в Эдинбург, их имена будут внесены в армейские списки, — нахмурился Джейми. — Пойду посмотрю.

Я медленно последовала за ним. Кажется, моей лошади было примерно лет двадцать, она могла идти только степенной иноходью. Лошадь Джейми шла резвее, хотя и ей было далеко до Донаса. Этого могучего жеребца Джейми по просьбе Карла оставил в Эдинбурге — тот пожелал выезжать на нем в торжественных случаях. Джейми согласился на просьбу Карла, так как подозревал, что старый Саймон не упустит случая завладеть красавцем жеребцом, если тот окажется в пределах его хватки. Судя по событиям, которые разворачивались передо мной, Джейми не ошибался в оценке характера своего деда.

Вначале Джейми ехал рядом с писарем молодого Саймона, но вскоре я заметила: горячий спор закончился тем, что Джейми склонился в седле, выхватил у писаря поводья и вывел его лошадь на грязную обочину.

Мужчины спешили и встали лицом к лицу, готовые схватиться за оружие. Молодой Саймон, оценив ситуацию, тоже отъехал в сторону, сделав знак остальным продолжать путь. Он несколько раз проехался туда-сюда, затем присоединился к спорящим. Я хорошо видела покрасневшее от досады лицо Саймона, тревожное выражение на лице писаря и резкую жестикуляцию Джейми. С увлечением наблюдая за этой пантомимой, я увидела, как писарь, Покорно пожав плечами, отстегнул седельную сумку, пошарил в ней и вытащил несколько листов пергамента. Джейми выхватил их и быстро пересмотрел, водя по строчкам указательным пальцем. Остановившись на одном, он потряс им перед лицом Саймона и бросил остальные на землю. Молодой Лис был ошеломлен. Он взял лист, вгляделся в него и заметно смутился. Джейми вырвал пергамент, резким движением разорвал жесткий лист вдоль, затем поперек и затолкал куски в свою сумку.

Я придержала своего пони, который воспользовался остановкой, чтобы уткнуться носом в остатки скудной растительности. Когда молодой Саймон повернулся, затылок у него был ярко-красным, и я решила держаться в стороне. Джейми сел в седло и быстрым аллюром понесся вдоль обочины, направляясь ко мне. Красные волосы развевались по ветру, как знамя, глаза пылали гневом, губы крепко сжаты.

— Старый грязный прохвост, — сказал он без всяких околичностей.

— Что он сделал? — поинтересовалась я.

— Внес имена моих людей в свой список, — пояснил Джейми. — Объявил их частью полка Фрэзера. — Он обернулся и с тоской посмотрел на дорогу. — Эх, жаль, столько уже отмахали. Вернуться бы и поддать этой старой скотине!

Я удержалась от искушения и не стала подстрекать Джейми к еще более выразительным эпитетам в адрес его деда и вместо этого спросила:

— Для чего он это сделал? Чтобы показать Стюарту, какую большую помощь он ему оказывает?

Джейми кивнул. Бушующая в нем ярость несколько улеглась.

— Ну да. Чтобы выглядеть лучше, ничего за это не платя. И не только поэтому. Старый хитрец хочет забрать обратно свои земли, те, что ему пришлось отдать, когда мои родители поженились. Теперь он думает, если все пойдет как надо и он станет герцогом Инвернесским, то сможет объявить, что Лаллиброх является его собственностью, а я — просто его родственник. Доказательством этого является то, что он, откликнувшись на призыв Стюарта, поставил под его знамена людей из этого имения.

— И это ему удастся? — с сомнением спросила я.

Джейми глубоко вздохнул и выдохнул, из его ноздрей вылетело облачко пара, словно дым из пасти дракона. Он мрачно улыбнулся и похлопал по сумке, висящей у пояса:

— Теперь не удастся.

От Биали до Лаллиброха можно добраться за два дня. Это при хорошей погоде, крепких лошадях и с остановками только на еду, сон и соблюдение правил личной гигиены, но, как это обычно случается, в шести милях от Биали одна лошадь захромала, снег сменился дождем, на дороге появились покрытые льдом проплешины, так что прошла чуть ли не целая неделя, пока мы, усталые, грязные и голодные, спустились с последнего холма и увидели хозяйский дом в Лаллиброхе.

Мы были одни. Муртаг ушел в Эдинбург вместе с молодым Саймоном и его людьми, чтобы выяснить, как обстоят дела в шотландской армии.

Дом прочно стоял среди многочисленных надворных строений, такой же белый, как расчерченные снеговыми полосами поля, окружающие его. Мне живо припомнилось, что я почувствовала, когда впервые увидела это место. Тогда оно предстало передо мной в сиянии прекрасного осеннего дня, а не так, как сейчас — сквозь снежную пелену холодного ветра. Но даже тогда он показался желанным прибежищем. Теперь же ощущение надежности и безмятежного спокойствия только усилилось: через низкие окна просачивался теплый свет лампы, его легкая желтизна рассеивала глубокие сумерки раннего вечера.

Ощущение приветливости этого дома еще более возросло, когда я, перешагнув порог, уловила соблазнительный запах жареного мяса и свежее испеченного хлеба.

— Ужин... — прошептал Джейми, закрыв глаза и вдыхая дразнящие ароматы. — Боже, я мог бы съесть целую лошадь. — С его плаща падали тающие льдинки, оставляя на деревянном полу мокрые следы.

— А я и думаю, что нам придется съесть одну из них, — заметила я, развязывая тесемки своего плаща и стряхивая снег с волос. — Те бедные создания, что ты сторговал в Киркимилл, едва шли.

В доме услышали звук наших голосов, дверь отворилась, послышался топот маленьких ножек и крики радости — это юный Джейми увидел внизу своего тезку. Привлеченные шумом, появились другие обитатели дома, и не успели мы оглянуться, как оказались в окружении Дженни, маленькой Мэгги, Айена, миссис Крук и, сопровождаемые служанками, устремились в зал.

— Как же я рада вас видеть, мои дорогие! — в третий раз повторяла Дженни, вставая на цыпочки, чтобы поцеловать Джейми. — Судя по тому, что говорят об армии, мы не надеялись увидеть вас так скоро.

— А как же люди? — спросил Айен. — Пришли с тобой или ты заглянул сюда ненадолго?

— Пришли со мной? — удивленно повторил Джейми. Он как раз обнимал свою старшую племянницу, но, застигнутый врасплох вопросом зятя, тут же забыл о малышке. Та сердито дернула его за волосы, он пришел в себя, рассеянно поцеловал девочку и передал ее мне. — Что ты хочешь сказать, Айен? — требовательно спросил он. — Все люди должны были вернуться месяц назад. Кто-то еще не пришел?

Я крепко держала маленькую Мэгги. Ужасное предчувствие овладело мной, когда я увидела, как исчезает улыбка с лица Айена.

— Никто из них не вернулся, — медленно произнес он. На его длинном, добродушном лице, как и на лице Джейми, появилось выражение озабоченности. — С тех пор как они ушли с вами, мы ничего о них не слышали.

Со двора, где Рэбби Макнаб возился с лошадьми, послышался крик. Джейми резко повернулся, открыл дверь и всмотрелся в снежную заметь.

Заглянув ему через плечо, я увидела всадника, скачущего сквозь белую пелену. Рассмотреть лицо было невозможно, но разве спутаешь с кем-нибудь маленькую крепкую фигуру, по-обезьяньи вцепившуюся в седло? «Быстрый, как молния», — говорил о нем Джейми, и он был прав. Совершить путешествие от Биали до Эдинбурга, а затем до Лаллиброха, и все это за неделю, — такое удастся не каждому. Муртаг. И не нужно обладать даром провидения, чтобы догадаться — он везет плохие новости.

Глава 42

ПРИМИРЕНИЕ

Бледный от гнева, Джейми с треском распахнул дверь утренней гостиной в Холируде. Эван Камерон вскочил на ноги, перевернув при этом чернильницу. Саймон Фрэзер, сын Ловата, сидевший по другую сторону стола, при появлении единокровного племянника высоко поднял густые черные брови.

— Черт возьми! — воскликнул Эван, шаря в рукаве в поисках платка, дабы промокнуть чернила. — Что с вами, Фрэзер? О, доброе утро, миссис Фрэзер, — добавил он, увидев меня позади Джейми.

— Где его высочество? — сурово спросил Джейми, не пускаясь в объяснения.

— В Стирлингском замке, — ответил Камерон, потеряв надежду найти носовой платок. — Фрэзер, у вас нет какой-нибудь тряпки?

— Будь она у меня, я бы удавил вас ею, — ответил Джейми. Он немного успокоился, узнав, что Карла нет в резиденции, но его губы были по-прежнему крепко сжаты. — Почему вы позволили держать моих людей в Толбуте? Я только что оттуда. Я не стал бы держать в таких условиях даже свиней. Вы же могли что-нибудь сделать — просто во имя милосердия?

Камерон слегка покраснел, но его чистые карие глаза спокойно встретили взгляд Джейми.

— Я пытался, — ответил он. — Я сказал его высочеству, что здесь какая-то ошибка, — хотя какая ошибка: их нашли в тридцати милях от основной армии, и, кроме того, у принца не так много людей, чтобы он мог обойтись без них. Только поэтому он не отдал приказ повесить их тут же, на месте. — По мере того, как шок от неожиданного вторжения Джейми проходил, Камерон начинал закипать. — О Боже, человек, это же преступление — дезертировать во время войны!

— Неужели? — скептически заметил Джейми. Он коротко кивнул молодому Саймону и, прежде чем сесть, пододвинул мне кресло. — А как насчет ваших людей, Эван, тех двадцати, что сбежали? Вы уже приказали их повесить? А может, таких дезертиров теперь уже человек сорок?

Камерон покраснел еще больше и сосредоточился на промокании чернил тряпкой, которую протянул ему Саймон.

— Их ведь не схватили, — пробормотал он наконец. Камерон взглянул

на Джейми, его худое лицо стало серьезным. — Отправляйтесь к его высочеству в Стирлинг, — посоветовал он. — Принц был в ярости, когда услышал о дезертирстве, но, в конце концов, вы же поехали в Биали по его приказу, и поэтому ваши люди остались без присмотра. Разве не так? И кроме того, Джейми, он всегда хорошо к вам относился, называл своим другом. Так что, возможно, он и простит ваших людей, если вы за них попросите.

Подняв мокрую от чернил тряпку, он с сомнением посмотрел на нее, пробормотал извинение и вышел, чтобы выбросить ее, а точнее — избавиться от Джейми.

Джейми развалясь сидел в кресле, его дыхание с шумом вырывалось сквозь стиснутые зубы, взгляд был устремлен на небольшую вышивку на стене, изображавшую Карла в военном мундире. Два согнутых пальца правой руки медленно постукивали по столу. Джейми пребывал в таком состоянии с тех пор, как Муртаг сообщил ему, что тридцать человек из его отряда схвачены по обвинению в дезертирстве, брошены в печально известную эдинбургскую тюрьму Толбут и приговорены к смерти.

Я-то не думала, что Карл приведет приговор в исполнение. Как заметил Эван Камерон, шотландская армия испытывала острую нужду в людях. Вторжение в Англию, о котором он так много говорил, и поддержка английского сельского населения, на которую он рассчитывал, — ничего с этим не получилось. И еще одно соображение. Казнить людей Джейми в его отсутствие было бы актом политического безумия и таким предательством, о котором даже Карл Стюарт не мог помыслить.

Нет, я была уверена, что Камерон прав и людей в конце концов отпустят. Конечно, Джейми тоже понимал это, хотя вряд ли находил в этом утешение: он хотел уберечь своих людей от опасностей губительной войны, а они, повинаясь его приказу, оказались в одной из самых страшных тюрем Шотландии, заклеянные как трусы и под угрозой позорной смерти через повешение.

Вот этим, вместе с перспективой оставить своих людей еще на какое-то время в темном зловонном заточении, а также необходимостью унижаться перед Стюартом и объяснялось мрачное выражение его лица — он сидел с видом человека, проглотившего за завтраком толченное стекло.

Молодой Саймон тоже молчал, в глубокой задумчивости наморщив лоб.

— Я поеду с тобой к его высочеству, — неожиданно сказал он.

— Ты? — Джейми с удивлением взглянул на своего единокровного дядю, его глаза сузились. — Для чего?

Саймон криво усмехнулся:

— В конце концов, кровь есть кровь. Или ты думаешь, что я, как отец, хочу присвоить твоих людей?

— А разве не так?

— Я бы мог их присвоить, — откровенно признался Саймон-младший, — если бы от этого мне была какая-нибудь польза. Но в данном случае, я думаю, будет больше хлопот. У меня нет желания воевать с Макензи или с тобой, племянничек, — добавил он с широкой ухмылкой. — Может, Лаллиброх и богатое поместье, но оно далеко от Биали, и будет дьявольски трудно удержать его — что по суду, что силой. Я говорил об этом отцу, но он ведь слышит только себя.

Молодой человек тряхнул головой и прикрепил к поясу меч.

— Лучше, вероятно, воссоединиться с армией, и... если эта армия собирается сражаться, как тогда под Престоном, им потребуется каждый человек. Я еду с тобой, — твердо заявил он.

Джейми кивнул, медленная улыбка озарила его лицо.

— Ну, тогда спасибо, Саймон. Ты будешь очень полезен.

Саймон кивнул:

— Ладно. Было бы полезно попросить Дугала Макензи замолвить за тебя словечко. Он сейчас как раз в Эдинбурге.

— Дугала Макензи? — Джейми вопросительно вскинул брови. — Конечно, это не повредило бы, но...

— Не повредило? Нет, вы только послушайте его... Да этот Макензи — ближайший друг Принца Чарли. — Саймон развалился в кресле, насмешливо глядя на своего единокровного племянника.

— Почему? Что, скажите на милость, он сделал? — удивилась я. — Дугал привел Стюарту двести пятьдесят вооруженных людей, но вклад других предводителей кланов не меньше.

— Десять тысяч фунтов, — произнес Саймон, смакуя каждое слово. — Десять тысяч фунтов в прекрасных полновесных стерлингах положил Дугал Макензи к ногам своего сюзерена. И это, конечно, не осталось незамеченным, — сухо добавил он; от его ленивой позы не осталось и следа. — Камерон только что говорил мне: те деньги, что Карл получил от испанцев, уже кончились, а от английских сторонников, на которых он рассчитывал, поступает чертовски мало. Так что десять тысяч Дугала помогут в течение по меньшей мере нескольких недель снабжать армию продовольствием и оружием. А там, глядишь, подоспеет помощь из Франции.

Поняв наконец, что действия его безрассудного кузена являются

прекрасным отвлекающим маневром, удобным для него, Луи с неохотой согласился выделить Карлу кое-какие деньги. Однако с тех пор прошло уже немало времени.

Я с удивлением взглянула на Джейми, на его лице отразилось такое же удивление. Где, скажите на милость, Дугал Макензи мог достать эти десять тысяч? И вдруг я вспомнила, где я раньше слышала эту цифру — в яме для воров в Крэйнсмуире, где я провела три бесконечных дня и три ночи в ожидании приговора по обвинению в колдовстве.

— Джейлис Дункан! — Я вся похолодела при воспоминании о той беседе в непроглядной тьме грязной ямы, когда моим собеседником был только голос. В гостинной было тепло, но я потуже запахнула на себе плащ.

«Я выпотрошила его на десять тысяч фунтов, — говорила Джейлис, похваляясь кражей, которую она совершила, подделав подпись своего мужа. Артур Дункан, которого она отравила, был налоговым инспектором края. — Десять тысяч фунтов для якобитов. Когда начнется восстание, я буду знать, что помогла им».

— Она украла их, — сказала я, чувствуя, как задрожали мои руки при мысли о Джейлис Дункан, обвиненной в колдовстве и принявшей мучительную смерть под ветками рябинового дерева. Джейлис Дункан, которая перед смертью успела родить ребенка своему возлюбленному — Дугалу Макензи.

— Значит, она украла их и отдала Дугалу или он сам забрал их у нее, не говоря, куда они пойдут. — Взволнованная, я поднялась с места и зашагала взад-вперед перед огнем. — Ублюдок. Так вот чем он занимался в Париже два года назад!

— Чем? — Джейми, нахмурившись, смотрел на меня, Саймон сидел открыв рот.

— Устанавливал связь с Карлом Стюартом. Он навещал его, чтобы выведать, действительно ли тот планирует восстание. Возможно, он уже тогда пообещал ему деньги, поэтому-то Карл и рискнул отправиться в Шотландию — на деньги Джейлис Дункан. Но пока Колам был жив, Дугал не мог открыто передать деньги Карлу — Колам начал бы задавать вопросы. Он был слишком честным человеком, чтобы пользоваться ворованными деньгами, неважно, кто и когда их украл.

— Понятно, — проговорил Джейми, в задумчивости опустив глаза. — Но сейчас Колам мертв, а Дугал Макензи — фаворит принца.

— Говорю же тебе, для тебя это очень выгодно, — заключил Саймон, раздраженный разговорами о неизвестных ему людях и делах, из которых он половины не понял. — Разыщи его, в это время, он, вероятно, в «Волд

Энде».

— Ты думаешь, он захочет говорить о тебе с принцем? — встревоженно спросила я Джейми. Какое-то время Дугал был приемным отцом Джейми, но с тех пор их отношения, конечно, изменились. Он мог не захотеть рисковать своим авторитетом у принца, выступая в защиту кучки трусов и дезертиров.

Но Молодой Лис явно унаследовал хитрость и сообразительность своего отца.

— Макензи не хотят терять Лаллиброх, верно? И если он подумает, что отец и я пытаемся наложить лапу на эти земли, он уж постарается помочь тебе вернуть твоих людей. Когда война окончится, ему будет куда дороже бороться с нами за эти земли, чем помочь тебе сейчас. — Покусывая верхнюю губу, он, довольный, кивал, раздумывая о дальнейшем развитии событий. — Я войду перед тобой и помашу у него перед носом копией отцовского списка. Затем появишься ты и скажешь, что скорее согласишься увидеть меня в аду, чем отдашь мне своих людей, и потом мы все вместе отправимся в Стирлинг.

— Я всегда считала, что неслучайно Scot^[8] рифмуется с plot.

— Что? — Мужчины с удивлением посмотрели на меня.

— Ничего, — покачала я головой. — Просто голос крови.

Я осталась в Эдинбурге, а Джейми и его дядя-соперник отправились к принцу утрясать свои дела. Я могла бы остановиться в Холируде, но нашла себе жилище в одном из переулков над Канонгейтом. Это была тесная, сырая комнатенка, но я проводила в ней немного времени.

Узники Толбута не могли оттуда выйти, но ничто не мешало посетителям навещать их. Фергюс и я приходили в тюрьму каждый день и за небольшую взятку передавали людям из Лаллиброха пищу и лекарства. Теоретически разговаривать с заключенными один на один не разрешалось, но, смазав соответствующим образом тюремный механизм, мне удалось два или три раза поговорить с кузнецом Россом наедине.

— Это моя вина, леди, — сразу сказал он, едва увидев меня. — Нужно было уходить маленькими группами, по три, четыре человека, а не вместе, как это сделали мы. Но я боялся растерять людей — ведь большинство из них никогда не удалялось от своей деревни более чем на пять миль.

— Не вините себя, — успокаивала я его. — Из того, что мне известно, это чистая случайность, вам просто не повезло. Не волнуйтесь, Джейми отправился в Стирлинг к принцу. Скоро он освободит вас.

Кузнец кивнул и усталым движением руки пригладил волосы. Ничто в этом грязном, нечесаном человеке не напоминало того крепкого,

уверенного в себе мастерового, каким он был несколько месяцев назад. И все же он улыбнулся мне и поблагодарил за еду.

— Если бы не вы, — признался он, — нам бы худо пришлось. Здесь дают немного помоев, и все. Как вы думаете, миледи... — Он замялся. — Вы не смогли бы достать несколько одеял? Я бы не просил, но у четырех наших лихорадка, и...

— Постараюсь, — ответила я.

Я вышла из тюрьмы, размышляя, как же мне это сделать. Основная армия ушла на юг — завоевывать Англию, но Эдинбург все еще оставался оккупированным городом. Солдаты, лорды, прихлебатели всех мастей постоянно приезжали и уезжали из города, и потому товаров было мало, и они были дороги. Одеяла и теплую одежду найти можно, но стоили они кучу денег, а в моем кошельке оставалось ровно десять шиллингов.

Был в Эдинбурге один банкир, мистер Уотерфорд, который в прошлом вел кое-какие дела с Лаллиброхом, но несколько месяцев назад Джейми, боясь, что банковские вклады могут быть захвачены королем, изъясил их из банка. Деньги были обращены в золото, часть его переправили Джареду во Францию на хранение, часть спрятали в доме. И то и другое было сейчас одинаково недостижимо.

Я остановилась на булыжной мостовой, чтобы подумать. Меня толкали со всех сторон, а я стояла и размышляла. Денег у меня нет, но есть несколько ценных вещей. Горный хрусталь, который Раймонд дал мне в Париже. Сам камень большой ценности не имел, другое дело — оправа и цепочка. Мои обручальные кольца... Нет, с ними я расставаться не хочу, даже на время. Но вот жемчуг... Я сунула руку в карман и нащупала изнутри жемчужное ожерелье, которое я зашила в шов юбки, — его подарил мне Джейми в день свадьбы.

Маленькие, неправильной формы жемчужины цвета воды, гладкие и тяжелые, перекатывались под моими пальцами. Не столь дорогое, как восточный жемчуг, это было все же прекрасное ожерелье с ажурными золотыми колечками между бусинками. Ожерелье принадлежало матери Джейми, Элен. Я подумала — вероятно, ей было бы приятно узнать, что оно сослужило добрую службу ее людям.

— Пять фунтов, — твердо сказала я. — Оно стоит десять, я могла бы получить шесть, если бы потрудились подняться вверх по холму до следующего магазина.

Я не имела понятия, так это или нет, но сделала движение, будто собиралась забрать ожерелье с прилавка и покинуть лавку ростовщика. Ростовщик, мистер Сэмюэлс, быстро прикрыл рукой ожерелье. Его

торопливость подсказала мне, что начинать следовало с шести фунтов.

— Ладно, три фунта десять шиллингов, — сказал ростовщик. — Конечно, я пушу по миру свою семью, но ради такой прелестной леди, как вы...

Маленький звоночек над дверью позади меня звякнул, дверь открылась, послышался звук торопливых шагов по стертým доскам.

— Извините меня, — прозвучал девичий голосок, и я обернулась, забыв об ожерелье, — тень от лампы ростовщика упала на лицо Мэри Хоукинс. За последний год она подросла и пополнела. В ее манерах появилась особая женственность и достоинство, но она все еще была очень молода. Мэри заморгала и тут же бросилась на меня с радостным криком, ее меховой воротник защекотал мой нос, когда она крепко обняла меня.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, высвободившись наконец из ее объятий.

— Здесь живет п-папина сестра, — объяснила она. — Я гощу у нее. Или вы имеете в виду, что я делаю здесь? — Она обвела рукой темное помещение мистера Сэмюэlsa.

— И это тоже, — сказала я. — Но подожди немного. — Я повернулась к ростовщику: — Четыре с половиной фунта, или я поднимаюсь на холм. Решайте скорее, мне некогда.

Ворча себе под нос, мистер Сэмюэлс потянулся к ящичку под прилавком, а я повернулась к Мэри:

— Мне нужно купить несколько одеял. Ты пойдешь со мной?

Мэри выглянула на улицу, там стоял слуга в ливрее, явно поджидая ее.

— Да, если потом ты пойдешь со мной. О, Клэр, я так рада видеть тебя! Он п-прислал мне записку, — сообщила Мэри, когда мы спускались с холма. — Алекс. Друг принес мне от него письмо. — При упоминании его имени ее лицо просветлело, но маленькая складочка между бровями не разгладилась. — Когда я узнала, что он в Эдинбурге, я попросила папу отпустить меня навестить тетю Милдред. Он не воз-возражал, — с горечью добавила она. — Ему было больно с-смотреть на меня после всего, что случилось в Париже. Он с радостью отпустил меня из своего дома.

— Значит, ты видела Алекса? — Мне было интересно, как идут дела у молодого викария с тех пор, как я в последний раз виделась с ним. И было также любопытно узнать, как он осмелился написать Мэри.

— Да. Но он не просил меня приходить, — торопливо добавила она. — Я с-сама пошла к нему. — Ее подбородок гордо поднялся, но голос слегка дрожал. — Он... он не написал бы мне, но он думает, что умирает, и х-хотел, чтобы я... з-знала...

Я обняла ее за плечи и быстро увлекла в один из переулков, подальше от людского потока.

— Все в порядке, — говорила я, беспомощно поглаживая ее и зная: что бы я ни сделала, все будет напрасно. — Ты пришла, увиделась с ним, и это самое главное.

Мэри молча кивнула и высморкалась.

— Да, — произнесла она наконец хриплым голосом. — У нас было... два месяца. Я постоянно повторяю себе, что у нас было больше, чем у других людей... Два месяца с-счастья, но мы потеряли... так много времени, Клэр, а... его уже не вернуть!

— Да, — тихо сказала я. — Для такой любви, как ваша, не хватит и целой жизни. — Внезапно я ощутила острый приступ тоски — где он, Джейми, и что с ним сейчас.

Немного успокоившись, Мэри схватила меня за рукав.

— Клэр, ты сходишь к нему со мной? Я знаю, надежды почти нет... — Ее голос дрогнул, но, сделав над собой усилие, она продолжала: — Но может быть, ты сможешь помочь... хоть чем-нибудь. — Она поймала мой взгляд, брошенный на слугу, стоявшего с отсутствующим видом в конце переулка. — Я плачу ему, — просто сказала она. — Моя тетя думает, что я к-каждый день в полдень хожу на прогулку. Так ты пойдешь со мной?

— Да, конечно. — Я посмотрела вдаль, отмечая уровень солнца над холмами за городскими зданиями. Через час будет темно. Мне хотелось доставить в тюрьму теплые одеяла еще до того, как наступившая ночь сделает сырые каменные стены тюрьмы еще холоднее. Приняв неожиданное решение, я повернулась к Фергюсу, который терпеливо стоял рядом со мной, с интересом разглядывая Мэри. Возвратившись в Эдинбург вместе с остальными людьми из Лаллиброха, он избежал заключения благодаря своему французскому гражданству и выжил, только обратившись к своей прежней профессии. Он бродил вокруг Толбута, передавая крохи еды, которые ему удавалось раздобыть, своим товарищам. Там я его и нашла.

— Возьми эти деньги, — сказала я, вручая ему кошелек, — и найди Муртага. Скажи ему, чтобы он на все деньги купил одеял и передал их тюремщику. Он уже получил от меня мзду, но на всякий случай пусть Муртаг попридержит для него несколько шиллингов.

— Но, мадам, — запротестовал он, — я обещал милорду, что никогда не оставлю вас одну...

— Милорда здесь нет, — твердо заявила я, — поэтому слушай меня.

Он посмотрел сначала на меня, потом на Мэри и, очевидно, решил, что

она представляет для меня меньшую опасность, чем я для него, и пожал плечами, что-то бормоча по-французски о женском упрямстве.

Маленькая комната на самом верху значительно изменилась со времени моего последнего посещения. Она была не просто чистой — каждая горизонтальная поверхность блистала, как отполированная. В шкафу была еда, на кровати стеганое одеяло и масса всевозможных мелочей для удобства больного. По дороге Мэри рассказала мне, что она потихоньку закладывает драгоценности своей матери, чтобы создать максимум удобств для Алекса Рэндолла.

Деньги могут не все, лицо Алекса засветилось, когда в комнату вошла Мэри. Казалось, болезнь на время отступила.

— Я привела Клэр, любимый. — Мэри бросила плащ на стул и опустилась на колени рядом с ним, взяв его худые с голубыми прожилками руки в свои.

— Миссис Фрэзер, — его голос был тихим, почти беззвучным, хотя он улыбался мне, — так приятно снова увидеть дружеское лицо.

— И мне тоже. — Я улыбнулась ему, машинально отметив слабый пульс у горла и прозрачность кожи. Последние остатки жизни, еще не покинувшей хрупкое тело, сосредоточились в глазах — они были теплые и нежные.

Не имея лекарств, я ничего не могла сделать, но все же тщательно осмотрела его, после чего он устало откинулся на подушки, его губы слегка посинели от усталости. Скрывая свое беспокойство, я пообещала прийти на следующий день и принести лекарства, чтобы он мог лучше спать. Он едва замечал мои старания — все его внимание было обращено на Мэри; взволнованная, она сидела рядом с ним и держала его за руку. Я заметила, как она посмотрела на окно, за которым быстро угасал день, и поняла ее озабоченность — ей предстояло вернуться к тетке до наступления ночи.

— Мне нужно идти, — сказала я Алексу со всей тактичностью, на какую была способна, — мне хотелось дать им возможность побыть вдвоем эти несколько драгоценных минут.

Он перевел взгляд с меня на Мэри, затем благодарно улыбнулся мне.

— Да благословит вас Бог, миссис Фрэзер, — сказал он.

— Увидимся завтра, — сказала я и ушла, от души надеясь, что так и будет.

В течение следующих нескольких дней я была очень занята. Все оружие наших людей было, конечно, конфисковано при аресте, и я изо всех сил старалась вернуть его, прибегая, при необходимости, к запугиванию и подкупу, к угрозам и улыбкам. Я заложила несколько брошей, что подарила

мне Джаред при расставании, и купила людям из Лаллиброха еды, чтобы они питались не хуже, чем в армии, — впрочем, довольно скудно.

Я договорилась о том, чтобы меня пропускали в камеры, и лечила арестованных от различных заболеваний, спектр которых был очень широк — от цинги и недоедания до ангины, обморожения, артритов и различных болезней дыхательных путей.

Я обошла всех военачальников и лордов, которые еще оставались в Эдинбурге — их было немного — и которые могли быть полезны Джейми в случае, если его визит в Стирлинг окажется безуспешным. Я не надеялась, что это поможет, но считала нужным сделать все, что в моих силах.

И среди всех забот этих дней я выкраивала время, чтобы раз в день навестить Алекса Рэндолла. Мне с трудом удавалось заглядывать к нему по утрам, чтобы не занимать те часы, которые он мог провести с Мэри. Алекс спал мало, и даже этот сон был болезненным. Естественно, что по утрам он чувствовал усталость и раздражительность, говорить ему не хотелось, но он всегда приветливо улыбался мне. Я приносила ему питье — легкую смесь мяты и лаванды с несколькими каплями макового сиропа. Это давало ему возможность поспать несколько часов, и, когда Мэри приходила к нему днем, он чувствовал себя несколько отдохнувшим.

Кроме меня и Мэри, я не видела у Алекса никаких посетителей. Поэтому, подойдя однажды утром к дверям его комнаты и услышав за ней голоса, я очень удивилась.

Коротко постучав один раз — наш условный стук, — я открыла дверь и вошла. Джонатан Рэндолл, одетый у алую капитанскую форму, сидел у постели своего брата. При моем появлении он встал и вежливо, но холодно поклонился.

— Мадам, — сказал он.

— Капитан, — откликнулась я.

Мы неловко стояли посреди комнаты, глядя друг на друга и не зная, что сказать.

— Джонни, — прозвучал хриплый голос Алекса. В нем слышалась просительная и в то же время требовательная нотка, и Джонатан, уловив это, раздраженно пожал плечами.

— Мой брат вызвал меня, чтобы я сообщил вам кое-какие новости, — проговорил он, едва разжимая губы. В это утро на нем не было парика. С темными, стянутыми позади волосами, он разительно напоминал своего брата. Бледный и хрупкий Алекс казался призраком своего брата.

— Вы и мистер Фрэзер были добры к моей Мэри, — сказал Алекс, поворачиваясь на бок, чтобы видеть меня. — И ко мне тоже. Я... знал о

вашем договоре с моим братом, — его бледные щеки слегка порозовели, — но я знаю также, что вы и ваш муж сделали для Мэри... в Париже. — Он облизал губы, сухие и потрескавшиеся от постоянной жары в комнате. — Я думал, вам нужно услышать новость, которую Джонни привез вчера из Замка.

Джек Рэндолл смотрел на меня с неприязнью, но он привык держать свое слово.

— Итак, на посту командующего Холи сменил Коупа, как я и предсказывал вам раньше, — начал Рэндолл. — У Холи есть некий дар лидерства, он пользуется слепым доверием людей, находящихся под его командованием. Возможно, это сыграло большую роль, чем артиллерия Коупа. — Джек нетерпеливо передернул плечами. — Как бы то ни было, генерал Холи направлен на север, чтобы захватить Стирлингский замок.

— Значит, все-таки он, — вслух подумала я. — А какое у него войско?

Рэндолл коротко кивнул.

— В настоящий момент у него восемь тысяч, из них тысяча триста — кавалеристы. Кроме того, он со дня на день ожидает шесть тысяч гессенцев. — Джек нахмурился, размышляя. — Я слышал также, что глава клана Кэмпбелл посылает в помощь Холи тысячу человек, но я не знаю, насколько надежна эта информация.

— Понятно. — Это было серьезно. В шотландской армии в настоящее время насчитывалось что-то между тысячью и двумя тысячами человек. Без тех подкреплений, прибытия которых Холи пока еще только ждет, они смогут выстоять. Ждать, пока подойдут гессенцы и солдаты Кэмпбелла, — сущее безумие, не говоря уже о том, что шотландцы гораздо лучше атакуют, чем защищаются. Поэтому необходимо, чтобы эта новость дошла до лорда Джорджа Муррея как можно быстрее.

Голос Джека Рэндолла прервал мои размышления.

— Прощайте, мадам, — как всегда официально, произнес он, на его застывшем красивом лице не дрогнул ни один мускул, он поклонился мне и вышел.

— Спасибо, — сказала я Алексу Рэндоллу, ожидая, пока Джонатан спустится по узкой крутой лестнице, чтобы уйти самой. — Эти сведения мне очень пригодятся.

Он кивнул. Темные круги под его глазами свидетельствовали о еще одной бессонной ночи.

— Пожалуйста, — просто сказал он, — может быть, вы оставите мне какое-нибудь лекарство? Думаю, некоторое время я вас не увижу.

Я замерла, пораженная его предположением — неужели мне придется

самой отправляться в Стирлинг?

— Не знаю, — ответила я. — Но лекарство я вам оставляю.

Я медленно шла в свое жилище, мысли лихорадочно кружились в голове. Совершенно ясно, что я должна обо всем сообщить Джейми. И немедленно. Это я поручу Муртагу. Я знала, Джейми мне, конечно, поверит, если я напишу ему записку. Но сумеет ли он убедить лорда Джорджа, графа Перта или других армейских командующих?

Я не могла сказать им, откуда у меня эти сведения. А поверят ли армейские командиры ничем подтвержденным словам женщины? Даже если молва приписывает этой женщине сверхъестественные возможности? Вдруг я вспомнила Мэйзри и вздрогнула. «Это проклятье», — сказала она. Да, это так, но что же тогда делать? Ведь мне не дано никакой силы. Хотя я могу промолчать, не сказать то, что мне известно. И это тоже сила. Но я не рискну ею воспользоваться.

К моему удивлению, дверь моей маленькой комнаты была открыта, оттуда слышались голоса, звон и лязг оружия. К этому времени у меня под кроватью образовался целый склад оружия, около очага лежала груда мечей и секир, на полу буквально не осталось места — только маленький квадрат, на котором Фергюс расстилал свое одеяло.

Я стояла на лестнице, пораженная представшей моим глазам картиной. Муртаг, стоя на кровати, наблюдал за раздачей оружия людям из Лаллиброха, до отказа заполнившим мою комнату.

— Мадам!

Я повернулась на крик и увидела у своего локтя Фергюса, с широкозубой ухмылкой на болезненном лице.

— Мадам! Разве не чудо? Милорд получил прощение своим людям — сегодня утром явился посыльный из Стирлинга с приказом освободить их и двигаться в Стирлинг в распоряжение милорда!

Я крепко обняла его и тоже улыбнулась:

— Это действительно чудесно, Фергюс.

Еще несколько человек заметили меня и стали поворачиваться, улыбаясь и дергая друг друга за рукава. Маленькую комнату заполнили возгласы радости и восхищения. Муртаг, сидевший на кровати словно гном на грибе-поганке, тоже увидел меня и улыбнулся — при этом улыбка совершенно изменила его лицо, сделала его просто неузнаваемым.

— Людей поведет мистер Муртаг? — спросил Фергюс. Он тоже получил оружие — кинжал, или короткий меч, и во время разговора вытаскивал и вкладывал его в ножны, должно быть практиковался.

Я встретила взглядом с Муртагом и покачала головой. В конце

концов, подумала я, если Дженни Камерон могла привести в Гленфиннан отряд людей своего брата, то почему бы и мне не отправиться в Стирлинг с отрядом моего мужа? И пусть тогда лорд Джордж и его высочество попробуют пренебречь моим сообщением, доставленным мной лично!

— Нет! — сказала я. — Людей поведу я.

Глава 43

ФОЛКИРК-ХИЛЛ

В темноте вокруг меня были мужчины, всюду, со всех сторон. Рядом со мной шел волынщик. Я слышала поскрипывание сумки у него под мышкой и видела очертания труб волынки у него за спиной. Они шевелились в такт его шагам, и казалось, что он несет за спиной маленькое, дрожащее животное.

Я знала его, человека по имени Лабриан Маклан. Волынщики кланов по очереди возвещали о начале нового дня в Стерлинге; волынщик расхаживал по лагерю точным, размеренным шагом, и звуки его волынки, отражаясь от полотняных палаток, возвещали о начале нового дня.

Вечером снова ходил волынщик, медленно шел по двору, лагерь замирал, прислушиваясь, стихали голоса, и солнечный свет мерк на легких палатках. Высокие жалобные звуки будили тени в болотах, и, когда волынщик завершал свою работу, наступала ночь.

И утром и вечером Лабриан Маклин играл с закрытыми глазами, медленно вышагивая по двору, локти крепко прижимают сумку, пальцы любовно пробегают по трубке. Несмотря на холод, я просиживала иногда целыми вечерами, слушая звуки, которые проникали в самое сердце.

Существуют маленькие ирландские волынки, на них играют в закрытых помещениях, и большие северные волынки, на них играют на свежем воздухе — побудку, обращение к различным кланам или призыв к битве. Маклин играл на северной волынке, расхаживая туда-сюда с крепко зажмуренными глазами.

Однажды вечером, дождавшись, пока замрет последний жалобный звук, я встала и пошла рядом с ним; он прошел через ворота Стирлингского замка, кивнув одному из стражников.

— Добрый вечер, миссис, — сказал он. Его голос был мягок, в глазах, теперь широко открытых, еще таилась нежность, разбуженная только что отзвучавшей музыкой.

— Добрый вечер, Маклин, — поздоровалась я. — Все хочу спросить тебя, почему ты играешь с закрытыми глазами?

Он улыбнулся, почесал голову, но с готовностью ответил:

— Думаю, потому, что играть меня учил мой дедушка, а он был слепой. Когда я играю, то так и вижу его перед собой: шагает по берегу моря, борода развевается на ветру, слепые глаза зажмурены — ветер

бросает ему в лицо колючий песок, он прислушивается к звукам волынки, которые отражаются от крутых горных склонов, — эхо помогает ему безошибочно находить дорогу.

— Значит, ты видишь его и, как и он, играешь скалам и морю? Откуда ты, Маклин? — спросила я. У него был низкий голос, в его речи слышалось много свистящих звуков, даже больше, чем у северных шотландцев.

— Я из Шетланда, миссис, — ответил он, последнее слово прозвучало почти как «Зетланда». — Это далеко отсюда.

Он снова улыбнулся мне и поклонился, потому что мы уже подошли к домам для гостей, куда мне нужно было повернуть.

— А вы, я думаю, прошли еще больше, миссис.

— Верно, — сказала я. — Спокойной ночи, Маклин.

Ближе к концу этой недели я подумала, что его умение играть вслепую может здорово помочь ему здесь, в темноте. Двигающаяся колонна мужчин производит немало шума, даже если они идут очень тихо, но я надеялась, что завывание все усиливающегося ветра заглушит звук их шагов. Ночь была безлунной, но на небе светлели легкие облака, шел дождь со снегом, стягивая холодом мои щеки.

Солдаты северошотландской армии передвигались небольшими группами по десять — двадцать человек, то проваливаясь в ямы, то преодолевая вырастающие перед ними холмы, которые земля, будто нарочно, выбрасывала то тут, то там, не говоря уже о купах лиственниц и ольхи, которые словно перемешались в темноте. Мои сведения подтвердились; шпионы Эвана Камерона тоже доложили о передвижении Холи, и сейчас шотландская армия готовилась встретить его где-нибудь южнее Стирлингского замка.

Джейми отказался от мысли отослать меня обратно. Я пообещала держаться в стороне, хотя если начнется сражение, армейские врачи должны быть под рукой. По тому, как он вскидывал вверх голову, я могла судить, смотрит ли он на своих людей или разглядывает открывающуюся перед ним перспективу. Он сидел на Донасе так высоко, что его тень была видна даже в темноте. Вот он поднял руку — две маленькие тени оторвались от шагающей массы и приблизились к его стремени. Последовал короткий разговор шепотом, после чего он выпрямился и повернулся ко мне:

— Разведчики донесли, что нас заметили. Английские гонцы спешат предупредить генерала Холи. Медлить больше нельзя. Я возьму своих людей, обойду войска Дугала и стану на дальней стороне Фолкирк-Хилл. Оттуда мы спустимся вниз, а Макензи тем временем подойдет с запада.

Слева от тебя, примерно в четверти мили, на вершине холма находится маленькая церковь. Это твое место, Сак-соночка. Немедленно скачи туда и там оставайся. — Он ощупью нашел мои руки и сжал их. — Я приеду за тобой, как только смогу, а если не смогу, то пришлю Муртага. Если дела пойдут плохо, иди в церковь и проси убежища. Больше я ничего не могу придумать.

— Обо мне не беспокойся, — сказала я. Губы у меня оледенели, я дрожала, но старалась, чтобы Джейми этого не заметил. — Будь осторожен, — все, что я могла сказать, и коснулась его щеки — все, что я могла себе позволить; щека была холодная и твердая, как металл, а локон волос холодным и гладким, словно шкура оленя.

Я натянула поводья и свернула налево, медленно прокладывая путь среди людских потоков. Жеребец, обеспокоенный царящей вокруг суматохой, задрал голову и зафыркал, приплясывая подо мной. Я резко осадила его, как учил меня Джейми, так что земля вокруг вздыбилась под копытами коня. Я оглянулась назад, но Джейми уже исчез в ночи. Мне ничего не оставалось, как отправиться на поиски церкви. Задача не из легких — вокруг стояла крошечная тьма.

Церковь — небольшое здание с каменными стенами и соломенной крышей — была похожа на съежившееся животное, прижавшееся к склону холма. Я почувствовала свое внутреннее сродство с ней. Отсюда были видны английские наблюдательные посты, сквозь снежную пелену слабо виднелись огни костров, в отдалении слышались крики, то ли шотландские, то ли английские — отсюда не разобрать.

Затем раздался звук волынки — пронзительный жуткий вскрик в бушующей непогоде. И тут же с различных точек холма послышались беспорядочные крики.

Я сразу представила себе волынщиков, раздувающих свои мехи, — их высоко вздымающуюся грудь и посиневшие губы, крепко прижатые к трубке; сведенные от холода пальцы превращают вдуваемый воздух в связанные звуки.

Я почти физически чувствовала упорное сопротивление кожаного мешка, теплого и гибкого под пледом, неохотно пробуждающегося и затем неожиданно воспрянувшего к жизни, ставшего частью тела волынщика, его третьим легким, которое дышит вместо него, ветер уносит это дыхание, а крики соплеменников, звучащие вокруг, словно наполняют мехи новой силой.

Теперь крики стали громче, они долетали волнами, вместе с ветром, который, меняя направление, швырял в меня снег, смешанный с дождем.

Здесь не было никакого укрытия, не было даже деревьев, которые смиряли бы ветер. Мой жеребец повернулся лицом к ветру и опустил голову, его грива хлестала меня по лицу примерзшими к ней льдинками.

Церковь — мое прибежище от стихии, а также от англичан. Я широко распахнула дверь, дернула коня за уздечку и повела его за собой.

Внутри было темно, лишь в алтаре смутно виднелось оконце из промасленной кожи. По сравнению с тем, что творилось снаружи, здесь было тепло, но от застоявшегося запаха пота я чуть не задохнулась. В церкви не было ничего, кроме маленькой арки в стене и самого алтаря. Привязать лошадь было некуда. Испуганный сильным человеческим запахом, жеребец стоял тихо, лишь изредка фыркая и беспокойно перебирая ногами. Не спуская с него глаз, я вернулась к двери и выглянула.

Я не знала, что происходит на Фолкирк-Хилл. То там, то здесь вспыхивали ружейные выстрелы. Временами слышался слабый звон металла и редкие хлопки взрывов. Раздавались крики раненых, пронзительные, как скрип мехов, совсем не похожие на гэльские голоса. Потом ветер поворачивал, и я ничего не слышала, хотя воображала, что слышу голоса, но это было всего лишь завывание ветра.

Я не видела битвы при Престоне; подсознательно привыкнув к осторожным перемещениям огромных армий, вооруженных танками и орудиями, я не понимала, как быстро меняются события при рукопашном бое на небольшом пространстве и с применением легкого оружия.

Совсем рядом со мной раздался крик: «Тулах ард!» — боевой клич клана Макензи. Оглушенная ветром, я не слышала, как солдаты поднимались по холму. Видимо, часть воинов Дугала была оттеснена в направлении моего убежища. Я быстро нырнула обратно в церковь, но дверь не закрыла, чтобы иметь возможность выглядывать.

Небольшая группа беглецов поднималась на холм. Судя по звукам речи и внешнему виду — пледы, бороды, развевающиеся по ветру волосы, — это были шотландцы; подгоняемые ветром, они казались темными облаками на травянистом склоне холма.

Когда первый из них ворвался в дверь, я отпрыгнула в глубь церкви. Было темно, я не видела лица, но узнала его голос, когда от ткнулся головой в моего жеребца и закричал:

— Боже!

— Уилли! — закричала я в ответ. — Уилли Коултер!

— О славный Иисусе! Кто это?

Я не успела ответить, как дверь широко распахнулась, ударившись о стену, и еще две черные фигуры ввалились в маленькую церковь.

Испуганный этим шумным вторжением, жеребец заржал, вскинув в воздух передние копыта. Среди вломившихся в церковь началась паника: они-то считали, что церковь пуста, и теперь были совершенно огорошены.

Вошли еще несколько человек, и переполох усилился, теперь я отказалась от мысли успокоить лошадь. Меня оттеснили в самый конец церкви, я втиснулась в крошечное пространство между алтарем и стеной и стала ждать, пока все само собой образуется.

И кажется, такие признаки наметились — в темноте раздался голос, сразу покрывший сумятицу голосов.

— Успокойтесь! — закричал он тоном, не терпящим возражений. Все, кроме жеребца, повиновались, и так как шум и гам начали стихать, жеребец тоже стал успокаиваться. Он забился в угол и стоял там, пофыркивая и как бы жалуясь.

— Я Макензи из Леоха, — услышался властный голос. — Кто еще здесь?

— Джорди, Дугал, и со мной мой брат, — со вздохом облегчения произнес голос поблизости. — С нами Руперт, он ранен. О Боже, а я уж подумал, что здесь сам дьявол.

— Гордон Маклеод из Ардсмуира, — произнес незнакомый мне голос.

— И Эван Камерон из Кепоха, — сказал еще один голос.

— Чья это лошадь?

— Моя, — осторожно ответила я, выбираясь из-за алтаря. Звук моего голоса вызвал новый взрыв возгласов, но Дугал тут же прекратил шум, закричав:

— Тихо, будьте вы прокляты! Это ты, Клэр Фрэзер?

— Да уж, не королева, — раздраженно заметила я. — Уилли Коултер тоже здесь, по крайней мере был минуту назад. Нет ли у кого кремня?

— Никакого света! — откликнулся Дугал. — Едва ли англичане пройдут мимо этого места, если они следуют за нами, но глупо самим привлекать их внимание.

— Хорошо, — произнесла я, закусив губу. — Руперт, ты можешь говорить? Скажи что-нибудь, чтобы я могла понять, где ты. — Я не знала, что смогу сделать в темноте. В такой обстановке я не могла отыскать даже свой медицинский саквояж. И все же не оставлять же его на полу истекать кровью.

Откуда-то напротив меня услышался очень неприятный кашель, и хриплый голос произнес:

— Я здесь, девушка. — И снова кашель.

Я пробиравась по полу, мысленно чертыхаясь. Судя по булькающему

кашлю, его дела плохи — так плохи, что вряд ли поможет и моя медицинская сумка. Наклонясь и широко разведя руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь, я прошла последние несколько футов. Одна моя рука коснулась теплого тела, и большая рука схватила меня. Должно быть, Руперт. Я слышала его дыхание — тяжелое, прерывистое, с всхлипом на выдохе.

— Я здесь, — сказала я, успокаивающе поглаживая его, как мне показалось, по больному месту. Он издал удивленный смешок и прогнулся в бедрах, прижимая к себе мою руку.

— Сделай так еще разок, девушка, и я забуду о пуле, — сказал он.

Я отдернула руку.

— Может быть, чуть попозже, — сухо произнесла я.

Я осторожно вела рукой по его телу, чтобы найти голову. Густая колючая борода подсказала мне, что цель достигнута, и я осторожно дотронулась до пульса на шее раненого. Пульс был учащенный и слабый, но все же хорошо прощупывался. Пот покрывал лоб, кожа была холодной и влажной на ощупь. Я потрогала кончик носа — он тоже был холодный.

— Жаль, что я не собака, — проговорил Руперт, издавая звуки, похожие на смех. — Холодный нос был бы хорошим знаком.

— Лучше бы ты перестал разговаривать, — сказала я. — Куда попала пуля? Нет, не говори, возьми мою руку и положи на рану, но... если ты положишь ее куда-нибудь еще, Руперт Макензи, ты умрешь здесь, как собака, и туда тебе и дорога.

Широкая грудь задрожала у меня под рукой от сдерживаемого смеха. Он медленно вел под пледом мою руку, другой рукой я отодвигала мешавшую мне одежду.

— Понятно, вот она, — прошептала я.

Я нащупала небольшую дыру в его рубашке с краями, мокрыми от крови, взялась за нее обеими руками и разорвала рубашку. Осторожно, кончиками пальцев я коснулась его бока, чувствуя, как кожа под моей рукой покрывается мурашками, и нащупала входное отверстие — совсем маленькая дырочка в сравнении с большим, сильным телом Руперта.

— Она не вышла где-нибудь? — шепотом спросила я. В церкви стояла тишина, только жеребец беспокойно двигался в своем углу. Дверь была закрыта, и звуки сражения почти не проникали сюда — невозможно было определить, как далеко идет битва.

— Нет, — ответил он и снова закашлялся. Я почувствовала, что его рука потянулась ко рту, и последовала за ней, взяв в руку кончик его пледа. Мои глаза уже привыкли к темноте — насколько можно было

привыкнуть, — но его тело по-прежнему казалось мне бесформенной темной массой на полу. Впрочем, кое-что можно было определить и ощупью. Рана чуть кровоточила, но ткань, которую я поднесла к его рту, обдала мою руку неожиданным влажным теплом.

Значит, пуля поразила легкое, а возможно, и оба и его грудь полна крови. В таком состоянии он может продержаться несколько часов, может быть день, если одно легкое осталось незатронутым. Если же околосердечная сумка повреждена, он умрет скорее. Спасти его могла только операция, а это было недоступно.

Я почувствовала чье-то теплое присутствие позади себя и услышала спокойное мерное дыхание — кто-то ощупью пытался найти меня. Я обернулась, мою руку крепко схватили. Дугал Макензи. Он присел рядом со мной и положил руку на расprostертое тело Руперта.

— Ну, как ты, приятель? — мягко спросил он. — Идти сможешь? — Я все еще держала руку на теле Руперта и почувствовала, как в ответ он отрицательно покачал головой. Люди, собравшиеся в церкви, начали шепотом переговариваться.

Рука Дугала сжала мое плечо:

— Что тебе нужно, чтобы помочь ему? Твой маленький чемоданчик? Он где, на лошади? — Он поднялся, прежде чем я успела сказать, что Руперту уже ничто не поможет.

Неожиданный, громкий треск со стороны алтаря прервал тихий шепот, по церкви пронеслось движение — мужчины схватились за оружие, которое они сложили рядом. Снова треск, через разорванную промасленную кожу ворвался холодный, чистый воздух, закружилось несколько снежинок.

— Саксоночка! Клэр! Ты там? — При звуках этого низкого голоса я вскочила на ноги, забыв о Руперте.

— Джейми! — послышался общий вздох и звук падающих мечей и щитов. На мгновение широкие плечи и голова Джейми заслонили слабый свет, падающий из оконца. Он легко спускался с алтаря, его силуэт темнел на стене против открытого окна.

— Кто здесь? — тихо спросил он, оглядываясь вокруг. — Дугал, это ты?

— Да, парень, это я. Тут твоя жена и еще кое-кто. Ты не видел, эти саксонские ублюдки где-нибудь поблизости?

Джейми коротко рассмеялся:

— А как ты думаешь, почему я влез в окно? У подножия холма их человек двадцать.

— Негодяи, они отрезали нас от основного войска, — недовольно проворчал Дугал.

— Похоже на то. — Услыхав знакомый голос в этом хаосе безумия, мой жеребец вскинул голову и радостно заржал.

— Тише, ты, дура! — сердито произнес Дугал. — Хочешь, чтобы англичане тебя услышали?

— Ее, я думаю, англичане не повесят, — мягко заметил Джейми. — А чтобы знать, что ты здесь, им не нужны уши, достаточно иметь глаза: на склоне холма полно ваших следов.

— Гм... — Дугал бросил взгляд на окно, но Джейми тут же покачал головой.

— Ничего не получится, Дугал. Основная часть армии движется на юг, Джордж Муррей отправился ей навстречу, но на этой стороне холма осталась небольшая группа англичан, они-то и преследовали меня. Я свернул в сторону и полз до церкви на животе, но думаю, что они все еще прочесывают склон наверху. — Он протянул руку в моем направлении, и я взяла ее. Она была холодная и мокрая, оттого что ему пришлось долго ползти по траве, но я была счастлива коснуться его, быть с ним рядом.

— Полз? А как же ты собираешься выбираться отсюда? — спросил Дугал.

Я почувствовала, что Джейми пожал плечами. Наклонив голову, он прислушивался к движениям моего жеребца.

— Они не знают, что здесь лошадь. Думаю, мне удастся вырваться отсюда и увлечь их за собой. За это время Клэр сможет улизнуть отсюда.

Дуглас фыркнул:

— Они сбросят тебя с седла, словно спелое яблоко.

— Едва ли, — сухо ответил Джейми. — Хотя, я думаю, вам всем не удастся бесшумно и незаметно выскользнуть отсюда, какой бы шум я ни поднял.

Словно в подтверждение его слов, Руперт громко застонал. Мы с Дугалом тут же опустились на колени рядом с ним, за нами, чуть помедлив, последовал Джейми.

Руперт был еще жив, но чувствовал себя плохо — руки холодные, дыхание тяжелое и прерывистое.

— Дугал... — прошептал он.

— Я здесь, Руперт. Успокойся, дружище, скоро тебе станет полегче.

Предводитель клана Макензи быстро стянул с себя плед, скатал его и подложил под голову и плечи Руперта. Тот задышал полегче, но, прикоснувшись к его рубашке чуть ниже бороды, я почувствовала мокрые

пятна. Однако силы у него еще были — он протянул руку и схватил Дугала за локоть.

— Если... они все равно найдут нас... посвети мне, — сказал он задыхаясь. — Хочу еще раз посмотреть на тебя, Дугал.

Я стояла рядом с Дугалом и почувствовала, как он вздрогнул, услышав эти слова и поняв их смысл. Его голова дернулась в мою сторону, но мое лицо он видеть, конечно, не мог. Дугал бросил через плечо короткий приказ, и после некоторого перешептывания и бормотания кто-то принес пук соломы, сложил его в жгут, высек огонь и поджег. Солома горела быстро, но я успела все-таки осмотреть Руперта, пока мужчины вырубали из опорного столба крыши длинную щепу, чтобы сделать более основательный факел.

Руперт был бледен как рыбье брюхо, волосы его свалились от пота, на полной нижней губе запеклась кровь. На черной блестящей бороде виднелись темные пятна, но он слабо улыбнулся мне, когда я склонилась над ним, чтобы снова пощупать пульс. Легкий, очень быстрый, временами исчезающий. Я отвела волосы у него с лица, и в знак благодарности он коснулся моей руки.

Я почувствовала на своем локте руку Дугала и снова опустилась на корточки, повернувшись к нему лицом. Однажды я уже сидела с ним вот так, лицом к лицу, над телом человека, смертельно раненного кабаном. Тогда он спросил меня: «Он выживет?» Я почувствовала, что Дугал тоже вспомнил тот день. Тот же самый вопрос стоял в его глазах и сейчас, но сейчас в них затаился еще и страх — он боялся моего ответа. Руперт был его ближайшим другом, родственником, который всегда скакал рядом с ним и в сражениях стоял по правую его руку. Совсем как Айен и Джейми.

На этот раз я промолчала. За меня ответил Руперт.

— Дугал, — сказал он и улыбнулся, когда его друг с волнением склонился над ним. Он на минуту закрыл глаза и, собираясь с силами, глубоко вздохнул. — Дугал, — сказал он снова, открывая глаза. — Не убивайся обо мне, дружище.

Лицо Дугала сморщилось. Я видела, он хотел было заверить Руперта, что тот не умрет, но в последнюю минуту сдержался.

— Я твой командир, парень, — сказал он, на его лице дрожала слабая улыбка. — Не тебе мне приказывать. Я буду убиваться о тебе, мне это нравится. — Он взял руку Руперта, которая лежала на груди, и крепко сжал ее.

Снова послышался слабый булькающий звук и затем прерывистый кашель.

— Ладно, плачь и горюй обо мне, Дугал, — сказал Руперт, прокашлявшись. — Меня это порадует. Но ведь ты же не станешь горевать, пока я не умер, а? Я хочу умереть от твоей руки, а не от рук врагов.

Дугал вздрогнул, а мы с Джейми обменялись испуганными взглядами.

— Руперт... — беспомощно начал Дугал, но Руперт прервал его, сжав его руку и слегка встряхнув ее.

— Ты — мой командир, и это твой долг, — прошептал он. — Ну, давай же. Сделай это сейчас. Умирание угнетает меня. Пусть все кончится. — Его глаза беспокойно забегали и остановились на мне. — А ты, девушка, поддержи меня за руку, пока я буду уходить. Я бы очень этого хотел.

Что мне оставалось делать? Двигаясь медленно, как во сне, я взяла обеими руками его большую волосатую руку и сжала ее, как будто бы можно было перелить свое жизненное тепло в его холодеющее тело.

С коротким смешком Руперт слегка приподнялся и взглянул на Джейми, сидевшего у него в изголовье.

— Будь у нее выбор, она бы вышла за меня, парень, — сказал он, тяжело дыша. — Ты — слабак по сравнению со мной, ну да ладно. — Он подмигнул Джейми — закрыл один глаз и с трудом открыл его. — Люби ее и за меня, парень.

Черные глаза повернулись ко мне, и прощальная улыбка скользнула по его лицу.

— Прощай, красотка, — мягко сказал он.

Кинжал Дугала вошел ему прямо под ребра, удар был сильный и точный. Огромное тело дернулось, перевернулось на бок, покидавшая его жизнь взорвалась последним приступом кровавого кашля. Дугал коротко вскрикнул.

Какое-то время он стоял неподвижно; глаза закрыты, руки крепко сжимают рукоятку кинжала. Джейми поднялся, решительно взял его за плечи и повернул лицом к себе, тихо приговаривая что-то по-гэльски. Потом он взглянул на меня, я кивнула и распростерла руки. Джейми мягко повернул Дугала ко мне, я прижала его к себе, мы оба припали к полу, и он зарыдал, а я крепко держала его.

По лицу Джейми тоже текли слезы, я слышала прерывистое дыхание и рыдания других людей. Это к лучшему, что они рыдают о Руперте, а не о себе, подумала я. Если англичане действительно придут сюда, мы все будем повешены за измену. Поэтому им легче горевать о Руперте, который был теперь в безопасности, отправленный в последний путь рукой друга.

В эту долгую зимнюю ночь они не пришли. Мы сгрудились у одной стены, укрылись пледами и плащами и ждали. Я дремала, положив голову

на плечо Джейми, с другой стороны ко мне приткнулся молчаливый сгорбившийся Дугал. Я чувствовала, что никто из них не спит — они несут ночной дозор над телом Руперта, неподвижно лежавшим под его собственным пледом по другую сторону бездны, которая отделяет мертвых от живых.

Мы почти не разговаривали, но я знала, о чем они думают. Они, как и я, размышляли о том, ушли ли англичане, чтобы воссоединиться с основной армией внизу у Календар-Хаус, или они еще здесь — ждут рассвета, чтобы напасть наверняка, — при свете дня никто из маленькой церкви не смог бы спастись.

Все стало ясно с первыми лучами солнца.

— Эй, вы, там, в церкви! Выходите и сдавайтесь! — раздался у подножия холма громкий голос. Кто-то кричал по-английски.

В церкви началось тревожное движение, дремавший в своем углу жеребец, испуганный всеобщей суматохой, вскинул голову и заржал. Джейми и Дугал обменялись взглядами, затем, не стовариваясь, поднялись и плечом к плечу стали перед закрытой дверью. Кивком головы Джейми отправил меня в дальний угол церкви, в мое убежище за алтарем.

Следующий крик снаружи был встречен гробовым молчанием. Джейми вытащил из-за пояса пистолет и небрежно проверил заряд — как будто бы от этого не зависело сейчас все на свете. Он встал на одно колено, обхватил пистолет и прицелился на уровне человеческой головы.

Джордж и Уилли следили за окном с мечами и пистолетами наготове. Но нападения скорее всего следовало ждать спереди — холм за церковью обрывался крутым уступом, между склоном и стеной церкви оставалась узкая полоска земли, на которой мог удержаться от силы один человек.

Я слышала, как шлепали по грязи тяжелые шаги, тихо бряцало оружие — кто-то приближался к церкви. На некотором расстоянии от церкви звуки замерли и зазвучал голос:

— Именем его величества короля Георга выходите и сдавайтесь! Мы знаем, что вы там!

Джейми выстрелил. Внутри маленькой церкви звук выстрела прозвучал оглушительно. Снаружи он имел не меньший эффект. Послышались приглушенные проклятия и торопливо удаляющиеся шаги. В двери образовалась небольшая дырка. Дугал осторожно заглянул в нее.

— Проклятье! — выдохнул он. — Их полно там.

Джейми бросил на меня взгляд, затем сжал губы и стал перезаряжать пистолет. Шотландцы явно не собирались сдаваться. Так же как англичане явно не собирались штурмовать церковь, давая возможность осажденным

спокойно выйти. А может быть, они решили взять нас измором? Но шотландцы непременно вышлют людей, чтобы подобрать раненых в ночном сражении. Если они придут сюда раньше, чем англичане успеют привезти пушку, мы спасены.

К несчастью, среди англичан тоже оказались думающие люди. Снова раздался звук шагов, и властный голос четко произнес:

— У вас осталась минута, чтобы выйти и сдаться. Или мы подожжем крышу.

Я в ужасе посмотрела вверх. Стены церкви были каменные, но соломенная крыша, даже мокрая от дождя и снега, загорится моментально, и тогда сверху на нас обрушатся снопы пламени. Я вспомнила, как быстро сгорел прошлой ночью соломенный жгут, кучка пепла от него все еще лежала рядом с прикрытым пледом телом Руперта — ужасный символ наступающего рассвета.

— Нет! — закричала я. — Кровавые ублюдки! Это же церковь! Вы никогда не слышали о святилище?

— Кто это? — резко прозвучал голос. — Там английская женщина?

— Да! — закричал Дугал и прыгнул к двери. Он настежь распахнул ее и, обращаясь к английским солдатам на склоне холма, заорал: — Да! Мы захватили английскую женщину! Подожгите крышу — и она умрет вместе с нами!

У подножия холма раздался гул голосов, в церкви поднялось волнение. Джейми круто повернулся к Дугалу:

— Что за...

— Это — единственный шанс! — прошипел Дугал в ответ. — Отдай им ее в обмен на нашу свободу! Они не тронут ее, если будут думать, что она наша пленница, а потом мы вернем ее обратно, если останемся живы!

Я вышла из своего укрытия, подошла к Джейми и схватила его за рукав.

— Сделай это! — торопливо сказала я. — Дугал прав, это единственный шанс!

Он беспомощно смотрел на меня с выражением ужаса и гнева, и в то же время в его глазах мелькнуло что-то похожее на юмор — он понимал всю иронию этой ситуации.

— В конце концов, я — англичанка, — заметила я.

С ласковой улыбкой он погладил меня по лицу.

— Да, но ты моя англичанка. — Он повернулся к Дугалу, расправил плечи, глубоко вздохнул и кивнул: — Хорошо. Скажи им, что мы взяли ее... — думал он, запустив руку в волосы, — что мы взяли ее на Фолкирк-

роуд вчера поздно вечером.

Дугал кивнул и тут же выскользнул за дверь, подняв высоко над головой белый платок как знак перемирия.

Джейми повернулся ко мне и, нахмурившись, взглянул в открытую дверь — мы не различали слов, но ясно слышали голоса англичан.

— Не знаю, что ты должна им сказать, Клэр. Может, притвориться, что ты в шоке и не можешь говорить? Это лучше, чем на ходу придумывать какую-то сказку. Потому что если они узнают, кто ты... — Он вдруг остановился и крепко потер лицо рукой.

Если они узнают, кто я, мне грозит Тауэр, а затем, вполне возможно, быстрая казнь. Но, насколько мне известно, в воззваниях много писалось о «ведьме Стюарта», но нигде не упоминалось, что ведьма была англичанкой.

— Не волнуйся. — Я понимала всю глупость этих слов, но была не в силах придумать что-нибудь получше. Положив руку на его рукав, я ощутила неровное биение пульса на запястье. — Ты освободишь меня прежде, чем они смогут что-либо понять. Как ты думаешь, они отправят меня в Календар-Хаус?

Он взял себя в руки и кивнул:

— Вероятно. Если будет такая возможность, стой у окна сразу после полуночи. Я приду за тобой.

Времени больше не было. Дугал проскользнул назад в церковь и тщательно прикрыл за собой дверь.

— Договорились, — сказал он, переводя взгляд с меня на Джейми. — Мы отдаем им женщину, а сами беспрепятственно покидаем церковь. Никакого преследования. Лошадь остается у нас. Она нужна нам... для Руперта, — извиняющимся тоном добавил он, глядя на меня.

— Все в порядке, — ответила я. Я смотрела на дверь, на маленькое темное пятнышко — след от пули, такого же размера, что и рана на боку Руперта. Во рту у меня пересохло, я с усилием сглотнула. Яйцо кукушки, подброшенное в чужое гнездо, подумала я о себе. Мы втроем топтались у двери, не в силах сделать последний шаг.

— Я л-лучше п-пойду, — сказала я, стараясь унять дрожь в голосе и конечностях. — А то они заинтересуются, в чем тут дело.

Джейми на мгновение закрыл глаза, кивнул, затем придвинулся ко мне.

— Думаю, Саксоночка, тебе лучше упасть в обморок, — сказал он. — Так будет естественнее. — Он чуть присел, поднял меня на руки и вынес через дверь, которую Дугал распахнул перед ним.

Его сердце гулко стучало прямо возле моего уха, я чувствовала, как дрожат его руки. После духоты в церкви, с ее запахами пота, крови, пороха

и лошадиного навоза, у меня перехватило дыхание от холодного свежего воздуха раннего утра, и я прижалась к нему, вся дрожа. Его руки крепко обнимали мои плечи и колени, словно обещая скорое освобождение.

— Боже, — прошептал он, переводя дыхание, и затем мы вплотную подошли к ним. Быстрые вопросы, невнятные ответы, неприятное ощущение его ускользающих рук, когда он осторожно положил меня на землю, быстрый звук удаляющихся шагов по мокрой траве. Я осталась одна, в руках чужаков.

Глава 44

ВСЕ ИДЕТ ВКРИВЬ И ВКОСЬ

Я ближе придвинулась к огню, протянув руки, чтобы согреться. Целый день на лошади, с поводьями в руках — руки стали просто серыми, и я на мгновение подумала, не пойти ли к ручью, чтобы их вымыть. Соблюдение необходимых правил гигиены в отсутствие водопровода кажется делом весьма утомительным. Не удивительно, что люди часто болеют и умирают, горестно подумала я. Они умирают от грязи и невежества.

Мысль о возможности умереть от грязи заставила меня подняться на ноги, невзирая на усталость. Маленький ручей, который протекал неподалеку от лагеря, имел болотистые берега, и мои туфли глубоко завязли в топкой грязи. Вернувшись к костру с чистыми руками, но мокрыми ногами, я нашла там капрала Роуботама. Он поджидал меня с тарелкой того, что он называл тушеным мясом.

— Капитан приветствует вас, мэм, — сказал он, действительно дотрагиваясь до своего чуба, и протянул мне тарелку. — И еще он просил передать вам, что завтра мы будем в Тавистокке. Там есть постоянный двор. — Он нерешительно помолчал, на его круглом добродушном лице человека средних лет появилось выражение озабоченности. — Капитан просит извинения за недостаток удобств, мэм, но на ночь мы поставили вам палатку. Ничего особенного, а все ж укрытие от дождя.

— Передайте капитану мою благодарность, капрал, — произнесла я со всей любезностью, на какую была способна. — И вам огромное спасибо, — с большей теплотой добавила я, хорошо понимая, что для капитана Мейнуаринга я была всего лишь обременительной нагрузкой, ему бы и в голову не пришло подумать об условиях моего ночлега. Палатка — кусок парусины, аккуратно навешенный на ветку дерева и с двух сторон укрепленный кольшками, — несомненно, была идеей самого капрала Роуботама.

Капрал ушел, а я сидела одна и медленно ела запеченный на огне картофель с жилистым мясом. Возле ручья я обнаружила позднюю полевую горчицу с увядшими и потемневшими листьями и принесла пригоршню в своем кармане вместе с несколькими ягодами можжевельника, которые сорвала чуть раньше. Листья горчицы были старыми и очень горькими, но мне удалось проглотить их между глотками картофеля. Всю еду я заела ягодами можжевельника, чуть надкусывая их и

проглатывая вместе с семенами. От них запершило в горле, заслезились глаза, но зато язык очистился от жира и вкуса пригорелого мяса, к тому же вместе с горчицей они, возможно, уберегут меня от цинги.

В одном из двух моих медицинских шкафов, в самом большом, у меня хранился запас шиповника, укропа, сухих яблок — защита от недостатка витаминов в долгие зимние месяцы. Я надеялась, что Джейми их ест.

Я уткнулась лицом в колени — я не думала, что кто-то может смотреть на меня, просто мне не хотелось, чтобы кто-нибудь видел мое лицо, когда я думала о Джейми.

Я пролежала в своем притворном обмороке на Фолкирк-Хилл довольно долго, могла бы пролежать и еще дольше, но английский драгун извлек из кармана фляжку с бренди и вознамерился влить его мне в горло. Не зная, что со мной делать, мои «спасители» передали меня в штаб генерала Холи.

Итак, все шло по плану. Через час, однако, я поняла, что дело принимает довольно скверный оборот. Сидя в приемной генерала Холи и прислушиваясь к разговорам вокруг меня, я вскоре поняла — то, что мне казалось основным сражением, было не более чем небольшой стычкой между Макензи и отрядом английских войск, направляющихся на соединение с основной армией. Эта армия готовится сейчас к предполагаемой встрече с шотландцами на Фолкирк-Хилл. Так что сражение, которое, как мне казалось, я пережила, еще и не начиналось!

Генерал Холи сам руководил подготовкой к этому сражению, и так как никто, казалось, не знал, что со мной делать, меня вместе с письмом, где описывались обстоятельства моего спасения, передали под присмотр молодому солдату и отправили к полковнику Кэмпбеллу, временный штаб которого находился в Керсе.

Молодой солдат, коренастый малый по имени Доббс, рьяно взялся за выполнение своего поручения, и, за исключением нескольких коротких отлучек за близрастущие деревья, я ни на минуту не могла от него отделаться.

Наконец мы прибыли в Керс, но там обнаружилось, что полковника Кэмпбелла вызвали в Ливингстон.

— Послушай! — обратилась я к моему бдительному стражу. — Скорее всего у полковника не будет ни времени, ни желания разговаривать со мной, а уж я тем более не могу ничего ему сообщить. Почему бы мне не остаться здесь в городе, чтобы сделать необходимые приготовления, и потом отправиться в Эдинбург?

Не найдя ничего лучшего, я поведала англичанам ту же самую

историю, которую рассказала Коламу Макензи два года назад, — я вдова из Оксфорда, ехала навестить своих родственников в Шотландии, на меня напали шотландские разбойники и похитили.

Рядовой Доббс упрямо качал головой. Ему было не больше двадцати, не очень умный и сообразительный, он был на редкость упрям — вбив себе что-нибудь в голову, он уже не отступал от этого.

— Я не могу вам это позволить, мистрис Бошан, — говорил он (в этой истории я воспользовалась своим девичьим именем). — Капитан Бледсоу вырвет у меня печенку, если я не доставлю вас к полковнику живой и здоровой.

Итак, на двух жалких клячах, каких мне еще не приходилось видеть, мы прибыли в Ливингстон. Меня освободили от моего бдительного стража, но положение мое не стало лучше. Я оказалась в кабинете на верхнем этаже и снова рассказала свою историю, на этот раз полковнику Гордону Маклишу Кэмпбеллу из Нижней Шотландии, командующему одним из отборных полков.

— Да-да, понятно, — сказал он таким тоном, что сразу стало ясно — ничего он не понял. Это был коротышка с лисьим лицом, редкими рыжими волосами, зачесанными с висков назад. Он прищурил и без того узкие глаза и опустил взгляд на изрядно помятое письмо на своем столе. — Здесь говорится, — продолжал он, водружая на нос очки и вглядываясь в страницу, — что среди тех, кто захватил вас в плен, мистрис, был один из клана Фрэзера — очень крупный мужчина с рыжими волосами. Это верно?

— Да, — ответила я, размышляя, к чему он клонит.

Полковник потрянул головой так, что очки упали с носа, и уставился на меня пристальным взглядом.

— Солдаты, которые спасли вас возле Фолкирк-Хилл, сообщили, что, по их мнению, один из тех, кто захватил вас, был не кто иной, как шотландский военачальник, известный под именем Рыжий Джейми. Ну так вот, я допускаю, мистрис Бошан, что во время вашего пленения вас... вас, скажем так, мучили, — его губы растянулись, произнося это слово, но он не улыбался, — и, возможно, вам было не до каких-либо наблюдений, но не слышали ли вы случайно, как обращались к этому человеку?

— Слышала. Его называли Джейми. — Я не думала, что этим ответом нанесу вред Джейми. В воззваниях, которые мне довелось видеть, неоднократно отмечалось, что Джейми является сторонником Стюарта. То, что Джейми оказался в районе Фолкирка, возможно, представляло интерес для англичан, но едва ли могло повредить ему в дальнейшем.

«Они не могут повесить меня дважды», — не раз говорил Джейми.

Однако достаточно и одного раза.

Я посмотрела в окно. Полчаса назад стемнело, сквозь снеговую мглу кое-где пробивались яркие пятна — это ходили туда-сюда солдаты с фонарями в руках. Джейми должен быть где-то в Календар-Хаусе, разыскивая окно, за которым я стою.

Но меня не покидала глупая уверенность, что он следует за мной, знает каким-то образом, куда я направляюсь, и ждет меня внизу на улице.

Я резко встала и подошла к окну. Улица была пуста, лишь продавец селедки сидел на табуретке с фонарем у ног, поджидая возможных покупателей. Конечно, это был не Джейми. Он не мог знать, где я. И никто в лагере Стюарта не знал, где я; я была совершенно одна. В отчаянии я прижала руки к стеклу, не заботясь о том, что могу выдавить его.

— Мистрис Бошан! Вам нехорошо? — прозвучал тревожный голос полковника у меня за спиной.

Я крепко сжала губы, чтобы они не дрожали, и сделала несколько глубоких вдохов, так что стекло запотело и улица скрылась в тумане. Внешне спокойная, я повернулась к полковнику.

— Со мной все в порядке, — сказала я. — Если у вас нет больше вопросов, я хотела бы уйти.

— Уйти? М-м... — Он с сомнением посмотрел на меня, затем решительно покачал головой. — На ночь вы останетесь здесь, — объявил он. — А утром я отправлю вас на юг.

Все сжалось у меня внутри.

— На юг?! Какого черта? Что мне там делать? — выпалила я.

Его щетинистые брови удивленно поползли вверх, рот широко открылся. Но он тут же спохватился, закрыл его и приоткрыл ровно настолько, чтобы выдавить из себя следующие слова:

— У меня приказ отправлять все сведения, касающиеся шотландского преступника, известного под именем Рыжий Джейми Фрэзер, а также людей, имеющих к нему хоть какое-нибудь отношение.

— Я не имею к нему никакого отношения! — воскликнула я. Если не считать замужества, подумала я про себя.

Однако полковник Кэмпбелл был непреклонен. Он повернулся к столу и порылся в пачке писем и депеш.

— А, вот оно. Вас будет сопровождать капитан Мейнуаринг. На рассвете он придет за вами. — Полковник позвонил в маленький серебряный колокольчик, дверь открылась, и появилась вопросительная физиономия его личного секретаря. — Гарви, проводите даму в ее комнату. И запирайте дверь. — Он повернулся ко мне и церемонно поклонился. —

Думаю, мы больше не встретимся, мистрис Бошан. Желаю вам хорошего отдыха и удачи в пути.

Вот и все.

Не знаю, с какой скоростью передвигается удача, но, вероятно, быстрее, чем капитан Мейнуаринг, который возглавлял отряд, сопровождающий провиантские повозки до Ларнака. Доставив повозки и их возчиков в целости и сохранности, он должен был с остатками своего отряда и товарищами не первостепенной важности следовать дальше на юг. По-видимому, я относилась к категории «несрочной информации», потому что мы были в дороге уже больше недели, а конца пути не предвиделось.

Юг... Может быть, Лондон? В тысячный раз вопрошала я себя. Капитан Мейнуаринг не говорил ничего о конечном пункте назначения, и ничего другого я придумать не могла.

Подняв голову, я заметила, что на меня уставился драгун, сидевший по другую сторону костра. Я ответила ему таким же пристальным взглядом, он покраснел и уставился в свою миску. Я привыкла к этим взглядам, хотя большинство из них и не были столь дерзкими.

Это началось с самых первых дней — я сразу заметила скрытое смущение молодых идиотов, доставлявших меня в Ливингстон. Мне потребовалось очень мало времени, чтобы разгадать причину холодной сдержанности английских офицеров. Дело было вовсе не в подозрительности. Я вызывала у них ужас и презрение. И лишь жалость ко мне и официальная ответственность удерживали их от проявления этих чувств.

Я была освобождена из рук хищных шотландских мародеров. При этом я провела целую ночь в одном помещении с людьми, которые, по мнению всех благоразумно мыслящих англичан, «не намного лучше диких животных, виновны в изнасилованиях, грабежах и других столь же ужасных преступлениях». Так что совершенно невероятно, чтобы молодая англичанка провела ночь в их компании и осталась невредимой.

Я с горечью думала: даже то, что Джейми нес меня на руках, укрепляло их изначальную версию — он и ему подобные обошлись со мной не лучшим образом. И благодаря подобному письму о моем освобождении из рук бандитов, каждый, кому меня передавали — и, в свою очередь, каждый, с кем они общались, — знал об этом. Еще в Париже я хорошо поняла механизм распространения сплетен.

Капрал Роуботам, конечно, слышал все эти разговоры, но продолжал заботиться обо мне без той сомнительной жалости, которую я иногда с удивлением наблюдала на лицах других солдат. Будь у меня привычка

читать перед сном молитвы, я бы обязательно упоминала в них его имя.

Я поднялась, отряхнула плащ и направилась к своей палатке. Увидев это, капрал Роуботам тоже поднялся и, осторожно обойдя вокруг костра, сел рядом со своими товарищами, спиной ко входу в мою палатку. Я знала: когда солдаты отправятся спать, он выберет местечко на приличном расстоянии, но в пределах слышимости от моего места отдыха. Он делал так последние три ночи, где бы мы ни ночевали — на постоялом дворе или в поле.

Три дня назад ночью я пыталась бежать. Капитан Мейнуаринг чувствовал, что я путешествую с ним не по своей воле, и не желал усложнять себе жизнь, но он был слишком добросовестным солдатом, чтобы уклоняться от ответственности. Поэтому он приставил ко мне двух стражей, которые весь день не спускали с меня глаз и скакали по бокам рядом со мной.

Ночью стража расслаблялась. Капитан, видимо, считал, что я не побегу в смертельный холод, пешком через непроходимые болота. И он был прав: склонности к самоубийству у меня не было.

В ту ночь, о которой идет речь, мы прошли маленькую деревушку и через два часа остановились на ночевку. Я была уверена, что даже пешком я смогу до рассвета вернуться в деревню. В деревне была небольшая винокурня, откуда повозки, нагруженные бочками, отправлялись по окрестным городам. Увидев двор винокурни, уставленный бочками, я подумала, что мне удастся спрятаться между ними и потом уехать с первой повозкой.

Когда лагерь затих и солдаты вокруг костра захрапели, завернувшись в свои одеяла, я вылезла из-под своего собственного одеяла, разложенного у опушки ивовой рощицы, и пошла вперед, осторожно отводя ветки.

Благополучно миновав рощу, я слышала за собой шорох, который приняла за порыв ветра, но тут тяжелая рука опустилась мне на плечо.

— Не кричи. Ты ж не хочешь, чтоб капитан узнал, что ты сбежала.

Я не закричала только потому, что у меня пропал голос. Солдат, высоченный детина, по прозвищу Лохматый — из-за копны желтых кудрей, которые он никак не мог причесать, улыбнулся мне, я не очень уверенно улыбнулась ему в ответ.

Его глаза скользнули к моей груди. Он вздохнул, посмотрел мне в лицо и сделал шаг вперед. Я сделала три шага назад.

— Это ж пустяк, дорогуша, а? — сказал он, лениво улыбаясь. — Подумаешь, после всего-то? И ведь я англичанин. Не какой-нибудь вонючий шотландец.

— Оставь бедную женщину в покое, Лохматый, — раздался голос капрала Роуботама — он неслышно появился из-под сени деревьев. — Она достаточно настрадалась, бедняжка. — Он говорил очень мягко, но Лохматый яростно взглянул на него, потом прикинул что-то в уме, повернулся и исчез под ветвями ивы.

Капрал подождал, пока я подниму свой упавший плащ, и, ни слова не говоря, повел меня обратно в лагерь. Там он подхватил свое одеяло, жестом велел мне лечь и уселся примерно в шести футах от меня, накинув себе на плечи одеяло на манер индейцев. Ночью я несколько раз просыпалась и видела — он все так же сидит там, устремив взгляд на костер.

В Тавистоке действительно был постоянный двор. Впрочем, насладиться всеми его прелестями я не успела. Мы прибыли в деревню в полдень, и капитан Мейнуаринг тут же отправился куда-то с кипой накопившихся бумаг. Он вернулся примерно через час и приказал мне взять мой плащ.

— Зачем? — удивилась я. — Куда мы направляемся?

Он равнодушно взглянул на меня и сказал:

— В имение Белхерст.

— Прекрасно, — сказала я. Это сулило что-то более интересное, чем мое теперешнее окружение: солдаты, играющие на полу в кости, блохастая дворняжка у очага и сильный запах хмеля.

Дом, презирая естественные красоты природы, открывающиеся по сторонам, был развернут тыльной стороной к простирающимся лугам, а фасадом к застывшей громаде скал.

Подъездная дорожка была прямая, короткая, заросшая травой, в отличие от закругленных и тщательно ухоженных дорожек французских имений. Но у ворот стояли два каменных столба с геральдическими знаками. Проезжая мимо, я взглянула на них, пытаюсь вспомнить, где я их видела раньше. Кошка, изготавившаяся к прыжку — а может быть, леопард? — с цветком лилии в лапе. Знакомая эмблема, но чья?

Высокая трава у ворот колыхнулась, и я уловила быстрый взгляд выцветших голубых глаз в ворохе тряпья, скользнувшем в тень, подальше от лошадиных копыт. Что-то в этом побирушке в лохмотьях показалось мне смутно знакомым. Возможно, всего-навсего галлюцинация, готовность уцепиться за что угодно, лишь бы забыть об английских солдатах.

Конвой, не сходя с лошадей, остался во дворе у ворот, а я вместе с капитаном Мейнуарингом поднялась по ступеням. Он несколько раз стукнул молоточком в дверь, и я с интересом стала ждать, что откроется

мне за дверью.

— Миссис Бошан? — Дворецкий, если это был он, смотрел на меня, готовый к самому худшему. И он, без сомнения, был прав.

— Да, — ответила я. — А чей это дом?

Задавая вопрос, я подняла глаза и заглянула в полутемную прихожую. На меня смотрело большеглазое испуганное девичье лицо.

Мэри Хоукинс.

Как только девушка открыла рот, я тут же открыла свой. И завопила изо всех сил. Дворецкий, застигнутый врасплох, сделал шаг назад, споткнулся о небольшой диванчик и упал как подкошенный.

До меня долетели удивленные возгласы солдат, затем я услышала звук их шагов по ступенькам.

Тогда я подхватила свои юбки и завизжала еще громче:

— Мышь! Мышь!

Зараженная моей истерией, Мэри тоже завизжала, вылетела на середину и вцепилась в меня, так как я бросилась к ней навстречу. Я затащила ее в угол и, схватив за плечи, прошептала:

— Никому не говори, кто я. Никому! От этого зависит моя жизнь!

Я подумала, что слова мои звучат несколько мелодраматично, но потом мне пришло в голову, что я сказала чистую правду. Замужество за Рыжим Джейми Фрэзером было равносильно смертному приговору.

Мэри успела только в удивлении кивнуть, как дверь в дальнем конце комнаты распахнулась, и вошел мужчина.

— Что это за шум, Мэри? — требовательно спросил он. Полный самоуверенный человек с твердым подбородком и решительным ртом, в котором угадывалась привычка властвовать и умение настоять на своем.

— Н-ничего, папа, — пробормотала Мэри, заикаясь от волнения. — Только м-мышь.

Баронет закрыл глаза и, сдерживая раздражение, глубоко вздохнул. Несколько успокоившись, он открыл глаза и уставился на свою дочь.

— Повтори снова, дитя, — приказал он. — Но четко. Я не понимаю, что ты мямлишь. Вдохни поглубже и успокойся. Ну, давай.

Мэри подчинилась и вдохнула так, что на груди натянулись шнурки корсажа. Пальцы теребили парчовую юбку.

— Это б-была мышь, папа. Мистрис Фрэ... эта леди испугалась мыши.

Посчитав объяснение вполне удовлетворительным, барон шагнул вперед и осмотрел меня с большим интересом.

— Вот как? И кто же вы будете, мадам?

Капитан Мейнуаринг, вошедший в комнату после безуспешных

поисков мифической мыши, взял меня за локоть и представил барону, передав ему послание полковника Маклиша.

— Гм... Итак, вашим хозяином, хотя и временным, будет теперь его светлость. — Барон протянул письмо почтительно ожидающему дворецкому и принял от него шляпу, которую тот взял с ближайшей подставки для шляп.

— Сожалею, что наше знакомство было столь коротким, мистрис Бошан. Мне пора идти. — Он посмотрел через плечо на короткую лестницу, которая вела из зала. Дворецкий, полностью восстановивший свое достоинство, уже поднимался по лестнице, держа перед собой на серебряном подносе заляпанное помятое письмо. — Вижу, Уэлман отправился доложить его светлости о вашем прибытии. Мне пора, я пропущу почтовую карету. Adieu^[9], мистрис Бошан.

Он повернулся к Мэри, прислонившейся к обшитой панелями стене.

— До свиданья, доченька. Постарайся... ну ладно. — Уголки его рта приподнялись, по-видимому, это должно было обозначать отцовскую улыбку. — До свиданья, Мэри.

— До свидания, папа, — пробормотала она, не поднимая глаз.

Я переводила взгляд с одного на другого. Что, скажите на милость, делала здесь Мэри Хоукинс? Похоже, она гостила в этом доме. Скорее всего хозяин дома имеет какое-то отношение к ее семье.

— Мистрис Бошан? — Коротконогий толстый слуга кланялся рядом. — Его светлость хотят вас видеть, мадам.

Я повернулась, готовая следовать за слугой, Мэри вцепилась мне в рукав.

— Но-но... — начала она. Я была так взвинчена, что засомневалась, смогу ли терпеливо ее выслушать, потому улыбнулась и потрепала Мэри по руке.

— Да, да, не волнуйся, все будет в порядке.

— Н-но это мой...

Слуга поклонился и бросился открывать дверь в конце коридора. Свет упал на богатую парчу и полированное дерево. На спинке одного кресла у стены я заметила вышивку — точные изображения того щита, что я видела у входа.

Изготовившись к прыжку, леопард держит в лапах букет лилий, а может, это крокусы? Тревожный звоночек прозвенел у меня в голове, когда тот, кто сидел в кресле, встал. Он повернулся, его тень упала на полированный косяк двери.

Голос слуги и последние слова Мэри, когда ей удалось наконец

произнести их, прозвучали одновременно.

— ...мой к-крестный, — сказала она.

— Его высочество герцог Сандрингемский, — произнес слуга.

— Мистрис... Бошан? — изумленно спросил герцог.

— Да, — слабым голосом ответила я. — Что-то вроде этого.

Дверь гостиной закрылась, и я осталась наедине с его светлостью. Последнее, что я увидела, Мэри, неподвижно стоящая в прихожей, ее глаза как два блюдца, беззвучно, словно золотая рыбка, она открывает и закрывает рот.

Огромные китайские вазы на столиках рядом с окнами. Кокетливая бронзовая Венера на камине в компании инкрустированных золотом ваз и серебряные с позолотой канделябры с ярко горящими в них восковыми свечами. Большую часть пола покрывал ковер, керманшахский, как я поняла, в углу стоял спинет; то небольшое пространство, которое еще оставалось свободным, было занято мебелью, покрытой цветной мозаикой, и несколькими случайными статуями.

— Тут у вас чудесно, — любезно сказала я герцогу. Он стоял перед камином, сложив руки ниже своей коротенькой куртки, и наблюдал за мной с выражением скрытого любопытства на широком румянном лице.

— Спасибо, — сказал он писклявым тенором, который так странно не вязался с его круглым телом и могучей грудной клеткой. — Ваше присутствие украшает это место. — Любопытство взяло верх над осторожностью, и он улыбнулся добродушной, обезоруживающей улыбкой. — Почему «Бошан»? — спросил он. — Это случайно не настоящее ваше имя?

— Моя девичья фамилия, — выпалила я, и это была абсолютная правда.

Его широкие светлые брови поползли вверх.

— Вы — француженка?

— Нет, англичанка. Но я ведь не могу назваться Фрэзер, разве не так?

— Понятно. — Все еще удивленно глядя на меня, он кивнул на маленькую обтянутую парчой скамеечку, изукрашенную резьбой и удивительно изящную, настоящая музейная вещь, как и все в этой комнате. Я как можно грациознее подобрала на одну сторону юбку и, делая вид, что не замечаю пятен грязи и конских волос, опустила на золотистый шелк.

Герцог все еще медленно расхаживал перед камином с легкой улыбкой на лице.

Я боролась с приятной теплотой, которая окутывала мои ноющие ноги, угрожая увлечь меня в бездну усталости, которая открылась передо мной.

Совсем не время разочаровывать моего стражника.

— Кто же вы? — неожиданно спросил герцог. — Английская заложница, пламенная якобитка или французский агент?

Я потерла двумя пальцами между глазами — там начала пульсировать боль. Правильнее всего было бы сказать: «Ни то, ни другое, ни третье», — но я боялась, что это заведет меня слишком далеко.

— Гостеприимство этого дома несколько уступает его обстановке, — сказала я как можно высокомернее, что при данных обстоятельствах было нелегко. Но опыт светской жизни, приобретенный за время общения с Луизой, не пропал даром.

Герцог рассмеялся высоким младенческим смехом, похожим на писк летучей мыши, который мне довелось как-то услышать.

— Извините, мадам. Вы совершенно правы — я должен был предложить вам что-нибудь для подкрепления сил, прежде чем позволить себе задавать вам вопросы. Досадная невнимательность с моей стороны.

Он пробормотал что-то лакею, который появился на его звонок, и спокойно остался ждать перед камином, пока принесут поднос. Я сидела молча, оглядывая комнату и время от времени бросая взгляды на хозяина. Ни ему, ни мне пустая светская беседа была не нужна. Несмотря на его внешнее радушие, это было всего лишь вооруженное перемирие, и мы оба это понимали.

Мне же хотелось знать только одно — почему я здесь оказалась. Я нисколько не удивлялась тому, что людей интересовало, кто я такая, черт возьми, теперь настала моя очередь удивляться: откуда вдруг появился герцог? Или откуда, по его мнению, появилась я? Он знал меня и раньше как жену владельца Лаллиброха. И вот я возникла на пороге его дома как английская заложница по имени Бошан, недавно освобожденная из рук шотландских якобитов. Достаточно, чтобы пробудить любопытство в ком угодно. Но его отношение ко мне определялось отнюдь не простым любопытством.

Принесли чай с пирожными и ячменными лепешками. Герцог взял свою чашку и движением брови указал на мою, мы пили чай по-прежнему в молчании. Откуда-то с другой половины дома доносились приглушенные удары, похожие на перестук молотков. Нежное позвякивание чашки герцога о блюде возвестило о возобновлении военных действий.

— Ну а теперь, — сказал он со всей твердостью, на какую способен человек с голосом Мики Мауса, — позвольте мне начать, мистрис Фрэзер, могу я вас так называть? Спасибо. Давайте начнем с того, что я уже знаю о вас довольно много. И намерен узнать больше. В ваших интересах отвечать

на все мои вопросы честно и без промедления. Должен сказать, мистрис Фрэзер, вас на удивление трудно убить, — он слегка наклонился ко мне, на его губах играла все та же легкая улыбка, — но я чувствую, что при определенной решимости с таким положением дела может быть покончено.

Я молча посмотрела на него, но ничего не сказала, и вовсе не из-за врожденной смелости — просто я потеряла дар речи. Затем, припомнив еще раз уроки Луизы, вопросительно подняла брови, отпила глоток чаю и изящным жестом промокнула губы салфеткой с монограммой.

— Вы сочтете меня глупой, ваша светлость, — вежливо сказала я, — но я не имею ни малейшего понятия, с чем вы говорите.

— В самом деле, дорогая?

Маленькие веселые глазки в упор смотрели на меня. Он взял с подноса позолоченный колокольчик и позвонил.

Должно быть, этот человек ждал в соседней комнате, потому что дверь открылась немедленно.

— Ваша светлость?

Человек говорил по-английски, но с явным французским акцентом. Высокий худой мужчина в темном костюме и куртке из хорошего полотна — такие обычно носит старшая прислуга — приблизился к герцогу и низко поклонился. И внешность у него была французская: удлиненное бледное лицо с тонкими, крепко сжатыми губами и ушами, торчащими с обеих сторон головы, словно маленькие крылья с ярко-красными концами. Увидев меня, он невольно сделал шаг назад, его худое лицо побледнело еще больше.

Сандрингем, наблюдавший за этой сценой с некоторым раздражением, перевел взгляд на меня.

— Узнаете его? — спросил он.

Я начала было отрицательно качать головой, когда правая рука мужчины неожиданно дернулась, и он, стараясь действовать как можно незаметнее, сложил средние пальцы так, что безымянный и указательный пальцы оттопырились, образовав что-то вроде рожек, направленных в мою сторону. И тут-то я узнала его, а через мгновение убедилась, что это действительно он — между большим и указательным пальцами я увидела маленький красивый знак.

У меня не оставалось ни малейших сомнений — это был тот человек в заляпанной рубашке, который напал на меня и Мэри в Париже. И, совершенно очевидно, он состоял в услужении герцога.

— Ты — кровавый ублюдок! — Я вскочила на ноги, перевернув чайный столик, схватила первое, что мне подвернулось под руку — резную

алебастровую табакерку, и запустила ею в этого типа. Он повернулся и бросился бежать, тяжелая табакерка просвистела в дюйме от его головы, ударилась о дверь и разлетелась вдребезги.

Я бросилась за ним, но дверь передо мной захлопнулась, и я остановилась, тяжело дыша. Упершись руками в бедра, я свирепо взглянула на Сандрингема.

— Кто он? — требовательно спросила я.

— Мой камердинер по имени Альберт Дантон, — спокойно ответил герцог. — Хороший парень во всех отношениях, но излишне возбудим. Как большинство этих французов. И невероятно суеверен. — Он неодобрительно покосился на дверь. — Проклятые паписты, со всеми этими святыми, куреньями и все прочее. Надо же верить в эти штучки.

Мое дыхание медленно выравнивалось, хотя сердце все еще гулко стучало о корсет из китового уса. Я с трудом переводила дыхание.

— Этот ваш мерзкий, отвратительный, жестокий... извращенец!

Герцогу, казалось, наскучило все это. Он небрежно кивнул:

— Да, да, моя дорогая. Я уверен, что все это так. И даже более того. К тому же он невезуч, по крайней мере тогда ему не повезло.

— Не повезло? Это вы так называете?

Нетвердой походкой я подошла к кушетке и села. Руки у меня дрожали, я сжала их и спрятала в складках юбки.

— Не повезло по нескольким причинам, моя дорогая леди. Вот послушайте. — Он, как всегда, изящным жестом развел руки. — Я послал Дантона избавиться от вас. Он и его приятели решили сначала немного позабавиться; все шло как по маслу, но, приступив к делу, они внимательно в вас взгляделись и непонятно почему решили, что вы в некотором роде ведьма, и тут же, забыв про все, убежали. Успев, однако, совратить мою крестницу, которая случайно там оказалась, что лишило ее шанса на блестящую партию, которую я с таким трудом для нее устроил. Представляете, какова ирония судьбы!

Потрясенная услышанным, я поначалу просто не знала, что ответить. Хотя в его речи было одно поразительное утверждение.

— Что вы имели в виду, говоря «избавиться от вас»? — возмущенно спросила я. — Вы действительно поручили убить меня? — Комната покачнулась и поплыла перед глазами; пытаясь прийти в себя, я отпила большой глоток чаю — единственное средство, которое было у меня под рукой. Оно оказалось не очень эффективным.

— Ну да, — чуть ли не ласково произнес Сандрингем, — это то, что я пытался сделать. Скажите, дорогая, не принести ли вам рюмочку шерри?

Я взглянула на него и на мгновение задумалась. Только что утверждать, что распорядился убить меня, и тут же предлагать мне рюмочку шерри из своих рук? Он что же, думает, что я приму ее?

— Бренди, — сказала я. — И побольше.

Он хихикнул своим писклявым голосом и направился к буфету, бросив через плечо:

— Капитан Рэндолл сказал, что вы очень занимательная женщина. Понимаете, из уст капитана это настоящий панегирик. Обычно он не благоволит к женщинам, хотя они вьются вокруг него. Из-за его внешности, я полагаю, но отнюдь не из-за его манер.

— Значит, Джек Рэндолл действительно работает на вас, — сказала я, беря у него из рук стакан. Я следила, как он наполнял два стакана, и не сомневалась, что в обоих не было ничего, кроме бренди. Я взяла больший стакан и сделала глоток, в котором так нуждалась.

Герцог последовал моему примеру и заморгал глазами, ощутив действие этой пикантной жидкости.

— Конечно, — ответил он. — Зачастую наилучший инструмент является и самым опасным. Но разве по этой причине кто-нибудь откажется его использовать? Просто надо принять меры предосторожности.

— Опасным? А что, собственно, вы знаете о Рэндолле? — любопытствовала я.

Герцог захихикал:

— О, практически все, что мне нужно, моя дорогая. Вероятно, намного больше, чем вы. Вы ведь понимаете, нельзя удержать власть над таким человеком, не имея под рукой особых средств, чтобы контролировать его. Деньги — хорошая узда, но слабые поводья.

— То ли дело шантаж, — сухо произнесла я.

Он откинулся назад, сложив руки на выпирающем животе, и с вежливым интересом уставился на меня.

— Я полагаю, вы думаете, что шантаж имеет две стороны? — Он покачал головой, уронив несколько крупинок нюхательного табака на шелковую жилетку. — Нет, моя дорогая. Наше положение, его и мое, существенно различаются. Поскольку слухи о такого рода вещах не влияют на отношение ко мне определенных кругов нашего общества, этот вопрос не является для меня особенно важным. Что же касается нашего славного капитана... ну, в армии бытуют весьма суровые взгляды на склонности такого рода. Наказанием часто является смерть. Нет, нет, тут трудно сравнивать. — Он склонил голову набок, насколько ему позволили

многочисленные подбородки. — Нет, Джека Рэндолла привязывает ко мне не обещание богатства и не угроза разоблачения, — сказал он. Его маленькие водянистые глазки блеснули в темных глазницах. — Он служит мне, потому что я могу дать ему то, чего он желает.

Я посмотрела на его тучную фигуру с нескрываемым отвращением, что заставило его светлость затрястись от смеха.

— Нет, нет, не это, — произнес он. — У капитана более утонченные вкусы. Не то что у меня.

— Тогда что же?

— Наказание, — мягко сказал он. — Вы ведь знаете об этом, не так ли? По крайней мере, ваш муж знает.

Я почувствовала себя запачкавшейся только потому, что находилась с ним рядом, и поднялась, чтобы уйти. На полу лежали осколки алебастровой табакерки, я небрежно поддела ногой один осколок, так что он рикошетом отскочил от стены и закатился под диванчик, напомнив мне о Дантоне.

Я не была уверена, что мне хочется обсуждать с ним мое несостоявшееся убийство, но в настоящее время это было предпочтительнее иных тем.

— За что вы хотели меня убить? — резко спросила я, повернувшись к нему лицом. Я быстро осмотрела коллекцию на инкрустированном цветной мозаикой столике, выискивая подходящее оружие для защиты, если он все же решит выполнить свое намерение.

Но, кажется, это было излишне. Он с трудом наклонился, подобрал чудом не разбившийся чайник и поставил его на чайный столик.

— Тогда это казалось целесообразным, — спокойно произнес он. — Я узнал, что вы и ваш муж собирались заняться делом, в котором был заинтересован и я. Вначале я хотел убрать вашего мужа, но это показалось мне слишком опасным из-за его тесных связей с двумя знатными фамилиями Шотландии.

— Собирались убрать моего мужа? — И тут у меня в мозгу что-то сверкнуло. — Так это вы послали матросов, которые напали на Джейми в Париже?

Герцог невозмутимо кивнул:

— Мне казалось, это самый простой метод, правда, немного грубоватый. Но потом в Париже появился Дугал Макензи, и я заинтересовался, действительно ли ваш муж работает на Стюарта. И тут я засомневался, где лежат его интересы.

Что касается меня, то сейчас я размышляла над тем, где лежат интересы самого герцога. Его странная речь звучала так, словно бы он был

тайным сторонником якобитов, а если так, он мастерски скрывал свои секреты.

— И потом, — продолжал он, осторожно кладя на место крышечку от чайника, — ваша все растущая дружба с Людовиком Французским. Если бы даже ваш муж потерпел неудачу в деле с банкирами, Людовик все равно смог бы снабдить Карла Стюарта всем необходимым — при условии, что вы не будете совать свой хорошенький носик в это дело.

Герцог, нахмурившись, посмотрел на ячменную лепешку, которую держал в руке, снял с нее пару ниточек, затем, отказавшись от мысли съесть ее, бросил на стол.

— Когда мне стало ясно, что происходит на самом деле, я попытался убедить вашего мужа вернуться в Шотландию, пообещав ему полное прощение. Это недешево мне обошлось, — задумчиво произнес он. — Но и это оказалось напрасным. Затем я воззвал к совершенно явной, и очень трогательной, привязанности к вам вашего мужа, — сказал он с благожелательной улыбкой, которая была мне особенно неприятна. — Я предполагал, что ваша трагическая кончина отвлечет его от тех дел, которыми он занимался, не вызвав при этом того интереса, который бы вызвало его убийство.

Неожиданно о чем-то подумав, я повернулась и посмотрела на клавикорды, стоявшие в углу комнаты. Пюпитр украшали несколько нотных страниц, на которых красивым четким цочерком было написано: «Пятьдесят тысяч фунтов в случае, если его высочество вступит в Шотландию». Подписано: «С». С — это, конечно, Сандрингем. Герцог рассмеялся, не скрывая удовольствия:

— Очень умно с вашей стороны, моя дорогая. Должно быть, это были вы. Я слышал, у вашего мужа, к сожалению, никаких способностей к музыке.

— Да, никаких, — повторила я, отворачиваясь от пианино.

На моем конце стола не было ничего подходящего — ни ножа для открывания писем, ни еще какого-нибудь тупого предмета, поэтому я быстро схватила вазу с цветами и спрятала в них лицо. Я закрыла глаза, чувствуя прикосновение холодных лепестков к моим неожиданно вспыхнувшим щекам. Я не осмеливалась поднять глаза, боясь, что мое открытое лицо выдаст меня.

За плечами герцога я увидела круглый обтянутый кожей предмет, по форме напоминающий тыкву, в обрамлении зеленых бархатных портьер похожий на один из экзотических предметов, которых так много у герцога. Я открыла глаза, осторожно выглянула между лепестками, и широкий

беззубый рот растянулся в ухмылке.

Я испытывала одновременно и ужас и облегчение. Значит, я тогда не ошиблась: нищий у ворот был Хью Мунро, старый товарищ Джейми со времен изгнания. Когда-то школьный учитель, он был схвачен на море турками, до неузнаваемости обезображен пытками и теперь вынужден был перебиваться нищенством и браконьерством — прибавив к обеим этим профессиям еще и успешную шпионскую деятельность. Я слышала, что он был агентом шотландской армии, но не думала, что он может оказаться так далеко на юге.

Сколько он сидел там, пристроившись, как птица, на ветке плюща на уровне второго этажа? Я не осмеливалась подать ему хоть какой-нибудь знак. Единственное, что я могла сделать, это с безразличным видом уставиться в пространство как раз выше плеча герцога.

Герцог с интересом рассматривал меня.

— В самом деле? И конечно, не Герстман? Мне не следовало думать, что у него такой изобретательный ум.

— Так вы считаете, что это я? Польщена, — сказала я, сердито уткнув нос в пионы.

Фигура, маячившая за окном, освободила одну руку, оставшись висеть на другой. Лишенный сарацинами языка, он пользовался вместо него пальцами. Уставившись на меня, он осторожно указал пальцем сначала на меня, затем на себя, потом указал в сторону. При этом широкая ладонь и первые два пальца превратились в пару бегущих ног, устремившихся на восток. После этого он коротко кивнул, в приветственном салюте сжал пальцы в кулак и исчез. Я расслабилась, слегка дрожа от волнения, и с облегчением вздохнула.

— Значит, вы якобы, не так ли? — спросила я.

— Необязательно, — добродушно ответил герцог. — Вопрос в том, моя дорогая, кто вы. — Совершенно бессознательно он снял парик и почесал лысую голову, прежде чем снова его надеть. — Когда вы были в Париже, то пытались воспрепятствовать попыткам восстановить на троне короля Джеймса. Потерпев неудачу, вы и ваш муж стали яркими сторонниками его высочества. Почему? — В маленьких голубых глазках не было ничего, кроме легкого любопытства, но убить-то меня пытались не из-за этого легкого любопытства.

Сейчас, узнав, кем был мой хозяин, я изо всех сил старалась вспомнить, что Фрэнк и его преподобие мистер Уэйкфилд говорили о нем. Был ли он якобы? Насколько я могла вспомнить из истории — относительно Фрэнка и его преподобия Уэйкфилда, — точных данных об

этом не было. Не было их и у меня.

— Не думаю, что я вам скажу, — медленно произнесла я.

Одна светлая бровь удивленно приподнялась, герцог вытащил из кармана маленькую покрытую эмалью коробочку, открыл ее и взял оттуда щепотку табака.

— А вы уверены, что это разумно, моя дорогая? Вы ведь понимаете, Дантон еще рядом.

— Дантон и пальцем-то до меня не дотронется, — резко сказала я. — И вы тоже. По той же самой причине, — быстро добавила я, видя, что он открыл рот. — Если вам так хочется знать, на чьей я стороне, вы не убьете меня, пока не узнаете об этом, не так ли?

Герцог втянул в себя понюшку табаку и тяжело закашлялся, барабанил по расшитой на груди жилетке. Я выпрямилась и холодно уставилась на кончик своего носа, пока он чихал и откашливался.

— Вы пытаетесь запугать меня, рассказывая все эти вещи, но ничего у вас не выйдет, — сказала я с большей уверенностью, чем испытывала ее на самом деле.

Сандрингем осторожно приложил платок к слезящимся глазам, глубоко вздохнул и, уставившись на меня, выпустил воздух сквозь полные поджатые губы.

— Ну что ж, очень хорошо, — совершенно спокойно сказал он. — Думаю, мои люди уже подготовили вашу комнату. Я позвоню служанке, чтобы она проводила вас.

Должно быть, у меня был довольно тупой вид, потому что, с трудом поднимаясь с кресла, он насмешливо улыбнулся.

— Кстати сказать, это не имеет значения, — заметил он. — Кто бы вы ни были и какой бы информацией ни владели, у вас есть одно ценное качество.

— Какое же? — требовательно спросила я.

Он помолчал, положив руку на звонок, и улыбнулся.

— Вы — жена Рыжего Джейми, и он очень любит вас, моя дорогая, не правда ли? — мягко сказал он.

Из тех тюрем, где я побывала, это была не самая худшая. Комната размером приблизительно тридцать футов в длину и ширину была обставлена с роскошью, уступающей разве что гостиной внизу. На небольшом возвышении стояла кровать под балдахином из дамасского шелка с перьями страуса по углам, перед огромным камином удобно расставлены обитые парчой кресла того же цвета.

Служанка, сопровождавшая меня, принесла таз с кувшином и

поспешила разжечь заранее сложенные в камине дрова. Лакей поставил накрытый поднос на столик около двери и замер — должно быть, на случай, если мне придет в голову броситься вниз, в холл. Что не принесло бы никакой пользы, мрачно подумала я, после первого же поворота я бы не знала, куда идти, — этот проклятый дом был огромный, как Букингемский дворец.

— Я уверена, его светлость надеется, что вам будет удобно, мадам, — сказала служанка, делая изящный реверанс.

— Бьюсь об заклад, что так оно и есть, — не очень вежливо откликнулась я.

Она вышла. Я услышала тяжелый мрачный звук захлопнувшейся двери и скрежет большого ключа — и чувстве полной отчужденности от всего мира обрушилось на меня.

Дрожа от холода, стоявшего в этой большой комнате, я обхватила себя за локти, подошла к огню и опустилась в одно из кресел.

Первым моим побуждением было — уж не позволить ли себе, воспользовавшись уединенностью этого приятного местечка, небольшую истерику? С другой стороны, я опасалась, что если позволю сейчас разыгаться своим чувствам, то дальше уже не смогу держать их в узде. Я крепко закрыла глаза и сидела так, следя, как огненные блики танцуют перед моим внутренним взором, и это меня успокаивало. В конце концов, в настоящий момент я в безопасности, а Хью Мунро находится на пути к Джейми. Даже если он за последнюю неделю моего путешествия потерял мой след, Хью направит его в нужную сторону. Он знал здесь каждого батрака и каждого жестянщика, каждый дом и каждую усадьбу. Сообщение от немого человека выльется в поток новостей и сплетен и распространится с такой же скоростью, с какой гонимые ветром облака проплывают над горными вершинами. Если он благополучно спустился из своего гнезда на плюще и, незамеченный, миновал стражу.

— Не глупи, — громко сказала я. — Этот человек — профессиональный браконьер. Так оно и будет. — Эхо моих слов, отлетев от белого, богато изукрашенного потолка, несколько успокоило меня. — А если так, — твердо продолжала я, разговаривая сама с собой, — потом придет Джейми.

Вот именно, неожиданно подумала я. И когда он придет, люди Сандрингема будут его поджидать. «Вы жена Рыжего Джейми», — сказал герцог. Мое ценное качество. Я была приманкой.

— Я — приманка! — воскликнула я, выпрямляясь в своем кресле. Острое возмущение вызвало небольшой, но благодатный сейчас прилив

ярости, перед которым отступили все страхи. Я раздувала пламя гнева, вышагивая по комнате и придумывая, как назову герцога при следующей встрече.

Отбросив тяжелые бархатные занавеси на окнах, я убедилась, что герцог остался верен себе. Окно было забрано толстыми деревянными прутьями, расположенными так близко друг к другу, что я с трудом могла бы просунуть между ними руку. Правда, видеть я могла.

Наступила ночь, и тени под деревьями парка стали черными, как чернила. Откуда-то с той стороны раздался крик, в ответ послышались крики у конюшни, и внезапно там появились две или три фигуры с зажженными факелами.

Маленькие, темные фигуры побежали к лесу, пламя их сосновых факелов летело за ними, отсвечивая на холодном, влажном ветру оранжевым светом. Когда они добежали до парка, я заметила клубок человеческих тел, барахтающихся на траве перед домом. Земля была влажной, и от дерущихся тел на вымершей по-зимнему лужайке оставались глубокие вмятины.

Я встала на цыпочки, ухватила за прутья и прижалась к ним головой, стараясь получше рассмотреть происходящее.

Дневной свет окончательно погас, и я смутно могла различить внизу только мелькание чьих-то конечностей.

— Это не может быть Джейми, — говорила я себе, стараясь проглотить застрявший в горле комок, в который превратилось теперь и мое сердце. Не так быстро, не сейчас. И не один. Конечно, он придет не один. Потому что теперь я ясно видела: бьют одного человека — вот он стоит на коленях, превратившись в сгорбленную тень под ударами герцогских лесников и конюшенных.

Затем сгорбленная фигура распростерлась на земле, крики смолкли, человека ударили еще несколько раз, и маленькая банда слуг отступила назад. Они о чем-то коротко поговорили — я не слышала о чем, — двое наклонились и подхватили упавшего под руки. Направляясь к задней части дома, они прошли мимо моего окна на втором этаже, свет факела выхватил волочившиеся по земле ноги в сандалиях и что-то похожее на грязный серый халат. Не Джейми.

Один из конюхов бежал рядом, торжествующе размахивая толстым кожаным кошельком на ремне. Я была слишком высоко, чтобы слышать звон металлических украшений на ремешке, но они мелькнули в свете факела, и силы покинули меня, остались лишь ужас и отчаяние. Монеты и трюфели, небольшие металлические предметы. И маленькие свинцовые

печатки — разрешение на право собирать милостыню в данном округе. У Хью Мунро их было четыре — в знак особого отличия, как пострадавшего от рук турок. Не Джейми, а Хью.

Я вся дрожала, ноги едва держали меня, но все же я подбежала к двери и изо всех сил забарабанила в нее.

— Выпустите меня! — кричала я. — Мне нужно видеть герцога! Я требую, выпустите меня!

На все мои крики и вопли никто не отозвался, и я снова бросилась к окну. Сцена внизу казалась удивительно мирной — мальчик стоял с факелом в руке и светил садовнику, который, опустившись на колени у края газона, разравнивал дерн, поврежденный во время борьбы.

— Эй! — заорала я.

Разбить защищенное толстыми прутьями окно этого каземата было невозможно. Я понеслась в другой конец комнаты, схватила тяжелый серебряный подсвечник, бросилась назад и ударила по оконному стеклу, потом еще и еще раз, не обращая внимания на разлетающиеся осколки.

— Помогите! Эй, кто-нибудь там, внизу! Передайте герцогу, что я хочу его видеть! Помогите! — Мне показалось, что одна из фигур внизу подняла голову и взглянула на меня, но никто не сделал ни одного движения в сторону дома, как ни в чем не бывало продолжая свою работу, будто бы просто крик ночной птицы потревожил темноту.

Я бегала от окна к двери и обратно к окну, кричала, умоляла и угрожала, пока не охрипла, стучала в дверь, пока мои кулаки не покраснели, но никто не пришел. Должно быть, я была одна в этом огромном доме. В коридоре стояла такая же глубокая могильная тишина, как и на улице. Все мои страхи снова ожили, я опустилась у двери на колени и безутешно зарыдала.

Я очнулась, замерзшая, окоченевшая, с ужасной головной болью, от того, что что-то широкое и твердое толкало меня по полу. Тяжелая дверь, приоткрываясь, била меня по бедру.

— Ох! — Я неуклюже повернулась и стала на четвереньки, волосы свешивались мне на лицо.

— Клэр! Успокойся, дорогая, п-пожалуйста! Дорогая, тебе больно? — Шурша накрахмаленным батистом, Мэри опустилась на колени рядом со мной. Я увидела, как дверь за ней закрылась, и услышала щелчок поворачиваемого в замке ключа.

— Да, то есть нет. Со мной все в порядке, — еще не очнувшись окончательно, откликнулась я. — Но вот Хью... — Я закрыла рот и тряхнула головой, чтобы она прояснилась. — А ты что здесь делаешь, черт

побери?

— Я п-подкупила экономку, чтобы она м-меня впустила, — прошептала Мэри. — Может, нам лучше говорить потише?

— Это не имеет значения, — произнесла я обычным тоном. — Дверь такая толстая, через нее не услышишь даже крики болельщиков на футбольном матче.

— Крики — чего?

— Не важно. — Мой разум стал проясняться, хотя глаза у меня заплыли, а в голове стучали молоточки. Я с трудом поднялась на ноги, дотянулась до таза и сполоснула лицо холодной водой.

— Ты подкупила экономку? — спросила я, вытирая лицо полотенцем. — Но мы все же заперты. Я слышала, как поворачивался ключ.

В серых сумерках, заполнявших комнату, лицо Мэри казалось призрачно-бледным. Пока я лежала на полу, свеча оплыла и погасла, комната освещалась теперь только слабым светом тлеющих в камине угольков. Мэри закусил губу.

— Я сделала все, что могла. Миссис Гибсон слишком боится герцога, чтобы отдать мне ключ. Единственное, на что она решилась, это запереть меня вместе с тобой. До утра. Утром она меня выпустит. Я подумала, может, тебе будет веселее, — робко добавила она.

— О да, конечно, благодарю тебя. Это была замечательная мысль.

Я взяла из ящика новую свечу и подошла к камину, чтобы зажечь ее. Подсвечник был залит воском сгоревшей свечи. Я капнула расплавленным воском на стол и поставила на него новую свечу, ничуть не заботясь о сохранности герцогского имущества.

— Клэр, у тебя... неприятности?

Я прикусила губу, чтобы удержаться от поспешного ответа. В конце концов, ей было только семнадцать, и в политике она разбиралась еще меньше, чем в людях.

— О да. И боюсь, довольно большие. — Мои мозги вновь заработали. Если Мэри и не сможет помочь мне с побегом, то, по крайней мере, расскажет о своем крестном и его домочадцах.

— Ты слышала шум на опушке леса? — спросила я. Мэри отрицательно покачала головой. Она начала дрожать от холода — в такой большой комнате тепло камина рассеивалось, не доходя до возвышения, на котором стояла кровать.

— Нет, но я слышала, одна из поварих говорила экономке, что в парке поймали какого-то бродягу. Ужасно холодно. Не лечь ли нам в постель?

Она уже залезала под одеяло, натягивая на валик для головы конец

простыни. Под белой ночной рубашкой обозначилась маленькая круглая грудь.

— Это был не бродяга, — сказала я. — Вернее, бродяга, но также еще и друг. Он направлялся к Джейми, чтобы сообщить ему, что я здесь. А ты не знаешь, что случилось с ним, после того как его схватили?

Мэри повернулась ко мне, ее лицо казалось бледным пятном на фоне украшавших кровать портьер. Даже при этом слабом свете я увидела, какими огромными стали ее темные глаза.

— О, Клэр! Мне так жаль!

— Мне тоже, — нетерпеливо произнесла я. — Но ты хотя бы знаешь, где сейчас этот бродяга? — Если Хью держат где-нибудь поблизости, например в конюшне, Может быть, Мэри удастся освободить его утром? По ее трясущимся губам, неспособным воспроизвести членораздельный звук, я могла бы догадаться, что последует дальше. Но слова, которые ей удалось наконец выговорить, поразили меня как удар кинжала:

— О, они его п-повесили, — сказала она. — Н-на в-воротах п-парка.

Прошло некоторое время, прежде чем я вновь обрела способность видеть окружающее. Печаль, страх, отчаяние, потерянные надежды — все это нахлынуло на меня мощным потоком, едва не поглотив с головой. Я смутно ощущала на своих плечах робкое поглаживание маленькой руки, слышала голос, предлагающий мне то носовой платок, то стакан воды, но продолжала лежать молча, неподвижно, свернувшись в комочек, ожидая, когда стихнет острая боль, сжавшая мой желудок. Наконец паника прошла, боль утихла, и я открыла затуманенные глаза.

— Со мной все в порядке, — сказала я, усаживаясь в кровати и совсем не изящно вытирая нос рукавом. Потом взяла предложенное мне полотенце и осушила слезы. Мэри озабоченно хлопотала вокруг меня, я успокаивающе сжала ее руку:

— Правда. Со мной все в порядке. Я очень рада, что ты здесь.

Внезапная мысль поразила меня, и я уронила полотенце, с любопытством глядя на нее.

— Мне только что пришло в голову: а почему ты здесь? Я имею в виду в этом доме.

Она покраснела, легла и натянула одеяло.

— Ты же знаешь, г-герцог — мой к-крестный.

— Да, я помню. Хотя сомневаюсь, что он просто наслаждается твоим обществом.

Она слегка улыбнулась:

— Д-да... Но он, я имею в виду герцога, думает, что нашел мне

другого м-мужа. — Она с трудом произнесла слово «мужа» и покраснела еще больше. — Папа привез меня сюда, чтобы встретиться с ним.

По тому, как она держалась, я поняла: это не та новость, которая требует немедленных поздравлений.

— Ты знаешь этого человека?

Оказалось, только по имени. Мистер Исааксон, импортер из Лондона. Слишком занятой, чтобы ехать в Эдинбург для встречи со своей нареченной, он согласился приехать в Белхерст, где и должна состояться свадьба, если стороны договорятся.

Я подняла с тумбочки отделанный серебром гребень и стала расчесывать волосы. Итак, потерпев неудачу в намерении породниться с французской знатью, герцог решил продать свою крестницу богатому еврею.

— У меня новое приданое, — сказала Мэри, пытаясь улыбнуться. — Сорок три вышитые юбки, две с золотой нитью. — Она внезапно замолчала, крепко сжав губы и уставившись невидящими глазами на обнаженную левую руку. Я положила свою руку на ее.

— Ничего, может быть, он окажется добрым человеком, — постаралась я приободрить ее.

— Этого-то и б-боюсь. — Избегая моего вопросительного взгляда, она опустила голову и обхватила колени руками. — Они не сказали мистеру Исааксону о... П-париже. И мне не велели говорить. — Ее лицо жалобно сморщилось. — Они привели ужасную старуху, чтобы она объяснила мне, как я должна вести себя в первую брачную ночь — притвориться, что все это в первый раз, но... о, Клэр, как я могу? — заплакала она. — И Алекс... Я ничего ему не сказала. Я не могла. Я такая трусиха, даже не попрощалась с ним!

Она бросилась в мои объятия, я гладила ее по спине, и мое собственное горе стало как будто утихать. Наконец она успокоилась, села и согласилась выпить воды.

— И ты собираешься пройти через все это? — спросила я. Она взглянула на меня. Ее ресницы были мокрые и слипшиеся.

— У меня нет выбора, — просто сказала она.

— Но... — начала было я и беспомощно остановилась.

Она была права. Молодая и неопытная, без всяких средств к существованию, без человека, который мог бы поддержать ее, — ей не оставалось ничего, как уступить воле отца и крестного и выйти замуж за неведомого мистера Исааксона из Лондона.

Расстроенные донельзя, мы не притронулись к еде, лежавшей на

подносе, и залезли под одеяла, чтобы согреться. Мэри, измученная переживаниями, вскоре уснула, а я, не менее измученная, уснуть не могла и лежала, горюя о Хью, беспокоясь о Джейми и раздумывая о герцоге.

Простыни были холодные, и мои ноги превратились в куски льда. Чтобы не думать о печальных вещах, я решила поразмышлять о Сандрингеме. Какова его роль в этом деле?

По всем признакам этот человек был якобитом. Он, по его собственному признанию, был готов пойти на убийство — или, по крайней мере, заплатить за него — ради того, чтобы обеспечить Карлу поддержку, необходимую для высадки в Шотландии. И музыкальный шифр, безусловно, свидетельствовал о том, что в августе именно герцог склонил Карла поднять паруса, пообещав ему помощь.

Конечно, люди из всех сил скрывали свои якобитские симпатии, в этом не было ничего удивительного — за измену грозило наказание. А если дело провалится, герцог потеряет больше, чем другие.

Сандрингем не удивил меня, сказавшись горячим сторонником монархии Стюарта. Хотя, судя по его замечаниям, брошенным в адрес Дантона, он не симпатизировал правителю-католику. И все же зачем так долго тянуть с поддержкой Стюарта, когда ясно, как сильно Карл нуждается в деньгах и нуждался всегда — со времени его похода в Шотландию.

У меня было два возможных объяснения: или герцог не был достаточно кредитоспособен, или его поведение объяснялось особыми чертами его характера.

Возможно, он якобит, готовый поддержать неприятного ему короля-католика ради будущих благ, на которые он мог рассчитывать как основной сторонник реставрации монархии Стюарта. Я видела: слова «принципы» не было в его словаре, но он хорошо усвоил понятие «свой интерес» материально. Возможно, он просто выжидает, пока Карл достигнет Англии и шотландская армия предпримет решительную атаку на Лондон, чтобы не выбрасывать деньги на ветер. Любой знающий Карла счел бы такое решение умным — всем известно, было лучше не доверять Стюарту сразу большую сумму.

Не исключено также, что, прежде чем начать вкладывать деньги в Карла, он хотел убедиться, что его дело имеет серьезных сторонников; в конце концов, поддержать восстание — совсем не то, что в одиночку содержать целую армию.

С другой стороны, если это так, то я видела еще один, более зловещий смысл выдвинутых герцогом условий. Ставя условием своей поддержки

вступление армии якобитов на английскую землю, он подталкивал Карла к тому, чтобы тот, борясь со всевозрастающей оппозицией своих собственных военачальников, тащил свою недовольную, растрепанную армию дальше на юг, прочь от благодетельных гор, в которых они могли бы найти укрытие. Если герцог рассчитывает получить от Стюартов какую-то выгоду за помощь в их реставрации, то чего он ожидает от ганноверцев за то, что заманит Карла Стюарта в пределы их досягаемости и передаст его и его сторонников в руки английской армии?

История не смогла установить истинные побуждения герцога. Вот странно — ведь рано или поздно они должны были обнаружиться. Конечно, размышляла я, Старый Лис, лорд Ловат, во время якобитского восстания ухитрился играть на обеих площадках — снискал расположение ганноверцев и сохранил милость Стюартов. Время от времени так же поступал и Джейми. Может быть, потому, что было нетрудно прятать свои привязанности в вязкой трясине королевской политики.

Холод сковал мои ноги, хотя я беспрестанно двигала ими, кожа потеряла чувствительность, я терла икры друг о друга, но, очевидно, ноги при трении создают гораздо меньше тепла, чем сухие прутья, — никакого особого тепла я не почувствовала.

Лежа без сна, усталая и окоченевшая, я вдруг услышала рядом с собой слабый ритмичный звук. Я повернула голову, прислушалась, затем приподнялась на локте и недоверчиво уставилась на свою соседку. Она лежала на боку, свернувшись калачиком, ее нежная кожа порозовела, она стала похожа на расцветший оранжерейный цветок, большой палец ее был засунут в мягкий розовый ротик. Нижняя губа двигалась в такт с сосущим движением.

Я не знала, что делать — смеяться или плакать. В конце концов я не сделала ни того ни другого — осторожно вытащила изо рта палец и положила руку ей на грудь. Задула свечу и придвинулась ближе к Мэри.

То ли этот маленький невинный жест, навеявший давно ушедшие ощущения безопасности и доверия, то ли уютное тепло лежащего рядом тела, или я просто устала от страха и горя, но только ноги мои согрелись, я наконец расслабилась и уснула.

Завернувшись в теплый кокон одеяла, я спала крепким глубоким сном без сновидений. Тем неожиданнее было мое пробуждение, когда я вынырнула вдруг из мягкой, спокойной темноты забвения. Темно — вернее, черно как в трубе, потому что огонь в камине уже погас, — тревожно и беспокойно. Что-то тяжелое неожиданно свалилось, на кровать, сильно ударив меня по руке, — это «что-то», очевидно, пыталось убить

Мэри.

Матрац неожиданно соскользнул из-под меня — кровать содрогалась от неистовой борьбы, которая шла со мной рядом. Неясные угрозы, приглушенное мычание раздавались где-то совсем рядом, и вдруг чья-то рука — по-видимому, Мэри, подумала я, — с размаха ударила меня прямо в глаз.

Я быстро выбралась из кровати, споткнулась на ступенях возвышения и свалилась на пол. Звуки борьбы надо мной усилились, слышались ужасные сдавленные крики — очевидно, кто-то душил Мэри, а она пыталась кричать.

Затем послышалось негодующее восклицание, произнесенное низким мужским голосом, постель снова заходила ходуном, и крики неожиданно прекратились. Я быстро нашла кремень на столе и зажгла свечу. В ее разгорающемся пламени я увидела то, что и ожидала увидеть, когда услышала яростное гэльское проклятие, — укрытое одеялом тело Мэри отчаянно билось под распростертым телом моего большого рассерженного мужа, на голове ее была подушка, руки судорожно отбивались от нападавшего.

Занятый тем, чтобы подавить сопротивление Мэри, — он пытался схватить ее руки и одновременно удержать у лица подушку, — Джейми даже не взглянул на загоревшуюся свечу. Подавив приступ истеричного смеха, я поставила свечу, склонилась над кроватью и похлопала его по плечу.

— Джейми, — сказала я.

— Боже!

Он подскочил словно ужаленный, слетел с кровати и тут же оказался на полу с полуобнаженным кинжалом. Потом увидел меня и вздохнул с облегчением, на мгновение закрыв глаза:

— Боже мой, Саксоночка! Никогда больше так не делай, слышишь? Успокойся! — бросил он Мэри, которая наконец выбралась из-под подушки и сидела на кровати, выпучив глаза и всхлипывая. — Я не хотел причинить тебе вреда. Я думал, ты моя жена.

Джейми обошел вокруг кровати, взял меня за плечи и крепко поцеловал, словно хотел убедиться, что наконец-то нашел нужную ему женщину. Да, такую женщину он нашел, я крепко поцеловала его в ответ, наслаждаясь прикосновением колючей бороды и теплым родным запахом — смесь влажного белья и шерсти с примесью крепкого мужского пота.

— Одевайся, — сказал Джейми, отпуская меня. — Проклятый дом полон слуг. Внизу он словно муравьиное гнездо.

— Как ты сюда вошел? — спросила я, оглядываясь в поисках одежды.

— Через дверь, конечно, — нетерпеливо произнес он. — Вот оно. — Он схватил мое платье со спинки стула и бросил мне. И действительно, массивная дверь была открыта, и из замка свисала огромная связка ключей.

— Но как... — начала было я.

— Потом, — коротко бросил он. Джейми заметил, что Мэри вылезла из постели и возилась со своим халатом. — Забирайся снова в постель, девушка, — посоветовал он Мэри. — На полу холодно.

— Я иду с вами, — глухо прозвучало из-под натягиваемой через голову одежды, ее намерения стали совершенно очевидны, когда она наконец просунула голову в ворот и решительно уставилась на нас, лохматая и непреклонная.

— Черта с два, — сказал Джейми, сердито глядя на Мэри. У него на щеке я заметила свежие глубокие царапины. Увидев ее дрожащие губы, он, хоть и с трудом, подавил свой гнев и успокаивающе произнес: — Не волнуйся, девушка. Неприятностей у тебя не будет. Я запру за нами дверь, а утром ты расскажешь все, что произошло. Никто не сможет тебя обвинить.

Не обращая внимания на его слова, Мэри сунула ноги в шлепанцы и бросилась к двери.

— Эй, куда ты? — Джейми устремился за ней, но недостаточно быстро — похожая на олененка, Мэри уже стояла в коридоре.

— Я иду с вами, — яростно повторила она. — Если вы не возьмете меня, я побегу сейчас по коридору и закричу. Вот так!

Джейми уставился на нее, его рыжие волосы отливали медью, кровь прилила к лицу. Он явно разрывался между необходимостью соблюдать тишину и страстным желанием придушить ее голыми руками — а там черт с ним, с шумом. Мэри тоже в упор смотрела на него, придерживая юбки одной рукой, готовая бежать по коридору. Одетая и обутая, я толкнула Джейми в бок, прервав его мучительные размышления.

— Бери ее, — коротко сказала я. — И пошли.

Он посмотрел на меня точно так же, как смотрел на Мэри, но колебался недолго. Коротко кивнув, взял меня за руку, и мы вдвоем бросились в холодную темноту коридора.

Дом был мертвенно-тих и одновременно полон звуков: скрипели половицы у нас под ногами, как листья под порывами ветра, шуршала наша одежда. Дышали стены, короткие, едва слышные звуки, должно быть, означали таинственное перемещение под землей живых существ. И над всем этим нависало глубокое и пугающее молчание большого погруженного в сон дома, которое, казалось, ничто не могло нарушить.

Мэри крепко держала меня за руку, пока мы крались по коридору следом за Джейми. Он двигался как тень, быстро и молчаливо, иногда касаясь руками стен.

Проходя мимо одной из дверей, я услышала за ней тихий звук шагов. Джейми тоже услышал их и прижался к стене, жестом приказав нам с Мэри стать перед ним. Я стояла, затаив дыхание и изо всех сил вжимаясь в холодную штукатурку. Дверь осторожно приоткрылась, выглянула голова в белом домашнем чепце и посмотрела в противоположную от нас сторону.

— Хэлло, — сказала она шепотом. — Это ты, Альберт? — По моей спине потекли холодные ручейки пота. По-видимому, служанка ждала камердинера его светлости, который и здесь поддерживал репутацию французов.

Не думаю, что она восприняла бы вооруженного шотландца достойной заменой своего возлюбленного. Я чувствовала, как стоящий рядом со мной Джейми напрягся, борясь с последними сомнениями перед тем, как броситься на женщину. Еще мгновение — и она повернется, увидит его и криком поднимет весь дом.

Я выступила вперед.

— О нет, — извиняющимся тоном произнесла я. — Боюсь, это всего лишь я.

Служанка вздрогнула, а я сделала еще один шаг вперед, чтобы встать перед ней — Джейми по-прежнему оставался у нее за спиной.

— Извините, что напугала вас, — сказала я, приветливо улыбаясь. — Видите ли, я никак не могу уснуть. Хочу попробовать выпить горячего молока. Кухня там, я правильно иду?

— А?..

Служанка, полная девушка, чуть больше двадцати, совершенно неприлично раскрыла рот, обнаружив при этом, что явно недостаточно ухаживает за зубами. К счастью, это была не та служанка, что провожала меня в комнату: вероятно, она не знает, что я не гостья, а пленница, мелькнуло у меня в голове.

— Я гостья в этом доме, — пояснила я и, следуя принципу, что нападение — лучший способ обороны, набросилась на нее: — Значит, Альберт? А знает ли его светлость об этой вашей привычке — по ночам принимать у себя в комнате мужчин?

Это был смертельный удар — женщина побледнела и упала на колени, цепляясь за мою юбку. Ей даже не пришлось в голову спросить, почему гостья в ранние предутренние часы расхаживает по дому не только в платье и ботинках, но и в полном дорожном наряде.

— О, мэм! Вы ведь ничего не скажете его светлости? У вас такое доброе лицо, мэм, вы же не захотите, чтобы меня уволили? Пожалейте меня, миледи, у меня дома шесть братьев и сестер, и я...

— Ну, будет, будет. — Я потрепала ее по плечу. — Не волнуйся. Я не скажу герцогу. А сейчас возвращайся в постель и...

Разговаривая тоном, каким обычно говорят с детьми и больными, я успокоила ее, все еще доказывающую свою невиновность, и впихнула в маленькую комнату. Закрыла за ней дверь и для надежности прислонилась к ней спиной. Из тени выплыло улыбающееся лицо Джейми. Он ничего не сказал, но в знак одобрения погладил меня по голове и снова увлек за собой.

Мэри поджидала нас под окном на лестничной площадке, ее халат слегка белел в лунном свете, временами пробивающемся сквозь густые облака. По-видимому, приближался шторм. Интересно, подумала я, это поможет нашему Побегу или наоборот?

Как только Джейми ступил на лестничную площадку, Мэри схватила его за плед и прошептала:

— Ш-ш-ш! Кто-то идет!

Кто-то действительно шел. Я слышала легкое шлепа-ние ног, приближающееся снизу, видела бледный свет свечи в лестничном проеме. Мэри и я в отчаянии оглядывались по сторонам, но спрятаться было негде. Это была задняя лестница, предназначенная для слуг, и лестничные площадки представляли собой обычные квадраты без мебели и каких-либо драпировок.

Джейми, покоряясь судьбе, тяжело вздохнул, жестом велел нам с Мэри вернуться в коридор, а сам вытащил кинжал и притаился в углу.

Пальцы Мэри крепко переплелись с моими, и мы замерли в предчувствии неизбежного. У Джейми на поясе висел пистолет, но он не мог воспользоваться им в доме, слуга, безусловно, поймет это, так что простая угроза не поможет. Оставался только нож, и мое сердце затрепетало от жалости к несчастному слуге, которому предстояло встретиться с воинственно настроенным шотландцем, вооруженным стальным кинжалом.

У меня мелькнула мысль, что его можно было бы связать одной из моих нижних юбок, но в это время показалась голова. Черные волосы были разделены посередине ровным пробором и смазаны отвратительно сладкой помадой, что тут же вызвало у меня воспоминание о темной парижской улице и капризно изогнутой полоске тонких, жестоких губ, не прикрытых маской.

Мой удивленный возглас заставил Дантона резко вскинуть голову и спуститься на ступеньку ниже. Но в следующее мгновение Джейми железной хваткой вцепился ему в горло и с такой силой бросил к стене, что железный подсвечник вылетел из рук Дантона.

Мэри тоже увидела его.

— Это он! — громко воскликнула она, даже не заикаясь. — Тот человек в Париже!

Джейми прижал слабо сопротивляющегося слугу к стене, придерживая его другой рукой. Лицо мужчины, по которому скользил свет время от времени пробивающейся сквозь тучи луны, было смертельно бледным. Оно побледнело еще больше, когда Джейми приставил к его горлу острие кинжала.

Я выступила вперед, еще не зная, что собирается делать Джейми, и не уверенная, чего хочу я. При виде меня Дантон издал приглушенный стон и попытался перекреститься.

— Белая Дама! — прошептал он, в ужасе уставившись на меня.

Движимый яростью, Джейми схватил Дантона за волосы и откинул его голову назад с такой силой, что она гулко ударилась о стену.

— Будь у меня время, ты бы умер долгой мучительной смертью, — прошептал он, и шепот этот прозвучал веско и убедительно. — Благодарю Бога, что его у меня нет. — Он еще сильнее прижал голову Дантона к стене, я видела, как пульсировало адамово яблоко, когда Дантон пытался сглотнуть, его глаза со страхом смотрели на меня.

— Ты называешь ее Белой Дамой, — процедил Джейми сквозь зубы. — Я называю ее своей женой! Что же, пусть ее лицо будет последним, что ты видишь перед собой!

Кинжал полоснул по горлу с такой силой, что Джейми крикнул, темная струя крови брызнула ему на рубашку. Тяжелый запах неожиданной смерти заполнил лестничную площадку, из бесформенной кучи на полу донеслись какие-то булькающие хриплые звуки. Не знаю, сколько времени мы тут простояли, мне показалось, что целую вечность.

Я пришла в себя от того, что за моей спиной раздались какие-то звуки. У Мэри началась сильная рвота. Да, слугам придется здорово поработать — было моей первой мыслью. А затем я подумала о Джейми, которого видела в перемежающемся лунном свете. Его лицо и рубашка были забрызганы кровью, он тяжело дышал. Казалось, его тоже вот-вот вырвет.

Я снова повернулась к Мэри. И за ней в дальнем конце коридора увидела слабый свет. Кто-то открывал дверь, собираясь выяснить причину шума. Я ухватилась за край ее халата, грубо вытерла ей рот и потащила

вниз.

— Пошли! — сказала я. — Надо выбираться отсюда!

Джейми оторвал завороченный взгляд от трупа, встряхнулся, пришел в себя и повернулся к лестнице.

Казалось, он знал, куда мы идем, и без колебания вел нас по темным коридорам. Мэри спотыкалась за моей спиной и громко, тяжело дышала.

У двери в буфетную Джейми неожиданно остановился и тихонько свистнул. Послышался ответный свист, и дверь тут же распахнулась в темноту, населенную какими-то неясными фигурами. Одна из них выступила из мрака и шагнула вперед. Несколько невнятных слов, и мужчина — кто бы это был? — взял Мэри за руку и увлек ее в темноту. Судя по холодному ветерку, где-то впереди была открытая дверь.

Положив руку мне на плечо, Джейми уверенно вел меня по заполненной темнотой буфетной, затем мы оказались еще в одной комнате, чуть поменьше, служившей, должно быть, складом ненужной мебели. Я больно ударилась обо что-то щиколоткой, но прикусила губу и не закричала.

Наконец-то мы выбрались на свободу, в ночь. Ветер подхватил мой плащ и надул его, словно парус. После изматывающего путешествия по темному дому я чувствовала себя так, будто у меня выросли крылья и я вот-вот взлечу к небу.

Люди вокруг меня, кажется, тоже испытывали облегчение — слышались разговоры и приглушенный смех, но Джейми шикнул на них, и все замолчали. Один за другим люди пересекали открытое пространство перед домом — легкие тени в танцующем лунном свете. Вот они стоят рядом со мной и тут же исчезают в парке.

— Где же Муртаг? — нахмурившись, пробормотал он, когда исчез последний человек. — Думаю, пошел искать Хью, — сказал он, отвечая на собственный вопрос. — Ты не знаешь, где он может быть, Саксоночка?

Я сглотнула, холодный ветер злобно впился в мое тело, всколыхнулась память, гася нахлынувшее ликование от полученной свободы.

— Да, знаю, — ответила я и коротко поведала ему печальную новость. Кровь прихлынула к его лицу, и, когда я закончила свой рассказ, оно было твердым как камень.

— Вы собираетесь стоять здесь всю ночь? — раздался голос у нас за спиной. — А может, поднимем тревогу, чтобы они знали, где нас искать?

Муртаг появился из темноты тихо, как призрак. Выражение лица Джейми несколько смягчилось. Под мышкой Муртаг держал завернутый в тряпку сверток. Наверняка кусок мяса из кухни, подумала я, увидев темное

пятно крови на его одежде. Тем более что с другой руки у него свешивался большой окорок, а на шее висела гирлянда сосисок.

— От тебя пахнет, как от мясника. Ты хоть на минуту можешь забыть о своем пузе?

Муртаг склонил голову набок, внимательно вглядываясь в заляпанного кровью Джейми.

— Лучше быть похожим на мясника, чем на его товары, парень, — сказал он. — Ну что, пошли?

В парке было темно и страшно. Между могучими деревьями, широко разбросившими свои ветви, росла молодая поросль. Время от времени хрупкие деревца принимали угрожающие очертания лесников. Тучи продолжали сгущаться, луны почти не было видно, что нас немало радовало. Когда мы дошли до конца парка, начался дождь.

Трех человек оставили с лошадьми. Мэри уже сидела на лошади, впереди одного из людей Джейми. Чрезвычайно смущенная необходимостью ехать верхом, она старательно подтыкала под ягодичы складки одежды, тщательно пытаясь скрыть тот факт, что у нее имеются ноги.

Более опытная, но тоже проклиная тяжелые складки юбки, я приподняла ее и поставила ногу на руку Джейми. Одно движение его ладони — и я плюхнулась в седло. Лошадь фыркнула и начала прядать ушами.

— Прости, подруга, — сказала я без всякого сочувствия. — Если тебе это не нравится, то что ты скажешь, когда он взберется на тебя?

Глянув вокруг, я увидела «его» под одним из деревьев. Он стоял, положив руку на плечо мальчику лет четырнадцати.

— Кто это? — спросила я, наклоняясь, чтобы привлечь внимание Джорджи Пола Фрэзера, который возился рядом со мной со своей подругой.

— А... этот? — Он посмотрел на мальчика и, нахмурившись, снова вернулся к непослушной подруге. — Его зовут Эван Гибсон. Старший приемный сын Хью Мунро. Он был со своим отцом, когда слуги герцога схватили его. Парню удалось бежать, мы встретили его на краю болота. Он и привел нас сюда. — Дернул еще раз незадачливую подругу, гневно посмотрел на нее, будто хотел что-то сказать, и поднял глаза на меня. — А ты случайно не знаешь, где отец парня?

Я кивнула, должно быть, выражение моего лица было столь красноречиво, что Пол повернулся и посмотрел на мальчика. Джейми держал его, крепко прижав к груди, и гладил по спине. Мы видели, как он

слегка отстранил мальчика, положил ему руки на плечи и что-то сказал, напряженно вглядываясь ему в лицо. Я не слышала, что говорил Джейми, но через минуту мальчик выпрямился и кивнул. Джейми тоже кивнул и, на прощание хлопнув парня по плечу, подвел его к одной из лошадей, на которой уже сидел Джордж Макклюд и протягивал ему руку. С опущенной головой Джейми поспешил к нам, несмотря на холодный ветер и накрапывающий дождь, его плед свободно развевался за ним.

Джордж сплюнул.

— Пижон несчастный, — сказал он, ни к кому не обращаясь, и вскочил в седло.

Мы остановились в южной части парка, и двое снова исчезли между деревьями. Лошади били копытами и прядали ушами. Мы ждали не больше двадцати минут, но казалось, прошли часы.

Теперь на одной лошади сидели двое, а через седло другой был переброшен какой-то длинный предмет, завернутый в плед Фрэзера. Лошадям это не нравилось. Моя лошадь дергала головой, раздувала ноздри и в страхе косила глазом, когда лошадь с трупом Хью поравнялась с нами и пошла рядом. Джейми дернул поводья, что-то сердито сказал по-гэльски, и лошадь смирилась.

Джейми, сидевший за мной, поднялся в стременах и оглянулся назад, как будто подсчитывая членов своего отряда. Затем его рука обвилась вокруг моей талии, и мы отправились на север.

Мы скакали всю ночь, делая короткие остановки для отдыха. Во время одной из них, укрывшись под большим деревом конского каштана, Джейми потянулся, чтобы обнять меня, но вдруг остановился.

— В чем дело? — улыбнулась я. — Боишься поцеловать жену в присутствии своих людей?

— Верно, — согласился он. — Я вдруг испугался, что ты закричишь и вцепишься мне в лицо. — Смеясь, он дотронулся до царапин, оставленных Мэри на его щеке.

— Бедняга, — сказала я и расхохоталась. — Такого приема ты не ожидал, не так ли?

— Да нет, к тому времени я уже был к этому готов, — усмехнулся Джейми, взял две сосиски из гирлянды, висевшей на шее Муртага, и одну протянул мне. Я не могла вспомнить, когда ела в последний раз, должно быть, очень давно, потому что даже страх перед бутулизмом не помешал мне насладиться жирным, вкусным мясом со специями.

Все еще улыбаясь, Джейми покачал головой и проглотил кусок сосиски.

— А вот послушай. Еще подходя к дому, я уже примерно знал, где ты находишься — из-за решеток на окнах. — Он приподнял бровь. — Судя по этим решеткам, ты произвела на его светлость чертовски сильное впечатление.

— Должно быть, — коротко бросила я, не желая думать о герцоге. — Продолжай.

— Так вот, — сказал Джейми, откусывая еще один кусок и с видом знатока смакуя его, — комнату я знал, но мне нужен был ключ, верно?

— Ну да, ты и собирался рассказать мне, как раздобыл его.

Он проглотил кусок сосиски.

— Я раздобыл его у экономки, но не без трудностей. — Он осторожно дотронулся до живота, чуть ниже ремня. — Судя по всему, эту женщину уже несколько раз будили. И повторения она не жаждала.

— Ну еще бы, — сказала я, — наслаждаясь картиной, представившейся моему мысленному взору. — Но ты, осмелюсь предположить, свалился на нее как редкий, освежающий фрукт.

— Сомневаюсь, Саксоночка. Очень сомневаюсь. Она завизжала, как злой дух, и ударила меня ногами ниже пояса, а пока я стонал, сложившись пополам, она подлетела и замахнулась подсвечником — хотела размозжить мне голову.

— Ну и что же ты?

— Дал ей хорошего пинка — в тот момент ни о какой галантности я не думал — и связал завязками от ее чепца. Потом засунул ей в рот полотенце, чтобы не слышать, как она меня обзывает, обыскал комнату и нашел ключи.

— Прекрасная работа, — заметила я. — Но ты знал, где спит экономка?

— А я и не знал, — спокойно произнес он. — Мне сказала прачка, после того как я объяснил ей, кто я, и пригрозил изжарить ее на вертеле, если она мне не ответит. — Он криво улыбнулся. — Я ведь тебе говорил, Саксоночка, полезно иногда считаться варваром. Думаю, теперь все узнают о Рыжем Джейми Фрэзере.

— Да, если не знали, то узнают. — Я внимательно, насколько позволяли сгущающиеся сумерки, вгляделась в своего мужа. — А какой урон нанесла тебе прачка?

— Она вцепилась мне в волосы, — задумчиво сказал он. — Вырвала целый клочок, прямо с корнем. Вот что я тебе скажу, Саксоночка: если б мне пришлось когда-нибудь переменить род занятий, не думаю, что я связался бы с женщинами, которые плохо ко мне относятся, — было б чертовски трудно зарабатывать на жизнь.

Перед рассветом пошел снег, перемежающийся с дождем, а мы все ехали и ехали; наконец Эван Гибсон неуверенно остановил своего пони, неловко приподнялся на стременах и огляделся, затем указал на холм, возвышающийся по левую руку.

В такой темноте было невозможно подниматься наверх на лошадях. Мы спешили и, с трудом вытаскивая ноги из топкой грязи, повели их в поводу вдоль едва различимой тропы, вьющейся среди вереска и гранитных камней. На вершине холма мы остановились, чтобы перевести дух. Развиднелось, небо просветлело, но горизонт был затянут темными густыми облаками. Неизвестно откуда наползающие унылые серые сумерки сменили отступающую темноту ночи. Но теперь я, по крайней мере, могла разглядеть холодные ручейки, в которые проваливалась по щиколотку, и каменные завалы, на которых можно было подвернуть ногу.

У подножия холма стоял небольшой загон для скота и лепились шесть небольших домишек, хотя трудно было назвать домами эти грубо сколоченные строения, припавшие к стволам лиственниц. Соломенные крыши поднимались над землей лишь на несколько футов, из-под них проглядывали каменные стены.

Около одной из халуп мы остановились. Эван, как будто не зная, что делать, взглянул на Джейми, тот кивнул, мальчик быстро нагнулся и исчез под низкой кровлей. Я придвинулась к Джейми и положила свою руку на его.

— Это дом Хью Мунро, — вполголоса сказал он. — Я привез его домой, к жене. Парень пошел предупредить ее.

Я переводила взгляд с темной низкой двери на ужасный обвислый сверток, завернутый в плед, который мужчины снимали с лошади. Я почувствовала, как дрогнула рука Джейми. На мгновение он закрыл глаза, и его губы зашевелились, затем он шагнул вперед и подставил руки под тяжелый груз. Я глубоко вздохнула, убрала с лица волосы и вслед за Джейми шагнула под низкую притолоку.

В доме было не так ужасно, как я опасалась, хотя и весьма убого. Вдова Хью Мунро была довольно спокойна; опустив голову, она слушала слова соболезнования, которые произносил Джейми на мягком гэльском языке, по лицу ее ручьями текли слезы. Она повернулась было к пледу, укрывавшему тело, как будто хотела сдернуть его, но не решилась, одна рука ее так и замерла на изгибе смертного савана, другой она прижимала к себе маленького ребенка.

Около огня сбились в кучу несколько ребятишек — пасынки Хью, в грубо сколоченной люльке возле очага лежал спеленутый младенец. Глядя

на него, я почувствовала некоторое облегчение: по крайней мере, от Хью что-то осталось. Затем я обвела взглядом серые в тусклом свете лица детей, и в мою душу закрался ледяной страх. Как они выживут? Хью был их единственной опорой, Эван смелый и волевой мальчик, но ему не больше четырнадцати, следующий по возрасту ребенок — девочка лет двенадцати, что с ними теперь будет?

У женщины было усталое морщинистое лицо, зубов почти не осталось. Я вдруг с ужасом осознала, что она, по-видимому, очень ненамного старше меня. Женщина кивнула в сторону единственной кровати, и Джейми осторожно положил на нее тело, затем снова заговорил с ней по-гэльски; уставившись на страшный сверток на кровати, женщина безнадежно качала головой.

Джейми опустил на колени около кровати, склонил голову и положил одну руку на мертвое тело. Он говорил тихо, но так четко, что даже я при моем слабом знании гэльского понимала его слова.

— Клянусь тебе, друг, и призываю в свидетели всемогущего Бога. Во имя твоей любви ко мне никогда твои близкие не будут нуждаться, пока у меня есть чем с ними поделиться.

Он долго стоял на коленях, молча, не двигаясь; в хижине было тихо, лишь слабо потрескивал торф в очаге да монотонно стучал дождь по соломенной крыше. От дождя волосы Джейми потемнели, и капли влаги, словно драгоценные камни, сверкали в складках его пледа. Затем в последнем прощании он сжал руку в кулак и встал.

Джейми поклонился миссис Мунро и взял меня за руку. Мы уже собирались выходить, когда воловья шкура, висевшая на низком дверном проеме, отодвинулась, и я отступила назад, давая пройти Мэри в сопровождении Муртага. Вид у Мэри был растерянный, и выглядела она довольно странно: на плечи наброшен сырой плед, из-под оборки длинной ночной рубашки выглядывают грязные домашние тапочки. Завидев меня, она крепко прижалась ко мне, как бы благодаря за то, что я здесь.

— Я не хотела в-входить, — прошептала она, робко глядя на вдову Хью Мунро, — но Муртаг настоял.

Брови Джейми вопросительно поднялись, когда Муртаг почтительно кивнул миссис Мунро и сказал ей что-то по-гэльски. Маленький горец держался, как всегда, сдержанно и сурово, но сейчас, подумала я, в нем ощущается какое-то особое достоинство. Прямо перед собой он держал седельную сумку, чувствовалось, что в ней лежит что-то объемистое и тяжелое, наверное, прощальный подарок для миссис Мунро, подумала я.

Муртаг положил сумку на пол у моих ног, выпрямился и перевел

взгляд с меня на Мэри, потом посмотрел на вдову Мунро и, наконец, на Джейми, который, как и я, озадаченно смотрел на него. Убедившись таким образом, что внимание присутствующих ему обеспечено, Муртаг отвесил мне церемонный поклон, так что прядь мокрых темных волос упала ему на лоб, и с достоинством произнес:

— Я принес вам этот знак отмищения, мадам, — он выпрямился и по очереди наклонил голову в сторону Мэри и миссис Мунро, — и правосудия — за все зло, причиненное вам.

Мэри чихнула и торопливо вытерла нос углом своего пледа. В ее широко открытых глазах застыло недоумение. Я посмотрела вниз на тяжелую сумку и внезапно ощутила ужасный холод, не имеющий ничего общего с холодом на улице. Вдова Хью Мунро опустилась на колени, твердой рукой развязала сумку и вытащила из нее голову герцога Сандрингемского.

Глава 45

ПРОКЛЯТИЕ ВСЕМ РЭНДОЛЛАМ

Наш путь на север в Шотландию был долгим и мучительным. Мы боялись, что в нас узнают северных шотландцев, и потому нам все время приходилось скрываться и идти обходными путями. Не осмеливаясь ни купить, ни просить пищу, мы кое-как перебивались, воруя понемногу из оставленных без присмотра сараев или выкапывая в полях съедобные корни, которые мне изредка удавалось найти.

Медленно, очень медленно, но мы продвигались вперед. О шотландской армии было известно только то, что она находится где-то к северу от нас. Поэтому мы решили двигаться в сторону Эдинбурга, по крайней мере, сможем узнать о ходе кампании. Уже несколько недель до нас не доходило никаких новостей. Я узнала только, что осада Стирлингского замка провалилась; Джейми слышал, что битва при Фолкирке принесла победу шотландцам. Но что происходило потом?

Когда мы оказались на замощенной серым булыжником Роял-Майл, Джейми тут же поскакал в штаб-квартиру армии, а нас отправил на квартиру к Алексу Рэндоллу. Мы торопливо шли по улице, почти не разговаривая, боясь даже думать о том, что нас ждет.

Алекс был там. Когда мы вошли в комнату, у Мэри подкосились ноги, и она едва не упала у его кровати. Пробудившись от своей дремоты, Алекс недоумевающе моргнул, затем его лицо озарилось такой радостью, словно он увидел перед собой посланника самого Господа Бога.

— О Боже! — бормотал он, уткнувшись в ее волосы. — О Боже!.. Я думал... Я молился... Только бы еще раз увидеть тебя. Только раз. О милостивый Иисусе!

Просто отвернуться мне показалось недостаточно. Я вышла на лестничную площадку и полчаса просидела на лестнице, положив на колени свою усталую голову.

Решив, что приличия уже позволяют вернуться, я вошла в маленькую комнату, за несколько недель отсутствия Мэри снова ставшую серой и безрадостной. Я осмотрела его, мои руки осторожно скользили по истаявшей плоти. Странно, что он протянул так долго, все уже должно было кончиться.

Он увидел правду по моему лицу и ничуть не удивился:

— Я ждал, — еле слышно произнес он, в изнеможении откидываясь на

подушку. — Я надеялся... она придет еще раз. Я молился... Мои молитвы услышаны. Теперь я умру спокойно.

— Алекс! — Мучительный крик вырвался из груди Мэри, — казалось, его слова причинили ей физическую боль, но он улыбнулся и погладил ее руку.

— Дорогая, мы уже давно знаем об этом, — прошептал он. — Не отчаивайся. Я всегда буду с тобой, всегда буду любить тебя. Не плачь, любовь моя. — Мэри покорно вытерла порозовевшие щеки, но слезы продолжали литься из ее глаз. Несмотря на глубокую печаль, она никогда еще не была так хороша.

— Миссис Фрэзер, — сказал Алекс; было видно, что он собрал все свои силы, чтобы обратиться с просьбой, — я должен сказать... завтра... не могли бы вы прийти еще раз, со своим мужем? Это очень важно.

На мгновение я заколебалась. Что бы Джейми ни узнал, он собирался немедленно оставить Эдинбург, присоединиться к армии и найти своих людей. Но вряд ли один день может изменить исход войны, и я не устояла перед двумя парами молящих глаз.

— Мы придем, — сказала я.

— Я просто дурак, — ворчал Джейми, шагая по крутым, мощенным булыжником улицам к переулку, где снимал жилье Алекс Рэндолл. — Мы должны были уехать еще вчера, сразу, как только забрали у ростовщика твои драгоценности. Ты что, не знаешь, сколько миль до Инвернесса? Не знаешь, что у нас не лошади, а клячи?

— Знаю, — нетерпеливо сказала я. — Но я обещала. И если бы ты его видел... Ну, ладно, через минуту ты его увидишь и все поймешь.

— Гм... — Он придержал дверь и, уже не жалуясь, зашагал за мной по продуваемой сквозняками лестнице старого дома.

Мэри полулежала на кровати. Все еще одетая в свою замызганную дорожную одежду, она исступленно прижала Алекса к своей груди. Должно быть, она провела с ним всю ночь.

Завидев меня, Алекс мягко освободился от ее объятий и нежно погладил ее руки, обнимавшие его. Он слегка приподнялся, его лицо было блее простыни, на которой он лежал.

— Миссис Фрэзер, — сказал он, слабо улыбнувшись, его покрытое испариной лицо имело тот мертвенно-серый оттенок, который предвещает новый тяжелый приступ. — Вы так добры, что пришли. А ваш муж... Он с вами? — спросил Алекс, бросив взгляд в сторону коридора.

Как бы отвечая на вопрос, Джейми шагнул в комнату.

Мэри, отвлеченная от своей скорби нашим приходом, перевела взгляд

с меня на Джейми, встала и робко дотронулась до его руки.

— Я... вы... очень нужны нам, лорд Туарах. — Я думаю, ее заикание тронуло его больше, чем столь уважительное обращение. Его угрюмое лицо несколько смягчилось. Он вежливо наклонил голову.

— Милорд, я попросил вашу жену привести вас сюда. Как видите, я умираю. — Алекс приподнялся и сел на краю кровати. Из-под края изношенной ночной рубашки белели тонкие щиколотки, длинные изящные пальцы ног посинели — кровь уже плохо поступала в его конечности.

Я часто видела смерть, во всех ее формах, но такая была самой худшей и в то же время — самой высокой: человек мужественно встречал свою смерть, зная, что он умирает, что все усилия врачей напрасны. Напрасны или нет, но я порылась в своем чемоданчике и нашла дигиталис, приготовленный специально для него. У меня было несколько настоек различной крепости, целый набор коричневых жидкостей в стеклянных пузырьках. Я не колеблясь выбрала самую темную бутылочку — я слышала бульканье жидкости в его легких.

Конечно, дигиталис здесь был ни при чем, это его внутреннее состояние озарило его лицо таким светом, что казалось, под восковой кожей горит свеча. Я наблюдала это и раньше, когда человек — будь то мужчина или женщина — силой воли преодолевал на какое-то время немоту своего тела.

Я подумала: так, наверное, появляются привидения, когда сила воли и желаний продолжать земное существование преодолевают немощную плоть, уже неспособную удерживать жизнь. Не очень-то мне хотелось, чтобы призрак Алекса Рэндолла преследовал меня, и это была еще одна из причин, почему я заставила Джейми пойти со мной. И кажется, он меня понял.

— Слушаю вас, — мягко сказал Джейми. — Я понимаю, вы хотите о чем-то попросить меня.

Алекс кивнул, на минуту прикрыв глаза. Он поднял пузырек, который я дала ему, и выпил, поморщившись от горьковатого вкуса настойки. Затем открыл глаза и улыбнулся Джейми:

— Прошу вас только об одном снисхождении — побудьте здесь. Обещаю, я не задержу вас долго. Мы ждем еще одно лицо.

Пока мы ждали, я делала для Алекса все, что могла при данных обстоятельствах, — не очень много. Опять наперстянка и немного камфоры для облегчения дыхания. Казалось, после моих лекарств ему стало немного лучше, но, приставив свой самодельный стетоскоп к его впалой груди, я услышала такое прерывистое сердцебиение, что испугалась, как бы сердце

не остановилось сию минуту.

Мэри все это время держала его за руку, а он не отрывал от нее глаз, как бы пытаясь запомнить каждую черточку ее лица. Казалось почти неприличным находиться с ними в одной комнате.

Дверь распахнулась — на пороге стоял Джек Рэндолл. Какое-то мгновение он недоумевающе смотрел то на меня, то на Мэри, затем его взгляд упал на Джейми, и он словно окаменел. Джейми спокойно выдержал его взгляд, повернулся и кивнул на кровать.

Увидев изможденное лицо брата, Джек Рэндолл торопливо пересек комнату и опустился перед кроватью на колени.

— Алекс! — простонал он. — Бог мой, Алекс...

— Все в порядке, — ответил ему брат, хрупкими руками он обхватил голову Джека Рэндолла и попытался улыбнуться, чтобы приободрить его. — Все в порядке, Джонни, — повторил он.

Я нежно взяла Мэри за локоть и отвела ее от кровати. Кем бы ни был Джек Рэндолл, он имел право сказать своему брату несколько слов наедине. Помертвев от отчаяния, Мэри не сопротивлялась и отошла со мной в дальний конец комнаты, где я усадила ее на стул. Я отлила из кувшина немного воды и намочила свой платок. Я хотела, чтобы она вытерла им глаза, но она просто сидела, машинально комкая его в руках. Вздохнув, я взяла платок, обтерла ей лицо и, как могла, пригладила волосы.

Послышался негромкий клокочущий звук, я взглянула на Алекса. Джек все еще стоял на коленях, зарывшись лицом в одеяло. Алекс поглаживал его голову, держа Рэндолла за руку.

— Джек, — сказал он, — ты же знаешь, мне нелегко просить тебя об этом. Но ради твоей любви ко мне... — Он закашлялся, на щеках вспыхнули лихорадочные пятна.

Джейми и так был словно натянутая струна, но сейчас его тело напряглось еще более. Рэндолл тоже напрягся, как будто почувствовав взгляд Джейми, но не поднял головы.

— Алекс, — спокойно сказал он, положив руку на плечо младшего брата и как будто пытаясь облегчить его кашель, — не беспокойся. Ты же знаешь — тебе не нужно просить. Я сделаю все, что ты пожелаешь. Дело касается девушки? — Он посмотрел в сторону Мэри, но не смог заставить себя взглянуть ей в лицо.

Все еще кашляя, Алекс кивнул.

— Хорошо. — Джек придержал своего брата за плечи, чтобы помочь ему опуститься на подушку. — Не беспокойся.

Джейми посмотрел на меня широко открытыми глазами. Я медленно

покачала головой, чувствуя, как мурашки побежали у меня по спине. Все стало ясно: румянец на щеках Мэри, несмотря на все ее отчаяние, нежелание выйти замуж за богатого еврея из Лондона.

— Дело не в деньгах, — сказала я. — Она ждет ребенка. Он хочет... — Я остановилась, прочистила горло. — Я думаю, он хочет, чтобы вы женились на ней.

Алекс кивнул, не открывая глаз. Потом он тяжело вздохнул, открыл глаза, блестящие карие омуты уставились в недоумевающее лицо брата.

— Да, — сказал он. — Джон... Джонни, мне нужно, чтобы ты позаботился о ней вместо меня. Я хочу... чтобы мой ребенок носил имя Рэндолла. Ты сможешь... дать им определенное положение в обществе — гораздо большее, чем я. — Алекс протянул руку, Мэри схватила ее и словно залог жизни прижала к своей груди. Он нежно улыбнулся ей и коснулся ярких темных локонов, закрывавших ее лицо.

— Мэри, я хочу... ну, ты знаешь, чего я хочу, моя дорогая, — очень много. И о многом я сожалею, но не о нашей любви. Познав такую радость, я готов умереть, но стыд и позор, которые ждут тебя...

— Мне все равно! — воскликнула Мэри. — Пусть все знают!

— Но мне не все равно, — мягко сказал Алекс.

Он протянул руку своему брату, который принял ее после мгновенного колебания. Затем свел их руки, вложив руку Мэри в руку Рэндолла. Рука Мэри была безжизненной, рука Джека Рэндолла одеревеневшей, словно мертвая рыба, но Алекс крепко сжал их руки своими руками.

— Я отдаю вас друг другу, дорогие мои, — тихо произнес он, переводя взгляд с одного на другого. Ужас, растворившийся во всепоглощающей печали перед близкой разлукой, отразился на лицах обоих.

— Но... — Впервые за то время, что я знала его, Джонатан не мог найти слов.

— Хорошо... — Это был почти шепот. Алекс вздохнул, улыбнувшись своему брату. — У нас мало времени. Я сам поженю вас. Сейчас же. Вот для чего я попросил миссис Фрэзер привести сюда ее мужа. Вы не откажетесь быть свидетелем, сэр? — Он посмотрел на Джейми, тот после минутного замешательства как автомат кивнул.

Кажется, я никогда не видела сразу вместе трех, столь несчастных людей.

Так как Алекс был очень слаб, его брат с каменным выражением лица помог ему приладить к бледному горлу высокий белый воротничок. Джонатан и сам выглядел ненамного лучше. Он исхудал после болезни, лицо прорезали глубокие морщины, глаза ввалились — он выглядел

значительно старше своих лет.

Одетый, как всегда, безупречно, он был похож сейчас на грубо сделанный манекен с небрежно вырезанными из дерева чертами лица.

Что касается Мэри, она с несчастным видом сидела на постели, уткнувшись в складки своего плаща, растрепанные волосы наэлектризованы и торчат в разные стороны. Я сделала все, что могла: причесала ее, разгладила платье. Она сидела, всхлипывая, устремив глаза на Алекса.

Опершись рукой о бюро, Алекс порывлся в ящике и извлек большую книгу — «Молитвы на каждый день». Она была слишком тяжела, чтобы держать ее открытой перед собой. Он тяжело опустился на кровать, положил книгу на колени и открыл ее. Потом глубоко вздохнул и закрыл глаза, капля пота упала с его лица, оставив на странице мокрое пятно.

— Дорогие мои, — начал Алекс. Я надеялась, что ради самого себя, а также всех нас он выбрал самую короткую церемонию венчания.

Мэри перестала плакать, нос ее стал красным и блестел на бледном лице, на верхней губе собрались капельки пота. Джонатан заметил это, ни слова не говоря, вытащил из рукава большой белый платок и протянул Мэри.

Слегка кивнув и не глядя на Джонатана, она взяла платок и небрежно промокнула лицо.

— Согласна, — произнесла она в нужный момент, казалось совсем не вникая в смысл этого слова.

Джек Рэндолл произнес свое «да» твердым голосом, но как-то отстраненно. Странно было видеть пару, которая сочеталась браком, ничего не зная друг о друге, и чье внимание было целиком приковано к сидящему перед ними человеку и страницам его книги.

Итак, дело было сделано. Поздравления новобрачным были бы вряд ли уместны, в комнате воцарилась неловкая тишина. Джейми вопросительно посмотрел на меня, я пожала плечами. Сама я, выйдя за него замуж, тотчас же упала в обморок. Мэри, кажется, собиралась последовать моему примеру.

Церемония завершилась. Некоторое время Алекс сидел неподвижно. Потом он едва заметно улыбнулся и неторопливо обвел взглядом комнату, его глаза на мгновение задержались на каждом из нас — Джонатане, Джейми, Мэри и мне. Когда его взгляд остановился на мне, в глубине мягких карих глаз я заметила еще не погасшее пламя. Свеча почти сгорела, но фитиль вдруг вспыхнул, и пламя взметнулось вверх, яркое и сильное.

Алекс пристально посмотрел на Мэри, потом закрыл глаза, как будто

не в силах больше смотреть на нее, и я услышала медленные вдохи, прерывистые хрипы. Свеча погасла.

Не открывая глаз, он шарил вокруг себя рукой. Джонатан схватил ее, обнял брата за плечи и осторожно уложил на подушку. Длинные руки, белее рубашки, на которой они были сложены, и гладкие, как у мальчишки, беспокойно шевелились.

— Мэри, — прошептали посиневшие губы; она взяла его трепетные руки и прижала к своей груди.

— Я здесь, Алекс. О, Алекс, я здесь! — Она склонилась над ним, что-то бормоча ему на ухо. Это движение заставило Джонатана немного отступить от кровати. Он сделал шаг назад и с ничего не выражающим лицом застыл, уставясь в пол.

Тяжелые набрякшие веки еще раз приподнялись, на этот раз только наполовину, отыскивая чье-то лицо. И наконец он нашел его.

— Джонни, ты... так добр ко мне. Всегда, Джонни...

Мэри склонилась над ним, ее упавшие волосы закрыли его лицо. Джонатан Рэндолл, все с тем же каменным лицом, наблюдал за братом и своей женой. В комнате было тихо, лишь слышалось слабое потрескивание огня да приглушенные рыдания Мэри.

Я почувствовала прикосновение к своему плечу и подняла взгляд на Джейми.

— Останься с ней, — тихо сказал он. — Это ведь долго не продлится?

— Нет.

Он кивнул, глубоко вдохнул, медленно выдохнул и направился к Джонатану. Обняв его одной рукой, Джейми осторожно повернул застывшего Рэндолла к двери.

— Пошли, парень, — тихо сказал Джейми. — Я провожу тебя до дома.

Скрипнула перекошенная дверь — это вышел Джейми, сопровождая Джонатана Рэндолла туда, где ему предстояло провести в одиночестве первую брачную ночь.

Я закрыла за собой дверь нашей комнаты на постоялом дворе и без сил прислонилась к ней спиной. Темнело, с улицы доносились крики стражников.

Джейми стоял у окна, наблюдая за мной. Когда я вошла, то сразу, не успев снять плаща, очутилась в его крепких объятиях. Я прильнула к нему, благодарная за теплоту и силу, которые исходили от него. Он подхватил меня на руки и усадил на подоконник.

— Выпей, Саксоночка, — настоятельно сказал он. — Ты неважно выглядишь, да и неудивительно. — Он взял со стола флягу и что-то

добавил, оказалось, это бренди с водой, но воды там, можно сказать, и не было.

Я устало провела рукой по волосам. Мы пришли на Ледиуок-Винд сразу после завтрака, а сейчас было уже половина седьмого. Но мне показалось, что прошло уже несколько лет.

— Он не долго мучился, бедняга. Как будто бы только и ждал, когда о ней позаботятся. Я отправила посыльного в дом к его тетушке; тетушка и две кузины пришли и забрали ее. Они же позаботятся и о... нем. — Я с благодарностью глотнула бренди. Он обжег мне горло, в голове моей что-то завихрилось, словно туман над болотом, но мне было все равно.

— Ну, теперь мы, по крайней мере, знаем, что Фрэнк спасен, — сказала я, пытаюсь улыбнуться.

Джейми негодуяще посмотрел на меня, рыжие брови сошлись на переносице.

— Будь он проклят, этот Фрэнк! — с яростью произнес он. — Будь прокляты все Рэндоллы! Джек Рэндолл, Мэри Хоукинс Рэндолл и Алекс Рэндолл — гм, я имел в виду, Господи, спаси его душу, — торопливо добавил он, перекрестившись.

— Ты ведь никогда не ревновал... — начала было я, но он с возмущением посмотрел на меня.

— Я притворялся.

Джейми схватил меня за плечи и слегка встряхнул.

— Будь проклята и ты, Клэр Рэндолл Фрэзер, — сказал он. — Да, я ревную, черт побери! Ревную к каждому воспоминанию, которое не принадлежит мне, к каждой слезинке, которая пролита не надо мной, к каждой секунде, которую ты провела в постели другого! Будь ты проклята! — Он вышиб стакан у меня из рук — я думаю, случайно, — прижал меня к себе и крепко поцеловал. Потом слегка отстранил и снова встряхнул. — Ты моя, черт тебя побери, Клэр! Моя, и до тех пор, пока мы живы, я не собираюсь делить тебя ни с человеком, ни с памятью, ни с чем-либо еще. И ты никогда не будешь упоминать при мне имя этого человека. Слышишь? — В подтверждение своих слов он снова с яростной силой поцеловал меня. — Ты меня слышала? — повторил он.

— Да, — несколько запинаясь, сказала я. — Если ты... перестанешь меня трясти, я, может быть... даже отвечу тебе.

Он покорно отпустил меня:

— Извини, Саксоночка. Это только... Боже, ну почему ты... да, да, понимаю... но разве ты должна... — Чтобы прервать этот бессвязный поток, я положила руку ему на голову и притянула его к себе.

— Да, — твердо сказала я, отстранив его. — Должна была. Но теперь все кончено. — Я развязала завязки своего плаща, и он упал на пол. Джейми наклонился, чтобы поднять плащ, но я его остановила:

— Джейми, я так устала, ты не отнесешь меня на кровать?

Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул, глядя на меня усталым, напряженным взглядом.

— Да, — сказал он наконец. — Да, конечно.

Вначале он был молчалив и резок, отголоски недавнего гнева обостряли его чувства.

— Ох! — в какой-то момент вскрикнула я.

— Боже, прости меня, любимая, но я не могу...

Я остановила поток его извинений, крепко прижавшись к его губам, чувствуя, как исчезает между нами минутное отчуждение, как растет взаимная нежность. Он целовал и целовал меня, кончик его языка нежно ласкал мои губы. Я коснулась его языка своим и обхватила его голову. Он не брился со вчерашнего дня, и его рыжая щетина приятно покалывала мои пальцы.

Он улегся рядом со мной, осторожно, на бок, чтобы не раздавить меня своим большим телом, и мы долго лежали так, прижимаясь друг к другу, и только наши языки вели нежный молчаливый разговор.

Живы и одни. Одни. И пока мы любим, смерть никогда нас не коснется. Алекс Рэндолл лежит в своей холодной постели, Мэри Рэндолл — в одинокой своей. Но мы здесь, и мы вместе, и это самое главное, нет ничего важнее этого.

Он обхватил мои бедра и притянул меня к себе, его большие руки ласкали меня, и дрожь, которая прошла по моему телу, бросила его ко мне, и мы стали единой плотью. Я проснулась ночью, все еще в его объятиях, и почувствовала, что он не спит.

— Спи, любимая. — Голос у него был нежный, спокойный и ровный; но, дотронувшись до его щеки, я почувствовала, что она была влажной.

— В чем дело, любимый? — прошептала я. — Джейми, я правда очень люблю тебя.

— Знаю, — тихо сказал он. — И пока ты спишь, позволь мне рассказать тебе о моей любви. Потому что, когда ты просыпаешься, я ничего не могу сказать — мне кажется, все мои слова кажутся тебе пустыми и глупыми. Но когда ты засыпаешь в моих объятиях, твои сновидения скажут тебе, что я говорю правду. Спи, моя любимая.

Я повернула голову так, чтобы мои губы касались его горла, там, где под маленьким треугольным шрамом медленно бился его пульс. Затем

положила голову ему на грудь и отдала свои сновидения в его власть.

Глава 46

TIMOR MORTIS CONTUR BAT ME [\[10\]](#)

По мере того как мы все дальше продвигались на север вслед за отступающей шотландской армией, нам все чаще и чаще встречались люди. Одни, спотыкаясь, брели небольшими группками, низко опустив голову под злым, холодным дождем. Другие скорчились в канавах и под изгородями, слишком усталые, чтобы идти. Вдоль всей дороги было разбросано оружие и снаряжение; там лежал перевернутый обоз, вокруг которого валялись в лужах мешки с мукой, тут виднелась пара пушек, стволы которых матово поблескивали в тени дерева.

Погода стояла отвратительная, и это нас сильно задерживало. Было тринадцатое апреля; меня не покидало гнетущее ощущение чего-то ужасного. По словам одного из Макдоналдов, которого мы встретили на дороге, лорд Джордж и главарь кланов, а также принц и его советники все находились в Каллоден-Хаус или где-то около. Больше он не знал ничего, мы не стали его задерживать, и вскоре этот человек, двигаясь словно зомби — неуверенно и спотыкаясь на каждом шагу, — исчез в тумане. Питание стало еще более скудным, чем месяц назад, когда я была захвачена англичанами; дела явно шли от плохого к худшему. Люди, которые нам попадались, едва переставляли ноги, изнуренные голодом и трудной дорогой. И все же, повинуясь приказу принца, они упорно двигались на север, к тому месту, которое по-шотландски называлось Друмосское болото, по направлению к Каллодену.

В одном месте дорога оказалась такой разъезженной и вязкой, что наши усталые пони не смогли дальше идти. Чтобы снова выбраться на дорогу, нам предстояло примерно полмили брести краем небольшого леса по мокрому весеннему вереску.

— Через лес будет быстрее, — сказал Джейми, беря поводья из моей онемевшей руки. Он кивнул в сторону небольшой купы сосен и дубов, откуда долетал сладковатый холодный запах мокрых листьев, устилавших влажную землю. — Иди этой дорогой, Саксоночка, встретимся на другой стороне.

Я слишком устала, чтобы спорить. Вытаскивать одну ногу и ставить ее перед другой требовало огромных усилий, шагать по мягкой подстилке из листьев и опавших иголок было куда легче, чем идти по тонкому

предательскому вереску.

В лесу было тихо, огромные раскинувшиеся высоко над моей головой хвойные лапы смирjali порывы ветра. Дождь мягко стучал по толстому упругому слою дубовых листьев, которые даже в дождливую погоду шуршали и потрескивали у меня под ногами.

Он лежал всего в нескольких футах от края леса, рядом с большим серым валуном, поросшим светло-зеленым лишайником. Лишайник был такого же цвета, что и его плед, коричневые клетки которого сливались с опавшими листьями, покрывавшими его. Он казался неотъемлемой частью леса, я бы споткнулась об него, если бы мне не бросились в глаза какие-то пятна блестящей голубизны.

Мягкая, как бархат, странная плесень покрывала его обнаженные белые конечности. Она проходила по изгибам костей и сухожилий, образовывала небольшие трепещущие отростки, подобно травам и деревьям, которыми зарастают бесплодные земли. Она была сияющей, живой, трепещущей и ни на что не похожей. Я никогда такого не видела, но слышала об этом от одного старого солдата, который сражался еще в окопах Первой мировой войны.

«Мы называли это трупный цветок, — рассказывал он мне. — Вы не увидите его нигде, только на поле битвы — на мертвом человеке. — Глаза, выглядывавшие из-под белой повязки, озадаченно смотрели на меня. — Интересно, где он прячется, когда нет войн?»

Наверное, его поры рассеяны в воздухе и только ждут своего часа, подумала я. Голубизна была сверкающей, совершенно необычной, яркой, как цветок вайды, соком которой предки этого человека разрисовывали себя перед битвой.

Легкий ветерок пронесся по лесу, прошелестел в волосах убитого. Они зашевелились и поднялись, безжизненные и шелковистые. Рядом со мной захрустела листва, я вздрогнула и оторвала взгляд от трупа.

Рядом со мной стоял и смотрел вниз Джейми. Он ничего не сказал, просто взял меня за локоть и вывел из леса, где остался лежать мертвец, поросший голубыми нитями войны и самопожертвования.

Мы прибыли в Каллоден-Хаус до обеда пятнадцатого апреля, почти загнав себя и своих лошадей. Мы подошли к нему с юга, пройдя через скопление всевозможных мелких домишек. На дорогах царила суматоха, почти безумие, а конюшенный двор был на удивление пуст.

Джейми спешил и протянул поводья Муртагу.

— Подожди минутку, — сказал он, — по-моему, здесь что-то не так.

Муртаг взглянул на дверь конюшни, стоящей чуть в стороне, и кивнул.

Фергюс, сидевший позади маленького шотландца, тоже спешил и хотел было последовать за Джейми, но Муртаг остановил его, коротко сказав что-то.

Окостеневшая после долгой езды, я тоже сошла с лошади и, утопая в грязи, последовала за Джейми. Что-то и вправду было не так. Но только когда мы вошли в конюшню, я поняла, что насторожило Джейми — удивительная, глубокая тишина.

Внутри было тихо, холодно и сумрачно, без привычных для конюшни тепла и звуков. И вдруг в темноте зашевелилась какая-то тень — слишком большая для крысы или лисицы.

— Кто там? — спросил Джейми, автоматически шагнув вперед, чтобы заслонить меня. — Алек, это ты?

С сена медленно поднялась голова, плед соскользнул назад. Главный конюх Леохского замка имел всего один глаз, другой, закрытый черной тряпкой, он потерял много лет тому назад, но и этого единственного глаза ему всегда хватало с лихвой. Быстрый, ярко-голубой, он замечал все и заставлял всех повиноваться ему — лошадей и конюших, грумов и наездников.

Сейчас глаз Алека Макмахона Макензи был мутным, словно запыленный сланец. Большое сильное тело скрючилось, щеки ввалились от голода.

Зная, что в сырую погоду старик страдал от артрита, Джейми присел возле него, чтобы не заставлять его вставать.

— Что произошло? — спросил он. — Мы только что приехали. Что здесь случилось?

Старому Алеку потребовалось немало времени, чтобы понять вопрос, собраться с мыслями и облечь их в слова, глухо прозвучавшие в тишине, которая окутала пустую, темную конюшню.

— Все пошло в котел, — сказал он. — Они ушли в Неирн два дня назад, а вчера вернулись. Его высочество сказал, что они станут у Каллодена; лорд Джордж сейчас там, с войском, которое успел собрать.

При слове «Каллоден» я не могла сдержать слабый стон. Значит, они здесь. И после всего, что нам пришлось вытерпеть, мы тоже здесь.

Дрожь прошла по телу Джейми; я видела, как поднялись рыжие волосы на предплечье, но его голос звучал спокойно и ровно:

— Войско... но у них нет провизии, чтобы сражаться. Разве лорд Джордж не понимает, что людям нужно отдохнуть и подкормиться?

Старик Алек издал звук, отдаленно напоминающий смех.

— Что понимает его светлость, ничего не значит, парень. Армией

командует его высочество. И его высочество говорит, мы должны выступить против англичан у Друмосси. А насчет пищи... — Брови старика, когда-то густые и кустистые, побелели за последний год и проросли грубым волосом. Сейчас одна бровь приподнялась, с трудом, будто бы и это движение было для него непомерно трудным. Одна рука с искривленными болезнью пальцами зашевелилась и указала в сторону пустых стойл.

— В прошлом месяце они съели всех лошадей, — просто сказал он. — Правда, их было немного.

Джейми резко поднялся и прислонился к стене, втянув голову в плечи. Лица его не было видно, но тело одеревенело, словно стены конюшни.

— Так... — произнес он наконец. — Так... А мои люди — они получили причитающуюся им порцию? Донас... он был... крупный конь. — Джейми говорил спокойно, но по внезапно прояснившемуся выражению единственного глаза Алека я поняла, что он, как и я, почувствовал, какие усилия прилагает Джейми к тому, чтобы голос его не дрожал. Скрюченное тело с трудом поднялось с сена, на трясущихся ногах старик осторожно направился к Джейми. Он подошел к нему вплотную и положил руку на плечо Джейми; больные пальцы не сгибались, но рука успокаивала своей тяжестью.

— Донаса не тронули, — тихо сказал он. — Они сохранили его для принца... для его победного возвращения в Эдинбург. О'Салливан сказал... негоже будет его высочеству идти пешком.

Джейми закрыл лицо руками и стоял покачиваясь возле пустого стойла.

— Я — дурак, — проговорил он наконец, с трудом переводя дыхание. — О Боже, какой же я дурак. — Он уронил руки, по его щекам текли слезы, оставляя на них грязные полосы. Он вытирал их тыльной стороной ладони, но слезы продолжали струиться из его глаз, словно он совершенно потерял над собой контроль. — Дело Стюартов проиграно, мои люди уведены на смерть, в лесу гниют трупы убитых, а я стою здесь и рыдаю о лошади! О Боже! — прошептал он, качая головой. — Какой же я дурак!

Старый Алек тяжело вздохнул, его ладонь скользнула по руке Джейми.

— Это хорошо, парень, что ты можешь плакать, — сказал он. — Я уже не плачу.

Старик неловко подогнул в колене одну ногу и снова опустился на сено. Какое-то время Джейми стоял неподвижно, глядя на старого Алека. Слезы все еще бежали по его лицу — словно дождь, омывающий

отполированные грани скалы. Затем он взял меня за локоть и, не говоря ни слова, повел из конюшни.

Когда мы были у двери, я обернулась. Алек все еще сидел неподвижно — темная, сгорбленная фигура, закутанная в плед, единственный глаз невидяще устремлен в темноту.

Люди разбрелись по всему дому; усталые до изнеможения, они искали хоть какого-нибудь забвения — от сосущего голода, от сознания полной и необратимой катастрофы. Женщин здесь не было; те военачальники, которых сопровождали женщины, давно их отпустили — слишком неясным было будущее.

Что-то проворчав, Джейми оставил меня у двери, которая вела во временное жилище принца. Мое присутствие ничего не меняло. Я медленно бродила по дому, слушая тяжелое дыхание спящих мужчин, ощущая густой запах тупого отчаяния, витавший над всеми ними. Наверху я нашла маленький чуланчик, заваленный ненужной поломанной мебелью, но, по крайней мере, он был необитаем. Я пробиралась между этим хламом, чувствуя себя маленьким зверьком, ищущим убежища от мира, в котором разыгрались огромные разрушительные силы.

В единственное крошечное оконце вползало серое туманное утро. Я протерла его полкой своего плаща, но сквозь густой туман ничего не было видно. Я прижалась лбом к холодному стеклу и затихла. Где-то там было поле битвы, но я не видела ничего, кроме собственного отражения.

Я знала, что известие о таинственной и страшной кончине герцога Сандрингемского уже дошло до принца Карла; мы слышали об этом почти от каждого, кто встречался нам во время нашего продвижения на север, и потому без всяких опасений могли теперь появиться и сами. Интересно, что же мы сделали, спрашивала я себя. Погубили в ту ночь дело якобитов или, сами того не ведая, спасли Карла Стюарта от английской ловушки? Дрожащим пальцем я вывела на мутном стекле знак вопроса — еще один вопрос, на который я никогда не найду ответа.

Прошло немало времени, прежде чем я услышала шаги на не покрытых ковром ступеньках лестницы, ведущей к моему убежищу. Я подошла к двери и увидела на лестничной площадке Джейми. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы все понять.

— Алек был прав, — заявил он без всяких предисловий. От голода черты его лица обострились, чувство гнева, владеющее им сейчас, придавало им еще больше резкости. — Войска продвигаются к Каллодену — насколько они вообще в силах двигаться. Люди уже два дня не спали и не ели, нет снарядов для пушек, но они идут. — Джейми вдруг взорвался

гневом и с силой ударил кулаком по шаткому столику — стопка медных тарелок с гулким звоном упала на пол, эхо разнеслось по всему чердаку.

Нетерпеливым жестом он выхватил кинжал и яростно вонзил его в стол. Кинжал стоял, раскачиваясь от силы удара.

— Говорят, если увидишь кровь на своем мече, это означает смерть. — Он тяжело дышал, упираясь кулаками в стол. — А я ее видел! И они тоже видели. Килмарнок, Лохил и другие. И это ничему их не научило! Ничему!

Опершись руками о стол, Джейми склонил голову, не сводя глаз с кинжала. Он казался слишком большим для этой комнатухи, тлеющий в нем гнев, казалось, был готов вырваться ярким пламенем. Но вместо этого он махнул рукой, опустился на ветхий диванчик и сидел, обхватив голову руками.

— Джейми, — сказала я и сглотнула. У меня не было сил произнести те слова, которые я должна была произнести. Я догадывалась, какую новость он принесет, и все продумала заранее. — Джейми, — снова начала я. — Есть только один выход, один-единственный.

Он сидел, склонившись над столом, положив голову на руки. Не глядя на меня, он покачал головой:

— Выхода нет. Он стоит на своем. Муррей не раз пытался образумить его. Лочизель тоже. И Балмерино. И я. Но в этот час люди уже вышли на равнину. Камберленд отправился в Друмосси. Выхода нет.

Искусство врачевания — могущественное искусство. Любому лекарю известны те вещества, которые дают выздоровление, и те, что приносят вред. Я дала Коламу цианид, которым он не успел воспользоваться, и потом потихоньку забрала смертельный флакончик с прикроватного столика. И теперь он лежал в моей медицинской сумке — маленькие, коричневатобелые кристаллы, совершенно невинные на вид.

Во рту у меня так пересохло, что мне не сразу удалось заговорить. В моей фляге осталось немного вина, я выпила его. Оно показалось горьким, как желчь.

— Есть выход, — сказала я. — И только один.

Джейми понурился еще больше. Усталость от долгой скачки, потрясение, пережитое им после разговора с Алеком, — было от чего прийти в уныние. Мы вернулись и нашли здесь его людей, по крайней мере большинство из них. Жалкие, оборванные, они были неотличимы от других скелетов Ловата Фрэзера, окружавших его. После встречи с Карлом я поняла, что надежд не осталось.

— И какой же? — спросил Джейми.

Я колебалась, но говорить было надо. Я не могла не упомянуть об этой

единственной возможности; он или я могли бы разрешить это дело, а может быть, и нет.

— Это Карл Стюарт, — сказала я наконец, — в нем все дело. Война, предстоящая битва, понимаешь ли, — все зависит от него.

— Неужели? — Налитые кровью глаза насмешливо взглянули на меня.

— Если бы он умер... — прошептала я наконец.

Глаза Джейми закрылись, кровь отхлынула от лица.

— Если бы он умер... сейчас. Сегодня. Или завтра. Джейми, без Карла не за что сражаться. Некому посылать людей в Каллоден. Без него не будет битвы.

Джейми сглотнул, мускулы на его шее дрогнули. Он открыл глаза и, пораженный, уставился на меня.

— Боже, — прошептал он. — Боже, ты ведь не это имеешь в виду...

Моя рука сжала дымчатый драгоценный камень у меня на шее.

Перед Фолкирком О'Салливан, Туллибардин и другие пригласили меня осмотреть принца. Его высочество был нездоров — простое недомогание, сказали они. Я осмотрела Карла, заставив его обнажить грудь и руки, проверила состояние рта и белки глаз.

У него была цинга и еще несколько других заболеваний — результат плохого питания. Я сказала все как есть.

«Чепуха! — возмутился Шеридан. — Его высочество не может плохо питаться, он не какой-нибудь простой крестьянин!»

«Но ест он, как они, — возразила я. — И даже хуже».

«Простой крестьянин», за неимением ничего другого, вынужден был есть лук и капусту. Презируя такую убогую пищу, его высочество и его приближенные ели только мясо и больше, можно сказать, ничего. Обводя взглядом испуганные, возмущенные лица, я заметила только нескольких человек, на которых не ощущался недостаток свежей пищи. Гнилые и выпавшие зубы, рыхлые кровоточащие десны, зудящие фолликулы, которые щедро украшали бледную кожу его высочества.

Мне ужасно не хотелось расставаться с моими драгоценными запасами шиповника и сушеных ягод, но все же я предложила принцу делать из них чай. Но мое предложение было, чуть ли не грубо, отвергнуто, и, как я поняла, тут же был вызван Арчи Камерон с кувшином пива и ланцетом, чтобы посмотреть, не поможет ли кровопускание уменьшить королевский зуд.

— Я могла бы сделать это, — сказала я. Сердце мое билось так, что мне трудно было дышать. — Я могу подмешать ему это в лекарство. Думаю, мне удастся убедить его выпить.

— А если он выпьет твоё лекарство и сразу умрет? Боже, Клэр! Они убьют тебя на месте!

Чтобы хоть немного согреться, я обхватила себя руками.

— Какое это имеет значение? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. Это была правда. Что значила сейчас моя жизнь по сравнению с сотнями жизней, которые я могла спасти? Я сжала кулаки, дрожа от ужаса, словно мышь в мышеловке.

Джейми тут же поспешил ко мне. Ноги меня не слушались. Он помог мне добраться до старой кушетки и усадил на нее, крепко обняв за плечи.

— У тебя мужество львицы, моя дорогая, — шептал он мне на ухо. — Или медведицы, или волчицы! Но ты же знаешь: я не позволю тебе сделать это.

Дрожь постепенно унялась, но мне по-прежнему было холодно, от ужаса перед тем, что я сказала, меня подташнивало.

— Есть еще один способ. Еды в доме мало, и она вся поступает на стол принца. Я думаю, нетрудно будет незаметно добавить что-нибудь ему в блюдо. Здесь такая неразбериха...

Это была правда. Офицеры спали по всему дому — на полу и на столах, прямо в обуви, слишком усталые, чтобы снять оружие. В доме царил хаос. Кто-то постоянно приходил и уходил. Было бы нетрудно вечером отвлечь слугу и добавить смертельный порошок в еду Карла.

Внезапно нахлынувший ужас медленно рассеивался, но мое страшное предложение, леденя мне кровь, действовало словно яд — медленно, постепенно. Рука Джейми, крепко обнимавшая меня, опустилась — он задумался над моим предложением.

Со смертью Карла Стюарта восстание не прекратится — дело зашло слишком далеко. Лорд Джордж Муррей, Балмерино, Килмарнок, Клэнренглад, Лочиэль — все мы были предателями, которым предстояло поплатиться перед королевской короной жизнью и имуществом. Шотландская армия была разбита в пух и прах. Без фигуры Карла, объединяющего всех, она рассеется как дым. Англичане, униженные и понесшие большие потери под Престоном и Фолкирком, без сомнения, начнут преследовать дезертиров, искать возможность восстановить свою поруганную честь и смыть позор кровью.

Маловероятно, что благочестивый Генри Йоркский, младший брат Карла, крепко связанный церковными обетами, займет место своего брата, чтобы продолжить борьбу за реставрацию. Впереди — ничего, кроме полной катастрофы, ее не отворотить. Единственное, что можно сейчас спасти, — жизни людей, которым завтра предстояло умереть на болотах.

Именно Карл выбрал Каллоден местом решающего сражения, именно Карл со своим упрямством и близорукостью, отклонив все советы своих генералов, пошел завоевывать Англию. Собирался ли Сандрингем поддерживать шотландскую армию — это умерло вместе с ним. Со стороны Юга поддержки не было, английские якобиты не собирались, как то ожидалось, вставать под знамя своего короля. Вынужденный отступить, Карл занял жесткую позицию и разместил свою плохо вооруженную, измученную, голодающую армию на пропитанных кровью болотах, лицом к лицу с яростным огнем пушек Камберленда. Если Карл умрет, битва на Каллодене не состоится. Одна жизнь против двух тысяч жизней. Одна жизнь, королевская, и не в пылу битвы, а хладнокровное расчетливое убийство.

В маленькой комнате, где мы сидели, был очаг, но огня в нем не было — не нашлось топлива. Джейми сидел молча, уставясь в очаг, словно искал ответа в невидимом пламени. Убийца... Не просто убийца, но цареубийца. Убийца своего давнего друга.

И все же, пока разрабатываются, пересматриваются, согласовываются планы битвы, пока подтягиваются новые силы, шотландцы уже дрожат на открытом болоте, переминаясь в сомкнутых рядах. Среди них люди Макензи из Леоха, Фрэзера из Биали, четыреста соплеменников Джейми. И тридцать человек из Лаллиброха, его собственные люди.

Джейми думал. Его лицо окаменело, он был бледен, сложенные на коленях руки крепко сжаты, пальцы переплетены. Я сидела рядом, боясь вздохнуть, и ожидала его решения.

Наконец он еле слышно вздохнул и повернулся ко мне, в его глазах была неизбывная печаль.

— Я не могу, — прошептал он. Его рука коснулась моего лица, погладила по щеке. — Видит Бог, Саксоночка, не могу.

Я почувствовала такое облегчение, что на мгновение потеряла дар речи, но он понял, что я чувствую, и сжал мои руки.

— Слава Богу, Джейми, я так рада, — прошептала я. Он склонился над моими руками. Я прижалась щекой к его голове и замерла.

В дверях с выражением крайнего отвращения на лице стоял и смотрел на меня Дугал Макензи.

Последние месяцы состарили его — смерть Руперта, бессонные ночи, проводимые в бесполезных спорах, напряжение трудной кампании, а теперь еще и горечь предстоящего поражения. В его густой бороде появились седые волосы, кожа приобрела землистый оттенок, на лице прорезались глубокие морщины, которых не было в ноябре.

Содрогнувшись, я заметила, как сильно он похож на своего брата, Колама. Он хотел главенствовать, Дугал Макензи. Теперь он получил то, что хотел, и платил за это.

— Грязная предательница... развратница... ведьма!

Джейми подскочил как ужаленный, лицо его стало белым, как снежная заметь на улице. Я вскочила на ноги, перевернув скамью с грохотом, эхом раскатившимся по комнате.

Дугал Макензи медленно приближался ко мне, отводя в сторону полы своего плаща, пока рукоятка кинжала не оказалась прямо под его рукой. Я не слышала, как открывалась дверь, должно быть, она была отворена. Сколько же времени он стоял здесь и слушал?

— Ты, — тихо произнес он. — Я должен был бы это знать. С первого раза, как увидел тебя. — В темной зеленой голубизне его глаз, устремленных на меня, стоял ужас, смешанный с яростью.

Я уловила за своей спиной какое-то движение. Это Джейми положил руку мне на плечо, заставляя отступить назад.

— Дугал, — сказал он, — это не то, что ты думаешь. Это...

— Не то? — прервал его Дугал. На мгновение он отвел от меня взгляд, и я нырнула за Джейми, благодаря судьбу за передышку.

— Не то, что я думаю? — все еще не повышая голоса, переспросил он. — Я слышал, как эта женщина подстрекала тебя к гнусному убийству — к убийству твоего принца! Это не только подлое убийство, но и измена! А ты мне говоришь, что я ослышался? — Дугал тряс головой, его спутанные рыжеватые волосы, грязные и сальные, разметались по плечам. Как и все мы, он голодал; лицо было осунувшимся, но глаза яростно пылали в темных глазницах.

— Я не виню тебя, парень, — сказал он. В его голосе вдруг послышалась усталость, и я вспомнила, что ему уже за пятьдесят. — Это не твоя вина, Джейми. Она околдовала тебя. Все это видят. — Он взглянул на меня, и его рот снова искривился. — Я понимаю, как она тебя обработала. Как-то она попробовала свои колдовские чары и на мне. — Его глаза горели ненавистью. — Лгунья, погубительница, шлюха, такая, как она, берет мужчину за кукан, вонзает свои когти в его яйца и ведет его к гибели. Так она заколдовала и тебя. Заманила в свою постель и, пока ты лежал на ее груди, украла твою душу. Похищают души и пожирают мужские достоинство, Джейми!

Макензи, все еще не спуская с меня глаз, облизнул губы и сжал рукоятку кинжала.

— Отойди в сторону, паренек. Я освобожу тебя от этой английской

суки.

Джейми моментально стал передо мной, спрятав меня от взгляда Дугала.

— Ты устал, Дугал, — сказал он спокойным, успокаивающим тоном. — Устал и слышишь то, чего нет. А теперь иди вниз. Я...

Но закончить он не успел. Устремив на меня взгляд своих глубоко посаженных зеленых глаз, предводитель клана Макензи вытащил из ножен, висевших у пояса, свой кинжал.

— Я перережу тебе горло, — тихо сказал он мне. — Нужно было сделать это сразу, когда я впервые увидел тебя. Это избавило бы нас всех от больших бед.

Я бы не сказала, что он был полностью неправ, но я не собиралась позволить ему уладить дело таким образом. Я сделала три шага назад и уперлась спиной в стол.

— Отойди, человек! — Джейми бросился вперед и поднял руку, преграждая Дугалу путь.

Макензи, набычившись, тряхнул головой и уставился на меня налитыми кровью глазами.

— Она моя, — хрипло произнес он. — Ведьма. Предательница. Отойди в сторону, парень. Я не причиню тебе зла, но, Бог свидетель, если ты будешь защищать ее, я убью тебя и не посмотрю, что ты мой приемный сын.

Изловчившись, он обогнул Джейми и схватил меня за руку. Усталый, изголодавшийся и немолодой, он все еще был чудовищно силен, и пальцы его словно клещи впились в мою руку.

Я вскрикнула от боли и, когда он стал тащить меня, яростно набросилась на него. Он вцепился мне в волосы, голова моя резко запрокинулась, и я почувствовала на своем лице горячее прокисшее дыхание. Я закричала и, пытаясь вырваться, вцепилась ногтями ему в лицо.

Джейми ударил его под ребра, и Дугал задохнулся, второй оглушительный удар Джейми пришелся ему на плечо, и он выпустил мои волосы. Неожиданно получив свободу, я снова упала на стол, всхлипывая от боли и потрясения.

Дугал резко повернулся к Джейми, принял борцовскую стойку и поднял над головой кинжал.

— Что ж, пусть будет так, — сказал Дугал, тяжело дыша. Он медленно раскачивался из стороны в сторону, как бы выжидая удобного случая. — Пусть говорит кровь. Ты — отродье проклятого Фрэзера. Предательство сидит в твоём сердце. Иди сюда, иди ко мне, молокосос. Во имя твоей

матери я убью тебя быстро.

В маленькой комнате было слишком мало места для маневрирования. Меч здесь не выхватишь, а кинжал крепко сидел в столе — Джейми был безоружен. Ой принял ту же позу, что и Дугал, и замер, не сводя взгляда с угрожающего лезвия.

— Положи его, Дугал, — сказал он. — Если ты еще помнишь мою мать, положи его. Ради нее!

Макензи не ответил, подняв кинжал вверх, он сделал неожиданный выпад. Джейми увернулся, потом, спасаясь от смертельного удара, снова метнулся в сторону. На стороне Джейми были быстрота и ловкость, на стороне Дугала — кинжал.

Дугал быстро наклонился вперед и нанес удар, лезвие скользнуло по боку Джейми, прорезав рубашку и оставив темный след на его ноге. Вскрикнув от боли, Джейми схватил Дугала за руку и рванул ее так, что кинжал упал на пол.

Тусклое лезвие сверкнуло и исчезло между двумя сцепившимися телами. Они боролись, прижавшись друг к другу, словно любовники, в воздухе стоял запах ярости и мужского пота. Лезвие кинжала снова взметнулось вверх, две руки ухватились за круглую рукоять. Бросок, толчок, напряженный вскрик, один из них — крик от боли. Дугал отступил назад, зашатался, лицо его было покрыто потом и кровью, в горле торчала рукоятка кинжала.

Джейми, задыхаясь, оперся о стол — ноги не держали его, в глазах стоял ужас, волосы слиплись от пота, порванная рубашка пропиталась кровью.

Послышался короткий вскрик и хриплый выдох. Дугал зашатался, Джейми успел поддержать его, но под тяжестью грузного тела упал на колени. Голова Дугала лежала на плече Джейми, руки обнимали приемного отца.

Я опустилась на колени рядом с ними, пытаюсь помочь Дугалу. Но было поздно. Крупное тело, обмякло, дернулось и, выскользнув из рук Джейми, скрючилось на полу. Мускулы его непроизвольно дергались, борясь за жизнь, — он напоминал рыбу, вынутую из воды.

Голова Дугала лежала на коленях у Джейми. В какое-то мгновение, когда он приподнялся, я увидела его лицо — искаженное, багровое, с глазами, превратившимися в щелочки. Его рот конвульсивно раскрылся, яростно выпихивая какие-то слова, но из распоротого горла вырвались лишь прерывистые, хлюпающие звуки. Лицо Джейми было пепельным, по-видимому, он знал, что пытался сказать Дугал. Он изо всех сил старался

удержать бьющееся в конвульсиях тело. Но вот Дугал дернулся последний раз, послышался страшный хрип, и Дугал Макензи затих; руки Джейми крепко держали его за плечи, как будто хотели помешать ему снова подняться.

— Святой Майкл, защитите нас! — послышался у двери хриплый шепот. Это был Уилли Коултер Макензи, один из людей Дугала. Он в ужасе уставился на тело своего предводителя, из-под которого тоненькой струйкой вытекала моча. Не отрывая взгляда от мертвого тела, мужчина перекрестился.

— Уилли, — Джейми поднялся, провел по лицу дрожащей рукой, — Уилли.

Мужчина, казалось, превратился в камень. Открыв рот, он в немом изумлении смотрел на Джейми.

— Мне нужен один час, парень. — Джейми положил руку на плечо Уилли Коултера, увлекая его в комнату. — Только один час, чтобы отправить жену в безопасное место. Потом я вернусь и отвечу за это. Даю тебе слово, слово чести. Но мне нужен один час. Один. Ты дашь мне этот час, парень, перед тем как всем рассказать?

Уилли облизнул пересохшие губы, его взгляд метался между трупом военачальника и его племянником, от страха он просто перестал соображать. Наконец, абсолютно не зная, что делать, на что решиться, он кивнул:

— Хорошо.

Джейми тяжело сглотнул, вытер пледом лицо и потрепал Уилли по плечу:

— Побудь здесь, парень. Молись за его душу. — Он кивнул на мертвое тело на полу и добавил: — И за мою тоже.

Джейми выдернул из стола кинжал, поставил меня перед собой и вывел на лестницу.

На полпути вниз он остановился и, закрыв глаза, прислонился к стене. Дыхание его было глубоким, прерывистым, мне показалось, что он может упасть в обморок, и, встревоженная, я приложила руку к его груди. Сердце стучало гулко, как барабан, он дрожал, но через некоторое время выпрямился, кивнул мне и взял мою руку.

— Мне нужен Муртаг, — сказал он.

Мы нашли шотландца внизу, под карнизом, где, закутавшись в свой плед, он прятался от ледяной крупки, падавшей с небес. Рядом с ним, свернувшись калачиком, дремал Фергюс, уставший от долгого путешествия.

Муртаг бросил только один взгляд на Джейми и тут же встал, суровый, с потемневшим лицом, готовый ко всему.

— Я убил Дугала Макензи, — без всяких вступлений произнес Джейми.

На лице Муртага появилась растерянность, тут же сменившаяся обычным выражением угрюмой настороженности.

— А-а... И что же теперь делать?

Джейми порывлся в своей седельной сумке и вытащил сложенный лист бумаги. Он пытался развернуть лист, но руки его дрожали, я взяла бумагу и развернула под карнизом дома.

Вверху была надпись: «Акт о праве собственности».

Короткий, всего в несколько строк, он гласил, что титул владельца имения Брох Таурах передается Джеймсу Джекобу Фрэзеру Муррею, до достижения им совершеннолетия управление вышеназванным имением поручается родителям вышеозначенного Джеймса Муррея — Джанет Фрэзер Муррей и Айену Гордону Муррею. Внизу стояла подпись Джейми, а чуть ниже — два пустых места, перед каждым слово «Свидетель». Документ был датирован 1 июля 1745 года, месяцем раньше того дня, когда Карл Стюарт высадился у берегов Шотландии и сделал Джейми Фрэзера предателем престола.

— Мне нужно, чтобы вы его подписали — ты и Клэр, — сказал Джейми, беря документ из моих рук и протягивая его Муртагу. — Но это лжесвидетельство; я не имею права просить об этом.

Маленькие черные глазки Муртага быстро скользнули по бумаге.

— Есть неприятность — есть и право, — сухо произнес он и толкнул ногой Фергюса, тот вскинул голову и заморгал глазами. — Сбегай в дом, парень, и принеси своему начальнику перо и чернила. И быстро!

Фергюс тряхнул головой, чтобы окончательно проснуться, взглянул на Джейми — тот кивнул — и побежал.

Вода с карниза капала мне за шиворот. Я потуже закуталась в шерстяной плащ. Интересно, когда Джейми составил документ? Фальшивая дата свидетельствовала о том, что документ о передаче собственности был написан до того, как Джейми стал предателем, имущество и земли которого подлежали конфискации. Так что, если не возникнет никаких вопросов, собственность благополучно перейдет к маленькому Джейми. По крайней мере, семья Джейми, владея землей и домом, не будет нуждаться.

Джейми считал необходимым поступить именно так, но он не оформил документ до того, как мы выехали из Лаллиброха, — по-

видимому, он надеялся вернуться и снова потребовать свою долю. Теперь это было невозможно, но имение стоило попытаться спасти от конфискации. Никто, кроме свидетелей — Муртага и меня, — не сможет сказать, когда был составлен документ.

Вернулся запыхавшийся Фергюс с маленькой стеклянной чернильницей и растрепанным пером в руках. Приложив документ к стене дома и стряхнув перо, чтобы не поставить кляксу, мы расписались. Сначала расписывался Муртаг; я впервые увидела его полное имя — Фицгиббонс.

— Ты хочешь, чтобы я отвез это твоей сестре? — спросил Муртаг, пока я осторожно встрахивала бумагу, чтобы просушить чернила.

Джейми покачал головой. Капли дождя растеклись по его пледу небольшими, величиной с монету, влажными пятнами, блестели, как слезы, на его ресницах.

— Нет, его отвезет Фергюс.

— Я? — От удивления у мальчишки округлились глаза.

— Ты, парень. — Джейми взял у меня бумагу, сложил ее, затем встал на колени и засунул Фергюсу под рубаху. — Эта бумага обязательно должна попасть в руки моей сестры — мадам Муррей. Она стоит дороже, чем моя жизнь, парень, или твоя.

Чуть не задохнувшись под грузом такой ответственности, Фергюс выпрямился и вытянул руки по швам:

— Я не подведу вас, милорд.

Слабая улыбка тронула губы Джейми, он потрепал мальчишку по голове.

— Я это знаю, парень, и очень благодарен тебе, — сказал Джейми и снял кольцо с левой руки — рубин, принадлежащий его отцу. — Вот. — Он протянул кольцо Фергюсу. — Иди в конюшню, покажи его старику, которого там увидишь. Скажи ему, я велел отдать тебе Донаса. Возьми лошадь и скачи в Лаллиброх. Останавливайся только для сна и, когда будешь спать, прячься получше.

Фергюс от волнения проглотил язык, но Муртаг нахмурился и с сожалением посмотрел на него:

— Думаешь, парнишка справится с твоим зверем?

— Должен справиться, — твердо сказал Джейми.

Фергюс пришел в себя, стал на колени и горячо поцеловал Джейми руку. Затем вскочил и стрелой помчался к конюшням, и скоро тоненькая фигурка уже исчезла в тумане.

Джейми облизнул губы, на мгновение закрыл глаза и повернулся к Муртагу:

— А ты... ты мне нужен, чтобы собрать людей.

Муртаг вскинул брови, но промолчал и только кивнул.

— Ладно, — сказал он. — И когда?

Джейми посмотрел на меня, потом перевел взгляд на своего крестного.

— Думаю, они сейчас на болотах, с молодым Саймоном. Собери их всех в одном месте. Я позабочусь о жене, и тогда... — Он помедлил, пожал плечами. — Я найду вас. Ждите, пока я приду.

Муртаг снова кивнул и повернулся, чтобы идти, но вдруг остановился и шагнул к Джейми. Тонкий рот искривился:

— Прошу тебя, парень, об одном: пусть это будет англичанин. Не твой сродник.

Джейми слегка вздрогнул и кивнул. Затем молча протянул руки. Они быстро, горячо обнялись, и Муртаг ушел, завернувшись в рваный плащ.

Я была последним вопросом на повестке дня.

— Пошли, Саксоночка, — сказал он, беря меня за руку. — Нам нужно спешить.

Никто не остановил нас. По дорогам передвигалось так много людей, что нам удалось незамеченными добраться до края болот, а уж дальше, когда мы свернули с главной дороги, оказались в полном одиночестве.

Джейми молчал, полностью сосредоточившись на предстоящем деле. Потрясенная всем пережитым, я тоже молчала, страшась неизбежного разговора.

«Я позабочусь о жене». Что он имел в виду? Мы повернули на юг, и через два часа я все поняла — впереди замаячили крутые зеленые склоны холма, называемого Крэг-на-Дун.

— Нет! — закричала я. — Джейми, нет! Я туда не поеду!

Он молча прищипорил лошадь и помчался вперед, мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Я была в смятении: тяжелые думы о предстоящем сражении, ужасная смерть Дугала, а теперь еще эти камни. Этот проклятый круг, через который я пришла сюда. Джейми явно хотел отправить меня обратно, в мое время, — если такая вещь вообще возможна.

Стиснув зубы, я следовала за ним по узкой тропинке и думала: что бы он ни решил, нет на земле силы, которая заставила бы меня покинуть его.

Мы стояли в маленьком дворике развалившейся хижины, которая притулилась недалеко от вершины холма. Здесь давно уже никто не жил. Местные жители говорили, что холм этот был проклят.

Джейми тащил меня по склону, не обращая внимания на мои протесты. У дома он остановился и, тяжело дыша, опустился на землю.

— Все в порядке, — произнес он наконец. — У нас есть немного времени. Никто нас здесь не найдет.

Он сидел, завернувшись в плед, чтобы согреться. Дождь прекратился, но с ближайших гор, вершины которых были покрыты снегом, дул холодный, пронизывающий ветер. Измученный быстрой ездой, он опустил голову на колени.

Я сидела рядом, кутаясь в плащ, постепенно Джейми успокоился, и его дыхание выравнивалось. Мы долго молчали, боясь сорваться с тоненькой жердочки, вознесшей нас сейчас над царящим внизу хаосом. Хаосом, причиной которого отчасти стала я сама.

— Джейми, — сказала я и протянула было руку, чтобы прикоснуться к нему, но затем отпустила ее. — Прости меня, Джейми.

Джейми молчал, продолжая вглядываться во тьму простирающихся внизу болот. Мне показалось, что он не слышал меня, — глаза у него были закрыты. Но затем он медленно покачал головой.

— Нет, — тихо сказал он, — не нужно винить себя.

— Нет, нужно. — Печаль душила меня, но я обязана была сказать ему: я хорошо знаю, сколько горя принесла ему. — Мне следовало вернуться обратно. Джейми, если бы я ушла тогда, когда ты привел меня сюда из Крэйнсмуира, может быть, может быть, тогда...

— Да, может быть, — прервал он меня и резко повернулся. В его глазах была тоска, тоска и печаль, такая же, как в моих, но не было в них ни гнева, ни упрека.

Джейми снова покачал головой.

— Нет, — повторил он. — Знаю, что ты хочешь сказать, дорогая. Но это не так. Уйди ты тогда, возможно, все случилось бы так же. Может быть, да, а может быть, нет. Возможно, скорее. Возможно, совсем по-другому. Возможно — только возможно, — не произошло бы совсем ничего! Но в это во все вовлечено слишком много людей, не только ты и я, и потому не вини себя.

Он коснулся моих волос, отвел их с глаз. По моей щеке покатилась слеза, он подобрал ее на палец.

— Это не так, — сказала я и протянула руку в темноту. Этот жест включал все: армии, стоящие сейчас на поле брани, Стюартов, голодающих людей в лесу, готовое разразиться побоище. — Вот что я сделала с тобой.

Он улыбнулся, очень нежно, и приложил ладонь к моей щеке, согревая ее.

— Да? А что я сделал с тобой, Саксоночка? Вырвал тебя из родных мест, вверг в нищету и изгнание, заставил идти по полям сражений,

рисковал твоей жизнью. Ты не укоряешь меня за это?

— Ты же знаешь, что нет.

Он улыбнулся:

— Вот и я не укоряю тебя, моя Саксоночка.

Улыбка сбежала с его лица, когда он взглянул навверх, на вершину холма. Камни были не видны, но я физически ощущала угрозу, исходившую от них.

— Я не пойду, Джейми, — упрямо повторила я. — Я останусь с тобой.

— Нет. — Он говорил спокойно, но голос его был твердым, не терпящим возражений. — Я должен вернуться, Клэр.

— Нет, Джейми! — Я порывисто схватила его руку. — Джейми, теперь они уже нашли Дугала! Уилли наверняка кому-нибудь рассказал.

— Да, вероятно. — Джейми погладил меня по руке. Он принял решение, пока мы скакали сюда. Покорность судьбе и горькая решимость — вот что я прочитала на его лице. Была в нем еще печаль и тоска, но сейчас они отступили, и у него не было времени горевать.

— Мы можем попытаться убежать во Францию, — сказала я. — Джейми, мы должны это сделать! — Я говорила, но чувствовала: его уже ничто не заставит изменить решение.

— Нет, — снова тихо повторил он, повернулся и поднял руку, указывая на темнеющую долину, окутанные тенью холмы. — Поднялась вся страна, Саксоночка. Порты закрыты. В течение последних трех месяцев О'Брайен пытался привести корабль, чтобы спасти принца — отправить его во Францию, Дугал говорил мне... раньше. — Лицо его передернулось, брови сошлись в неожиданном приступе печали. Но он взял себя в руки и продолжал говорить — твердо, уверенно: — За Карлом Стюартом охотятся только англичане. За мной будут охотиться и англичане и кланы. Я — дважды предатель, бунтовщик и убийца. Клэр... — Он замолчал, потер рукой затылок и мягко сказал: — Клэр, я покойник.

Слезы замерзли у меня на щеках, оставляя ледяные дорожки, прожигающие кожу.

— Нет, — снова повторила я, но ответа не последовало.

— Ты знаешь, мне трудно остаться незамеченным, — попытался пошутить он, проводя рукой по своим рыжим кудрям. — Мне кажется, Рыжему Джейми далеко не уйти. Но ты... — Он коснулся моего рта, проследив пальцем линию губ. — Тебя я могу спасти — и спасу. Это самое главное. Но потом я вернусь обратно — к своим людям.

— Людям из Лаллиброха? Но как?

Джейми нахмурился, рассеянно поглаживая рукоятку кинжала.

— Думаю, мне удастся их увести. На болоте сейчас полная неразбериха, люди и лошади мечутся туда и сюда, приказы отдаются и отменяются; битва — дело очень непростое. И даже если к тому времени станет известно... что я сделал, — продолжал он с некоторой заминкой, — на виду у англичан и в преддверии битвы никто меня не остановит. Да, я могу это сделать. — Его голос окреп, кулаки сжались, подчеркивая решимость. — Они пойдут за мной, не задавая вопросов, Бог им поможет. Муртаг соберет всех, а я уведу их с поля боя. Если кто-нибудь попытается остановить меня, я скажу, что имею право сам вести своих людей в бой; даже молодой Симон не откажет мне в этом.

Джейми глубоко вздохнул, брови его снова сошлись — он представил себе сцену завтрашней битвы.

— Я уведу их оттуда в безопасное место. Поле достаточно велико, и если кто и обратит на нас внимание, то подумает, что мы меняем позицию. Я выведу их из болот на дорогу, ведущую в Лаллиброх. — Он замолчал, словно о дальнейшем просто не хотел думать.

— А потом? — спросила я, не желая слышать ответ, но не в силах промолчать.

— А потом я вернусь в Каллоден, — вздохнув, сказал он и невесело улыбнулся. — Я не боюсь смерти, Саксоночка. — Его рот болезненно искривился. — Во всяком случае, не очень боюсь. Но некоторые моменты этой процедуры... — Он невольно вздрогнул, все еще продолжая улыбаться. — Сомневаюсь, что я удостоюсь услуг настоящего профессионала, хотя мне кажется, и месье Форэ, и мне это показалось бы несколько... неловким. Видишь ли, полагается, чтобы сердце мне вырезал тот, с кем я делил вино.

Упреждаемое отчаяние овладело мной, я обняла его и крепко к нему прижалась.

— Все в порядке, — прошептал он, зарывшись в мои волосы. — Все будет нормально, Саксоночка. Пуля мушкета. Ну, может быть, сабля. Все закончится быстро.

Я знала, что это ложь. Я видела достаточно ран, полученных в битвах, и не раз видела смерть воинов. Правдой здесь было только то, что лучше такая смерть, чем петля палача. Ужас, который поселился во мне с того момента, как мы оставили поместье Сандрингема, поднялся высокой волной, угрожая накрыть меня с головой. В ушах стоял звон, горло сжало так, что я не могла дышать. А потом все страхи покинули меня. Я не могла оставить его, и не оставлю.

— Джейми, — сказала я, уткнувшись лицом в складки пледа, — я иду

с тобой.

Он откачнулся назад, во все глаза глядя на меня.

— Черта с два! — отозвался он.

— Да, я иду, — ответила я и почувствовала глубокое спокойствие — во мне не осталось ни тени сомнения. — Из моей накидки я сделаю шотландскую юбку. В армии полно молодых мальчиков, я сойду за одного из них. Ты же сказал, что там жуткая неразбериха, никто и не заметит.

— Нет, — отрубил он. — Нет, Клэр! — Челюсти его были крепко сжаты, в глазах застыло выражение гнева и ужаса.

— Если ты не боишься, я тоже не боюсь, — сказала я, тоже крепко сжав зубы. — Это... произойдет быстро. Ты сам сказал. — Несмотря на всю мою решительность, у меня начал дрожать подбородок. — Джейми, я не смогу... черт возьми, я не смогу жить без тебя!

Он безмолвно открыл рот, закрыл его, потряс головой. Свет на вершинах гор догорал, заливая облака ровным красным сиянием. Джейми притянул меня к себе.

— Ты думаешь, я не знаю? — тихо спросил он. — Мне сейчас куда легче, чем тебе. Потому что, если ты чувствуешь ко мне то же, что я к тебе, значит, я прошу тебя вырвать свое сердце и жить без него. — Он погладил мои волосы, огрубевшие костяшки пальцев запутались в растрепавшихся прядях. — Но ты должна выстоять, моя любимая, моя храбрая львица. Ты должна.

— Почему? — спросила я, слегка отстранившись, чтобы лучше видеть его лицо. — Когда ты увел меня с суда над ведьмами в Крэйнсмуире, ты сказал, что погиб бы со мною, пошел бы со мной на плаху, если бы дело дошло до этого!

Он взял мои руки в свои, голубые глаза смотрели на меня.

— Да, я бы сделал это, — сказал он, — но ведь я не носил твоего ребенка.

Я вся похолодела. Это от холодного ветра, убеждала я себя. Холод заставил меня задохнуться.

— Ты не знаешь наверняка, — наконец произнесла я. — Прошло слишком мало времени.

Он фыркнул, в глазах появились смешинки.

— Саксоночка, я ведь еще и фермер! С тех пор как ты пустила меня в свою постель, у тебя ни разу ни на один день не было задержки. А сейчас уже идет сорок шестой день.

— Ты негодай! — в ярости закричала я. — Ты считал! В разгар жестокой войны ты считал!

— А ты нет?

— Я? Нет! — Я слишком боялась поверить в возможность того, о чем так долго молилась. Теперь это свершилось, но, увы, слишком поздно. — Кроме того, — сказала я, продолжая отрицать такую возможность, — это совершенно ничего не значит. Так часто случается и при недоедании.

Он поднял бровь и осторожно положил большую ладонь мне на грудь.

— Да, ты сильно похудела, но, несмотря на это, у тебя полные груди, а соски стали цвета черного винограда. Ты забываешь, что я видел их до этого. У меня нет никаких сомнений, и у тебя тоже.

Я старалась побороть приступ тошноты, вызванный, по-видимому, страхом и голодом, но вдруг почувствовала небольшую тяжесть в неожиданно загоровшейся матке. Я кусала губы, но тошнота снова подступила к горлу.

Джейми отпустился мои руки и стал надо мной, уперев руки в бока — застывший силуэт на фоне темнеющего неба.

— Клэр, — спокойно сказал он, — завтра я умру. Ребенок... это все, что останется от меня — навеки. Я прошу тебя, Клэр, я тебя умоляю, спаси его.

Я молчала, все плыло у меня перед глазами, и в этот момент я почувствовала, как дрогнуло мое сердце. Это был слабый, чистый звук, с каким ломается стебель цветка.

Я склонилась к Джейми головой, ветер печально шумел у меня в ушах.

— Хорошо, — прошептала я. — Я уйду.

Свет почти померк. Он подошел ко мне сзади и прижал к себе, глядя через мое плечо вниз, на долину. Уже зажглись сторожевые огни — маленькие яркие точки, разбросанные вдаль. Мы долго молчали. Сумерки продолжали сгущаться. Я не слышала ничего, кроме ровного дыхания Джейми, каждый вздох казался мне драгоценным.

— Я тебя найду, — шепнул он мне на ухо. — Обещаю тебе. Если мне придется провести двести лет в чистилище, двести лет без тебя — это и будет мое наказание, которое я заслужил за все свои преступления, потому что мне приходилось лгать и убивать, воровать, предавать и нарушать клятву. Но есть одна вещь, которую я положу на другую чашу весов. Когда я предстану перед Богом, я скажу ему то, что перевесит все остальное. — Голос его дрогнул, упал до шепота, руки крепко обвились вокруг меня: — Боже, скажу я ему, ты дал мне удивительную женщину, и — о Боже — я очень ее любил.

Он не торопился и был очень осторожен; так же, как и я. Каждое прикосновение, каждое движение должно было быть особенным,

запоминающимся — драгоценный талисман перед пустотой будущего.

Я нежно касалась каждой впадинки, всех потаенных местечек его тела. Ощущала изящество и силу каждой кости, изумительную крепость мускулов, их гибкость на плечах, упругость и гладкость длинной спины, твердость, словно из мореного дуба, ягодич.

Ощущала солоноватый пот в углублении у него на шее, мускусное тепло волос меж его ногами, сладость большого нежного рта, пахнущего сухими яблоками и горящими можжевельниковыми ягодами.

— Ты так прекрасна, любимая, — шептал он мне, касаясь нежной влажной кожи между моими ногами.

Его голова была всего лишь темным пятном на белом пятне моих грудей. Дыры на потолке пропускали только слабый свет хмурого неба; мягкие раскаты весеннего грома бормотали что-то за хрупкими стенами нашего временного пристанища. Он будто одеревенел в моих руках, его желание было так велико, что каждое мое прикосновение заставляло его стонать в страстном желании еще большей близости.

И потом он взял меня, он вошел в меня, как нож в ножны, мы сливались в едином движении, жаждая полного воссоединения и страшась его, потому что знали, что за ним — вечная разлука.

Он снова и снова заставлял меня подниматься на вершину, а сам отступал, задыхаясь, содрогаясь, останавливаясь на самом краю бездны. Так длилось и длилось. Наконец я коснулась его лица, вплела свои пальцы в его волосы, крепко прижала к себе, прогнулась в спине и бедрах...

— Иди ко мне, — тихо сказала я. — Иди. Вот сейчас!

Он уступил мне, я — ему, мы отчаянно избывали свою страсть, наши крики медленно стихали вдаль, гулко отдаваясь в темноте нашей холодной каменной хижины.

А потом мы лежали неподвижно, крепко прижавшись друг к другу, его тело было таким крепким, полным огня и жизни. И через несколько часов оно перестанет существовать? Разве это возможно?

— Послушай, — тихо сказал он. — Ты слышишь?

Сначала я не слышала ничего, кроме шума ветра и шороха дождя, падающего через дырявую крышу. А потом услышала это — мерные неторопливые удары его сердца прямо напротив моего: наши сердца бились в унисон, в едином слаженном ритме. Кровь проходила свой горячий круг через него, потом через хрупкую перемычку между нами, через меня и возвращалась к нему.

Так мы и лежали под самодельным укрытием из плаща и пледа, на ложе из нашей одежды, переплетаясь друг с другом. Затем он отпустил меня,

повернул спиной к себе и прикрыл мой живот своей рукой, дыша мне в затылок.

— А теперь немного поспи, любимая, — прошептал он. — Я тоже посплю, вот так — держа в руках тебя и ребенка.

Я думала, что не смогу уснуть, но усталость была так велика, что я сразу же скользнула в сон. Перед рассветом я проснулась, руки Джейми все так же обнимали меня, я лежала и наблюдала, как ночь незаметно превращается в день, и тщетно мечтала о возвращении в благословенную темноту ночи.

Я отодвинулась от него и приподнялась на локте, чтобы видеть, как ложится свет на резкие выразительные контуры его лица, такого невинного во сне, как поднимающееся солнце зажигает пламенем его волосы, — и все это в последний раз.

На меня накатила волна невыразимого ужаса, должно быть, я застонала, потому что Джейми открыл глаза. Увидев меня, он улыбнулся, его глаза шарили по моему лицу. Я поняла: он хочет запомнить каждую мою черточку, так же как я — его.

— Джейми, — сказала я голосом, хриплым от сна и подавленных слез, — Джейми, я хочу, чтобы на мне остался твой след.

— Что? — спросил он, вздрогнув.

Маленький нож, который он носил в чулке, лежал рядом — резная рукоятка из кости оленя темнела на куче одежды.

Я дотянулась до него и подала Джейми.

— Сделай надрез, — требовательно произнесла я, — такой, чтобы остался шрам. Я хочу унести с собой твоё прикосновение. Хочу иметь что-то такое, что навсегда останется со мной. Неважно, пусть будет больно — нет ничего больнее разлуки с тобой. По крайней мере, дотронувшись до него, я буду всегда ощущать твоё прикосновение.

Рука Джейми легла на мою и сжала ее. Он кивнул. И все же, держа острое лезвие в своей руке, он заколебался. Я вытащила из-под одежды правую руку и протянула ему. Рука была теплой, хотя изо рта Джейми шел пар, ясно различимый в холодном воздухе комнаты.

Джейми повернул мою руку ладонью вверх, внимательно оглядел ее и нежно поцеловал в середину ладони. Потом он впился губами в основание большого пальца, прикусил его и, отстранившись, быстро коснулся ножом занемевшего места. Я ощутила что-то вроде небольшого ожога, но кровь полилась тут же. Он снова поднес мою руку ко рту и держал так, пока кровотечение не стало меньше. Затем очень тщательно перевязал ранку — теперь почувствовала острую боль — носовым платком, но я успела

заметить — небольшой надрез имел форму изогнутой буквы «J»^[11] — первой буквы его имени.

Затем он подал маленький нож мне. Я взяла его и, несколько поколебавшись, взяла и протянутую руку Джейми.

Он быстро закрыл глаза и сжал губы, но все-таки у него вырвался легкий стон, когда я прижала острие ножа к мягкому основанию его большого пальца — холму Венеры, на котором, как говорят хироманты, сосредоточены все линии страсти и любви.

Только сделав маленький полукруглый надрез, я сообразила, что он протянул мне левую руку.

— Надо было дать мне другую руку, — сказала я, — рукоятка меча будет давить на нее.

Он слабо улыбнулся:

— Для меня не будет большего счастья, чем чувствовать твое прикосновение во время моей последней битвы, где бы она ни случилась.

Размотав испачканный кровью платок, я прижала свою раненую руку к его руке, наши пальцы сплелись. Кровь была теплой и липкой — она еще не свернулась между нашими ладонями.

— Кровь от крови моей, — прошептала я.

— ...и плоть от плоти моей, — тихо отозвался он, но никто из нас не решился вымолвить последние слова клятвы: «...до тех пор, пока мы будем живы». Произнесенные слова болью повисли между нами. Наконец он криво улыбнулся: — И даже дольше, — твердо сказал он и снова притянул меня к себе.

— Фрэнк... — наконец со вздохом произнес Джейми. — Может быть, он не захочет и слушать. Но если захочет, расскажи ему обо мне так, как ты рассказала мне о нем. Скажи ему — я... благодарен. Скажи, я надеюсь на него, потому что должен надеяться. И скажи еще... — Его руки неожиданно сжали мою руку, он говорил вроде бы смеясь, но совершенно искренне: — Скажи ему: я ненавижу его от всей души, ненавижу до самых потрохов!

Мы оделись, рассветный полумрак стремительно превращался в день. Еды не было, не было ничего, что помогло бы нам протянуть время. Делать было нечего, и все уже было сказано.

Теперь ему пора уходить, чтобы вовремя добраться до Друмосских болот. Наступил час нашего последнего расставания, а мы не знали, как сказать «до свидания».

Наконец Джейми криво улыбнулся, наклонился и нежно поцеловал меня в губы.

— Говорят, — начал он и остановился, чтобы прокашляться, — говорят, в старые времена, когда мужчина отправлялся в дальний путь для свершения великих дел, он должен был найти колдунью и попросить у нее благословения. Он поворачивался лицом в ту сторону, куда ему предстояло уйти, а она становилась позади него и произносила над ним слова молитвы. Когда она заканчивала, он должен был идти прямо вперед и не оглядываться — иначе его поход будет неудачным.

Джейми осторожно коснулся моего лица и отвернулся, уставясь в открытую дверь. Утреннее солнце врывалось в хижину, зажигая его волосы тысячами огней. Он расправил широкие плечи и глубоко вздохнул:

— Благослови же меня, моя колдунья.

Я положила руку ему на плечо и задумалась. Дженни научила меня нескольким древним кельтским молитвам. Я попыталась восстановить их в памяти.

— Иисусе, сын Марии, — начала я охрипшим голосом, — ныне взываю к милосердию твоему. От имени Иоанна Апостола, от имени всех святых твоей обители прошу тебя сохранить его в предстоящей битве...

Я остановилась, заслышав внизу, у подножия, звуки голосов, топот ног.

Джейми замер на секунду, плечо напряглось под моей ладонью, затем он повернулся и подтолкнул меня в торец дома, туда, где стена совершенно разрушилась.

— Беги! — сказал он. — Это англичане! Уходи, Клэр!

Я побежала к проему в стене, сердце мое колотилось у самого горла, а Джейми, держа руку на рукоятке меча, повернулся ко входу. На мгновение я задержалась, чтобы в последний раз взглянуть на него. Джейми тоже повернул голову, заметил мое движение и неожиданно оказался рядом. Он яростно сжал меня и подтолкнул к стене. Его набухшая плоть прижалась к моему животу, рукоятка кинжала впилась в бок.

— Еще раз! Я должен. — Он прижал меня к стене, я подобрала свои юбки, он поднял свою. Это не был любовный акт. Он взял меня быстро и властно, все закончилось в считанные секунды.

Голоса зазвучали ближе, теперь они слышались примерно в сотне ярдов от нас.

Джейми еще раз поцеловал меня, так что во рту остался вкус крови.

— Назови его Брайен, — сказал он, — в честь моего отца. — Он подтолкнул меня к проему, и я побежала.

Перед тем как выбраться из дома, я оглянулась — Джейми стоял в дверном проеме, меч наполовину вытащен из ножен, в правой руке кинжал.

Англичане, не подозревая, что в разрушенном доме кто-то есть, не

позаботились о том, чтобы выслать вперед разведчика. Склон холма с этой стороны дома был пуст. Я пересекла его и бросилась в заросли ольхи.

Ослепнув от слез, я неслась сквозь кустарник, отмахивалась от преграждающих путь ветвей, спотыкалась о камни. От дома доносились крики и слышался лязг металла. Мои бедра были липкими от семени Джейми. Казалось, я никогда не доберусь до вершины холма и проведу остаток жизни, пробираясь сквозь преграждающие мне путь деревья.

По-видимому, позади послышался треск сучьев. Кто-то заметил, как я выбежала из хижины. Я смахнула слезы и бросилась вперед, помогая себе и руками и ногами, так как склон становился все круче. Вдруг я очутилась на открытом месте, на том самом памятном мне гранитном козырьке. Из скалы поднималось маленькое кизиловое деревце, вокруг валялись небольшие валуны.

Я остановилась на краю каменного круга и посмотрела вниз, безуспешно пытаясь разглядеть, что же там происходит: сколько английских солдат подступают к дому? Удалось ли Джейми отбиться от них и добраться до своей лошади, стреноженной внизу? Без нее ему ни за что не успеть в Каллоден.

Вдруг за кустом, чуть ниже меня, что-то мелькнуло — красный мундир английского солдата. Я повернулась, задыхаясь пронеслась по пружинящему под ногами торфянику и нырнула в расщелину скалы.

Часть седьмая
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Глава 47

УТРАЧЕННЫЕ СВЯЗИ

— Конечно, он был прав. Этот чертов тип почти всегда был прав! — Голос Клэр звучал чуть ли не сердито. Она печально улыбнулась и взглянула на Брианну, которая с совершенно непроницаемым лицом неподвижно сидела на коврике у камина, обхватив колени руками. Лишь поднимающееся от огня тепло шевелило ее волосы.

— Это была трудная беременность и сложные роды. Если бы я рискнула рожать там, мы бы обе погибли. — Клэр говорила, обращаясь прямо к дочери, как будто бы они были одни.

Роджер, зачарованный повествованием о прошлом и медленно возвращающийся к настоящему, чувствовал себя незванным гостем.

— Мне была невыносима мысль оставить его, — тихо сказала Клэр. — Даже ради тебя... До того, как ты родилась, я немного ненавидела тебя, потому что из-за тебя он заставил меня уйти. Я бы не побоялась умереть, но только вместе с ним. А жить без него... Он был прав — моя часть сделки оказалась самой тяжелой. Но я выполнила ее условия, потому что любила его. И обе мы живы, ты и я, потому что он любил тебя.

Брианна не двигалась, не отрывала глаз от лица матери. Двигались только губы, молча, как будто она разучилась говорить.

— Ну и как долго... ты ненавидела меня?

Золотистые глаза встретились с голубыми, чистыми и безжалостными, словно глаза сокола.

— До тех пор, пока ты не родилась. Когда я взяла тебя на руки, прижала к себе и ты взглянула на меня отцовскими глазами, все изменилось.

Брианна издала слабый, приглушенный звук. Мать взглянула на свою дочь, сидящую у ее ног, и продолжала говорить, лишь голос ее стал немного тише:

— А потом я стала замечать в тебе что-то не похожее ни на меня, ни на Джейми. И я полюбила тебя ради тебя самой, а не только ради человека, который был твоим настоящим отцом.

Брианна резко вскочила. Ее волосы взметнулись, как львиная грива, голубые глаза засверкали, как пламя, горевшее у нее за спиной.

— Моим отцом был Фрэнк Рэндолл! — резко сказала она. — Он! Я в этом уверена. — Сжав кулаки, она с яростью смотрела на мать. Ее голос

дрожал от гнева. — Я не понимаю, для чего ты мне это рассказываешь. Должно быть, ты действительно ненавидела меня, может, ненавидишь и сейчас. — Слезы ручьем текли по ее лицу, она сердито вытирала их тыльной стороной ладони. — Папа... папа любил меня. Он не стал бы любить меня так, если бы я была не его! Почему ты хочешь заставить меня поверить, что он не был моим отцом? Ты ревновала его ко мне? Да? Тебе не нравилось, что он так любил меня? А тебя он не любил, я знаю это!

Голубые глаза по-кошачьи сузились, сверкая на мертвенно-бледном лице.

Роджер почувствовал сильное желание выскользнуть за дверь, прежде чем она заметит его присутствие и обратит свой пламенный гнев и на него. Кроме ощущения неловкости, в нем нарастало чувство благоговейного страха — девушка, стоявшая на каминном коврике, кипевшая и брызгавшая слюной в защиту своего происхождения, пылала той неистовой силой, которая заставляла шотландских воинов бросаться на своих врагов, подобно яростным банши — злым, черным духам; тень удлинила и без того длинный, прямой нос, глаза, как у разъяренной кошки, превратились в узкие щелочки — она была точной копией своего отца, и стало совершенно очевидно, что ее отцом был совсем не тот темноволосый, благообразный ученый, чей портрет украшал переплет книги, лежавшей на столе.

Клэр открыла было рот, но тут же его закрыла, с нескрываемым восхищением глядя на свою дочь. Крупное тело, широкий разлет приподнятых скул. Роджер подумал: она видела все это много раз, но не в Брианне.

С неожиданностью, заставившей их обоих вздрогнуть, Брианна крутанулась на каблуках, быстро собрала со стола пожелтевшие газетные вырезки и швырнула их в огонь. Потом схватила кочергу и стала злобно сгребать их в кучу, не обращая внимания на поток искр, вылетающих из камина и сыпавшихся ей на ноги.

Отвернувшись от быстро почерневшей массы сгоревшей бумаги, она поставила одну ногу на камин и, глядя на мать, закричала:

— Сука! Ты ненавидела меня? А я ненавижу тебя! — Брианна отвела назад руку с зажатой в ней кочергой, и Роджер инстинктивно напрягся, готовый броситься на нее. Но она круто развернулась и, словно метательница копья, швырнула кочергу в высокое, до потолка окно.

Подернутое ночной темнотой стекло, перед тем как треснуть и превратиться в черную пустоту, отразило облик разъяренной молодой женщины.

В комнате воцарилась тишина. Роджер, вскочивший было на ноги, так

и остался стоять посреди комнаты. Он смотрел то на свои руки, как будто не знал, что с ними делать, то на Клэр. Она сидела совершенно неподвижно, затаившись в кресле, словно животное, загипнотизированное промелькнувшей тенью хищника.

Через несколько секунд Роджер подошел к столу и прислонился к нему.

— Я не знаю, что сказать, — произнес он.

Губы Клэр дрогнули.

— Я тоже.

Несколько минут они сидели в полном молчании. Старый дом поскрипывал, будто устраиваясь поуютнее, с кухни доносился звон кастрюль — Фиона готовила что-то к обеду. Потрясение и смущение, охватившие Роджера, постепенно уступили место новому ощущению, у которого еще не было названия. Его руки были холодные как лед, и он потер их о брюки, чувствуя согревающую ладони теплоту вельвета.

— Я... — Он замолчал и только растерянно покачал головой.

Клэр глубоко вздохнула, и он осознал, что это было первое ее движение после того, как Брианна выбежала из комнаты. Взгляд у нее был ясный и прямой.

— Вы мне верите? — спросила она.

Роджер задумчиво посмотрел на нее.

— Будь я проклят, если знаю, — наконец произнес он.

Это вызвало у нее быструю мимолетную улыбку.

— Это же сказал и Джейми, когда я впервые спросила его, откуда, по его мнению, я взялась.

— Не могу винить его за это. — Роджер помедлил, затем, решившись, отошел от стола и, пройдя через комнату, приблизился к Клэр. — Можно? — Он наклонился и, взяв ее безжизненную руку, повернул к свету. Настоящая слоновая кость отличается от искусственной тем, что она теплая на ощупь, вдруг вспомнилось ему. Ладонь у нее была нежно-розовая, но тонкая линия буквы «J» у основания большого пальца была белой, словно кость.

— Это ничего не доказывает, — сказала Клэр, наблюдая за его лицом. — Возможно, результат какого-то несчастного случая или я могла сделать это сама.

— Но ведь вы этого не делали, не так ли? — Он осторожно, словно хрупкое произведение искусства, положил ее руку назад на колени.

— Нет, но я не могу это доказать. Жемчуг... — Ее рука потянулась к матово блестящему ожерелью на шее. — Он настоящий. Это можно

проверить. Но разве я могу доказать, откуда он у меня? Нет, не могу.

— А портрет Элен Макензи? — начал было он.

— То же самое. Случайное совпадение. Плод моей фантазии. Вымысел. — Она говорила довольно спокойно, но в голосе звучала горечь. Теперь на щеках ее появился легкий румянец, она очнулась от своей неподвижности. Словно статуя, пробуждающаяся к жизни, подумал Роджер.

Он встал и начал медленно ходить взад-вперед, ероша волосы.

— Но ведь для вас это важно, не так ли?

— Да. — Клэр поднялась и подошла к столу, где лежала папка с его научной работой. Она положила на нее руку с таким благоговением, будто это был могильный камень. — Мне нужно знать. — Голос ее дрогнул, но она упрямо вздернула подбородок, подавляя нахлынувшее на нее волнение. — Мне нужно знать, спас ли он своих людей или погиб ни за что. И я должна буду рассказать об этом Брианне. Даже если она не поверит, не поверит никогда. Джейми был ее отцом. Я должна была сказать ей об этом.

— Да, я понимаю вас. На пока доктор Рэндолл, г-м... ваш муж, я имею в виду Фрэнк, — уточнил он, покраснев, — был жив, вы не могли этого сделать.

По лицу ее скользнула улыбка.

— Все нормально. Вы можете называть Фрэнка моим мужем. В конце концов, он был им в течение многих лет. И Бри тоже права. Он был ее отцом так же, как и Джейми.

Клэр посмотрела на свои руки и вытянула пальцы, на них блеснуло два кольца — золотое и серебряное. Роджера осенило.

— Ваше кольцо, — сказал он, снова подходя к ней. — Серебряное. Нет ли на нем метки изготовителя? Некоторые шотландские мастера серебряных дел восемнадцатого столетия ставили на них свои клейма. Это, конечно, не может быть исчерпывающим доказательством, но все же...

У Клэр был озадаченный вид. Ее левая рука невольно прикрыла правую, пальцы осторожно потирали широкий серебряный ободок шотландского плетения с цветами чертополоха.

— Я не знаю, — сказала она. Щеки ее ярко вспыхнули. — Я никогда его не снимала. И не заглядывала внутрь. — Она медленно повертела кольцо на суставе. Пальцы были тонкие, но от долгого ношения кольца на пальце осталась небольшая круглая вмятинка.

Клэр заглянула внутрь кольца, затем встала и направилась к столу; стоя рядом с Роджером, она повернула серебряный кружочек так, чтобы на

него упал свет настольной лампы.

— Здесь какие-то слова, — с удивлением произнесла она. — Я не знала, что он... О Боже милостивый. — Ее голос дрогнул, кольцо выскользнуло из пальцев и покатилося по столу с легким металлическим звоном. Роджер торопливо подобрал его, но она отвернулась, крепко прижимая кулаки к груди.

Он понял: она не хочет, чтобы он видел ее лицо. После напряженного дня, после сцены с Брианной она потеряла над собой контроль.

Роджер стоял, испытывая невыразимое замешательство и смущение. С ужасным чувством, что он нарушает что-то глубоко личное, сокровенное, и не зная, что делать, он поднес к свету маленький металлический кружочек и прочел выгравированные внутри слова: «Da mi basia mille». Но произнес эти слова не он, а Клэр. Ее голос дрожал, ему показалось, что в голосе ее звенели слезы, но она не могла позволить себе, чтобы чувства целиком овладели ею, — она не могла бы удержать их в узде.

— Это Катулл^[12], строки из поэмы о любви. Хью... Хью Мунро подарил мне эту поэму в качестве свадебного подарка. Свиток был обернут вокруг кусочка янтаря со стрекозой внутри. — Ее руки, сжатые в кулаки, безвольно опустились. — Я не помню всю поэму, но кое-что помню хорошо. — Голос ее окреп, но она стояла, повернувшись к Роджеру спиной. Маленькое серебряное колечко, еще хранящее тепло ее руки, пламенело на его ладони. Не поворачивая к нему головы, она прочитала по-латыни одну строфу и перевела ее на английский. Кончив читать, Клэр постояла немного и повернулась к нему лицом. Щеки ее были влажными и лихорадочно горели, ресницы слиплись от слез, но она была совершенно спокойна.

— «И сотню и тысячу лет», — повторила она одну из прочитанных строк и попыталась улыбнуться. — Ну а клейма мастера нет. Так что и это не доказательство.

— Нет, доказательство, — сказал Роджер. Он почувствовал спазм в горле и торопливо прокашлялся. — Абсолютное доказательство. Для меня.

Что-то вспыхнуло в глубине ее глаз, и она улыбнулась своей обычной улыбкой. Затем глаза ее наполнились слезами, и она окончательно потеряла над собой контроль.

— Извините, — сказала она наконец.

Клэр сидела на софе, упершись локтями в колени и уткнувшись лицом в огромный белый носовой платок преподобного мистера Уэйкфилда. Роджер присел рядом, почти касаясь ее. Она казалась маленькой и беззащитной. Ему захотелось погладить пепельные завитки, но он не решился.

— Я никогда не думала... мне никогда не приходило в голову... — сказала она, сморкаясь. — Я даже не представляла, насколько для меня важно, чтобы кто-нибудь мне поверил.

— Даже если это не Брианна?

Клэр слегка поморщилась, одной рукой отвела назад волосы и выпрямилась.

— Для нее это был удар, — сказала она, защищая свою дочь. — Естественно, Бри не могла... она так любила своего отца... Фрэнка я имею в виду, — торопливо добавила она. — Я знала, она не сможет воспринять все это сразу. Но потом... когда подумает, порасспрашивает... — Голос ее замер, плечи белого льняного костюма поникли под тяжестью этих слов.

Как бы желая отвлечься, Клэр посмотрела на стол, где лежала стопка еще не раскрытых книг в глянцевах переплетах.

— Странно, не правда ли? Двадцать лет прожить с ученым, занимающимся изучением якобитства, и не открыть ни одной его книги из страха узнать то, что я могла бы узнать. — Она покачала головой, все еще не отрывая взгляда от книг. — Я не знала, что случилось с большинством из них, — и не могла заставить себя узнать об этом. Я знала их всех. И не смогла их забыть. Но я смогла похоронить их и не позволила воспоминаниям захлестнуть меня, — то время прошло и началось другое.

Роджер взял верхнюю книгу из лежащей на столе стопки и взвесил ее в руке, как будто определяя груз ответственности, который он решился взять на себя. Возможно, это отвлечет ее от мыслей о Брианне.

— Хотите, я расскажу вам? — тихо спросил он.

Клэр долго молчала, потом быстро кивнула, как будто боялась, что долгие раздумья поколеблют ее решимость.

Роджер облизал пересохшие губы и начал говорить. Ему не нужно было заглядывать в книгу — он говорил о том, что известно любому ученому, занимающемуся этим периодом. Но все же держал у груди книгу Фрэнка Рэндолла, прикрываясь ей как щитом.

— Фрэнсис Таунсенд, — начал он. — Был схвачен. Осужден за измену. Повешен и лишен всех прав.

Роджер помолчал. Клэр сидела за столом, наискось от него, без кровинки в лице, неподвижная словно солевой столб.

— Макдоналд из Кепоха вместе с братом Дональдом в битве при Каллодене командовал пехотой. Оба погибли от английского пушечного снаряда. Лорд Кильмарнок пал на поле боя, но лорд Анкрум, разыскивающий раненых, узнал его и спас от людей Камберленда. Как оказалось, ненужная услуга — в августе следующего года Кильмарнок был

обезглавлен на Тауэр-Хилл вместе с Балмерино. — Роджер чуть помедлил. — Младший сын Кильмарнока продал на поле боя, его тело так и не было найдено.

— Мне всегда нравился Балмерино, — прошептала она. — А Старый Лис? Лорд Ловат? — Клэр говорила так тихо, что он едва расслышал ее. — Тень топора...

— Да. — Роджер бессознательно гладил глянцевую обложку, как будто читал по методу Брейля. — Он был осужден за измену и приговорен к отсечению головы. У него был хороший конец. Все свидетели утверждают, что он принял смерть с большим достоинством.

В памяти Роджера всплыл исторический рассказ из Хогарта. Он воспроизвел его по памяти, стараясь как можно ближе придерживаться оригинала.

— Старого предводителя клана Фрэзера везли в Тауэр сквозь орущую и улюлюкающую толпу простолудинов-англичан. Он оставался невозмутимым и безучастным к граду камней и всякой дряни, которыми осыпала его толпа; он даже не потерял чувства юмора. В ответ на выкрик одной старухи: «Скоро тебе отрубят голову, старый шотландский пес!». — он высунулся из окна своей повозки и весело прокричал: «Думаю, ты права, старая английская сука!»

Клэр засмеялась, но ее смех напоминал рыдание:

— Держу пари, он так и сказал, старый развратник!

— Когда его подвели к плахе, — осторожно продолжал Роджер, — он потребовал, чтобы как следует проверили лезвие топора. «Делай свою работу как надо, или я здорово рассержусь на тебя», — сказал он палачу.

Слезы, бегущие из-под закрытых век, сверкали словно драгоценные камни при свете огня в камине. Он сделал движение в ее сторону, но она почувствовала это и, не открывая глаз, покачала головой:

— Со мной все в порядке. Продолжайте.

— Вот вроде бы и все. Вы знаете, некоторые из них спаслись. Лочиэль бежал во Францию. — Он постарался избежать упоминания об Арчибальде Камероне, брате предводителя клана. — Доктор был повешен, лишен всех прав и обезглавлен в Тибурне; сердце его было вырвано и предано пламени.

Кажется, она не заметила этого пропуска.

Роджер быстро закончил перечисление, наблюдая за ней. Клэр не плакала, она просто сидела с поникшей головой, густые вьющиеся волосы скрывали выражение ее лица.

Он подождал немного, потом встал и крепко взял ее за руку.

— Пойдемте, — сказал он, — вам нужно подышать. Дождь перестал,

давайте выйдем на улицу.

После душного кабинета свежий, прохладный воздух казался просто опьяняющим. Сильный ливень прекратился еще перед заходом солнца, и теперь, в подступавшем вечере, лишь звонкая капель с кустов и деревьев напоминала об отшумевшем ливне.

Выйдя из дома, я почувствовала огромное облегчение. Я так долго этого боялась, и вот теперь все позади. Даже если Бри никогда... Нет, нет, она поймет. Пусть на это потребуется время, но рано или поздно она признает истину. Должна признать. Каждое утро истина смотрит из зеркала ей в лицо. Она у нее в крови. Теперь, когда я все ей рассказала, я ощутила необычайную легкость — так, вероятно, чувствует себя душа, принесяшая покаяние, которой сладка мысль о предстоящей епитимье.

Это похоже на роды, думала я. Короткое напряженное усилие, раздирающая боль, предчувствие бессонных ночей и изматывающих дней в будущем. Но сейчас благословенный покой, тихая эйфория наполняет душу, и нет места никаким дурным предчувствиям. Утихла даже вновь всколыхнувшаяся печаль о людях, которых я знала, смягченная звездным светом, сияющим в просветах расходящихся облаков.

Это был сырой вечер ранней весны, шины проезжающих по шоссе машин шуршали по мокрому асфальту. Мы молча спустились по склону за домом, поднялись на невысокий мшистый холм и спустились снова; оттуда неширокая тропинка вела к реке, через которую был переброшен темный железнодорожный мост. Тропинка заканчивалась у металлической лестницы, поднимающейся к мосту. Кто-то, вооруженный баллончиком белой краски, дерзко вывел на пролете моста: «Свободу Шотландии».

Несмотря на грустные воспоминания, я испытывала полную умиротворенность. Самая трудная часть сделана. Теперь Бри знает, кто она есть. Я страстно надеялась, что в свое время она в это поверит — не только ради себя, но и ради меня. Более того, хотя я боялась признаться в этом даже самой себе, мне хотелось иметь кого-то, с кем я могла бы вспоминать Джейми, кого-то, с кем я могла бы говорить о нем.

Я чувствовала глубокую усталость, усталость души и тела. Но я еще раз выпрямила спину и заставила свое тело работать за гранью возможностей, как бывало уже не раз. Скоро — пообещала я своим ноющим суставам, уставшему разуму и вновь разбитому сердцу. Скоро я смогу отдохнуть. Я сяду у огня в своей маленькой уютной спальне наедине со своими призраками. Я буду тихо скорбеть, пока усталость не осушит мои слезы, и тогда наконец я найду временное забвение во сне, в котором, может быть, еще раз увижу их всех живыми.

Но не сейчас. Прежде чем уснуть, мне предстояло сделать еще одно дело.

Некоторое время они шли молча. Тишину нарушали лишь отдаленный шум проходящего транспорта да плеск воды в реке. Роджеру не хотелось ни о чем говорить, и менее всего о вещах, которые она хотела забыть. Но шлюзы были открыты, и пути назад не было.

Нерешительно, запинаясь, Клэр начала задавать ему незначительные вопросы. Он отвечал на них с возможной точностью и, тоже запинаясь, стал спрашивать о своем. Свободная беседа на запретную в течение многих лет тему действовала на нее как наркотик, и Роджер, великолепный слушатель, помимо ее желания вызывал на откровенность. К тому времени, как они дошли до места, она обнаружила такую энергию и силу характера, о которых он и не подозревал.

— Он был глупцом и пьяницей, к тому же еще и слабым человеком, — страстно говорила она. — Все они были небольшого ума — Лочизель, Гленгэрри и другие. Все они много пили вместе и забивали себе головы глупыми идеями Карла. Пустые разговоры, и ничего более. Прав был Дугал, когда говорил: легко быть смелым, сидя за кружкой эля в теплой комнате. Поглупевшие от вина и слишком гордые своим происхождением, чтобы отступить, они пороли своих людей и издевались над ними, подкупали и соблазняли — все для того, чтобы ввергнуть их в кровавую пучину во имя... во имя чести и славы.

Она фыркнула и какое-то время молчала. Затем, к удивлению Роджера, рассмеялась:

— А вы знаете, что самое смешное? И этот бедный, глупый пьянчужка, и его жадные тупые помощники, простые, честные люди, которые не могли заставить себя повернуть назад, — у всех у них была маленькая добродетель. Они верили. И странная вещь: все, что в них раздражало — вся их глупость, трусость, пьяное бахвальство и ограниченность, — все ушло. От Карла и его людей осталось одно — их слава, которой они так домогались при жизни, но так и не обрели. Может быть, Раймонд был прав, — добавила она более спокойно, — важна лишь суть вещей. Когда истлевает все, остается только твердость костей.

— Мне кажется, историки должны вызывать у вас некоторое раздражение, — рискнул заметить Роджер. — И все писатели — они сделали из него героя. Я хочу сказать, в северной Шотландии вы на каждом шагу видите изображения наследного принца — будь то банка пива или сувенирная кружка.

Клэр покачала головой, вглядываясь в даль. Вечерние сумерки

сгущались, с кустов снова стало капать.

— Нет, не историки. Совсем не они. Их величайшее преступление в том, что они позволяют себе высказывать свое мнение о событиях, о которых знают только предположительно, имея в руках лишь то, что сочла нужным оставить нам история. И только немногие из них за дымовой завесой ложных фактов и бумаг видят, что происходило на самом деле.

Издали донесся шум. Роджер знал: это пассажирский поезд из Лондона. В такие вечера его гудок слышен даже в доме.

— Нет, виноваты люди искусства, — продолжала Клэр, — писатели, певцы, сказочники. Они берут прошлое и перекрашивают его по своему усмотрению. Из дурака они могут сделать героя, из пьяницы — короля.

— Значит, все они лжецы? — спросил Роджер.

Клэр пожала плечами. Хотя было прохладно, она сняла жакет; хлопчатобумажная блузка, повлажневшая от вечерней сырости, подчеркивала тонкую линию ключиц и изящество лопаток.

— Лжецы? — переспросила она. — Или волшебники? Может быть, они находят кости в пыли, прозревают суть того, чем они были, и облачают их в новую плоть и неуклюжий зверь превращается в сказочное чудовище?

— Или они не правы, занимаясь этим? — спросил Роджер.

Железный мост задрожал, когда прошел стрелку «Летучий шотландец». Размашистые белые буквы завибрировали.

Клэр устремила задумчивый взгляд на буквы, по ее лицу скользнул неровный звездный свет.

— Вы все еще не понимаете? — спросила она. В ней копилось раздражение, но осипший голос звучал как обычно. — Все очень просто — вы не знаете почему, — сказала она. — Вы не знаете, и я не знаю, и мы никогда не узнаем, этого. Мы не знаем, потому что не можем сказать, чем все это кончится, — конца нет. Нельзя сказать: «Должно было случиться именно это событие, и поэтому произошло все остальное». То, что сделал Карл для шотландцев, — было ли это неизбежно? Или его истинное предназначение быть тем, чем он сейчас и является, — символом, иконой? Если б не он, могла бы Шотландия выдержать двухсотлетний союз с Англией, сохранив до сих пор свою индивидуальность? — Она махнула рукой на размашистые белые буквы наверху.

— Не знаю! — ответил Роджер, вынужденный кричать — луч прожектора скользнул по деревьям, по мосту загрохотал поезд.

Целую минуту все гудело и ревело, дрожала земля; они застыли на месте. Наконец поезд пронесся, замер вдали перестук колес, и огонек последнего вагона скрылся из виду.

— Ну и что из этого получится, черт возьми? — сказала она, отвернувшись. — Вы никогда об этом не узнаете, но ведь вам все равно нужно действовать, не так ли?

Внезапно Клэр распростерла руки, кольца на ее сильных пальцах блеснули.

— Вы понимаете это, когда становитесь врачом. Не в школе — или где вы там учитесь, — а только тогда, когда соприкасаетесь с больным и знаете, что сможете ему помочь. Вокруг вас так много тех, с кем вы никогда не сможете соприкоснуться, чью суть вы не сможете выявить, тех, кто не попал в ваше поле зрения. Но вы не думаете о них. В данный момент вы пытаетесь помочь только одному — одному! — тому, кто сейчас перед вами. И вы действуете так, словно этот пациент — единственный человек в мире, потому что, начни вы действовать иначе, потеряете этого пациента, тоже единственного. Помочь в данное время только одному — это все, что вы можете сделать. И вы учитесь не отчаиваться от того, что не всем удастся помочь, а просто делаете то, что в ваших силах.

Клэр снова повернулась к нему, лицо ее осунулось от усталости, но глаза сверкали, будто омытые дождем, в волосах запуталась влага. Ее рука легла на руку Роджера — жест, побуждающий к действию, так ветер наполняет парус, заставляя лодку двигаться вперед.

— Давайте вернемся в дом, Роджер, — сказала она. — Мне нужно вам кое-что сказать.

Клэр шла молча, избегая осторожных расспросов Роджера. Она отказалась от предложенной руки и шла одна, задумчиво опустив голову. Не потому, что принимает какое-то решение, подумал Роджер, она уже все решила, — просто раздумывает, что сказать.

Роджер был немало удивлен. Сейчас ее молчание позволило ему перевести дух после всех откровений сегодняшнего дня — он уже достаточно поломал голову над тем, для чего Клэр включила его во все это. Она вполне могла бы поговорить с Бри один на один. А может, она боялась реакции Бри на ее рассказ и потому ей не хотелось оставаться с ней наедине? Или она рассчитывала, что он ей поверит, — а он и поверил, — и таким образом станет ее союзником, подтвердит ее правоту?

К тому моменту, как они подошли к дому, он уже сгорал от любопытства. Сначала нужно было кое-что сделать: они разгрузили один из самых высоких книжных шкафов и придвинули его к разбитому окну, закрыв доступ холодному ночному воздуху.

Покрасневшая от напряжения, Клэр уселась на софу, а он подошел к столику с напитками и налил две порции виски. Когда миссис Грэхем была

жива, она всегда приносила виски на подносе, аккуратно накрытом салфеткой, и обязательно вместе с печеньем. Фиона, будь у нее возможность, делала бы то же самое, но Роджер предпочитал в этом деле простоту.

Клэр поблагодарила его, чуть отпила из стакана, поставила его и подняла глаза на Роджера, усталая, но собранная.

— Вам, наверное, интересно, почему мне хотелось, чтобы вы услышали всю эту историю, — сказала она, словно читая его мысли. — Тому есть две причины. Вначале я скажу вам о второй. Что касается первой, то думаю, что у вас есть право знать и ее.

— У меня? Какое право?

Она взглянула на него немигающим взглядом золотистых глаз, простодушных и беспокоящих, как глаза леопарда.

— Такое же, как и у Брианны. Право знать, кто вы такой.

Она направилась через всю комнату к дальней ее стене, от пола до потолка покрытой панелью из пробкового дерева. К стене были приколоты фотографии, схемы, визитные карточки, старые карты округов, запасные ключи и всякие разные мелочи.

— Я помню эту стену. — Клэр улыбнулась, коснувшись фотографии, на которой был запечатлен праздник в местной школе. — Ваш отец снимал что-нибудь отсюда?

Роджер в замешательстве покачал головой:

— Нет, не думаю. Он всегда говорил, что никогда не может найти вещи, положенные в ящик. Все самое важное он предпочитал держать перед глазами.

— Тогда это, вероятно, здесь. Он считал это важным.

Поднявшись на цыпочки, она стала просматривать вырезки на стене, осторожно касаясь пожелтевшей бумаги.

— Думаю, вот она, — пробормотала Клэр. Из-под старых набросков для проповедей, талонов на мойку машины она извлекла одну страничку и положила ее на стол.

— О, мое генеалогическое древо, — удивился Роджер. — Я не видел эту старую бумагу уже много лет. А когда она мне понадобилась, не обращал на нее особого внимания, — добавил он. — Если вы собираетесь сказать, что я усыновлен, то мне это известно.

Клэр кивнула, глядя в схему:

— О да. Вот почему ваш отец — я имею в виду мистера Уэйкфилда — составил эту схему. Он хотел быть уверенным, что когда-нибудь вы узнаете свою настоящую фамилию, хотя он и дал вам свое имя.

Роджер вздохнул, подумав о его преподобии и маленькой фотографии в серебряной рамочке на его бюро, — похожий на него незнакомый улыбающийся юноша, темноволосый, в форме британских воздушных сил времен Второй мировой войны.

— И это я тоже знаю. Моя настоящая фамилия Макензи. Вы хотите сказать, что я связан с какими-то Макензи, которых вы... гм... знали? Я не вижу их имен на этой схеме.

Клэр, будто не слыша его, водила пальцем по ветвящейся паутине генеалогического древа.

— Мистер Уэйкфилд был очень пунктуальным человеком, — бормотала она как будто про себя. — Он бы не потерпел никаких неточностей. — Ее палец остановился в какой-то точке. — Вот, — сказала она. — Вот, где это случилось. Пониже этого пункта. — Ее палец замер над страницей. — Все правильно. Это ваши родители, ваши бабушка и дедушка, прабабушка и прадедушка и так далее. Но вот выше... — Палец скользнул вверх.

Роджер склонился над схемой, затем поднял на Клэр задумчивый взгляд зеленых, цвета болотного мха, глаз.

— Это Уильям Баклей Макензи, родился в 1744-м, от Уильяма Джона Макензи и Сары Иннес. Умер в 1782-м.

Клэр покачала головой:

— Умер в 1744-м, в возрасте двух месяцев, от оспы. — Она подняла голову; взгляд ее золотистых глаз был таким пристальным, что по его спине побежали мурашки. — Вам ведь известно, вы были не первым приемным ребенком в этой семье. — Ее пальцы барабанили по листу. — Ему нужна была кормилица. Его родная мать умерла, и он был отдан в семью, потерявшую ребенка. Они назвали его именем их умершего сына — дело обычное, — и я не думаю, что кто-нибудь стал бы привлекать внимание к ребенку, регистрируя его в приходской книге. В конце концов, он был крещен при рождении, зачем записывать его еще раз? Колам говорил мне, кому они его отдали.

— Сын Джейлис Дункан, — медленно произнес он. — Дитя колдуньи.

— Правильно. — Она смотрела на него оценивающим взглядом, склонив голову набок. — Я знала, что это должно быть именно так. Понимаете ли, ваши глаза... Это ее глаза.

Роджер сел, почувствовав внезапный холод, хотя книжный шкаф надежно защищал комнату от сквозняка, а в камине вновь пылал огонь.

— Вы уверены в этом? — спросил он и подумал: конечно, она уверена. Ведь нельзя же считать, что вся эта история — выдумка, плод больного

ума. Он посмотрел на нее — она сидела спокойно, с бокалом в руке, очень собранная, как будто собиралась заказать сырные палочки.

Больной ум? У доктора Клэр Бошан Рэндолл, главного врача большого, престижного госпиталя? Бред сумасшедшего, расстроенное воображение? Легче представить, что безумен он сам. Роджер и вправду начинал об этом подумывать.

Он глубоко вздохнул и положил обе руки на схему, выделив лишь то, что относилось к Уильяму Баклей Макензи.

— Действительно интересно, и я рад, что вы поведали мне об этом. Но ведь это ничего не меняет, не так ли? Просто я могу теперь оторвать верхнюю часть этой генеалогии и выбросить ее. В конце концов, мы же не знаем, откуда взялась эта Джейлис Дункан и кто был отцом ее ребенка. Во всяком случае, вы, кажется, уверены, что не этот бедный старый Артур.

Клэр медленно покачала головой, глаза ее смотрели на него с холодной сдержанностью.

— О нет. Конечно, не Артур Дункан. Отцом ребенка был Дугал Макензи. Вот истинная причина того, почему она была убита. Не за колдовство... Колам Макензи не мог допустить огласки романа его брата с женой какого-то сборщика налогов. А она хотела выйти замуж за Дугала. Думаю, она шантажировала Макензи, угрожая рассказать правду о Хемише.

— Хемише? Ах да, сын Колама. Да, я помню. — Роджер потер лоб рукой. У него неожиданно закружилась голова.

— Нет, не Колама, — поправила его Клэр. — Дугала. Колам не мог иметь детей, а Дугал мог — и имел. Хемиш должен был наследовать все права Дугала и стать главой клана Макензи; Колам убил бы всякого, кто мог навредить Хемишу, — и убил. — Клэр глубоко вздохнула. — Вот вторая причина, почему я рассказала вам эту историю.

Вцепившись руками в волосы, Роджер уставился в стол; линии генеалогического древа корчились, как змеи, ядовитые жала, насмешничая, проглядывали между именами.

— Джейлис Дункан, — хрипло произнес он. — У нее был шрам от вакцинации.

— Да. Именно это заставило меня вернуться в Шотландию. Когда я уезжала с Фрэнком, я поклялась, что никогда не вернусь обратно. Я знала, что никогда не смогу забыть, но смогу похоронить то, что знаю; смогу уехать отсюда и никогда не буду пытаться узнать, что произойдет после моего отъезда. Это все, что я могла сделать ради них обоих — Фрэнка и Джейми. И ради будущего ребенка. — На мгновение ее губы крепко

сжались. — Но Джейлис спасла мою жизнь на судебном процессе в Крэйнсмуире. Возможно, считала, что сама она обречена, но, чтобы спасти меня, она отвергла все свои шансы. И оставила мне записку. Дугал передал мне ее в пещере в северной Шотландии, когда привез известие о том, что Джейми в тюрьме. Записка состояла из двух частей. Предложение: «Я не знаю, возможно ли это, но думаю, что да» — и продолжение из четырех цифр: один, девять, шесть и восемь.

— Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, — произнес Роджер. У него было такое чувство, будто все это происходит во сне. Наверное, он скоро проснется. — Как раз этот год. Что она имела в виду, говоря, что это возможно?

— Вернуться назад. Через камни. Она не пыталась, но подумала, что я смогу вернуться. И конечно, она была права. — Клэр повернулась и взяла со стола бокал с виски. Она внимательно смотрела на Роджера поверх бокала глазами того же цвета, что и содержимое стакана. — Сейчас тысяча девятьсот шестьдесят восьмой — год, когда она вернулась сама. Хотя я думаю, что она еще не дошла.

Роджер чуть не уронил свой бокал.

— Что... сюда! Но она... вы же не можете сказать... — Он запинался, мысли кружились у него в голове.

— Я не знаю точно, — заметила Клэр. — Но думаю, что так. Я почти уверена, что она шотландка, и, вероятно, она вышла где-то в Шотландии. Считается вполне доказанным, что там много огромных, выступающих из земли камней, и мы знаем, что Крэг-на-Дун — проход для тех, кто умеет им пользоваться. Кроме того, — добавила она с таким видом, будто выдвигала неоспоримый аргумент, — Фиона ее видела.

— Фиона? — Это было уж слишком. Полный абсурд. Во что-нибудь еще он мог бы поверить — смещение времен, предательство кланов, всякие исторические откровения, — но Фиона... Нет, этого его разум не мог воспринять. Роджер умоляюще посмотрел на Клэр. — Скажите, что вы не это имели в виду, — попросил он. — Только не Фиона.

Клэр усмехнулась краешком рта.

— Боюсь, что это так, — сказала она. — Я как-то расспрашивала ее о друидах, к которым принадлежала ее бабушка, вы знаете об этом: Она, конечно, поклялась хранить все это в тайне, но я уже немного знала о них, так что... — Клэр мягко, извиняюще пожала плечами, — разговорить ее было нетрудно. Она рассказала мне, что здесь побывала еще одна женщина и тоже задавала вопросы — высокая, светловолосая, с пронзительными зелеными глазами. Фиона сказала, что эта женщина напомнила ей кого-

то, — деликатно добавила Клэр, стараясь не смотреть на него, — но она не помнит, кого именно.

Роджер чуть не застонал и стал медленно клониться вперед, пока его голова не коснулась стола. Он закрыл глаза, ощущая лбом холодную поверхность дерева.

— Фиона не спросила, кто она? — произнес он, не открывая глаз.

— Ее зовут Джилиан Эдгарс, — ответила Клэр.

Он слышал, как она встала, дтросла по комнате, добавила себе виски, потом подошла к столу и остановилась. Он чувствовал ее взгляд у себя на затылке.

— А теперь — вам решать, — спокойно произнесла Клэр. — Последнее слово за вами. Хотите, я поищу ее?

Роджер поднял голову и бессмысленно уставился на Клэр.

— Вы ее поищете? — переспросил он. — Если это... если все это правда, мы должны разыскать ее, не так ли? Ведь если она вернется обратно, то будет заживо сожжена? Конечно, вы должны ее найти! — взорвался он. — О чем тут спрашивать?

— А если я найду ее? — Клэр положила тонкую руку на старый, выцветший листок с генеалогическим древом. — Что будет с вами? — тихо спросила она.

Он обвел беспомощным взглядом свой ярко освещенный, захламленный кабинет со стеной, увешанной всевозможной ерундой, старый побитый чайник на старинном дубовом столе. Твердом, как... Он ощущал свои ноги, бедра, обтянутые грубыми вельветовыми штанами, чтобы убедиться, что он так же реален, как и стул, на котором он сидит.

— Но я же... настоящий! — закричал он. — Я не могу... просто так... испариться!

Клэр задумчиво подняла брови.

— Я не знаю, что тогда с вами будет. Не имею ни малейшего представления, что произойдет. Может быть, вы никогда не будете существовать? В таком случае сейчас вам не стоит слишком волноваться. А может, то, что делает вас уникальным, единственным, ваша душа — или как вы предпочитаете ее называть? — может быть, ей предопределено существовать, и тогда вы останетесь самым собой, возможно, только в несколько иной родословной. В конце концов, какая часть вашей физической сущности берет начало в ваших предках, живших шесть поколений назад? Половина? Десять процентов? — Клэр пожала плечами и, поджав губы, внимательно посмотрела на него. — Как я вам говорила, у вас глаза Джейлис. Но я вижу в вас и Дугала тоже. Не в чертах лица, хотя у

вас скулы Макензи, как и у Бри. Нет, что-то более неуловимое, например, в ваших движениях, — стремительных, грациозных. Нет... — Она покачала головой. — Не могу описать. Но это так. Это «что-то» необходимо вам, чтобы быть тем, кто вы есть. Могли бы вы обойтись без этой малости, унаследованной от Дугала?

Клэр тяжело поднялась; впервые за время их знакомства она выглядела на свой возраст.

— Больше двадцати лет я искала ответы на эти вопросы, Роджер, и могу сказать одно: ответов нет, есть только возможность выбора. Мне самой много раз приходилось выбирать, и никто не может сказать, правилен ли был мой выбор. Разве что мистер Раймонд, хотя не думаю, он слишком верил в чудеса. Я считала, что у меня есть одно право — рассказать вам все, выбор за вами.

Он поднял бокал и осушил остаток виски.

Сейчас 1968 год от Рождества Христова. Год, когда Джейлис Дункан вступила в каменный круг. Год, когда она вышла навстречу своей судьбе под рябиновыми деревьями в горах возле Леоха. Незаконнорожденное дитя и смерть в огне.

Роджер встал и зашагал вдоль книжных шкафов, заполнявших кабинет. Книги по истории, изменчивой и ложной.

Ответов нет, есть только выбор.

Шагая по кабинету, он дотронулся до книг на верхней полке. История якобитского движения, рассказы о повстанцах 15 и 45 годов. Клэр знала большинство мужчин и женщин, описанных в этих книгах. Она боролась и страдала вместе с ними, чтобы спасти незнакомых ей людей. И в этой борьбе потеряла все, что ей дорого. Но выбор был за ней, а теперь — за ним. Но может быть, этот выбор всего лишь сон, своего рода галлюцинация? Он украдкой взглянул на Клэр. Она, откинувшись, сидела в кресле не двигаясь, закрыв глаза, и только на шее бился чуть заметный пульс. Нет. На какое-то мгновение ему удалось убедить себя, что все это фантазии, выдумки, но только до тех пор, пока не посмотрел на нее. Но, видя Клэр, он не мог сомневаться в правоте ее слов.

Роджер положил руки на стол, перевернул их, рассматривая переплетение линий на ладонях. Только ли собственная его судьба лежит в согнутых ладонях или он держит жизнь незнакомой женщины?

Нет ответа. Он осторожно сжал руки, как будто удерживая в них что-то маленькое и хрупкое. Он сделал выбор.

— Давайте найдем ее, — сказал он.

Ответа не последовало. Только тихо вздымалась и опускалась округлая

грудь сидящей в кресле женщины. Клэр спала.

Глава 48

ОХОТА НА ВЕДЬМ

Старомодный звонок зазвенел где-то в глубине квартиры. Это была не лучшая часть города, но и не самая плохая. В домах для рабочих, таких, как этот, было по две-три квартиры. Под звонком — написанная от руки табличка: «Макгенри — наверх. Звонить два раза».

Роджер осторожно нажал звонок еще раз и вытер руку о брюки. У него сильно потели ладони, и это его раздражало.

У порога дома был цветничок с полусохшими желтыми нарциссами. Их остроконечные листочки порыжели и сморщились, а желтые головки безжизненно склонялись к его ногам.

Клэр тоже увидела их.

— Наверное, никого нет дома, — сказала она, наклоняясь, чтобы потрогать землю в цветничке. — Их не поливали уже больше недели.

Роджер почувствовал облегчение — верил ли он, что Джейлис Дункан была Джилиан Эдгарс или нет, — этой встречи он не жаждал. Он уже повернулся, чтобы уйти, когда дверь у него за спиной неожиданно распахнулась со скрипом, заставившим его вздрогнуть.

— Ну? — Человек, прищурясь, смотрел на них заплывшими глазками, багровое осовелое лицо украшала растрепанная борода.

— Гм... Простите, что прервали ваш сон, сэр, — произнес Роджер, стараясь говорить спокойно. Его слегка подташнивало. — Мы ищем мисс Джилиан Эдгарс. Она здесь живет?

Мужчина поскреб голову короткой волосатой рукой, отчего его волосы встали дыбом.

— Для тебя, малыш, она миссис Эдгарс. А чего тебе нужно от моей жены?

От мужчины исходил такой алкогольный дух, что Роджеру захотелось отступить назад, но он продолжал стоять на своем.

— Мы только хотели бы поговорить с ней, — сказал он примирительно. — Скажите, пожалуйста, она дома?

— «Скажите, пожалуйста, она дома?» — повторил мужчина, искривив рот и насмешливо передразнивая оксфордский акцент Роджера. — Нет, ее нет дома. Убирайтесь, — посоветовал он и хлопнул дверью с такой силой, что задрожали кружевные занавески на окнах.

— Могу понять, почему ее нет дома, — сказала Клэр, поднимаясь на

цыпочки, чтобы заглянуть через окно в комнату. — Я бы тоже не торопилась, если бы меня ждало такое сокровище.

— Еще бы, — заметил Роджер. — У вас есть какие-нибудь соображения, где нам следует искать эту женщину?

Клэр отошла от окна.

— Он уселся перед телевизором, — доложила она. — Давайте оставим его по крайней мере до того, как откроются пабы. А мы тем временем попробуем отыскать этот институт. Фиона сказала, что Джилиан Эдгарс занимается там на курсах.

Институт по изучению шотландского фольклора и античности располагался на верхнем этаже узкого дома, рядом с деловым районом. Администратор, невысокая полная женщина в коричневом кардигане и ситцевом платье, казалось, была рада их появлению. Не очень-то здесь многолюдно, подумал Роджер.

— А, миссис Эдгарс, — произнесла она, выслушав их.

Роджеру показалось, что в голосе миссис Эндрюс прозвучала нотка сомнения, но она оставалась все такой же приветливой и жизнерадостной.

— Да, она регулярно посещает занятия, с оплатой у нее все в порядке. Миссис Эдгарс бывает здесь довольно часто. «Гораздо чаще, чем требуется» — прозвучало в ее тоне.

— А сейчас ее здесь случайно нет? — спросила Клэр.

Миссис Эндрюс энергично покачала головой, отчего тронутые сединой кудряшки заплясали у нее на голове.

— О нет, — сказала она. — Сегодня понедельник. По понедельникам здесь только я и доктор Макэван. Он директор, вы знаете. — Она с упреком взглянула на Роджера, словно он был обязан знать об этом. Затем, по-видимому убедившись в их респектабельности, она смягчилась: — Если хотите узнать что-нибудь о миссис Эдгарс, вам надо поговорить с доктором Макэваном. Пойду скажу ему, что вы здесь, хорошо? — Она сделала движение, чтобы выйти из-за стойки, но Клэр остановила ее, наклонившись вперед.

— Может быть, у вас есть фотография миссис Эдгарс? — напрямик спросила она. Увидев удивление на лице миссис Эндрюс, Клэр мило улыбнулась и пояснила: — Видите ли, не хотелось бы отнимать время у директора, если вдруг окажется, что это не та женщина.

Рот миссис Эндрюс слегка приоткрылся, она смущенно заморгала, но потом кивнула и стала шарить в столе, открывая и закрывая ящики и разговаривая сама с собой:

— Я знаю, что они где-то здесь. Только вчера их видела. Куда же они

могли завалиться? А, вот они! — Она вытащила папку с черно-белыми фотографиями восемь на десять и быстро просмотрела их. — Вот, — сказала миссис Эндрюс. — Это она на археологических раскопках за городом, но ее лица здесь не видно. Давайте-ка я посмотрю, нет ли чего еще?

Она возобновила поиски, что-то приговаривая про себя, а Роджер через плечо Клэр с интересом разглядывал фотографию, которую миссис Эндрюс оставила на столе. На ней была изображена группа молодых людей, стоящих возле «лэндровера», с холщовыми рюкзаками и небольшими лопатами на земле у их ног. Снимок был сделан неожиданно, и некоторые молодые люди смотрели в другую сторону. Клэр без колебаний указала пальцем на высокую девушку с длинными прямыми светлыми волосами, достигающими до талии. Она легонько постучала по фотографии и молча кивнула Роджеру.

— Вы же не можете быть уверены, — пробормотал он.

— Что там? — произнесла миссис Эндрюс, рассеянно глядя на них поверх очков. — А, вы не со мной. Я нашла еще одну фотографию, получше. Здесь она слегка отвернулась, так что тоже видно не все лицо, но лучшей фотографии нет. — Она с торжеством положила новую фотографию на стол поверх прежней.

На этой фотографии был изображен пожилой человек в пенсне и та же самая светловолосая девушка; они склонились над столом, на котором, как показалось Роджеру, лежали поржавевшие от времени детали двигателя, но, без сомнения, это были ценные археологические экспонаты. Волосы девушки закрывали часть лица, голова повернута в сторону пожилого человека, но очертание короткого прямого носа, нежно закругленного подбородка и изгиб прекрасного рта были хорошо видны. Глаз смотрел вниз, прячась за длинными, густыми ресницами. Роджер чуть не присвистнул. Предок или нет, но она настоящая куколка, не очень почтительно подумал он.

Роджер взглянул на Клэр. Та молча кивнула. Ее лицо было бледнее обычного; он заметил, как быстро бьется пульс у нее на шее, но она поблагодарила миссис Эндрюс с обычной сдержанностью:

— Да, это она. Думаю, нам стоит поговорить с директором, если он на месте.

Миссис Эндрюс бросила быстрый взгляд на обитую белой панелью дверь за ее столом:

— Хорошо, пойду доложу о вас. Могу я сказать ему, по какому вы вопросу?

Роджер открыл было рот, ища подходящий предлог, но Клэр мягко вступила в разговор:

— Мы из Оксфорда. Миссис Эдгардс обратилась на факультет античности за грантом на обучение. В числе прочих рекомендующих она назвала ваш институт. Поэтому, если вы не возражаете...

— О, понимаю, — сказала миссис Эндрюс, вполне удовлетворенная объяснением. — Оксфорд. Подумать только! Я спрошу доктора Макэвана, не сможет ли он принять вас прямо сейчас.

Едва она, слегка постучав, исчезла за обшитой белыми панелями дверью, Роджер наклонился к уху Клэр и прошептал:

— В Оксфорде нет такого факультета, и вы это знаете.

— Вы знаете, — невозмутимо ответила она. — И я знаю, как вы только что тонко подметили. Но большинство людей в мире не знают об этом, и сейчас мы встретились с одним из них.

Белая дверь начала открываться.

— Будем надеяться, что здесь вообще никто об этом не знает, — заметил Роджер, стирая с брови капли пота, — иначе вы прослывете настоящей лгуньей.

Клэр поднялась, улыбаясь приближающейся миссис Эндрюс, и проговорила уголком рта:

— Я? Я, которая по просьбе короля Франции читала в душах людей? — Она провела рукой по юбке. — Все пройдет как надо.

Роджер иронически поклонился и показал на дверь:

— *Après vous*^[13], мадам.

Когда она шагнула вперед, он тихо добавил:

— *Après vous le deluge*^[14].

Плечи ее дрогнули, но она не обернулась.

К удивлению Роджера, все действительно прошло как надо. То ли это объяснялось хорошими актерскими данными Клэр, то ли рассеянностью доктора Макэвана, но им не было задано никаких уточняющих вопросов относительно гранта. Доктору ничуть не показалось странным, что из Оксфорда в глушь Инвернесса приехали специальные люди, чтобы познакомиться с биографией соискательницы гранта. Затем Роджеру показалось, что голова доктора Макэвана занята чем-то другим, и потому он мыслил не так ясно, как обычно.

— Итак... да, да, миссис Эдгарс, без сомнения, обладает светлым умом. Очень светлым, — повторил директор, словно убеждая самого себя.

Это был высокий поджарый мужчина с длинной, как у верблюда,

нижней губой, подергивающейся, когда он старательно подбирал слова:

— А вы... а она... то есть... — Он замолчал, губа судорожно двигалась. — А вы когда-нибудь встречались с миссис Эдгарс? — наконец выпалил он.

— Нет, — ответил Роджерс, глядя на доктора Макэвана с некоторой суровостью. — Вот почему мы и расспрашиваем о ней.

— Есть ли в ней что-нибудь такое... — Клэр деликатно помолчала, предлагая ему вступить в разговор, — что, по вашему мнению, должно быть известно комиссии, доктор Макэван? — Она наклонилась вперед, широко раскрыв глаза. — Вы ведь знаете, вопросы такого рода совершенно конфиденциальны. Но очень важно, чтобы мы знали все. В этом заинтересованы определенные круги, — туманно произнесла Клэр, понизив голос. — Министерство, к примеру.

Роджеру ужасно захотелось задушить ее, но доктор Макэван согласно кивнул, губа его бешено задергалась.

— О да, уважаемая леди. Конечно. Министерство. Я все понимаю. Да, да... Я... гм... мне не хотелось бы ввести вас в заблуждение, вы понимаете. Без сомнения, это великолепный шанс...

Теперь Роджеру хотелось задушить их обоих. Должно быть, Клэр заметила, как его руки на коленях непроизвольно сжались, потому что она решительно остановила директорское бормотание.

— Нас в основном интересуют две вещи, — отрывисто произнесла она, открывая свою записную книжку и быстро листая ее, как бы для того, чтобы отыскать какую-то справку. «Бутылку шерри для миссис Т», — искоса взглянув на страницу, прочитал Роджер. — «Нарезать ветчину для пикника». — Прежде всего мы хотели бы знать ваше мнение о подготовке миссис Эдгарс, а затем все о ее личных качествах. Первое мы можем, конечно, оценить и сами. — Она сделала пометку в книжке, рядом со строкой: «Обменять дорожные чеки». — Но у вас, конечно, может быть гораздо более подробная информация.

Доктор Макэван, к этому времени совершенно загипнотизированный, согласно кивнул.

— Итак... — Он тяжело вздохнул, бросил взгляд на дверь, дабы убедиться, что она закрыта, и с таинственным видом наклонился к ним через стол. — Качество ее работ — здесь, я думаю, они полностью вас удовлетворят. Я покажу вам несколько вещей, над которыми она сейчас работает. Что касается второго...

Роджер подумал, что сейчас снова начнется дерганье губы, и угрожающе наклонился вперед.

Доктор Макэван неожиданно откинулся назад, вид у него был несколько озадаченный.

— Здесь я не могу сообщить вам ничего особенного. Разве что... видите ли, она очень впечатлительна. Порой у нее появляются... э-э... несколько навязчивые идеи? — Его голос звучал вопросительно, глаза перебегали от Роджера к Клэр, словно у крысы, попавшей в капкан.

— Может быть, ее интересы и навязчивые идеи сфокусированы на каменных столбах? На каменных кругах? — мягко спросила Клэр. — И это нашло отражение в ее работах?

Директор извлек из кармана большой, несвежий платок и вытер им лицо.

— Да, конечно. Сейчас множество людей увлекаются этим. Романтика... тайна... Посмотрите на эти невежественные души у Стоунхенджа в день летнего солнцестояния, напяливающие на себя капюшоны и мантии. Распевают псалмы... и все такое. Конечно, я не сравниваю Джилиан Эдгарс с...

Он еще долго говорил, но Роджер уже не слушал его. В тесном офисе стояла духота, а воротник его рубашки был слишком тесным; медленные тягучие удары сердца отдавались в ушах, и все это его раздражало.

«Этого просто не может быть! — думал он. — Это невозможно!» Правда, рассказ Клэр звучал убедительно, просто чудовищно убедительно. Но, глядя на впечатление, произведенное ею на этого бедного, старого мямлю, который не знал, что такое грант, и думал, что его могут преподнести на тарелочке с золотой каемочкой, она, совершенно очевидно, могла убедить и каменный столб. Не то чтобы он, Роджер, был столь же доверчив, но... Мучимый сомнениями, мокрый от пота, Роджер не заметил, как доктор Макэван достал из ящика стола связку ключей и вывел их через другую дверь в длинный коридор со множеством дверей.

— Кабины для индивидуальной работы, — пояснил доктор. Он открыл одну из дверей, и они увидели небольшую кабину размером четыре на четыре фута, очень скромно обставленную, — узкий стол, стул и небольшая книжная полка. На столе, аккуратно сложенные, лежали несколько папок разного цвета. Чуть в стороне Роджер увидел большую тетрадь в серой обложке с написанной от руки наклейкой: «Разное». Непонятно почему, но при виде этого почерка по телу Роджера прошла дрожь.

В папке оказались в основном вещи личного характера. Там были уже виденные ими фотографии, подписанные женской рукой. Он испугался при мысли о том, что может действительно встретить Джейлис Дункан —

Джилиан Эдгарс он имел в виду. Или кем там была эта женщина.

Директор открывал другие папки, показывая какие-то записи, что-то пояснял Клэр, которая обнаружила глубокое понимание того, о чем он говорил. Роджер смотрел через ее плечо и кивал:

— Гм... гм... очень интересно, — но косые строчки и округлый почерк были ему совершенно непонятны.

Это писала она, думал он. Она — реальность. Из плоти и крови, с губами и длинными ресницами. И если она вернется туда через камни, она сгорит — обуглится и почернеет, и ее волосы вспыхнут, как пламя в темноте ночи. А если она не вернется... тогда я не существую.

Он неистово замотал головой.

— Вы не согласны со мной, мистер Уэйкфилд? — Директор института удивленно смотрел на него.

Он снова покачал головой, на этот раз смущенно:

— Нет, нет. Я имею в виду... я только хотел... нельзя ли мне выпить воды?

— Конечно, конечно! Пойдемте со мной, здесь, за углом, фонтанчик, я провожу вас. — Доктор Макэван повел его по коридору, горячо сетуя по поводу состояния здоровья Роджера.

Оказавшись вне замкнутого пространства крошечного кабинетика, вдали от папок и книг Джилиан Эдгарс, Роджер почувствовал себя немного лучше. Но мысль о том, чтобы снова вернуться в эту комнату, где все, что говорила Клэр, казалось, эхом отражается от тонких перегородок... нет. Клэр и сама сможет закончить разговор с доктором. Роджер быстро прошел мимо комнаты, не заглянув в нее, и вошел в дверь, которая снова привела его к столу администратора.

Очки миссис Эндрюс обратились в его сторону, сверкая от сочувствия и любопытства.

— Дорогой мистер Уэйкфилд, вы себя неважно чувствуете?

Роджер провел рукой по лицу — должно быть, он действительно выглядел ужасно, — и улыбнулся пухленькой низенькой секретарше:

— Нет, спасибо, ничего. Там было немного жарко. Я спустился вниз, чтобы подышать свежим воздухом.

— О да. — Женщина понимающе кивнула. — Это все радиаторы. — Она произнесла «рад-диаторы». — Знаете, они ужасно нагреваются и сами не отключаются. Пойду посмотрю. — Она поднялась из-за стола и взглянула на фотографию Джилиан Эдгарс, которая еще лежала среди бумаг, затем подняла взгляд на Роджера. — Ну не удивительно ли? — заметила она. — Я тут смотрела на эту фотографию и никак не могла

понять, что поразило меня в лице миссис Эдгарс. Но она — это копия вы, мистер Уэйкфилд, особенно глаза. Что за совпадение! Мистер Уэйкфилд? — Миссис Эндрюс смотрела в сторону лестницы, где шаги Роджера эхом отражались от деревянных ступеней. — Наверное, немного перебрал, — добродушно произнесла она. — Бедный паренек.

Солнце стояло еще высоко, когда Клэр присоединилась к нему на улице, но день подходил к концу. Люди торопились домой, к ужину, в воздухе царил умиротворение, предчувствие желанного отдыха после долгого трудового дня.

У Роджера такого чувства не было. Он подошел, чтобы открыть дверь машины для Клэр; его обурежала такая смесь мыслей и эмоций, что он никак не мог решить, с чего начать разговор. Клэр села в машину, сочувственно глядя на него.

— Довольно неприятно, не так ли? — Вот все, что она сказала.

Дьявольская путаница новых улиц с односторонним движением, проходящих через центр города, требовала от него полной сосредоточенности. Прошло немало времени, прежде чем он смог оторвать глаза от дороги и произнести:

— А что же дальше?

Клэр сидела, откинувшись назад, закрыв глаза, волосы ее выбились из-под заколки. Услышав его вопрос, она не открыла глаз, только пошевелилась, усаживаясь поудобнее.

— Почему бы вам не пригласить Бри куда-нибудь поужинать? — спросила она.

Ужин? Глупо останавливаться для того, чтобы поужинать, если ты в середине такого жизненно важного расследования, но, с другой стороны, Роджер вдруг почувствовал, что сосущая пустота в желудке объясняется не только откровениями последних часов.

— Ну хорошо, — медленно произнес он. — Тогда завтра...

— Зачем ждать до завтра? — прервала его Клэр. Она уже выпрямилась и приводила в порядок прическу. У нее были густые, непослушные волосы, падающие кольцами на плечи. Роджер подумал, что это удивительно ее молодит. — А после ужина вы можете пойти и поговорить с Грегом Эдгарсом. Что вы об этом думаете?

— Как вы узнали, что его зовут Грег? — с любопытством спросил Роджер. — И если он не захотел говорить со мной днем, почему вы считаете, он будет разговаривать со мной вечером?

Клэр взглянула на Роджера так, будто вдруг засомневалась в его умственных способностях.

— Его имя я знаю потому, что прочла его на письме в его почтовом ящике, — сказала она. — А что касается вашего с ним разговора, сегодня вечером он будет говорить с вами потому, что на этот раз вы придете к нему с бутылкой виски.

— И вы думаете, это заставит его пригласить нас в квартиру?

Она приподняла бровь.

— Разве вы не видели в его мусорном ящике целую коллекцию пустых бутылок? Конечно же он примет вас. Как миленький. — Она откинулась назад, засунув руки в карманы пальто и рассеянно глядя на пробегающую мимо улицу. — Попробуйте узнать, не пойдет ли с вами и Брианна, — небрежно бросила Клэр.

— Она же сказала, что не хочет иметь с этим ничего общего, — возразил Роджер.

Клэр недовольно взглянула на него. Солнце светило ей в спину, от этого ее глаза загорелись желтым янтарным светом, словно у волка.

— В таком случае, я полагаю, вы не будете рассказывать ей заранее о том, что собираетесь делать, — произнесла она таким тоном, что Роджер тут же вспомнил, что Клэр главный врач большого госпиталя.

У него загорелись уши, но он упрямо продолжал:

— Вы все равно не сможете это скрыть, если вы и я...

— Не я, — перебила его Клэр, — вы. У меня есть еще кое-какие дела.

Это уж слишком, подумал Роджер. Он резко, без всякого сигнала, повернул машину, остановился на обочине дороги и в упор посмотрел на Клэр.

— У вас есть еще кое-какие дела? — требовательно переспросил он. — Мне это нравится! Вы поручаете мне войти в доверие к горькому пьянице, который, вероятно, кинется на меня, и вдобавок посылаете вашу дочь наблюдать за всем этим! Для чего? Уж не для того ли, чтобы она отвезла меня в больницу, после того как Эдгарс разобьет мне голову бутылкой?

— Нет, — ответила Клэр, никак не реагируя на его тон. — Мне кажется, вы и Грег Эдварс сможете преуспеть в том, что не удалось мне, и убедите Бри, что Джилиан Эдгарс и есть та самая женщина, которую я знала как Джейлис Дункан. Меня она не слушает. Вероятно, не слушает и вас, если вы попытаетесь рассказать ей то, что мы видели сегодня в институте. Но Грега Эдварса она слушает. — Клэр говорила спокойным, властным тоном, и Роджер почувствовал, что его раздражение постепенно улетучивается. Он снова завел машину и влился в общий поток автомобилей.

— Ладно, я попытаюсь, — сухо сказал он, не глядя на Клэр. — А куда вы собираетесь в это время?

Послышалось легкое шуршание — Клэр снова опустила руку в карман. Затем вытащила ее и разжала пальцы. Он заметил в темноте на ее ладони маленький блестящий предмет. Ключ.

— Я собираюсь ограбить институт, — спокойно сказала Клэр. — Мне нужна та тетрадь.

Как только Клэр уехала, сославшись на столь необычное «дело», — что заставило Роджера вздрогнуть, — он и Брианна поехали в бар, но затем решили ненадолго отложить свой ужин, так как вечер был удивительно прекрасен. Они спустились по узкой тропинке к реке Несс, и в компании Брианны он скоро забыл обо всех неприятностях этого дня.

Вначале они говорили осторожно и только о делах отвлеченных, избегая всего, что могло бы вызвать споры. Затем разговор перешел на работу Роджера и постепенно оживился.

— А между прочим, откуда вы так много знаете? — заинтересовался Роджер, прервав беседу на полуслове.

— Этому меня учил отец, — объяснила она. При слове «отец» Бри слегка напряглась и вызывающе посмотрела на него, словно ожидая возражений. — Мой настоящий отец, — добавила она со значением.

— Да, он много знал, — мягко произнес Роджер, проигнорировав вызов. У нас будет уйма времени, чтобы поговорить на эту тему, моя девочка, цинично подумал он. А пока что я не собираюсь лезть в эту ловушку.

Ниже, на той же улице, Роджер увидел свет в окне дома Эдгарса. Итак, зверь уже в берлоге. При мысли о предстоящей встрече он почувствовал неожиданный выброс адреналина в кровь.

Волна адреналина уступила место выделившемуся желудочному соку, когда они вошли в бар, благоухающий картофельной запеканкой с мясом. Они дружески болтали о том о сем, старательно избегая всякого упоминания о вчерашней сцене в доме пастора. Роджер заметил холодок в отношениях между Клэр и ее дочерью еще до того, как высадил Клэр на остановке такси по дороге в бар.

Сидя рядом на заднем сиденье, они напоминали ему двух кошек с прижатыми ушами и подрагивающими хвостами, избегающими смотреть в глаза друг другу, дабы не пришлось пускать в действие когти.

Расправившись с обедом, Брианна пошла за пальто, пока он платил по счету.

— А это зачем? — спросила она, заметив бутылку виски у него в

руке. — Планируется грандиозный сабантуй?

— Сабантуй? — переспросил он, посмеиваясь. — Ты определенно делаешь успехи. А что еще ты узнала на своих лингвистических занятиях?

Она с притворной скромностью опустила глаза.

— В Штатах есть танец, называется «пьянчужка». Думаю, мне не придется просить тебя исполнить его вместе со мной.

— Пожалуй, нет, если ты это имеешь в виду.

Они оба рассмеялись, но он заметил, что щеки ее еще больше порозовели, и он вдруг почувствовал такое волнение, что повесил пальто на руку, вместо того чтобы надеть его.

— Ну, после всей этой ерунды что-нибудь такое вполне возможно, — сказала она с недоброй усмешкой, указывая на бутылку виски. — Впрочем, ужасный вкус.

— Это приобретено, девушка, — сообщил ей Роджер с резким акцентом, — для одного истинного шотландца. Вам я куплю другую бутылку, если захотите попрактиковаться на ней. А это подарок, я хочу его бросить одному типу. Зайдешь со мной или мне сделать это позже? — спросил он. Он не знал, хочется ли ему, чтобы она пошла с ним, или нет, но почувствовал прилив радости, когда она кивнула и стала надевать пальто.

— Конечно, почему бы нет?

— Отлично. — Он осторожно поправил воротник ее пальто, так что он аккуратно раскинулся по плечам. — Это в конце улицы. Идем?

Вечером все выглядело немного лучше. Темнота скрывала ветхость домов, а свет, падающий из окон на небольшие цветники перед ними, придавал улице уютный вид, которого они были лишены днем.

— Это не займет и минуты, — сказал Роджер, нажимая на звонок. Он сам не знал, так это будет или нет. Как только дверь открылась, его первые страхи прошли — кто-то был дома.

Эдгарс явно провел день в компании одной из бутылок, стоящих на краю буфета, видневшегося за его спиной. К счастью, он не связал приход вечерних гостей с утренним вторжением.

— Кузен Джили? А я и не знал, что у нее есть кузен.

Еще по дороге к дому Роджер решил, что он представится именно так.

— Есть, — отвечал Роджер, дерзко ухватившись на этот предлог. — Это я. — Он самолично объяснится с Джилиан, когда увидит ее. Если увидит.

Эдгарс мигнул раз-другой и потер кулаком воспаленный глаз, как будто для того, чтобы лучше рассмотреть их. Потом его взгляд с некоторым трудом сфокусировался на Брианне, которая спокойно стояла позади

Роджера.

— А это кто? — требовательно спросил Эдгарс.

— Э... моя девушка, — вышел из положения Роджер.

Брианна, прищурившись, посмотрела на него, но ничего не сказала. Она начинала чувствовать, что здесь что-то не то, но все же молча шагнула вперед, когда Грег Эдгарс распахнул перед ними дверь.

Маленькая и душная квартира была тесно заставлена подержанной мебелью. В воздухе висел застоявшийся запах сигарет и редко выносимого мусора. На всех горизонтальных поверхностях лежали остатки недоеденной пищи. Брианна бросила на Роджера долгий взгляд, как бы говоря: «Ну и хороши же у тебя родственнички», на что он слегка пожал плечами, что означало: «Я не виноват». Хозяйки дома, совершенно очевидно, не было и какое-то время не будет. В физическом смысле, по крайней мере. Повернувшись, чтобы взять предложенный ему Эдгарсом стул, Роджер увидел перед собой большую студийную фотографию в медной рамке, стоящую в центре небольшой каминной полки. Он едва удержался от восхищенного восклицания.

Казалось, женщина с фотографии смотрела ему прямо в лицо, легкая улыбка трогала уголок ее рта. Белокурые волосы цвета платины, густые и блестящие, ниспадали на плечи, обрамляя прекрасной формы лицо. Глубокие зеленые глаза цвета зимнего мха сверкали под темными густыми ресницами.

— Очень похожа, а? — кивнул Эдгарс на фото со смешанным выражением враждебности и тоски.

— А, да... очень.

У Роджера перехватило дыхание, и он повернулся, чтобы смахнуть со стола какие-то крошки и куски промасленной бумаги. Брианна с интересом рассматривала фотографию. Она переводила взгляд с портрета на Роджера и обратно, явно сравнивая их. Двоюродные, может ли быть такое?

— Я понимаю, Джилиан здесь нет? — Роджер отмахнулся от бутылки, которую Эдгарс вопросительно наклонил в его сторону, но потом передумал и кивнул. Возможно, за общей выпивкой Эдгарс разговорится. Если Джилиан здесь нет, ему нужно выяснить, где она.

Вытаскивая зубами пробку, Эдгарс отрицательно покачал головой и аккуратно снял с нижней губы кусочки воска и бумаги.

— Будь она тут, здесь не было б такой помойки, приятель. — Он широким жестом обвел переполненные пепельницы и скомканные бумажные стаканчики. — Может быть, теснее, но не так грязно. — Он достал из китайского серванта три винных стакана и подозрительно

заглянул в каждый, словно проверяя, нет ли там пыли.

С преувеличенной осторожностью очень пьяного человека Эдгарс разлил по стаканам виски и один за другим перенес их через комнату своим гостям. Брианна приняла свой стакан с такой же осторожностью, но от предложенного стула отказалась и грациозно прислонилась к углу китайского шкафчика.

Эдгарс, не обращая внимания на хлам, плюхнулся на продавленный диван и поднял свой стакан.

— Твое здоровье, приятель, — коротко сказал он и сделал большой глоток. — А как, ты сказал, твое имя? — требовательно спросил он, оторвавшись от стакана. — А, Роджер, правильно. Джили никогда не упоминала о тебе, а ведь... должна б, — добавил он уныло. — Никогда ничего не знал о ее семье, она не говорит. Надо думать, стыдятся их... всех. Но... ты не такое уж чудовище, — великодушно добавил он. — И девочка у тебя симпатичная. Правильно, а? Можно сказать, просто симпатяга, слышишь? — Он громко захохотал, расплескивая виски.

— Да-а, — протянул Роджер. — Благодарю. — Он сделал небольшой глоток. Брианна, обиженная, повернулась к Эдгарсу спиной и стала внимательно рассматривать содержимое китайского шкафчика через резные стеклянные дверцы.

Нечего ходить вокруг да около, решил Роджер. Эдгарс не упустит возможности поживиться на чужой счет, и, судя по тому, с какой скоростью он пил, есть большая опасность, что скоро он отключится.

— Так вы не знаете, где сейчас Джилиан? — напрямик спросил он. Странное дело, каждый раз, когда он произносил ее имя, язык его поворачивался с трудом. На этот раз он не удержался и взглянул на каминную полку, где она спокойно улыбалась с фотографии, глядя на пьянку внизу.

Эдгарс покачал головой, медленно раскачивая ее над стаканом, как бык над кормушкой. Невысокий, крепкого сложения, примерно одного возраста с Роджером, он выглядел значительно старше из-за неряшливой бороды и растрепанных черных волос.

— Не-а, — сказал он. — Хотя, может, и знаю. Наверно, у этих наци... или в Розе, не знаю, у кого именно.

— Националистов? — Сердце Роджера заколотилось с бешеной силой. — Вы имеете в виду шотландских националистов?

Эдгарс приоткрыл уже начавшие было опускаться веки.

— Ага. Проклятые наци. Там я и встретил Джили.

— Когда это было, мистер Эдгарс?

Заслышав откуда-то сверху тихий голос, Эдгарс удивленно поднял голову. Нет, говорила, конечно же, не фотография, а Брианна, напряженно глядя вниз, на Грега Эдгарса. Роджер не знал, то ли она просто решила поддержать беседу, то ли что-то заподозрила. На ее лице было выражение вежливого интереса, и ничего более.

— Н-не знаю... может, два, может, три года назад. Сначала было здорово. Вышвырнуть проклятых англичан, присоединиться к Общему рынку, самим... Пиво в пабе, обжиманье на заднем сиденье, когда возвращались с митингов... — Эдгарс снова покачал головой, в глазах появилось мечтательное выражение. Затем улыбка исчезла, он снова нахмурился, глядя в свой стакан. — Все до того, как она рехнулась.

— Рехнулась? — Роджер снова бросил быстрый взгляд на фотографию. Впечатлительна? Да. Такой она и выглядела. Но, конечно, не сумасшедшая. Хотя что можно сказать по фотографии?

— Ну да. Общество Белой Розы. Дорогой Карл. Лучше не вспоминать эту чушь. Куча придурков в шотландских юбках, в шотландской одежде, с мечами, и все такое. Здорово, если вам это нравится, конечно, — добавил он с пьяной объективностью. — Но Джили слишком уж увлеклась. День и ночь про наследного принца, и что было бы, выиграй он войну тысяча семьсот сорок пятого года. Запиралась в кухне, пила пиво и рассуждала, почему он проиграл. И все по-гэльски. — Он округлил глаза. — Забила себе голову всякой ерундой... — В подтверждение сказанного он вновь осушил стакан.

Роджер почувствовал, как глаза Брианны буравят его затылок. Ему захотелось расстегнуть ворот, хотя галстука он не носил и воротник его рубашки был свободным.

— А не интересовалась ли ваша жена каменными столбами, мистер Эдгарс? — В голосе Брианны был теперь не просто вежливый интерес — он стал острым, как нож для сыра. Должно быть, это почувствовал и Эдгарс.

— Каменные столбы? — По-видимому, его уже сильно развезло. Он засунул указательный палец в ухо и начал энергично скрести его, как будто надеясь лучше расслышать вопрос.

— Доисторическими каменными кругами. Такими, как Клэва Кейренс, — пояснил Роджер, называя одну из местных достопримечательностей. Ни за какие деньги Брианне не стоит больше с ним разговаривать, подумал он, мысленно смиряясь с этим, так что теперь нужно хоть выяснить побольше.

— А, ими-то? — хохотнул Эдгарс. — И ими, и всякой другой ерундой.

Это была ее самая последняя выдумка, и самая вредная. Дни и ночи в этом своем ин-институте... тратить все деньги на курсы... Курсы! Курам на смех. Всякие сказки — вот чему там учат. В этом месте ничего полезного не узнаешь, девушка, вот что я тебе скажу. А почему бы не научиться печатать? Сможешь и заработать, если захочешь. Вот что я ей сказал. А она ушла, — мрачно закончил он. — Я не видел ее уже две недели.

Эдгарс уставился в свой стакан, как будто удивляясь, почему он пуст.

— Хотите еще? — спросил он, потянувшись за бутылкой, но Брианна решительно покачала головой:

— Благодарю вас, нет. Нам нужно идти. Не так ли, Роджер?

Увидев опасный блеск в ее глазах, Роджер решил, что лучше отказаться от дальнейших совместных возлияний с Греггом Эдгарсом. Кроме того, предстоял еще долгий путь обратно, если Брианна не позволит ему взять такси. Вздыхнув, он встал и на прощание пожал Эдгарсу руку. Рука была теплой и на удивление крепкой, хотя и немного влажной.

Ухватив бутылку за горлышко, Эдгарс проводил их до двери. Он постоял, глядя на них через сетку от комаров, и вдруг неожиданно крикнул:

— Эй, увидишь Джили — скажи, пусть возвращается домой.

Роджер повернулся и помахал рукой темной фигуре в освещенном проеме двери.

— Постараюсь, — отозвался он, слова застревали у него в горле.

Они вышли на дорогу и прошли уже половину улицы по направлению к бару, прежде чем Брианна повернулась к Роджеру.

— Какого черта ты все это затеял? — Голос ее звучал сердито, но не истерично. — Ты говорил, что у тебя нет никаких родственников в северной Шотландии, а как же эти кузены? Кто эта женщина на фотографии?

Ища поддержки, Роджер осмотрел темную улицу, но помощи ждать было неоткуда. Тогда он поглубже вздохнул и взял ее под руку.

— Джейлис Дункан, — сказал он.

Брианна остановилась как вкопанная, от неожиданности его рука дрогнула. Она очень осторожно высвободила свой локоть. Тонкая ткань этого вечера разорвалась, пополам.

— Не... прикайся... ко мне, — процедила она сквозь зубы. — Это что, мама все придумала?

Роджеру очень хотелось, чтобы она его поняла, но все же он почувствовал, как в нем нарастает гнев.

— Послушай, — сказал он, — неужели во всей этой истории ты не можешь подумать о ком-нибудь, кроме себя? Я знаю: для тебя это удар, —

Господи, да иначе и быть не может. Но если ты не можешь заставить себя просто подумать обо всем этом... Ладно, я не буду на тебя давить. Но это касается твоей матери. И меня.

— Тебя? А какое ты имеешь к этому отношение? — На улице было темно, ее лица он не видел, но в голосе девушки явно слышалось удивление.

Роджеру вовсе не хотелось усложнять дело, рассказывая о себе, но сейчас стало ясно, что секрета больше не утаить. И Клэр, предлагая пригласить на этот вечер Брианну, без сомнения, тоже понимала это.

И вдруг его озарило: впервые за все время он понял, чего добивалась Клэр. Без сомнения, она искала возможность подтвердить Брианне свой рассказ. Для этого у нее была только Джилиан Эдгарс, которая, возможно, еще не исчезла, чтобы в качестве Джейлис Дункан встретиться со своей судьбой — сгореть привязанной к пылающему столбу под рябиновыми деревьями Леоха. Самый упрямый циник будет убежден, увидев, как кто-то прямо у него на глазах исчезает в прошлом. Не удивительно, что Клэр хотела разыскать Джилиан Эдгарс.

В нескольких словах он рассказал Брианне о своих связях с так называемой ведьмой из Крэйнсмуира.

— Вот и получается: или моя жизнь, или ее, — закончил он, с отвращением подумав, как мелодраматично это прозвучало. — Клэр, твоя мать предоставила решение мне самому. И я подумал, что должен по крайней мере ее разыскать.

Слушая его, Брианна остановилась. В тусклом свете, падающем из окна углового магазина, он заметил, как она уставилась на него.

— Значит, ты веришь в это? — спросила она. В голосе — ни сомнения, ни насмешки, она была совершенно серьезна.

Роджер вздохнул и снова взял ее под руку. Брианна не возражала и пошла с ним рядом.

— Да, — сказал он. — Пришлось поверить. Ты не видела лица своей матери, когда она прочитала слова, написанные внутри кольца. А я видел. Это была реальность. И она разбила мне сердце.

— Надо было сказать мне об этом, — произнесла она после короткого молчания. — Какие слова?

К тому времени, когда он закончил рассказ, они дошли до автопарка, расположенного за баром.

— Ну... — нерешительно протянула Брианна. — Если... — Она снова остановилась, глядя ему в глаза. Она стояла так близко от него, что он чувствовал тепло ее груди совсем рядом с собой, но он не коснулся ее.

Церковь Святой Хильды была далеко, и никому из них не хотелось вспоминать могилу под тисовыми деревьями, где на камне были написаны имена ее родителей.

— Я не знаю, Роджер, — сказала она, покачав головой. Свет, падавший от неоновой витрины магазина, зажег в ее волосах пурпурные искры. — Я просто не могу... я еще не могу думать об этом. Но... — Она не могла найти подходящих слов, просто подняла руку и коснулась его щеки — движением легким, как дуновение ветерка.

Если вы решили совершить ограбление и у вас есть ключ, то дело это совсем нетрудное. Вероятность того, что миссис Эндрюс или доктор Макэван вернутся и застанут меня на месте преступления, была ничтожно мала. А даже если это случится, достаточно будет сказать, что я вернулась, чтобы поискать записную книжку, которую потеряла, и нашла дверь открытой. Подобной практики у меня еще не было, но, видно, жульничество сидело у меня в крови. Лгать — все равно что кататься на велосипеде, — раз научившись, никогда не забудешь, как это делается.

Значит, не акт добывания тетради Джилиан Эдгарс заставил громко стучать мое сердце. А сама книга.

Как говорил мне в Париже мастер Раймонд, сила и опасность магии в людях, которые верят в нее. Бегло ознакомившись днем с содержанием этой тетради в картонной обложке, я сделала вывод, что информация, собранная в ней, представляет собой невероятную мешанину фактов, домыслов, безудержной фантазии, — все это может быть интересно только писателю. Но мне было почти физически неприятно касаться ее. Зная, кому принадлежит тетрадь, я представляла себе, что это такое: зловещее собрание магических тайн и заклинаний.

Но если существует где-нибудь ключ к раскрытию местопребывания и намерениям Джейлис Дункан, то он там. Подавив в себе отвращение от прикосновения к гладкой обложке, я сунула тетрадь под пальто и, придерживая локтем, начала спускаться по лестнице.

Благополучно оказавшись на улице, я все еще продолжала сжимать тетрадь под локтем — переплет стал мягким от тепла моей руки. Мне казалось, я несу бомбу, что-то такое, с чем нужно обращаться с чрезвычайной осторожностью, чтобы не вызвать взрыв.

Какое-то время я медленно шла по улице, потом вошла в небольшой садик маленького итальянского ресторанчика с террасой, выходящей к реке. Вечер был прохладным, но небольшой электрический камин согревал террасу настолько, что на ней можно было сидеть. Я выбрала столик и заказала стакан кьянти. Я медленно пила вино, тетрадь лежала передо мной

на бумажной салфетке, притаившись в тени корзиночки с чесночным хлебом.

Был конец апреля. До первого мая — Праздника костров — оставалось всего несколько дней. Именно в это время я совершила свое неожиданное путешествие в прошлое. Неужели это как-то связано с датой, размышляла я, или со временем года? Когда я вернулась, была середина апреля — вероятно, поэтому и стал возможен этот сверхъестественный переход. А может быть, время года не играет никакой роли? Я заказала еще стакан вина.

Возможно, только определенные люди наделены способностью проникать за барьер, непреодолимый для других. В чем тут дело? Может быть, в генетической предопределенности? Кто знает? Джейми не смог преодолеть этот барьер, а я смогла. И Джейлис Дункан, очевидно, смогла или сможет. А может быть, и нет. Я подумала о молодом Роджере Уэйкфилде и почувствовала легкую тошноту. Наверное, нужно было заказать к вину какую-нибудь еду.

Посещение института убедило меня в том, что Джили-ан — Джейлис еще не совершила своего фатального перехода. Всякий, кто изучал легенды северной Шотландии, знает, что приближается Праздник костров; тот, кто планирует такой переход, наверняка приурочит его к этому дню. Но я не имела понятия, где она сейчас пребывает. Может, скрывается, выполняя обряд подготовки, позаимствованный у неodruidов, к которым принадлежит Фиона? Ключ мог быть в этой тетради, но Бог его знает, так ли это.

Только Господу Богу ведомо, какими мотивами руководствовалась тогда я сама. Я думала, что знаю это, но теперь сильно засомневалась. Не потому ли я заставила Роджера разыскивать Джейлис, что это был единственный способ убедить Брианну? Допустим, мы вовремя ее отыщем, но мои слова найдут подтверждение лишь в том случае, если Джилиан удастся вернуться назад. А это означает ее смерть в огне.

Когда Джейлис Дункан была осуждена как ведьма, Джейми сказал мне: «Не горюй о ней, Саксоночка, она — испорченная женщина». Но испорченная она или просто сумасшедшая, сейчас не имело значения. Могу ли я бросить ее одну и предоставить в одиночестве идти навстречу своей судьбе? Все же когда-то она спасла мне жизнь. И кем бы она ни была — или будет, — я обязана попытаться спасти ей жизнь. И погубить Роджера? Есть ли у меня право вмешиваться?

«Это не вопрос права, Саксоночка, — услышала я голос Джейми, в нем слышалось легкое недовольство. — Это вопрос долга, чести».

— Чести? — громко произнесла я. — А что это такое?

Официант с тарелкой в руках удивленно посмотрел на меня.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — ответила я, совершенно не заботясь о том, что он обо мне подумает. — Принесите лучше остальную бутылку.

Я закончила свой ужин в окружении призраков. Потом, подкрепившись едой и вином, отодвинула в сторону пустую тарелку и открыла серую тетрадь Джилиан Эдгарс.

Глава 49

БЛАГОСЛОВЕННЫ ТЕ, КТО ВЕРУЕТ...

Нет места темнее, чем дорога в северной Шотландии в безлунную ночь. Фары проносящихся время от времени машин высвечивали голову и плечи Роджера. Он наклонился вперед, будто готовясь к отражению подступающей опасности. Бри, тоже ссутулившись, сидела рядом со мной, забившись в угол. Так мы и сидели втроем, замкнутые, отъединенные друг от друга, погруженные каждый в свое собственное молчание, внутри огромной, всепоглощающей тишины стремительно несущейся машины.

Мои пальцы перебирали в карманах пальто мелкие монеты и прочую ерунду: кусочек какой-то ткани, огрызок карандаша, маленький резиновый шарик, оставленный на полу моего офиса малолетним пациентом. Подушечка большого пальца поглаживала края американского двадцатипятицентовика, выпуклую поверхность английского пенни и резкую бородку ключа от комнаты Джилиан Эдгарс, который я так и не вернула институту.

Перед тем как выехать, я снова пыталась дозвониться до Грега Эдгарса. Телефон звонил и звонил, но ответа не было.

Я вглядывалась в темное стекло окна рядом со мной, но не видела в нем ни своего отражения, ни массивных контуров каменных уступов, ни редких деревьев, пробегающих за окном. Вместо этого я видела ряды книг, аккуратно выстроившихся — точно аптекарские банки — на единственной полке крошечного кабинетика. А внизу тетрадь, исписанная мелким торопливым почерком, где в строгом порядке излагались выводы и заключения, вперемешку с мифами и научными фактами, почерпнутыми из легенд и бесед с учеными, и все было замешано на каких-то снах и мечтаниях. Любому случайному читателю это показалось бы какой-то заумной чепухой или, в лучшем случае, наброском романа с весьма надуманным сюжетом. Но я-то видела во всем этом глубоко продуманный, тщательно отработанный план.

Будто пародируя научную методику, первая часть книги была озаглавлена: «Наблюдения». В ней содержались разрозненные ссылки и сноски, крошечные чертежи и тщательно пронумерованные таблицы. «Положение луны и солнца в Праздник костров» — так была озаглавлена одна таблица, под ней — более двухсот парных цифр. Такие же таблицы были сделаны для предновогодней ночи, дня солнечного противостояния и

Дня Всех Святых. Как раз завтра — один из древнейших праздников огня и солнца — Праздник костров.

Центральная часть тетради называлась: «Размышления». По крайней мере, тут есть какая-то система, раздраженно подумала я. На одной странице аккуратно, с наклоном было выведено: «Людей, предназначенных для жертвоприношения, друиды сжигали в клетках, сплетенных по форме тела жертвы, некоторых же подвергали удушению и затем перерезали им горло, чтобы выпустить из тела кровь. Так что же является необходимым элементом — огонь или кровь?» Это леденящее кровь любопытство вызвало в моей памяти лицо Джейлис Дункан, но не лицо студентки с широко открытыми глазами и прямыми волосами, чья фотография хранилась в институте, а хитроватое лицо жены сборщика налогов, лет на десять старше, сведущей в наркотиках, умеющей использовать людей в своих интересах и хладнокровно убивать их ради достижения своих целей.

В конце тетради на аккуратно наклеенной полоске бумаги значилось: «Заключения». Я изо всех сил сжала в пальцах ключ, всем сердцем желая, чтобы Грег Эдгарс ответил на телефонный звонок.

Роджер затормозил и свернул на ухабистую, грязную дорогу, ведущую к подножию холма, называемого Крэг-на-Дун.

— Ничего не вижу, — сказал он. Он так долго молчал, что голос его прозвучал хрипло и чуть ли не вызывающе.

— Естественно, — нетерпеливо произнесла Брианна. — Отсюда каменный крут не виден.

Роджер фыркнул в ответ и повел машину еще медленнее. Конечно, Брианна нервничала, но и он тоже. Только Клэр казалась спокойной и никак не реагировала на накаляющуюся обстановку.

— Она здесь, — вдруг сказала Клэр.

Роджер так резко затормозил, что Клэр и ее дочь от неожиданности подались вперед и уткнулись в переднее сиденье.

— Осторожнее, ты, идиот! — яростно бросила Брианна Роджеру. Она провела рукой по волосам, убирая их с лица быстрым, нервным движением. — Где? — спросила она.

По-прежнему не вынимая рук из карманов, Клэр кивнула вперед и вправо.

— Здесь припаркована машина, прямо за этими зарослями.

Роджер облизнул губы и потянулся к ручке двери.

— Это машина Эдгарса. Пойду посмотрю, а вы оставайтесь здесь.

Брианна распахнула дверцу со своей стороны так резко, что несмазанные петли заскрипели. В слабом свете, льющемся с небес, он

увидел, что она бросила на него презрительный взгляд, и покраснел.

Она вернулась раньше, чем Роджер успел выйти из машины.

— Там никого нет, — доложила она и посмотрела на вершину холма. — Ты думаешь?..

Клэр кончила застегивать пальто и вышла в темноту, не отвечая на вопрос дочери.

— Вот здесь тропинка, — сказала она.

Клэр шла впереди, и Роджер, видя перед собой бледный, подобно призраку, силуэт, взбирающийся по склону холма к вершине, невольно вспомнил их недавнее восхождение по крутым склонам к церкви Святой Хильды. Брианна думала о том же; какое-то мгновение она колебалась, он слышал ее сердитое бормотание, затем ее рука протянулась, ухватила его за локоть и крепко сжала — то ли она хотела подбодрить его, то ли искала в нем поддержки. Во всяком случае его она приободрила, он потрепал ее по руке и сунул ее руку себе под локоть. Несмотря на все сомнения, фантастическую необычность всей экспедиции, его охватило волнение, когда они стали приближаться к вершине холма.

Была темная, безлунная ночь, и только слабый рассеянный свет звезд высвечивал по временам неясные очертания камней древнего круга, вырывая их из ночного мрака. Они трое остановились на округлой вершине холма, сбившись вместе, словно заблудившиеся овцы. Стояла такая тишина, что собственное дыхание показалось Роджеру неестественно громким.

— Глупость, — сквозь зубы процедила Брианна.

— Нет, не глупость, — сказал Роджер. Он почувствовал, как у него перехватило дыхание, будто крепкая повязка сжала ему грудь. — Там свет.

Свет был едва заметен — не более чем быстро исчезнувшее мерцание, но он видел его. И сразу стало легче дышать.

Что же теперь? — размышлял Роджер. Может быть, закричать? Или их крик побудит их добычу к активным действиям? А если так, то что же им делать?

Он видел, как Клэр медленно качает головой, словно отгоняя назойливое насекомое. Она сделала шаг назад, отшатнувшись от ближайшего камня, и наткнулась на Роджера.

Он схватил ее за руку, приговаривая:

— Спокойно, спокойно, — как обычно говорят лошади.

Ее лицо казалось бледным пятном в звездном свете, льющемся с небес; он почувствовал дрожь, пробежавшую по ее телу, словно электрический ток, и застыл в нерешительности, держа ее за руку.

Его привел в чувство неожиданный запах бензина. Он смутно почувствовал, как вскинула голову Брианна, почувствовав этот запах, и повернулась в сторону северной оконечности круга; затем он отпустил руку Клэр и бросился через кусты и камни к центру круга, где какая-то темная согнутая фигура чертила круг на светлой, на фоне окружающей темноты, траве.

Голос Клэр, сильный и строгий, прозвучал за его спиной, нарушив тишину.

— Джилиан, — позвала она.

Раздался тихий неожиданный свист, и ночь осветилась ярким пламенем. Потрясенный Роджер отступил назад, споткнулся и упал на колени.

Сначала — ничего, затем острая боль в глазах и резкий свет, ослепивший его. Он услышал крик рядом с собой и почувствовал на плече руку Брианны. Роджер крепко зажмурился, из глаз потекли слезы, и зрение начало возвращаться к нему.

Стройная фигура стояла между ними и огнем — силуэт, похожий на песочные часы. Когда зрение вернулось, он понял, что женщина была одета в длинную широкую юбку и узкую жилетку — одежду из другого времени. Она повернулась на зов, и Роджер заметил большие глаза и светлые летящие волосы, развеваемые горячим ветром от костра.

Он стоял на нетвердых ногах, удивляясь, как она смогла притащить сюда такое большое бревно. Затем — как удар в лицо — он ощутил запах горящих волос и потрескивание кожи. Он вспомнил. Сегодня вечером Грега Эдгарса не было дома. Не зная, что является необходимым элементом, кровь или огонь, она решила попробовать и то и другое.

Роджер промчался мимо Брианны, весь сосредоточившись на высокой, стройной девушке, которую он видел перед собой, на ее лице — зеркальном отражении его собственного лица. Она увидела его, повернулась и понеслась, стремительно, как ветер, к расщелине в конце каменного круга. Через плечо у нее был перекинут грубый холщовый рюкзак; он слышал ее недовольное ворчание, когда при беге рюкзак бил ее по бедру.

Она немного помедлила, протянув руку к скале, и оглянулась назад. Он мог бы поклясться — по ту сторону огненной завесы ее глаза остановились на нем, встретили его взгляд и выдержали его. Он открыл рот в безмолвном крике. Она повернулась, легкая, словно искра, и исчезла в расщелине.

Огонь, мертвое тело, сама ночь — все внезапно исчезло в резком оглушительном грохоте. Роджер почувствовал, что лежит на траве лицом

вниз, цепляясь за землю в неистовой жажде ощутить под рукой хоть что-нибудь знакомое, чтобы сохранить разум. Но тщетно, все его чувства отказали ему; сама земля казалась чем-то нематериальным, аморфным, будто он лежал на зыбучем песке, а не на твердом граните.

Ослепленный сверкающей белизной, оглушенный визгом расступающихся камней, Роджер шарил по земле руками, яростно бил по ней ногами, не ощущая собственных конечностей и осознавая только одно: что-то с бешеной силой тянет его к тому темному кругу и он должен, должен противостоять этой силе.

Слух постепенно начал возвращаться к нему, и тогда он услышал голос, выкликающий его имя. Вернее, его имя, повторяемое между какими-то обрывками фраз:

— Ты, идиот! Ты... придурок! Роджер, да очнись же ты, осел!.. — Голос звучал приглушенно — по крайней мере, так ему казалось, — но он ясно различал слова. С нечеловеческим усилием он приподнялся и уцепился за ее руки. Он шел, спотыкаясь и пошатываясь, как будто выбрался из-под тяжелой лавины, и вдруг оказалось, что он тупо смотрит в залитое слезами лицо Брианны Рэндолл; глаза ее показались ему темными, как пещера в умирающем свете костра.

Нестерпимо пахло бензином и горелым мясом. Он отвернулся, зажал рот рукой, но его все-таки вырвало на мокрую траву. Занятый своей физической немощью, он даже не обрадовался тому, что к нему вернулась способность чувствовать запахи.

Он вытер рукавом рот и неуверенно потянулся к руке Брианны. Ее трясло.

— О Боже, — говорила она, — О Боже, я думала, что не смогу остановить тебя. Ты полз прямо туда. О Боже.

Роджер привлек ее к себе, она не сопротивлялась, но и не ответила ему, просто стояла и по-прежнему дрожала, и слезы текли из ее широко раскрытых глаз. И снова и снова, как затертая пластинка, она повторяла:

— О Боже.

— Ш-ш, все будет в порядке, — сказал Роджер, — Успокойся.

Голова стала кружиться меньше, но он все еще чувствовал себя так, словно его раскололи на несколько кусков и раскидали по всем частям света.

Из темноты послышался легкий хлопок, Брианна непроизвольно вскрикнула, и тишина ночи вернулась вновь. Он закрыл уши руками, словно для того, чтобы утишить эхо только что отзвучавшего шума.

— Ты это тоже слышала? — спросил он.

Брианна, как кукла, кивнула, все еще продолжая плакать.

— А твоя... — начал он, все еще с трудом собирая разбегающиеся мысли, затем резко выпрямился, как бы полностью придя в себя, — Твоя мама! — воскликнул он, крепко сжав руки Брианны. — Клэр? Где она?

От ужаса у Брианны отвалилась челюсть, диким взглядом оглядывала она опустевший круг, где зловеще маячили огромные, в рост человека, камни, едва видимые в тени умирающего костра.

— Мама! — закричала — нет, завизжала она. — Мама, где ты?

— Все в порядке, — сказал Роджер, стараясь говорить уверенно. — Теперь с ней все будет в порядке.

По правде говоря, он не знал, придет ли Клэр Рэндолл в себя хоть когда-нибудь. Она была жива — это единственное, за что он мог ручаться.

Они нашли ее у самого края круга, она лежала без чувств, бледная, как только что поднявшаяся на небо луна, и лишь капли крови, медленно сочившейся из пораненных ладоней, свидетельствовали о том, что сердце ее еще бьется.

О своем дьявольском нисхождении вниз, к тропе, к машине, когда ее вес мертвым грузом давил ему на плечи, неловко подталкивая его, когда он спотыкался на камнях, а ветви цеплялись за его одежду, он предпочитал не вспоминать.

Спуск по проклятому холму лишил его последних сил; и уже Брианна везла их к дому — руки ее как клещи впились в руль, лицо окаменело.

Скорчившись на сиденье рядом с ней, Роджер видел в боковом зеркале последний слабый отблеск на вершине холма, где, словно дымок от пушечного выстрела, плыло маленькое светящееся облачко — немое свидетельство воинственного прошлого.

Брианна склонилась над диваном, где лежала ее мать, неподвижная, как каменное изваяние на саркофаге. Роджер с содроганием взглянул на очаг, где притаилось дремавшее пламя, и включил маленький электрический камин, которым его преподобие согревал ноги зимними вечерами. Его прутья раскалились, стали оранжевыми, камин громко и дружелюбно загудел, развеивая гнетущую тишину кабинета.

Роджер присел на низенькую скамеечку около дивана, чувствуя себя усталым и опустошенным. Призвав на помощь последние остатки решимости, он потянулся к телефонной трубке, но его рука повисла в нескольких дюймах от телефона.

— Может быть... — Ему пришлось остановиться, чтобы прокашляться. — Может быть... вызвать врача? Или полицию?

— Нет, — решительно ответила Брианна, склоняясь над диваном. —

Она приходит в себя.

Опущенные веки дрогнули, при воспоминании о перенесенной боли на мгновение сжались и затем открылись. Чистые и прозрачные, как мед, глаза обежали комнату, скользнули по лицу Брианны, в напряжении застывшей около Роджера, и остановились на его лице.

Губы Клэр, бескровные, как и все лицо, шевелились, пытаясь что-то сказать, наконец ей удалось выговорить:

— Она... вернулась?

Ее пальцы царапали юбку, оставляя на ней темные следы крови. Руки Роджера инстинктивно сжались в кулаки, ладони покалывали. Значит, она тоже судорожно цеплялась тогда за камни и траву, пытаясь устоять перед влекущей силой прошлого. Он закрыл глаза, изгоняя из себя воспоминания об этом манящем проломе в скале, и кивнул:

— Да, она ушла.

Чистый взгляд сразу устремился к лицу дочери, брови вопросительно приподнялись. Но вопрос задала Брианна.

— Значит, это правда? — нерешительно спросила она. — Все это правда?

Роджер почувствовал легкую дрожь, пробежавшую по телу девушки, и, не раздумывая, взял ее за руку. Он невольно поморщился, когда она крепко сжала его руку, и вдруг в его памяти всплыли слова из проповеди пастора: «Благословенны те, кто веруют не размышляя». А как же быть тем, кто должен размышлять, чтобы верить? И как жить с верой, достигнутой видением того, что потрясло и ужаснуло его, как жить, зная, что теперь придется в это верить?

Видя, что девушка уже готова принять правду, которую она только что видела, Клэр постепенно оживала. Бледные губы изогнулись в некоем подобии улыбки, глубокая умиротворенность разлилась по бледному напряженному лицу, засияла в золотистых глазах.

— Да, правда. — Слабый румянец появился на бледных щеках. — Разве мать будет тебе лгать? — И она снова закрыла глаза.

Роджер потянулся, чтобы выключить электрокамин. Ночь была холодной, но он больше не мог оставаться в кабинете, этом своем временном прибежище. Он все еще испытывал слабость, но дольше медлить не мог. Принятое решение должно быть выполнено.

Только на рассвете полиция и судебный врач закончили свою работу. Они заполнили какие-то бланки, высказывали суждения, принимали решения — словом, делали все, чтобы как-то объяснить случившееся. «Благословенны те, кто не размышляет, — подумал Роджер, — но верит».

Особенно в данном случае.

Наконец они уехали со своими бумагами, значками, машинами с мигалками, чтобы проследить, как увозят останки Грегга Эдгарса, выписать ордер на арест его жены, которая заманила мужа, подстроила ему смертельную ловушку, а сама бежала со сцены. Мягко говоря, подумал Роджер, не уставая удивляться.

Измученный душой и телом, Роджер оставил мать и дочь на попечение Фионы и врача, а сам отправился спать; даже не потрудившись раздеться или хотя бы откинуть одеяло, он упал на кровать и погрузился в желанное забвение. Проснувшись перед самым заходом солнца от сосущего чувства голода, он спустился вниз и увидел, что его гости, по-прежнему молчаливые, но не столь взволнованные, помогали Фионе готовить ужин.

Трапеза проходила в безмолвии, но обстановка за столом не была напряженной. Казалось, что все они связаны между собой невидимой нитью. Брианна сидела рядом с матерью и, передавая еду, то и дело, словно ненароком, касалась ее, как будто хотела увериться в ее присутствии. Изредка она бросала на Роджера быстрый застенчивый взгляд из-под ресниц, но не заговаривала с ним.

Клэр говорила мало и почти ничего не ела, просто сидела, спокойная и тихая, как озеро под солнцем, и думала о чем-то своем. После обеда она извинилась и, сославшись на усталость, уселась на широкий подоконник в конце зала. Брианна бросила быстрый взгляд на мать — та сидела, повернувшись к окну, заходящее солнце четко обрисовывало ее силуэт — и пошла на кухню помогать Фионе. Роджер, чувствуя приятную тяжесть в желудке, отправился в кабинет, чтобы подумать.

Прошло два часа, но он немногого достиг в своих размышлениях. На столе и на секретере громоздились стопки книг, раскрытые книги лежали на стульях и диване; зияющие дыры на книжных полках и в книжных шкафах свидетельствовали о неудачной попытке найти то, что ему сейчас нужно.

Спустя некоторое время он все-таки нашел его — этот небольшой отрывок; он помнил еще с тех времен, когда проводил исторические изыскания по просьбе Клэр Рэндолл. Тогда результаты его поисков принесли ей успокоение; теперь будет совсем не так — если он решится ей рассказать. А как можно промолчать, если он, по-видимому, прав, — дело касалось той необычной могилы, далеко от Каллодена.

Роджер провел по щеке и почувствовал под рукой грубую щетину. Не мудрено, что со всем этим он забыл побриться. До сих пор, закрыв глаза, он ощущает запах дыма и крови; видит отблеск огня на темной скале и

развевающиеся белокурые волосы, которых он чуть-чуть не коснулся. Он задрожал при этом воспоминании, и его вдруг охватило негодование. Клэр разрушила его покой; почему он должен щадить ее? И Брианна, если уж она знает правду, не должна ли и она знать об этом?

Клэр все еще сидела в конце зала, поджав под себя ноги и глядя в черную пустоту заполненного ночью окна.

— Клэр? — От долгого молчания его голос осип, он прокашлялся и повторил: — Клэр? Я... должен вам кое-что сказать.

Она повернулась и посмотрела на него, в ее глазах не было ничего, кроме легкого любопытства. Во взгляде — спокойствие, спокойствие человека, пережившего горе, ужас и отчаяние, познавшего трудную науку выживания — и вынесшего все. Глядя на нее, он вдруг почувствовал, что не сможет сделать это.

Но ведь она сказала же ему правду. Должен сказать и он.

— Я тут кое-что нашел. — Роджер нерешительно поднял книгу. — Насчет Джейми. — Произнеся вслух это имя, он почувствовал себя увереннее, как будто вызванный заклятием могучий шотландец твердо встал между своей женой и Роджером.

— Что же?

— То последнее, что он хотел сделать... Мне кажется... мне кажется, ему это не удалось.

Клэр побледнела, широко раскрытые глаза уставились на книгу.

— Его люди?.. Но я думала, вы нашли...

— Я и нашел, — перебил ее Роджер. — Нет, я абсолютно уверен, что это ему удалось. Он вывел людей из Лаллиброха; он спас их из Каллодена и вывел на дорогу домой.

— Но тогда...

— Он хотел вернуться обратно, вернуться на поле битвы, и я думаю, это ему тоже удалось.

Роджеру очень хотелось замолчать, но он заставил себя продолжать. Однако нужные слова не шли с языка. Он раскрыл книгу и стал читать:

— «По окончании битвы при Каллодене восемнадцать офицеров-якобитов, все тяжело раненные, нашли убежище в старом доме и оставались там без всякой медицинской помощи, их раны не обрабатывались, они мучились от боли. Через два дня они были обнаружены и расстреляны. Один из них, Фрэзер, командующий полком Ловата, избежал казни. Остальные были похоронены на краю местного парка».

— «Один из них, Фрэзер, командующий полком Ловата, избежал...» —

тихо повторил Роджер.

Он поднял взгляд от бесстрастных строк и увидел ее глаза — широко раскрытые, невидящие глаза оленя, который замер, уставившись на свет фар приближающегося автомобиля.

— Он хотел умереть при Каллодене, — прошептала Роджер, — но он не умер.

---

notes

Примечания

1

Красномундирниками, а также раками (букв. омарами) шотландцы называли английских солдат за их красные одежды.

Береты — национальный головной убор шотландцев.

3

Стоун — 6, 35 кг.

Карл II (1630-1685), английский король с 1660 г., из династии Стюартов. Провозглашение его королем означало реставрацию монархии в Англии.

Брюс Роберт (1274-1329), шотландский король с 1306 г. В 1314 г. разбил английскую армию при Баннокберне. В 1328 г. добился от Англии признания независимости Шотландии.

Неф — вытянутое помещение, часть интерьера (обычно базилики), ограниченная с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов.

Мой милый друг (фр.).

Scot — по-английски «шотландец»; plot — «заговор».

До свидания (фр.).

10

Страх смерти приводит меня в смятение (лат.).

Буква «J» читается как «дж» (Джейми).

Катулл, Гай Валерий (ок. 87 — ок. 54 г. до н. э.) — римский поэт.

После вас (фр.).

После вас хоть потоп (фр.).